

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 26, № 6*

Вологда • 2022

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В.

Производственный сектор экономики Северо-Запада России:
проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций.....7

Мальшиев М.К.

Значение цветной металлургии для социально-экономического
развития России и ее регионов.....29

Изотов Д.А.

Взаимосвязь Дальнего Востока России с отечественным и зарубежным рынками
(на примере торговых взаимодействий).....44

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Усков В.С.

Стимулирование инновационной деятельности – задача государственной важности.....61

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Попова Л.А.

Уровень и структура рождаемости населения
Республики Коми: факторы, тенденции, перспективы77

Леонидова Г.В., Басова Е.А., Рассадина М.Н.

Кластерный анализ доходного неравенства
населения российских регионов.....94

Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р.

Работа вахтовым методом глазами временных
трудовых мигрантов из Башкортостана115

Захаров Н.Г.

Уровень жизни населения региона в кризисные периоды134

Воропаева А.В., Коростелева Л.Ю.

Социологическая интерпретация социального моделирования
региональных неравенств России (теоретические подходы).....149

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Устинова К.А.

Анализ предпринимательской деятельности с позиций стимулов и барьеров 165

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: сентябрь 2022 года 185

Мониторинг социального самочувствия населения
Вологодской области в октябре 2022 года 195

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары 204

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН 206

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2022 году 211

Правила для авторов 213

Информация о подписке 214

CONTENTS

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V.

The Manufacturing Sector of the Economy of Northwest Russia:
Problems of Adaptation and Prospects of Functioning under Sanctions7

Malyshev M.K.

The Importance of Non-Ferrous Metallurgy for the Socio-Economic
Development of Russia and Its Regions29

Izotov D.A.

Relationship of the Russian Far East with Domestic
and Foreign Markets (Case Study of Trade Interactions)44

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Uskov V.S.

Promoting Innovation Activity – a Task of National Importance61

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Popova L.A.

Birth Rate of the Komi Republic Population: Factors, Trends, Prospects77

Leonidova G.V., Basova E.A., Rassadina M.N.

Cluster Analysis of Income Inequality of the Russian Population94

Turakayev M.S., Baimurzina G.R.

A Fly-in Fly-out Work through the Eyes of Temporary Labor Migrants
from Bashkortostan115

Zakharov N.G.

Region's Standard of Living in Crisis Periods134

Voropaeva A.V., Korosteleva L.Yu.

Sociological Interpretation of Social Modeling of Regional Inequalities in Russia
(Theoretical Approaches).....149

STATE REGULATION OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Ustinova K.A.

Analyzing Business Activity from the Perspective of Incentives and Barriers	165
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy in September 2022	185
Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in October 2022	195

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

Conferences, Meetings, Seminars.....	204
New VolRC RAS issues.....	206
Index of articles and materials published in 2022	211
Guidelines for the authors	213
Subscription information	214

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1

УДК 338.4 | ББК 65.29

© Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: tvu@vscc.ac.ru

ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136); ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

ДМИТРИЙ БОРИСОВИЧ КУВАЛИН

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация

e-mail: dk1403@rambler.ru

ORCID: [0000-0002-5462-8763](https://orcid.org/0000-0002-5462-8763); ResearcherID: [AAR-4015-2021](https://orcid.org/AAR-4015-2021)

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУКИН

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: lukin_ev@list.ru

ORCID: [0000-0002-1159-281X](https://orcid.org/0000-0002-1159-281X); ResearcherID: [I-8183-2016](https://orcid.org/I-8183-2016)

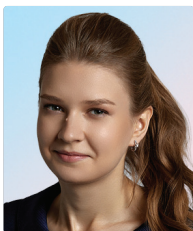

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ШИРОКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: shir11@bk.ru

ORCID: [0000-0002-7457-7844](https://orcid.org/0000-0002-7457-7844); ResearcherID: [B-7294-2019](https://orcid.org/B-7294-2019)

ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА ЗИНЧЕНКО

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
Москва, Российская Федерация

e-mail: yuvzinch@gmail.com

ORCID: [0000-0001-7204-6858](https://orcid.org/0000-0001-7204-6858); ResearcherID: [AAC-1252-2019](https://orcid.org/AAC-1252-2019)

Производственный сектор играет ключевую роль для экономики регионов Северо-Западного федерального округа. С усилением санкционного давления со стороны западных стран доступ у предприятий макрорегиона к технике и технологиям, которые необходимы для их нормального функционирования, а также к налаженным рынкам сбыта может серьезно ухудшиться. При наличии свободного доступа к статистической информации анкетные опросы руководителей предприятий служили дополнением и взглядом с другой стороны на состояние производственного сектора, но в связи с ограничением на публикацию детальных статистических данных они оказались основным методом получения многих важных сведений о состоянии экономики. В 2022 году охват аудитории опроса, проводимого Вологодским научным центром Российской академии наук, расширен с Вологодской области до территории СЗФО. В анкету были добавлены новые вопросы, посвященные состоянию производственного сектора в текущей геополитической ситуации, возникшим проблемам и перспективам его развития. Целью исследования стали анализ состояния производственного сектора Северо-Запада России в 2021 году, определение перспектив его развития с учетом меняющихся геополитических условий, сопоставление полученных результатов с итогами исследования промышленных предприятий по России в целом. Информационной основой работы послужили данные анкетных опросов Вологодского научного центра Российской академии наук и Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, проведенных в апреле – июне 2022 года, а также труды отечественных и зарубежных ученых. Выявлены признаки восстановления в производственном секторе СЗФО в 2021 году – большинство руководителей отмечают, что в этот период имел место рост прибыли, платежеспособного спроса, зарплат работников и т. д. В СЗФО негативные последствия усиления западных санкций в первой половине 2022 года оказались более существенными, чем в целом по стране: многие респонденты считали необходимостью пересмотр логистических маршрутов, поиск новых поставщиков и потребителей продукции, переориентацию на внутренний рынок. Научная значимость проведенного исследования заключается в выявлении трендов и тенденций развития производственного сектора в принципиально новых условиях, а также в определении ограничений его развития. Полученные результаты могут рассматриваться как важное информационное дополнение для аналитических и прогнозных исследований, а также для определения и корректировки мер поддержки промышленных предприятий в изменяющихся экономических и политических условиях.

Опрос, производственный сектор экономики, СЗФО, Россия, санкции, адаптация.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-010-00643 «Анализ и прогнозирование социально-экономического развития региона с использованием динамической межотраслевой модели».

Для цитирования: Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1

For citation: Uskova T.V., Kovalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V. The manufacturing sector of the economy of Northwest Russia: Problems of adaptation and prospects of functioning under sanctions. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1

Введение

В 2022 году едва восстановившаяся¹ после кризиса, связанного с пандемией COVID-19, экономика России столкнулась с новыми вызовами. Антироссийские санкции, усиленные после начала специальной военной операции на Украине, общее замедление темпов роста мировой экономики (прежде всего Китая, США и Еврозоны)² существенно усложнили условия функционирования отечественного народнохозяйственного комплекса. Ввод внешнеторгового эмбарго со стороны недружественных стран (запрет на поставку в Россию многих ключевых разновидностей техники, технологий, сервисных услуг, а также блокирование доступа широкой номенклатуры российских товаров на рынки евроатлантических стран³), уход из России целого ряда зарубежных компаний, персональные санкции в отношении руководящего состава компаний и пр. вынудили отечественных производителей срочно запустить процессы адаптации. Как следствие, началась трансформация логистических маршрутов, структуры выпускаемой продукции, ценовых пропорций и т. д.

Целью проведенного исследования стал анализ состояния производственного сектора экономики⁴ Северо-Запада России в новых внутренних и внешних условиях, выявление его проблем и перспектив функционирования, а также изучение процессов адаптации к санкциям. Информационной базой для анализа послужили данные официальной статистики и опроса руководителей предприятий.

Краткий литературный обзор

Проблематика влияния санкций на различные аспекты функционирования эко-

номики в последнее время широко исследуется в научной литературе. Большое внимание уделяется воздействию санкций на производственный сектор: металлургическую (Баженов, 2022; Ермоловская, Липин, 2022), фармацевтическую и медицинскую (Новикова и др., 2019), пищевую (Цветкова, Дубова, 2021), аэрокосмическую (Ефремова, 2019), автотранспортную (Мирзаханов, Журавлева, 2022), электронную (Ларин и др., 2022) отрасли промышленности и сельское хозяйство (Савватеев и др., 2022).

Также рассматриваются способы решения экономических проблем, вызванных усложнением условий функционирования предприятий производственного сектора. К числу таких способов исследователи относят поддержку технологического обновления (Хмелева, 2022), импортозамещение (Абдикеев, 2022), развитие межрегиональной кооперации (Гатаулин, Чувашаева, 2022), налоговое стимулирование (Морковкин, 2021) и т. д.

Учитывая высокую турбулентность ситуации, важнейшим источником информации о положении дел в производственном секторе экономики, механизмом обратной связи при принятии управленческих решений следует считать опросы предпринимателей. В ходе опросов руководители предприятий делятся своими мнениями об основных показателях функционирования производственного сектора (Морозова, 2021), ограничениях по внедрению результатов научной деятельности в производство (Судоргин, Макаренко, 2021), эффективности мер государственной поддержки (Морозов и др., 2021). Специалисты ЦКИ ИСИЭЗ НИУ ВШЭ отслеживают состояние делового климата, инвестиций и наличие ограничений для реального сектора (Китрар и др., 2022; Липкинд, Лола, 2022; Лола, 2022). Ежемесячные материалы

¹ По данным Росстата, после спада на 2,7% в 2020 году прирост ВВП России в 2021 году составил 4,7%.

² International Monetary Fund (2022). World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis. Washington, DC. October.

³ Уварчев Л. (2022). Торговые ограничения ЕС против РФ составляют 40% оборота 2021 года // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5607173>

⁴ Под производственным сектором экономики мы понимаем совокупность видов экономической деятельности, относящихся к сельскому, лесному хозяйству, охоте, рыболовству и рыбоводству, добыче полезных ископаемых, обрабатывающим производствам, обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха, водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, а также ликвидации загрязнений (виды деятельности А, В, С, D, E по ОКВЭД-2).

о состоянии российской промышленности С.В. Цухло позволяют отследить краткосрочные тенденции и выявить конкретные факторы влияния на экономическую ситуацию (Цухло, 2021a; Цухло, 2021b).

Опыт опросов руководителей предприятий накоплен Вологодским научным центром РАН (ВолНЦ РАН) и Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН (ИНП РАН). ВолНЦ РАН с 1993 года проводит ежегодные опросы промышленников Вологодской области, изучая проблемы функционирования и перспективы развития региональной промышленности (Широкова, 2020; Широкова, Лукин, 2021). С 2022 года охват мониторинга был расширен, в него включены предприятия производственного сектора всего Северо-Запада России. При этом в анкету добавлены вопросы, касающиеся адаптации предприятий к функционированию в условиях санкций, трансформации их производственно-сбытовых цепочек. В ИНП РАН с 1999 года проводятся общероссийские опросы предприятий, касающиеся как долгосрочных, так и конъюнктурных аспектов их деятельности. Последние опросы ИНП РАН позволяют оценить влияние пандемии на функционирование производственного сектора (Kuvalin et al., 2021a; Kuvalin et al., 2021b; Kuvalin et al., 2021c) и охарактеризовать состояние предприятий в условиях ужесточения санкционного давления (Кувалин и др., 2022b).

Методика исследования

Методической основой настоящего исследования стали анкетные опросы, проведенные в апреле – июне 2022 года специалистами ВолНЦ РАН и ИНП РАН. Опрос ВолНЦ РАН охватывал 100 предприятий производственного сектора Северо-Запада России (объем выборки составил 392 предприятия при доверительной вероятности 95% и ошибке выборки в 5%), представляющих такие виды деятельности, как добыча полезных ископаемых, сельское и лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство, обрабатывающие производства (черная

и цветная металлургия, деревообработка, химическое производство, машиностроение, пищевая и легкая промышленность, строительная промышленность и др.), электроэнергетика (малые и средние предприятия – 30%, крупные – 70%). Выборка опроса ИНП РАН включала 189 предприятий (электроэнергетика; черная и цветная металлургия; химия; машиностроение; промышленность стройматериалов; лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность; легкая, пищевая и медицинская промышленность; сельское хозяйство; строительство; транспорт; связь, ремонт автотранспортных средств; здравоохранение; гостиницы, общественное питание) из 47 регионов России (малые и средние предприятия – 30%, крупные – 70%). Подробное описание результатов опроса ИНП РАН приведено в (Кувалин и др., 2022a).

Анкеты обоих исследований содержали идентичные вопросы, характеризующие различные стороны деятельности предприятий, трансформацию их производственно-сбытовых цепочек, инвестиционную деятельность, трудовой потенциал и взаимоотношения с органами власти в новых геополитических условиях. В представленном анализе полученные ответы по Северо-Западу России были сопоставлены с результатами опроса ИНП РАН по стране в целом, а также с данными официальной статистики Росстата.

Результаты исследования

Общие тенденции развития производственного сектора

Производственный сектор является ядром экономики Северо-Запада России. В нем сконцентрирована почти четверть всех работников макрорегиона, формируется более 31% валового регионального продукта СЗФО. В структуре производственного сектора доминируют обрабатывающие производства (в них занято почти 67% работников), достаточно велик удельный вес предприятий, производящих и распределяющих электроэнергию, газ и воду (17,7%), а также сельского

и лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства (9,6%; табл. 1). В ряде регионов Северо-Запада (прежде всего в Ненецком автономном округе, республиках Коми и Карелии, Мурманской области) высока доля добычи полезных ископаемых.

Сектор выпускает широкую номенклатуру сельскохозяйственной и промышленной продукции: продовольственные товары, газ, нефть и нефтепродукты, электроэнергию, изделия из дерева и бумагу, химические вещества и химические продукты, чугун, сталь и ферросплавы, готовые металлические изделия, машины и оборудование и др.

Наиболее динамично развивающимися отраслями производственного сектора Северо-Запада являются сельское хозяйство (главным образом животноводство) и обрабатывающие производства – за 2008–2021 гг. физические объемы выпуска продукции в них увеличились соответственно на 42 и 38% (рис. 1). Предприятия лесного хозяйства и добычи полезных ископаемых практически не нарастили объемы производства в указанный период.

Согласно оперативной статистике Росстата, усиленные после февраля 2022 года экономические санкции против России оказали негативное влияние на производственный сектор экономики страны и особенно ее северо-западных регионов (рис. 2). К наиболее пострадавшим видам деятельности следует отнести обрабатывающие производства, лесное хозяйство и рыболовство.

Руководители предприятий СЗФО в подавляющем большинстве случаев (90%) отмечают значительное ухудшение экономической ситуации в современных условиях (рис. 3). Следствием этого стало существенное снижение самооценок работы предприятий в 2022 году (рис. 4). Доля высоких оценок упала с 65 до 33%, низких – увеличилась с 5 до 17%.

Среди главных негативных изменений, повлиявших на работу предприятий, отмечается рост цен на приобретаемую продукцию (81% опрошенных) и, как следствие, себестоимости выпускаемых товаров и услуг (75%), сокращение спроса на внешних рын-

Таблица 1. Структура производственного сектора экономики регионов СЗФО в 2021 году, % от среднесписочной численности работников по полному кругу организаций

Регион	A	B	C	D	E	Итого
Санкт-Петербург (33,4%)	0,9	1,2	85,0	8,5	4,4	100
Ленинградская область (15,3%)	17,2	2,6	62,5	12,6	5,1	100
Вологодская область (9,4%)	17,3	0,4	66,2	11,4	4,8	100
Архангельская область (8,9%)	11,8	2,9	67,4	12,8	5,1	100
Республика Коми (6,1%)	9,9	28,9	32,8	20,5	7,8	100
Калининградская область (6,0%)	11,8	3,6	66,6	12,5	5,5	100
Мурманская область (5,9%)	10,6	23,1	36,3	24,2	5,9	100
Новгородская область (5,2%)	10,8	1,7	68,4	13,4	5,7	100
Псковская область (4,9%)	16,0	1,1	64,5	13,6	4,7	100
Республика Карелия (4,0%)	15,3	14,5	46,8	18,6	4,7	100
Ненецкий автономный округ (0,9%)	10,0	68,2	4,8	13,8	3,2	100
Справочно:						
СЗФО	9,6	5,8	66,9	12,6	5,1	100

Условные обозначения: А – Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; В – Добыча полезных ископаемых; С – Обрабатывающие производства; D – Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; E – Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений.

Примечание. В скобках после наименования региона представлен его удельный вес в производственном секторе СЗФО.

Рассчитано по: данные Росстата.

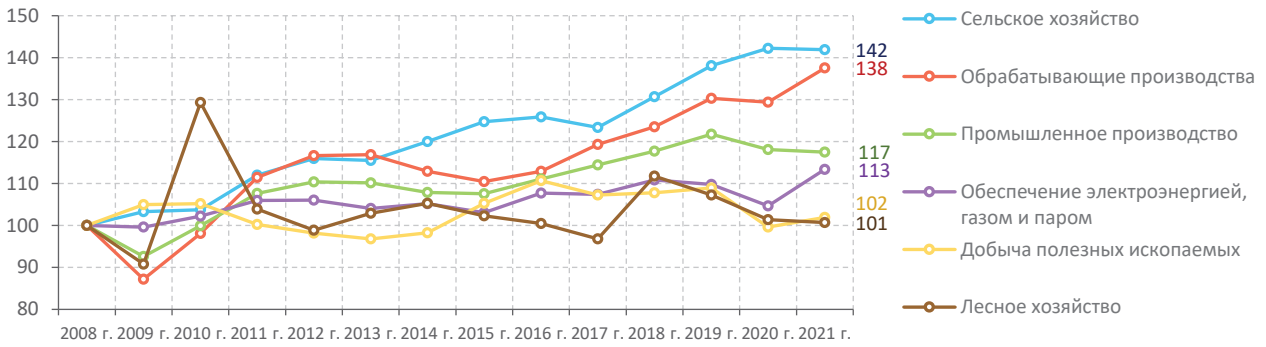

Рис. 1. Динамика развития производственного сектора экономики СЗФО в 2008–2021 гг., % к уровню 2008 года
 Рассчитано по: данные Росстата.

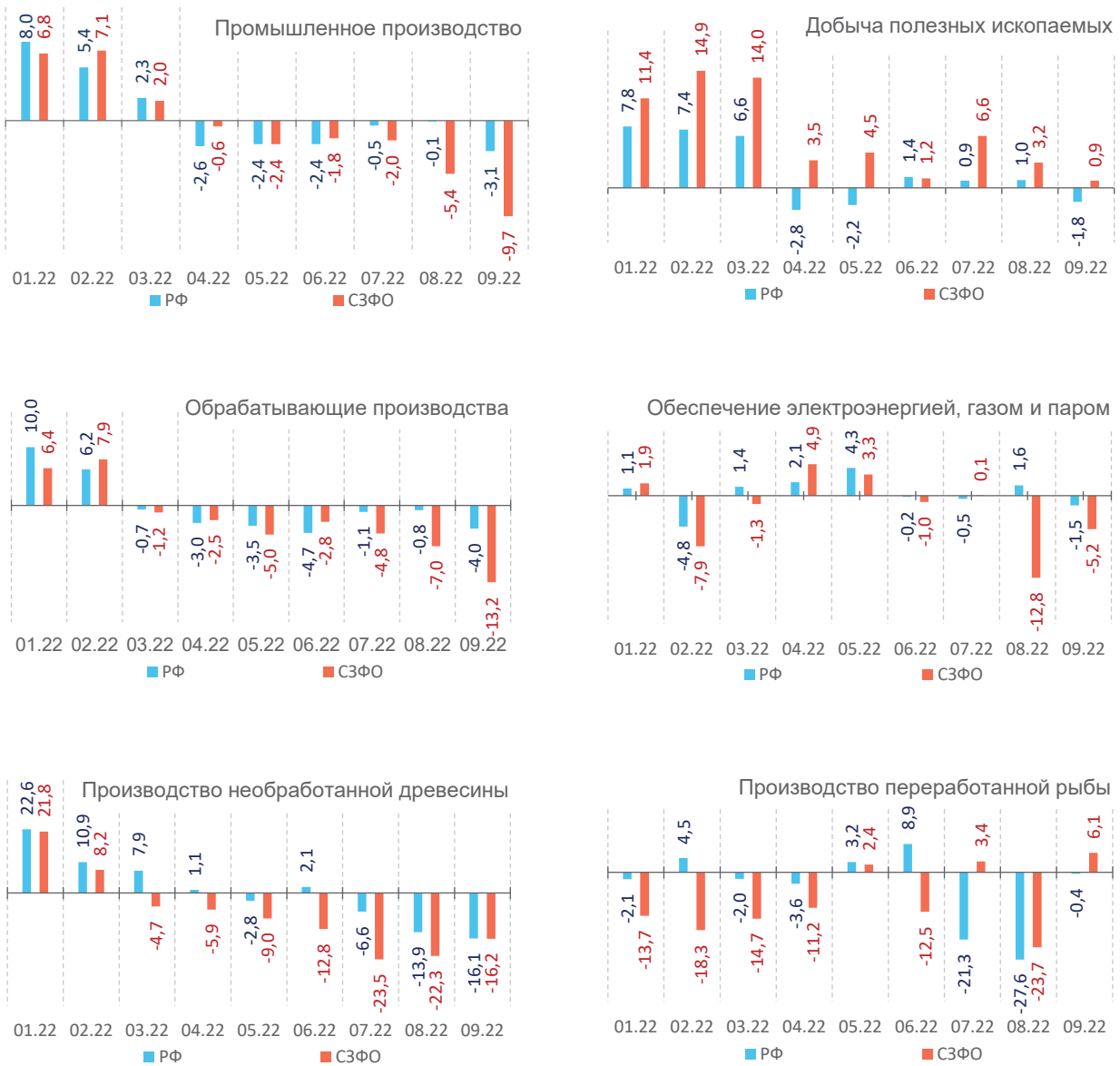

Рис. 2. Динамика развития производственного сектора экономики РФ и СЗФО в 2022 году, % к соответствующему месяцу 2021 года
 Источник: данные Росстата.

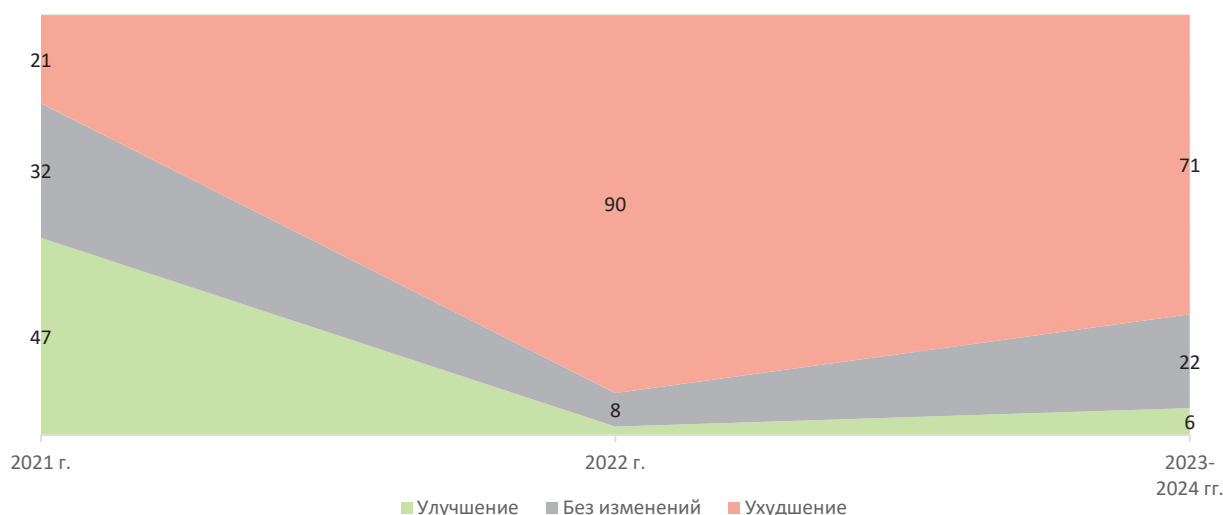

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете изменение экономической ситуации в современных условиях?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

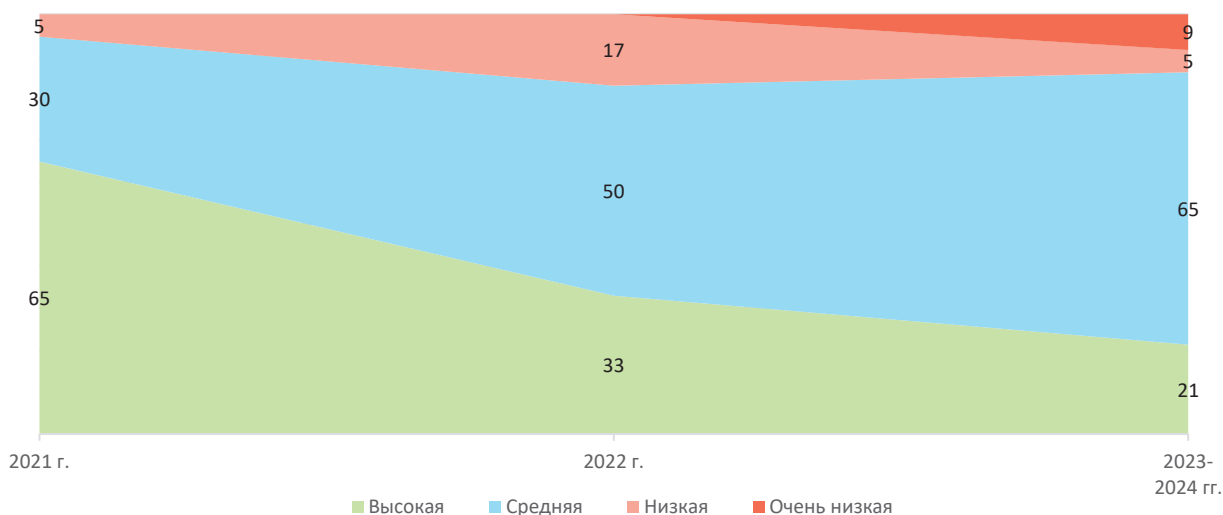

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете работу Вашего предприятия в современных условиях?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

ках (68%; *рис. 5*). Более трети респондентов (35%) указали на снижение объема капиталовложений. Из положительных изменений можно отметить увеличение заработной платы сотрудников на 62% предприятий.

Опросы подтвердили данные официальной статистики, показывающие, что производственный сектор экономики Северо-Запада сильнее, чем в целом по стране, страдает от усиления санкционного давления: 71% руководителей северо-западных предприятий отметили, что их организации пострадали от санкций (в среднем по РФ – 59%), в будущем могут пострадать еще 24% (в среднем по стране – 22%; *рис. 6*).

При этом на Северо-Западе удельный вес руководителей предприятий, ожидающих только отрицательных последствий от введения экономических санкций, более чем в полтора раза превышает среднероссийские показатели (62 против 38%; *рис. 7*). Ниже доля тех, кто видит и отрицательные, и положительные последствия.

К основным факторам, сдерживающим развитие производственного сектора экономики, представители предприятий СЗФО в 2022 году отнесли высокие цены на сырье, топливо, энергию и материалы (80% опрошенных), неопределенность экономической

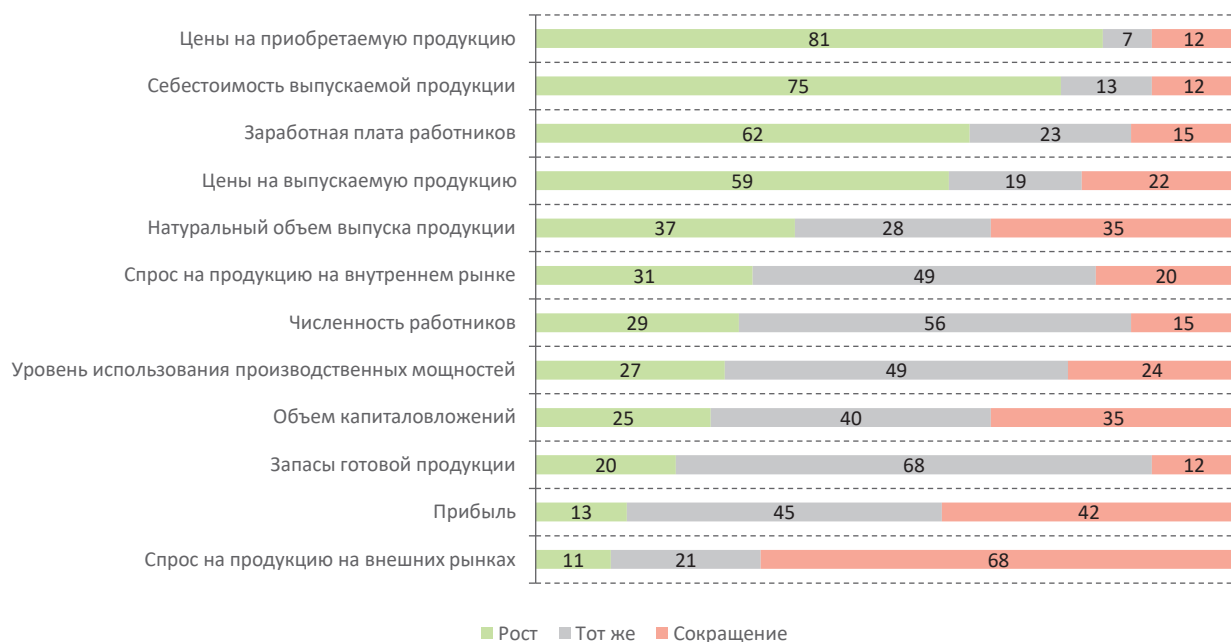

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как изменились показатели работы Вашего предприятия в 2022 году?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
 Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

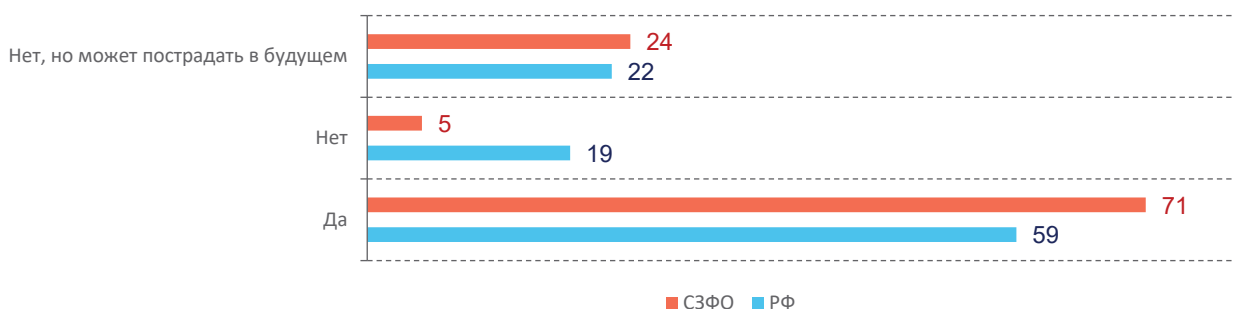

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Пострадало ли Ваше предприятие от санкций, связанных с ситуацией на Украине?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
 Источники: опросы руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН и России ИНП РАН.

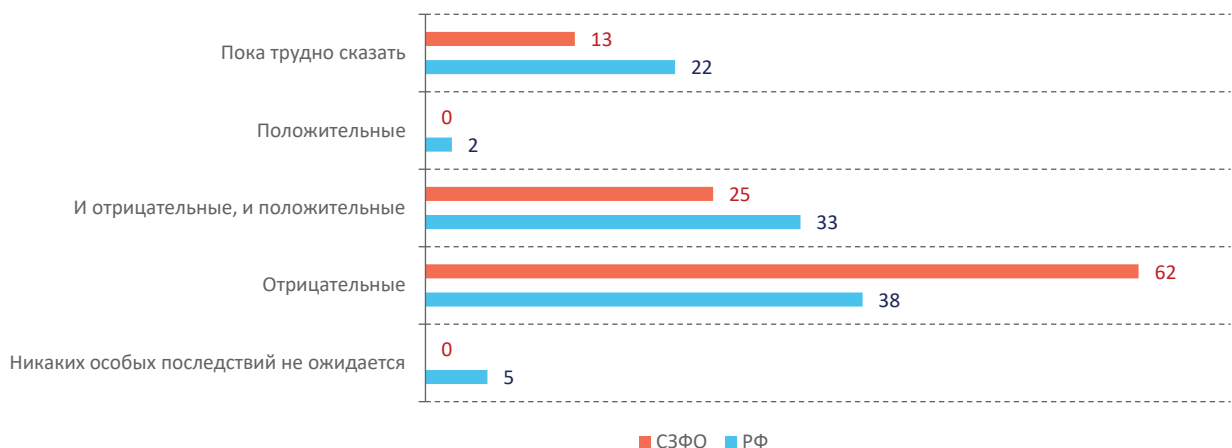

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Какие последствия для Вашего предприятия Вы ожидаете в результате введения экономических санкций против России?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
 Источники: опросы руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН и России ИНП РАН.

ситуации (45,7%), недостаточный спрос на внешнем (40%) и внутреннем (34,3%) рынках, недостаток и перебои с поставками сырья, топлива, энергии и материалов (37,1%; табл. 2).

Примечательно, что в 2022 году актуальность вопросов по перебоям с поставками сырья, топлива, энергии и материалов выросла практически в 2,5 раза по сравнению с 2021 го-

дом, фактор недостаточного платежеспособного спроса стал острее в 2,8 раза. Трудности с получением импортного сырья и комплектующих, повышение неопределенности в экономике, рост цен внутри страны и сокращение возможностей для экспорта продукции также указываются в числе основных проблем, связанных с введением санкций (рис. 8).

Таблица 2. Факторы, сдерживающие развитие производственного сектора экономики Северо-Запада России, % от числа ответивших

Фактор	2021 год	2022 год
Высокие цены на сырье, топливо, энергию и материалы	57,6	80,0
Неопределенность экономической ситуации	39,4	45,7
Недостаточный спрос на внешнем рынке	21,2	40,0
Недостаток и перебои с поставками сырья, топлива, энергии и материалов	15,2	37,1
Недостаточный спрос на внутреннем рынке	12,1	34,3
Высокий процент коммерческого кредита	21,2	28,6
Высокий уровень налогообложения	30,3	22,9
Недостаток финансовых средств	21,2	20,0
Недостаток квалифицированных рабочих	24,2	17,1
Изношенность и недостаток оборудования	21,2	17,1
Конкурирующий импорт	18,2	14,3
Несвоевременность оплаты за продаваемую продукцию	9,1	14,3
Отсутствие или несовершенство нормативно-правовой базы	6,1	8,6
Другое	12,1	8,6

Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы, связанные с экономическими санкциями против России, наиболее остры для Вашего предприятия?», % числа от ответивших
Источники: опросы руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН и России ИНП РАН.

При этом наиболее сильные расхождения в ответах по СЗФО и России в целом, отражающие специфику работы производственных предприятий Северо-Запада и во многом проясняющие причины усиленного воздействия санкций на северо-западные компании, касаются ухудшения условий ведения внешнеторговой деятельности – возникших трудностей с импортом сырья, комплектующих (94 против 67%) и экспортом выпускаемой продукции (50 против 17%).

Трансформация производственно-сбытовых цепочек

Экономико-географическое положение Северо-Запада сформировало одну из главных функций его регионов – обеспечение внешнеэкономических связей России с Европейским союзом и рядом других регионов мира. Это обусловило ориентацию значительной части бизнеса (химической промышленности, металлургии, лесопромышленного комплекса) на обслуживание внешнеэкономических связей, развитие транспортной инфраструктуры (объектов трубопроводного транспорта, портового хозяйства, терминалов и таможенной инфраструктуры). Согласно исследованиям коллег (Сидоров, 2022), на внешних рынках до 2022 года реализовывалось более 19% товаров и услуг, производимых на территории Северо-Запада России (табл. 3). Помимо этого, на

экспорт шли продукты дальнейшего передела, изготовленные в других российских регионах из северо-западного сырья и полуфабрикатов (в целом на национальный рынок направлялось более 27% произведенной в СЗФО продукции).

Предприятия Северо-Запада глубоко интегрированы в производственно-сбытовые цепочки, территориально выходящие за пределы макрорегиона (рис. 9). Согласно результатам опроса руководителей предприятий производственного сектора, 100% респондентов осуществляют торгово-экономические взаимодействия с предприятиями из других регионов России, 53% – из стран – членов ЕАЭС, 51% – из стран дальнего зарубежья.

При взаимодействии с предприятиями из других стран мира основные направления сотрудничества – покупка сырья, полуфабрикатов (55,9%) и технологий (44,1%). Внутри страны организации в равной мере закупают сырье и полуфабрикаты и продают конечную продукцию (77,1 и 71,4% соответственно). На территории СЗФО предприятия в большей мере сотрудничают с другими организациями по продаже конечной продукции (68,8%), хотя более половины из них закупают местное сырье и полуфабрикаты (53,1%; табл. 4).

Если расширению торгово-экономического сотрудничества с другими орга-

Таблица 3. Структура рынков реализации продукции регионов Северо-Запада России, % к итогу

Регион	Местный рынок	Макрорегиональный рынок	Национальный рынок	Зарубежные рынки
СЗФО	46,5	6,6	27,5	19,4
Псковская область	47,3	26,4	25,2	1,1
Республика Коми	60,3	9,8	24,2	5,6
Ненецкий автономный округ	53,8	0,9	38,2	7,0
Калининградская область	32,9	2,9	54,4	9,7
Архангельская область	38,8	11,5	32,5	17,1
Санкт-Петербург	52,4	1,8	27,7	18,2
Республика Карелия	58,0	8,9	9,2	23,9
Мурманская область	41,4	28,6	3,5	26,6
Ленинградская область	29,7	18,7	23,8	27,8
Новгородская область	34,1	11,8	21,9	32,3
Вологодская область	22,5	7,5	34,9	35,1

Источник: (Сидоров, 2022).

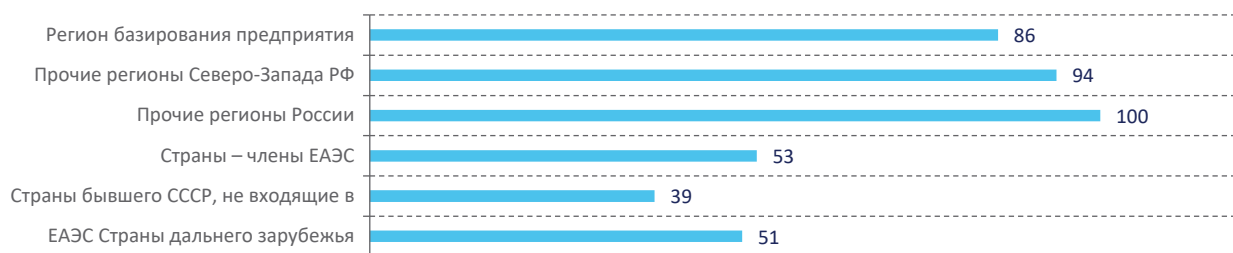

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Осуществляется ли в настоящее время торгово-экономическое взаимодействие Вашего предприятия с организациями нижеперечисленных территорий?», % от числа ответивших

Примечание. Регионы Северо-Запада РФ: Архангельская область, Ненецкий автономный округ, Вологодская область, Калининградская область, Республика Карелия, Республика Коми, Ленинградская область, Мурманская область, Новгородская область, Псковская область, Санкт-Петербург. Государства – члены ЕАЭС (помимо России): Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия. Страны бывшего СССР, не входящие в ЕАЭС: Украина, Молдавия, Узбекистан, Грузия, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Литва, Латвия, Эстония.

Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «По каким направлениям Ваше предприятие сотрудничает с зарубежными и российскими организациями?», % от числа ответивших

Направление	Мир	Россия	СЗФО
Покупка сырья и полуфабрикатов	55,9	77,1	53,1
Продажа конечной продукции	50,0	71,4	68,8
Покупка технологий	44,1	37,1	9,4
Привлечение специалистов	2,9	31,4	50,0
Продажа сырья и полуфабрикатов	26,5	28,6	25,0
Совместная инвестиционная деятельность	5,9	28,6	21,9
Продажа технологий	2,9	14,3	6,3
Другое	2,9	5,7	3,1
Сотрудничество не осуществляется	5,9	0	0

Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, сдерживает развитие торгово-экономических отношений Вашего предприятия с зарубежными и российскими организациями?», % от числа ответивших

Сдерживающий фактор	Мир	Россия	СЗФО
Высокая конкуренция на рынке	21,2	46,7	33,3
Малая емкость рынка	3,0	30,0	40,7
Недостаток информации о проводимых тендерах, конкурсах, перспективных научно-технических разработках	9,1	23,3	14,8
Слабое содействие органов государственной власти	9,1	20,0	22,2
Удаленность потенциальных контрагентов	18,2	10,0	11,1
Экономическая нецелесообразность	18,2	6,7	14,8
Санкционная политика и риторика	75,8	3,3	0
Другое	6,1	20,0	14,8
Препятствий нет	0	16,7	11,1

Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

низациями России и СЗФО препятствуют, главным образом, высокая конкуренция на рынке и его малая емкость, то развитие отношений с зарубежными предприятиями во

многим сдерживает санкционная политика и риторика (75,8%; табл. 5).

Об ожидаемой трансформации своих производственно-сбытовых цепочек из-за

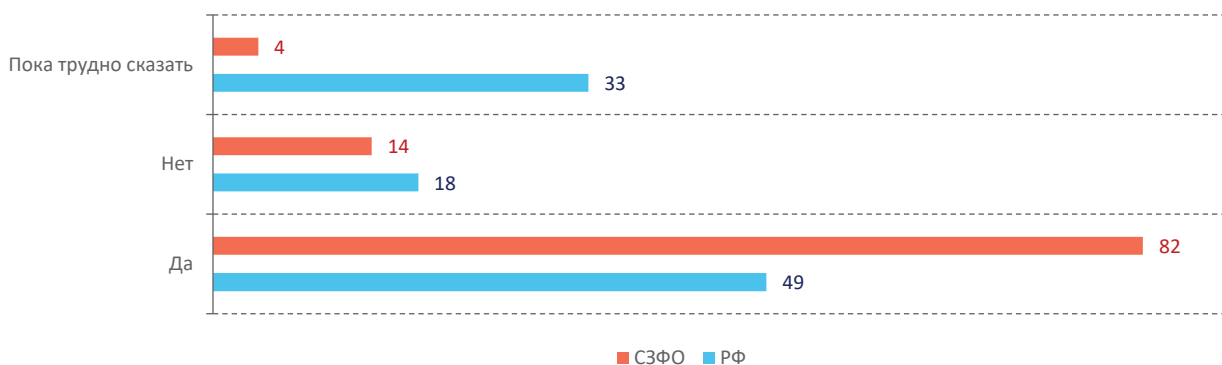

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос «Ожидаете ли Вы трансформации производственно-сбытовых цепочек Вашего предприятия из-за санкций, связанных с ситуацией на Украине?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
 Источники: опросы руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН и России ИНП РАН.

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Какие действия планирует Ваше предприятие, чтобы трансформировать свои производственно-сбытовые цепочки, нарушенные из-за санкций?», % от числа ответивших

Источники: опросы руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН и России ИНП РАН.

санкций заявили 82% руководителей предприятий производственного сектора экономики, находящихся в СЗФО (в среднем по стране – 49%; *рис. 10*).

В качестве ответов на стоящие вызовы большинство руководителей северо-западных предприятий ищет новых поставщиков и потребителей на рынках нейтральных стран (88%; примечательно, что в среднем по стране – лишь 51% респондентов), 62% опрошенных планируют переориентироваться на внутренних контрагентов, 51% руководителей отметили, что намерены использовать страны-посредники для восстановления

контактов с прежними поставщиками и потребителями (*рис. 11*).

Проблема перестройки логистических маршрутов стоит перед предприятиями СЗФО достаточно остро. Например, пересмотр производственной программы из-за трудностей со сбытом продукции в АО «Северсталь Менеджмент» привел к сокращению производства стали в I полугодии 2022 года на 7% по сравнению с аналогичным периодом 2021 года⁵. Перегрузка железнодорожного транспорта способствовала наращиванию доли автомобильных доставок готовой продукции.

⁵ ПАО «Северсталь» (2022). «Северсталь» публикует операционные результаты за 2 квартал и 6 месяцев 2022 года. URL: <https://severstal.com/rus/media/archive/severstal-publikuet-operatsionnye-rezultaty-za-2-kv-i-6-mes-2022-goda>

Перспективными направлениями переориентации поставок продукции считаются рынки Китая, Индии, стран Азии и Африки. Машиностроительные отрасли получили новые рыночные ниши с уходом иностранных компаний с внутреннего рынка и используют широкие возможности СЗФО – развитую транспортно-логистическую инфраструктуру, квалифицированные кадры, выгодное экономико-географическое положение, растущий спрос на продукцию, удобство сбыта и т. д. Одновременно с этим 61% респондентов убеждены, что текущая ситуация положительно скажется на развитии производственной кооперации внутри России и в ЕАЭС (рис. 12).

При этом намерения наладить выпуск импортозамещающей продукции в современных условиях имеют лишь 20% опрошенных руководителей предприятий и только 15% планируют наращивать глубину переработки продукции (рис. 13).

Финансовое состояние и инвестиционная деятельность предприятий

Одной из причин, сдерживающих реализацию новых инвестиционных проектов предприятий, следует признать ухудшение финансовых результатов их деятельности. Доля респондентов, считающих финансовое состояние своего предприятия хорошим, в 2022 году сократилась до 18% (с 52% в 2021 году; рис. 14). В то же время неудовлетворительно оценивают финансовое состояние предприятий лишь 9% опрошенных. Угрозу банкротства видят 2% руководителей. Данные статистики также не фиксируют всплесков коэффициентов ликвидации организаций (рис. 15). Сокращение персонала по причине кризиса зафиксировали только 3% опрошенных, разовые случаи задержки заработной платы – 2%.

Оценки руководителей позволяют оценить изменение уровня средств, выделяемых на развитие предприятий. Большая часть ответивших ожидают его снижения

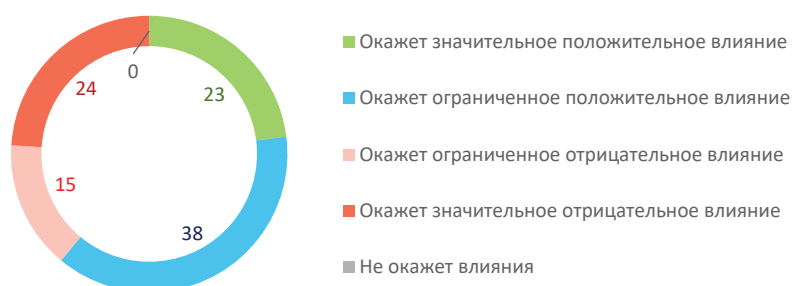

Рис. 12. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, скажется ли проведение специальной военной операции на Украине на развитии производственной кооперации внутри России и в Евразийском экономическом союзе?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

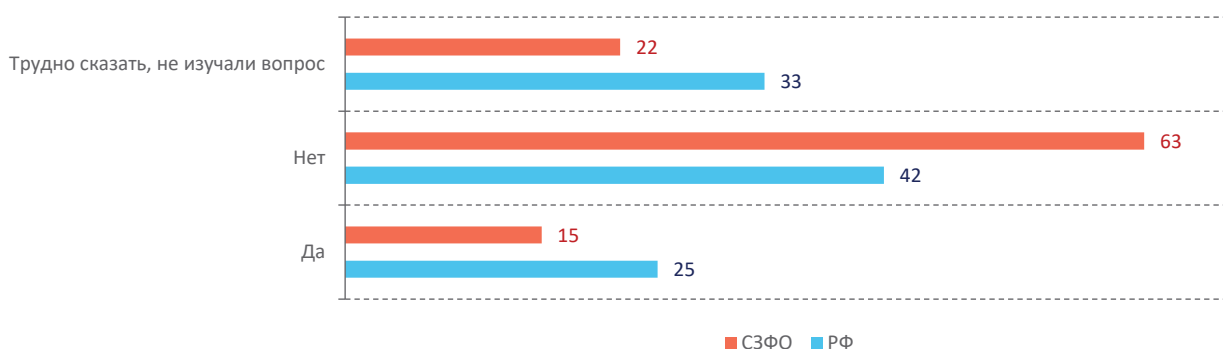

Рис. 13. Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вашего предприятия намерение нарастить глубину переработки продукции?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
Источники: опросы руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН и России ИНП РАН.

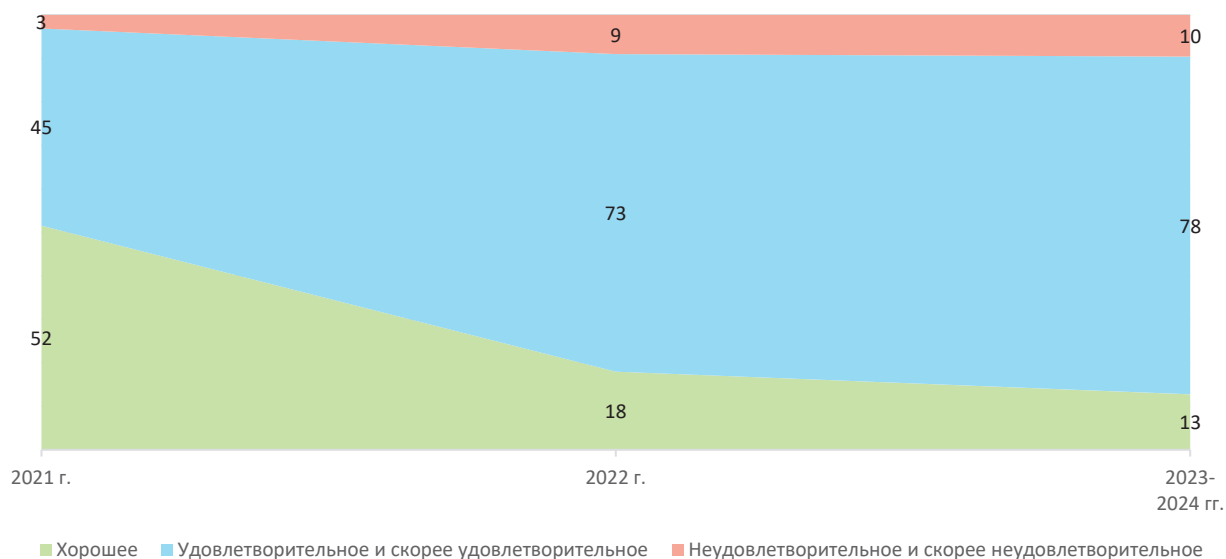

Рис. 14. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете финансовое состояние Вашего предприятия?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших
 Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

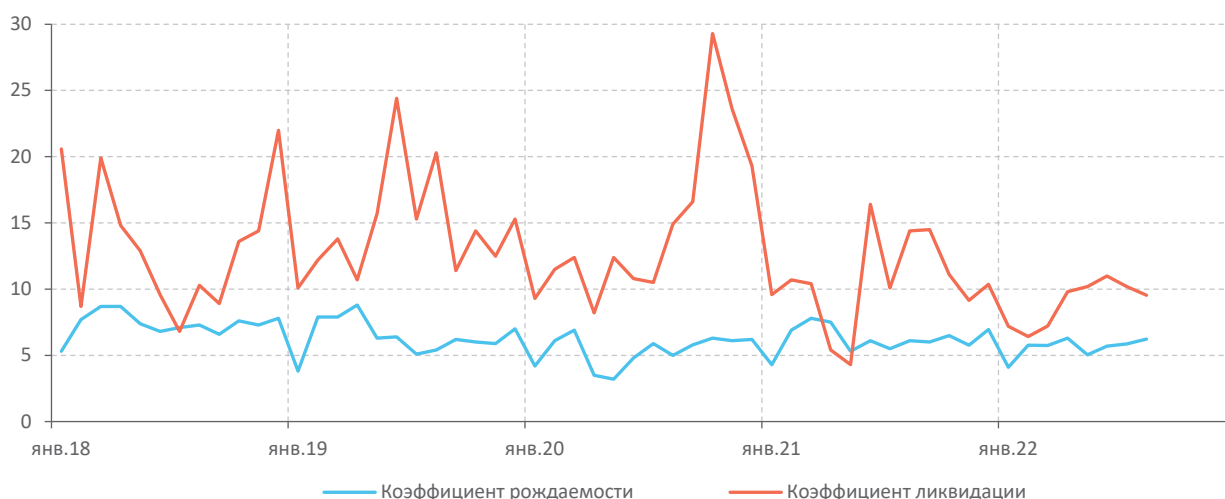

Рис. 15. Коэффициенты рождаемости и ликвидации организаций Северо-Запада России в период с января 2018 года по август 2022 года (на 1000 организаций)
 Источник: данные Росстата.

в 2022 году: удельный вес оценок об оптимальном уровне финансирования сократился с 46 до 20%, доля тех, кто считает, что выделяемых средств будет достаточно для частичной реализации инвестпроектов, выросла с 11 до 23%, только для поддержания текущих объемов производства – с 23 до 38% (рис. 16).

Более половины респондентов отмечают, что в первую очередь инвестиционную деятельность на предприятии сдерживают высокая стоимость оборудования, строи-

тельно-монтажных работ (63,3%) и недостаток финансовых средств (56,7%). В текущем году к ранее перечисленным ограничениям добавятся ограничение доступа к импортному оборудованию из-за санкций (64,7%) и непредвиденные изменения курса рубля и банковских процентных ставок (52,9%).

Частичная модернизация, по мнению руководителей производственного сектора, требуется около 64,7% производств, около трети респондентов (32,4%) отметили, что их предприятиям не требуется специаль-

Рис. 16. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень средств, выделяемых на развитие Вашего предприятия?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших

Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

ная модернизация. Возможно, вследствие этого на 28,6% предприятий в 2022 году не планируется обновление производственных фондов. На тех предприятиях, которые проводили модернизацию в последнее время, источниками финансирования в основном выступали собственные средства (82,9%), реже – кредитные ресурсы (25,7%). В 2022 году собственные средства планируют задействовать 85,7%, кредитные – 31,4%. Отметим при этом, что на невыгодные условия долгосрочного кредитования указывают 66% опрошенных руководителей (рис. 17).

Рис. 17. Распределение ответов на вопрос «Устраивают ли Вас текущие условия получения банковского кредита для цели долгосрочного инвестирования?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших

Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

Взаимоотношения с органами власти

Резкое ухудшение условий функционирования российских предприятий вынудило органы государственной власти принимать меры по повышению устойчивости экономики. 28 февраля 2022 года была создана соответствующая правительственная комиссия, занявшаяся выработкой конкретных мер поддержки предприятий и населения. Бизнесу предлагается реструктуризация кредитов и льготные кредиты для импортеров, введен мораторий на плановые проверки, сокращен срок выдачи разрешений на отсрочку уплаты таможенных пошлин, разрешен беспошлинный ввоз технологического оборудования и сырья, выделяются гранты на создание российских аналогов комплектующих и многое другое⁶.

Однако руководители производственных предприятий не в полной мере используют возможности государственной поддержки. 41% респондентов затруднились с оценкой экономической политики, проводимой Правительством РФ, 59% – правительством региона-базирования (рис. 18). Подавляющая часть опрошенных руководителей не пользовалась предлагаемыми мерами поддержки (федеральными – 68,6%, региональными – 85,7%). Более четверти (25,7%) респондентов указали, что им не удалось получить никаких мер поддержки, еще 22,9% они не по-

⁶ Меры Правительства по повышению устойчивости экономики и поддержке граждан в условиях санкций (2022) // Правительство России. URL: http://government.ru/sanctions_measures

Рис. 18. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы правильной экономической политикой, проводимую Правительством РФ и Вашего региона?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших

Источник: опрос руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН.

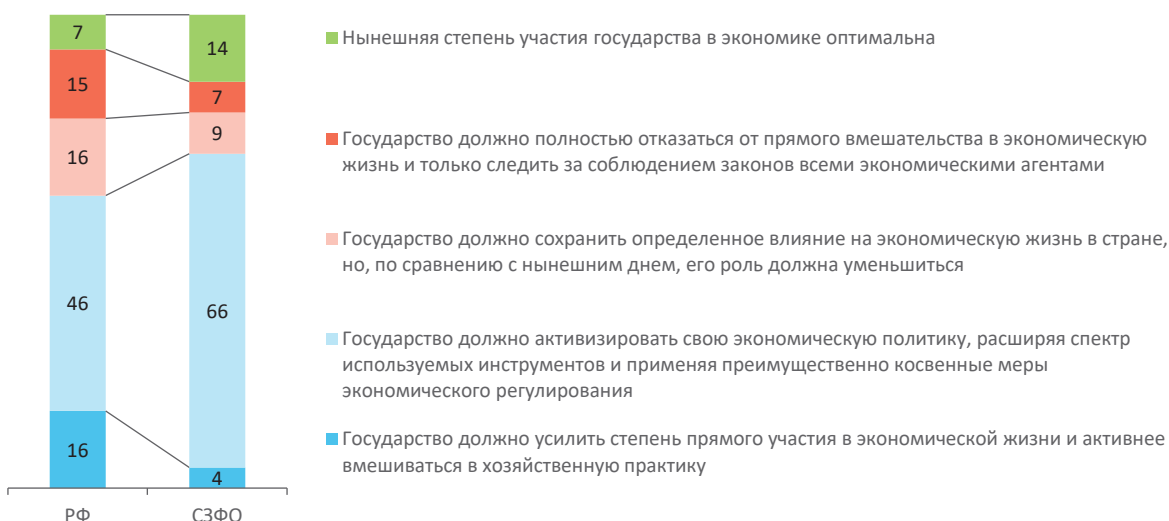

Рис. 19. Распределение ответов на вопрос «Какую роль должно играть государство в российской экономике в ближайшие несколько лет?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших

Источники: опросы руководителей предприятий Северо-Запада России ВолНЦ РАН и России ИНП РАН.

требовались. Основными недостатками мер поддержки, мешающими пользоваться ими более активно, стали несоответствие предлагаемых мер потребностям предприятия (45,7%), большие временные затраты на оформление документов (34,3%), сложность их оформления (31,4%) и завышенные требования к минимальному доходу предприятия (20%).

Средняя оценка руководителей предприятий относительно результативности их взаимодействия с исполнительной властью федерального уровня составила 5,5 из 10, регионального уровня – 5,7, муниципального уровня – 5,0. На отсутствие изменений

во взаимодействии с властями в 2022 году указали 80% опрошенных, 20% отметили их усиление.

По мнению респондентов, органам власти необходимо продолжать делать шаги в целях повышения результативности взаимодействия с руководителями предприятий. 70% представителей производственного сектора экономики Северо-Запада (больше, чем в среднем по стране) высказались в пользу активизации роли государства в экономической жизни (за уменьшение – лишь 16%; рис. 19). Северо-Запад оказался в ситуации необходимости коренной перестройки производственно-сбытовых цепочек, а

отсутствие помощи органов государственной власти производственному сектору затруднит осуществление данной трансформации. Введение новых санкций, усиление экономической неопределенности в мире и стране усугубит негативные последствия и напрямую повлияет на социально-экономическую ситуацию.

Наиболее важными мерами государственной поддержки производственного сектора экономики его представители считают упрощение системы налогообложения и снижение суммарной величины налогов на производителей (75%), создание условий для инвестирования в производственный сектор параллельно с резким расширением сферы льготного кредитования (72%), дальнейшее сокращение уровня бюрократической нагрузки (49%).

Заключение

Результаты исследования позволили оценить проблемы адаптации и перспективы функционирования производственного сектора экономики Северо-Запада страны в условиях экономических санкций, введенных против России. В ходе проведенного исследования сделаны следующие выводы.

1. Санкционное давление стран Запада имело более тяжелые последствия для предприятий СЗФО, чем в среднем по стране. Более 71% предприятий, руководители которых принимали участие в опросе, в СЗФО пострадали от введенных санкций уже в первой половине 2022 года (в России – 59%), еще около четверти (24%) руководителей сочли, что их предприятия могут пострадать в будущем (в РФ – 22%). Оценки частных показателей развития предприятий в 2022 году оказались существенно ниже, чем в предыдущем году.

2. Наиболее острые проблемы предприятий связаны с получением импортного сырья, комплектующих и необходимостью их замены. Более половины респондентов уже ищут рынки сбыта и поставщиков внутри страны. Руководители считают, что к привычным ограничениям для развития в виде высоких налогов и цен на топливо, энергию,

сырье и материалы, с 2022 года добавятся большая неопределенность экономической ситуации и обострение проблемы низкого платежеспособного спроса.

3. Большинство опрошенных в СЗФО считают, что в целях адаптации к новым экономическим условиям наиболее эффективными мерами станут поиск новых поставщиков комплектующих (62,5%) и новых рынков сбыта (56,3%) внутри страны.

4. Касаясь вопросов развития производственно-сбытовых цепочек, респонденты отмечают, что дальнейшим взаимоотношениям с другими странами мешают санкционная политика и риторика, в то время как на территории России и СЗФО основными проблемами являются высокая конкуренция и малая емкость рынка. Для развития внутристрановых производственно-сбытовых цепочек, по мнению производителей, важно создать специализированные структуры в системе органов власти, ответственные за развитие и координацию межрегиональных связей; организовать межрегиональные институты развития инвестиционной направленности (инвестиционные, страховые, венчурные фонды, совместные инжиниринговые центры, банки развития); разработать согласованные макрорегиональные стратегии развития; создать единый информационный портал в сфере межрегионального сотрудничества.

5. Снижение инвестиционной активности, прогнозируемое респондентами, будет продиктовано сохранением высоких цен на оборудование и строительно-монтажные работы, недостатком финансирования, ограничением доступа к импортному оборудованию и непредвиденными изменениями курса рубля и банковских процентных ставок. Необходимо учесть, что более 60% опрошенных в СЗФО не готовы использовать кредитные деньги для пополнения оборотных средств или в целях долгосрочного инвестирования.

6. В нынешних условиях руководителям предприятий в СЗФО оказалось достаточно трудно оценить экономическую политику, проводимую федеральными (41%) и регио-

нальными (59%) властями. Средняя оценка результативности взаимодействия предприятий с федеральными, региональными и муниципальными органами власти в решении экономических проблем находится на уровне выше среднего и превышает 5 баллов из 10 возможных. Большинство респондентов не пользуется федеральными и региональными мерами поддержки в основ-

ном из-за их несоответствия потребностям предприятия, значительных временных и трудовых затрат на оформление документации и завышенных требований к минимальному доходу предприятия. К наиболее нужным мерам государственной поддержки производственного сектора участники опроса отнесли упрощение системы налогообложения и создание условий для инвестирования.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдикеев Н.М. (2022). Импортозамещение в высокотехнологичных отраслях промышленности в условиях внешних санкций // *Управленческие науки*. Т. 12. № 3. С. 53–69.
- Баженов Д.В. (2022). Влияние санкций на дивиденды российских металлургических компаний // *Инновации и инвестиции*. № 7. С. 150–154.
- Гатауллин Р.Ф., Чувашаева Э.Р. (2022). Межрегиональная кооперация в развитии промышленности региона в условиях экономических санкций // *Вестник университета*. № 8. С. 60–67.
- Ермоловская О.Ю., Липин Д.М. (2022). Анализ проблем и перспектив производства стали в России в условиях новых экономических вызовов // *Самоуправление*. № 5 (133). С. 360–364.
- Ефремова Е.А. (2019). Санкции в аэрокосмической промышленности на сегодняшний день // *Вестник Института мировых цивилизаций*. Т. 10. № 3 (24). С. 10–15.
- Китрар Л.А., Куликова И.И., Лола И.С. (2022). Деловой климат в реальном секторе и сфере услуг России в IV квартале 2021 года. Москва: НИУ ВШЭ. 50 с.
- Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А., Ибрагимов Ш.Ш. (2022а). Российские предприятия весной 2022 года: адаптация к новой волне санкций и взгляды на ESG-повестку: препринт. URL: <https://esfor.ru/publication/rossijskie-predpriyatiya-vesnoj-2022-goda>
- Кувалин Д.Б., Ускова Т.В., Зинченко Ю.В. [и др.] (2022b). Общие закономерности и региональные особенности работы российских предприятий в условиях пандемии COVID-19 // *Экономическая наука современной России*. № 2 (97). С. 48–59. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-48-59
- Ларин С.Н., Соколов Н.А., Хрусталева О.Е. (2022). Развитие российской электронной промышленности: поиск конкурентных преимуществ в условиях санкций // *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 7 (89). С. 104–111.
- Липкинд Т.М., Лола И.С. (2022). Факторы, ограничивающие деятельность предприятий и организаций базовых отраслей экономики в 2021 году. Москва: НИУ ВШЭ. 16 с.
- Лола И.С. (2022). Инвестиционная активность промышленных предприятий России в 2021 году: стратегические приоритеты и тенденции импортозамещения. Москва: НИУ ВШЭ. 14 с.
- Мирзаханов Р.Н., Журавлева К.В. (2022). Развитие автотранспортной промышленности в условиях санкций // *Вестник науки*. Т. 2. № 6 (51). С. 106–115.
- Морковкин Д.Е. (2021). Современные инструменты налогового стимулирования развития промышленности в России в условиях санкционных ограничений // *Научные исследования и разработки. Экономика фирмы*. Т. 10. № 2. С. 63–69.
- Морозов Р., Акулова М., Панасевич В. (2021). Малый и средний бизнес в период пандемии: эффективность мер поддержки // *Банковский вестник*. № 7 (696). С. 62–72.
- Морозова Е.Ю. (2021). Динамика деловой активности белорусских промышленных предприятий // *Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь*. № 10 (292). С. 24–31.

- Новикова Е.В., Евсеев А.В., Попов Ю.С., Довлетли К.О. (2019). Развитие фармацевтической и медицинской промышленности в РФ после санкций ЕС и США // Вестник Смоленской гос. медицинской академии. Т. 18. № 2. С. 209–215.
- Савватеев Е.В., Гаджимирзоев Г.И., Федосьина А.В., Бураев Ф.В. (2022). Российская пищевая промышленность и сельское хозяйство в условиях санкций – пути решения проблем и дальнейшего развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 6 (88). С. 65–74.
- Сидоров М.А. (2022). Рынки сбыта продукции регионов Северо-Запада России: количественное измерение // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 91–112. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.5
- Судоргин О.А., Макаренко Е.И. (2021). Наука и инновации в промышленности: сложности внедрения (мнение экспертов) // Методические вопросы преподавания инфокоммуникаций в высшей школе. Т. 10. № 4. С. 25–28.
- Хмелева Г.А. (2022). Меры стабилизации технологического развития российской промышленности в условиях санкций // Наука XXI века: актуальные направления развития. № 1–2. С. 68–71.
- Цветкова П.И., Дубова Ю.И. (2021). Импортозамещение в пищевой промышленности России в условиях санкций // Вестник Челябинского гос. ун-та. № 3 (449). С. 258–264.
- Цухло С.В. (2021a). Российская промышленность в апреле 2021 года: признаки завершения кризиса // Экономическое развитие России. Т. 28. № 5. С. 21–23.
- Цухло С.В. (2021b). Российская промышленность в августе 2021 года: дефицит работников // Экономическое развитие России. № 9. С. 33–35.
- Широкова Е.Ю. (2020). Функционирование индустриального сектора Вологодской области в оценках руководителей промышленных предприятий // Социальное пространство. Т. 6. № 4. С. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2020.4.26.5
- Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2021). Развитие промышленности Вологодской области в условиях пандемии (по результатам опроса руководителей предприятий в 2021 году) // Вопросы территориального развития. Т. 9. № 5. DOI: 10.15838/t di.2021.5.60.1
- Kuvalin D.B., Zinchenko Y.V., Lavrinenko P.A. (2021a). Russian enterprises in the spring 2020: COVID-19 pandemic reactions and opinions on the role of the state in the economy. *Studies on Russian Economic Development*, 32 (1), 111–122.
- Kuvalin D.B., Zinchenko Y.V., Lavrinenko P.A. (2021b). Russian companies in autumn 2020: Activities in the COVID-19 pandemic and views on the transition to the best available technologies (BAT). *Studies on Russian Economic Development*, 32 (3), 325–335.
- Kuvalin D.B., Zinchenko Y.V., Lavrinenko P.A. (2021c). Russian enterprises in spring 2021: What has changed during the COVID-19 pandemic year. *Studies on Russian Economic Development*, 32 (6), 695–704.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Дмитрий Борисович Кувалин – доктор экономических наук, заместитель директора, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: dk1403@rambler.ru)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Елена Юрьевна Широкова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shir11@bk.ru)

Юлия Владимировна Зинченко – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: yuvzinch@gmail.com)

Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V.

THE MANUFACTURING SECTOR OF THE ECONOMY OF NORTHWEST RUSSIA: PROBLEMS OF ADAPTATION AND PROSPECTS OF FUNCTIONING UNDER SANCTIONS

The manufacturing sector plays a key role for the economy of the Northwestern Federal District. As sanctions from Western countries intensify, access for businesses in the macro-region to the machinery and technology they need to function properly, as well as to established sales markets, could seriously deteriorate. With free access to statistical information, the questionnaire surveys of enterprise managers served as a supplement and a different view of the state of the production sector, but due to the limitation on the publication of detailed statistical data they proved to be the main method of obtaining many important information about the state of the economy. In 2022, the coverage of the survey conducted by Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences is expanded from the Vologda Oblast to the NWFD. The questionnaire was updated with new questions on the state of the manufacturing sector in the current geopolitical situation, the problems encountered and the prospects for its development. The purpose of the study was to analyze the state of the manufacturing sector in Northwest Russia in 2021, to determine the prospects for its development in view of the changing geopolitical conditions, and to compare the results with the results of the survey of industrial enterprises in Russia in general. The information basis of the work was the data of questionnaire surveys of Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, carried out in April – June 2022, as well as the works of Russian and foreign scientists. Signs of recovery in the NWFD's manufacturing sector in 2021 have been identified – most CEOs note that profits, solvent demand, employee wages, etc., have increased during this period. In the NWFD, the negative effects of increased Western sanctions in the first half of 2022 were more significant than in the whole country: many respondents saw the need to revise logistics routes, find new suppliers and consumers of products, and reorient towards the internal market. The scientific significance of this study lies in the identification of trends and tendencies in the development of the manufacturing sector under fundamentally new conditions, as well as in the identification of limitations to its development. The results obtained can be considered as an important informational supplement for analytical and forecasting studies, and also for the identification and adjustment of support measures for industrial enterprises under changing economic and political conditions.

Survey, manufacturing sector of the economy, NWFD, Russia, sanctions, adaptation.

REFERENCES

- Abdikeev N.M. (2022). Import substitution in high-tech industries under external sanctions. *Upravlencheskie nauki=Management Sciences*, 12(3), 53–69 (in Russian).
- Bazhenov D.V. (2022). Impact of sanctions on dividends of Russian steel companies. *Innovatsii i investitsii=Innovations and Investments*, 7, 150–154 (in Russian).
- Efremova E.A. (2019). Sanctions in the aerospace industry today. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii=Bulletin of the Institute of World Civilizations*, 10, 3(24), 10–15 (in Russian).
- Ermolovskaya O.Yu., Lipin D.M. (2022). Analysis of problems and prospects for steel production in Russia in the context of new economic challenges. *Samoupravlenie=Self-Management*, 5(133), 360–364 (in Russian).
- Gataullin R.F., Chuvashaeva E.R. (2022). Interregional cooperation in the development of region industry in the context of economic sanctions. *Vestnik Universiteta*, 8, 60–67 (in Russian).
- Khmeleva G.A. (2022). Measures to stabilise the technological development of Russian industry under conditions of sanctions. *Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya=Science of the 21st century: Current Directions for Development*, 1–2, 68–71 (in Russian).
- Kitrar L.A., Kulikova I.I., Lola I.S. (2022). *Delovoi klimat v real'nom sektore i sfere uslug Rossii v IV kvartale 2021 goda* [The Business Climate in Russia's Real Sector and Service Sector in the 4th Quarter of 2021]. Moscow: NRU HSE (in Russian).
- Kuvalin D.B., Uskova T.V., Zinchenko Yu.V. et al. (2022b). General patterns and regional features of the work of Russian enterprises in the context of the COVID19 pandemic. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii=Economics of Contemporary Russia*, 2(97), 48–59. DOI: 10.33293/1609-1442-2022-2(97)-48-59 (in Russian).
- Kuvalin D.B., Zinchenko Y.V., Lavrinenko P.A. (2021a). Russian enterprises in the spring 2020: COVID-19 pandemic reactions and opinions on the role of the state in the economy. *Studies on Russian Economic Development*, 32(1), 111–122.
- Kuvalin D.B., Zinchenko Y.V., Lavrinenko P.A. (2021b). Russian companies in autumn 2020: Activities in the COVID-19 pandemic and views on the transition to the best available technologies (BAT). *Studies on Russian Economic Development*, 32(3), 325–335.
- Kuvalin D.B., Zinchenko Y.V., Lavrinenko P.A. (2021c). Russian enterprises in spring 2021: What has changed during the COVID-19 pandemic year. *Studies on Russian Economic Development*, 32(6), 695–704.
- Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Lavrinenko P.A., Ibragimov Sh.Sh. (2022a). Russian enterprises in spring 2022: Adaptation to the new wave of sanctions and views on the ESG agenda: preprint. Available at: <https://ecfor.ru/publication/rossijskie-predpriyatiya-vesnoj-2022-goda> (in Russian).
- Larin S.N., Sokolov N.A., Khrustalev O.E. (2022). Development of the Russian electronics industry: The search for competitive advantages under sanctions. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika=Economy and Business: Theory and Practice*, 7(89), 104–111 (in Russian).
- Lipkind T.M., Lola I.S. (2022). *Faktory, ogranichivayushchie deyatel'nost' predpriyatii i organizatsii bazovykh otraslei ekonomiki v 2021 godu* [Factors Limiting the Activities of Enterprises and Organizations' in the Basic Sectors of the Economy in 2021]. Moscow: NRU HSE (in Russian).
- Lola I.S. (2022). *Investitsionnaya aktivnost' promyshlennykh predpriyatii Rossii v 2021 godu: strategicheskie priority i tendentsii importozameshcheniya* [Investment Activity of Russian Industrial Enterprises in 2021: Strategic Priorities and Import Substitution Trends]. Moscow: NRU HSE (in Russian).
- Mirzakhanov R.N., Zhuravleva K.V. (2022). Development of road transport industry in the face of sanctions. *Vestnik nauki=Bulletin of Science*, 2, 6(51), 106–115 (in Russian).
- Morkovkin D.E. (2021). Modern instruments of tax incentives for industrial development in Russia in the context of sanctions restrictions. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Ekonomika firmy=Scientific Research and Development. Economics of the Firm*, 10(2), 63–69 (in Russian).

- Morozov R., Akulova M., Panasevich V. (2021). Small and Medium Business in the Period of Pandemic: Efficiency of the Support Measures. *Bankovskii vestnik=Banking Bulletin*, 7(696), 62–72 (in Russian).
- Morozova E.Yu. (2021). Dynamics of business activity of Belarusian industrial enterprises. *Ekonomicheskii byulleten' Nauchno-issledovatel'skogo ekonomicheskogo instituta Ministerstva ekonomiki Respubliki Belarus'=Economic Bulletin of the Economic Research Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*, 10(292), 24–31 (in Russian).
- Novikova E.V., Evseev A.V., Popov Yu.S., Dovletli K.O. (2019). Development of the pharmaceutical and medical industry in the Russian Federation after EU and US sanctions. *Vestnik Smolenskoii gosudarstvennoi meditsinskoi akademii=Vestnik of Smolensk State Medical Academy*, 18(2), 209–215 (in Russian).
- Savvateev E.V., Gadzhimirzoev G.I., Fedos'ina A.V., Buraev F.V. (2022). Russian food industry and agriculture in the conditions of sanctions – ways to solving problems and further development. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve=Economy, Labor, Management in Agriculture*, 6(88), 65–74 (in Russian).
- Shirokova E.Yu. (2020). Performance of the Vologda oblast industry in the estimates provided by industrial enterprises managers. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 6(4), 1–14. DOI: 10.15838/sa.2020.4.26.5 (in Russian).
- Shirokova E.Yu., Lukin E.V. (2021). Industrial development of the Vologda Oblast in the pandemic (according to the survey results of heads of organizations in 2021). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 9(5). DOI: 10.15838/t di.2021.5.60.1 (in Russian).
- Sidorov M.A. (2022). Sales markets for the goods of the regions of North West of Russia: Quantitative assessment. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 91–112. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.5 (in Russian).
- Sudorgin O.A., Makarenko E.I. (2021). Science and innovation in industry: difficulties of implementation (expert opinion). *Metodicheskie voprosy prepodavaniya infokommunikatsii v vysshei shkole=Methodological Issues of Infocommunication Teaching in Higher School*, 10(4), 25–28 (in Russian).
- Tsukhlo S.V. (2021a). Russian industrial sector in April 2021: Indications of crisis resolution. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii=Russian Economic Development*, 28(5), 21–23 (in Russian).
- Tsukhlo S.V. (2021b). Russian industrial in August 2021: Shortage of workers. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii=Russian Economic Development*, 9, 33–35 (in Russian).
- Tsvetkova P.I., Dubova Yu.I. (2021). Import substitution in the food industry. *Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta=Bulletin of Chelyabinsk State University*, 3(449), 258–264 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, deputy director for science, head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

Dmitrii B. Kuvalin – Doctor of Sciences (Economics), deputy director, Institute of Economic Forecasting of the RAS (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: dk1403@rambler.ru)

Evgenii V. Lukin – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Elena Yu. Shirokova – Junior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: shir11@bk.ru)

Yuliya V. Zinchenko – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economic Forecasting of the RAS (47, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: yuvzinch@gmail.com)

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.2

УДК 338.3 | ББК 65.30

© Малышев М.К.

ЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ МАЛЫШЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mmk1995@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1311-1888

Устойчивое социально-экономическое развитие территорий и местных сообществ помимо усилий региональных и местных органов власти во многом зависит от уровня социальной ответственности и инвестиций крупного частного бизнеса, его налоговых отчислений в бюджетную систему как региона присутствия, так и страны в целом. В статье изучена значимость отрасли цветной металлургии для Российской Федерации и ее регионов. Представлены социально ориентированные мероприятия крупных корпораций цветной металлургии, участие корпораций в строительстве инфраструктурных объектов. Определено, что более высокая относительно других видов деятельности оплата труда в отрасли привела к тому, что средний размер номинальной начисленной заработной платы в Иркутской области и Красноярском крае выше, чем в среднем по России. Объектом исследования выступили крупнейшие холдинги цветной металлургии: ПАО «Норникель», базирующееся на территории Красноярского края, и ПАО «Русал» с ключевыми производственными активами в Иркутской области. Выбор объекта исследования обусловлен крупным масштабом производства и финансовых результатов данных компаний. По итогам 2021 года консолидированная выручка ПАО «Норникель» составила 1,3 трлн руб., ПАО «Русал» – 0,9 трлн руб., что выделяет данные холдинги среди других корпораций цветной металлургии, имеющих более скромные финансовые результаты. Информационной базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных авторов по вопросам отрасли, официальные годовые отчеты ПАО «Норникель» и ПАО «Русал», Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации до 2035 года, данные Росстата по Красноярскому

Для цитирования: Малышев М.К. (2022). Значение цветной металлургии для социально-экономического развития России и ее регионов // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 29–43. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.2

For citation: Malyshev M.K. (2022). The importance of non-ferrous metallurgy for the socio-economic development of Russia and its regions. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 29–43. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.2

краю и Иркутской области. Материалы статьи могут быть полезны всем лицам, проявляющим интерес к отраслевой и корпоративной экономике, а также студентам, аспирантам и преподавателям.

Устойчивое развитие, отраслевая экономика, цветная металлургия, социальная ответственность корпораций, социально-экономическое развитие территорий.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

В условиях санкционного давления коллективного Запада производственно-финансовая деятельность крупных российских корпораций металлургии, ориентированных на экспорт, находится под ударом. Однако именно от них во многом зависит благополучное социально-экономическое развитие территорий и местных сообществ в регионах базирования данных компаний. Крупные металлургические корпорации являются ключевым «поставщиком» налога на прибыль в региональные бюджеты, и слабый курс рубля в этом случае только на руку. Однако помимо налоговых отчислений крупные компании жертвуют крупные денежные суммы на благотворительность, развитие инфраструктуры, спонсорство социально-культурных мероприятий и спортивных клубов, а также могут совместно с региональными органами власти участвовать в программе переселения жителей в более благоприятные, с точки зрения экологии, районы.

В рамках исследования мы сосредоточимся на определении значимости корпораций цветной металлургии в социально-экономическом развитии регионов и страны в целом. Ключевые отличия цветной металлургии от черной заключаются в более дорогой стоимости производимой продукции, широком перечне самих металлов, а также небольших, в плане объема, производственных весовых значениях. Если продукция черной металлургии связана с крупными конструкционными и строительными материалами (арматура, прокат, стальные трубы), то из цветных металлов делают электронику,

бытовую технику, аккумуляторы, микросхемы и провода, проводники и полупроводники, сантехнику, ювелирные украшения и многое другое.

Информационной базой исследования выступили труды российских и зарубежных авторов, касающиеся особенностей и роли цветной металлургии как отрасли, данные Росстата, информация из официальных годовых отчетов крупнейших металлургических холдингов ПАО «Русал» и ПАО «Норникель», данные из Стратегии развития металлургической промышленности Российской Федерации до 2035 года.

В исследовании последовательно решены следующие задачи:

- 1) приведен краткий обзор отечественной и зарубежной литературы по вопросам развития и значения отрасли цветной металлургии;
- 2) дана характеристика цветной металлургии как отрасли промышленного производства и ее роли в экономике России;
- 3) представлена информация о сырьевом обеспечении металлургической промышленности;
- 4) исследован уровень жизни населения в регионах базирования корпораций цветной металлургии;
- 5) проанализированы социально ориентированные мероприятия крупнейших российских корпораций цветной металлургии ПАО «Русал» и ПАО «Норникель».

Обзор литературы

В научной экономической литературе существует достаточно большое количество исследований, касающихся отрасли цветной

металлургии, ее роли в мировом хозяйстве и экономике отдельной страны.

Например, З.Б. Кубалова утверждает, что перспективы российской цветной металлургии представляются довольно благоприятными. Это подтверждается планами развития сырьевой базы, наращивания мощностей и повышения уровня их загрузки, а также перспективами привлечения прямых иностранных инвестиций в сферу добычи руд цветных металлов (Кубалова, 2010). Коллектив исследователей Северо-Кавказского государственного технологического университета пришел к выводу о неразрывной связи демографических процессов и научно-технической революции с ростом потребности промышленности в цветных металлах (Дмитрак и др., 2019). А.А. Шепель, О.А. Титов и Н.Ю. Данилова выяснили, что перспективами инновационной деятельности в области цветной металлургии являются уменьшение ресурсоемкости современных производств (Шепель и др., 2017). Д.В. Ульрих и С.С. Тимофеева отметили, что Россия обладает большой сырьевой базой меди, обозначили экологические проблемы, перечислили удельные выбросы в окружающую среду по доступным наилучшим технологиям (Ульрих, Тимофеева, 2016). Л.М. Капустина и А.А. Древалев рассматривали влияние обязательств, принятых Россией при присоединении к Всемирной торговой организации, на развитие отечественной медной промышленности (Капустина, Древалев, 2014).

Коллективом исследователей с помощью многомерных методов анализа выделены большая система производственно-финансовых показателей и ее подсистемы, заключительные элементы которых определяют проблемы развития металлургического комплекса (Гизатуллин и др., 2008). Д.Ю. Масленников к основным направлениям промышленной политики в условиях мирового финансового кризиса отнес разработку собственной сырьевой базы ферросплавного производства, а также реализацию проектов разработки отечественных месторождений марганца и хрома (Масленников, 2010).

Е.В. Растянниковой выявлены ведущие страны, экспортирующие руды цветных металлов, и страны, их импортирующие, подчеркнута влияние новых сфер применения цветных металлов в международной торговле (Растянникова, 2020). А.С. Харланов отметил, что восстановление цен на ряд цветных металлов в 2020 и 2021 гг. связано с сокращением производственных мощностей мировых производителей. По мнению автора, важную роль в восстановлении рынка цветных металлов играют стимулирующие экономические программы правительств по всему миру (Харланов, 2021). А.Н. Айкашев выяснил, что передовые инновационные технологии серьезно изменили мировой рынок рафинированного олова, возобновив спрос на него и породив устойчивый рост биржевых котировок. Интерес к данному металлу ежегодно повышается на фоне расширения его применения в выпуске современной сложной электронной и электро-технической продукции (Айкашев, 2014). М.В. Соловьева и Т.Е. Спиридонова определили место и положение России в мировых запасах цветных металлов, состояние минерально-сырьевой базы цветной металлургии, негативные тенденции, влияющие на развитие отрасли (Соловьева, Спиридонова, 2015). В.Е. Жариковым отмечены перспективы развития цветной металлургии Дальнего Востока, которые неразрывно связаны с преобразованиями организации собственной металлургической базы и расширением системы государственного регулирования (Жариков, 2007).

Вологодским научным центром РАН были проведены исследования, касающиеся потенциала крупных компаний цветной металлургии, особенностей их экспортно-импортной деятельности, а также роли данных компаний в формировании доходов бюджетной системы и их участия в социально ориентированных мероприятиях (Ильин, Поварова, 2019; Ильин и др., 2021; Палкина, 2022; Печенская-Полищук, Малышев, 2022).

Зарубежные исследователи также не обошли стороной анализ экономических составляющих отрасли цветной металлургии.

В работе С. Watkins и М. McAleer внимание уделено эконометрическому анализу моделей ценообразования и доходности, применяемых к биржевым рынкам цветных металлов (Watkins, McAleer, 2004). В статье D.G. McMillan, A.E.H. Speight рассматривается волатильность ежедневных расчетных цен цветных металлов на Лондонской бирже металлов. Выводы авторов подтверждают значимость декомпозиции волатильности цен на металлы, а также имеют практическое значение для управления рисками, деятельности по хеджированию, осуществляемой участниками рынка (McMillan, Speight, 2001). В научном обзоре V. Ettler систематизировал выводы свыше ста исследований, посвященных загрязнению почвы вблизи заводов по выплавке цветных металлов. Преобладающее направление ветра является ключевым фактором, влияющим на распространение выбросов металлургических заводов и их последующее осаждение в земле (Ettler, 2016).

В статье М. Wang и С. Feng отмечено, что цветные металлы выступают основным сырьем в процессе урбанизации и индустриализации. Устойчивое развитие промышленности цветных металлов имеет серьезное значение для развития экономики Китайской Народной Республики. Потенциальная энергоемкость также является важным фактором, способствующим процессу в большинстве отраслей промышленности (Wang, Feng 2021). В. Lin и М. Xu провели анализ дифференциации выбросов оксида углерода от металлургической промышленности в разных частях Китая. Авторы пришли к выводу, что интенсивное развитие сталелитейной индустрии КНР в 2000–2015 гг. привело к многократному росту выбросов CO₂, объем которых к 2015 году достиг 3,2 млрд т (в 5 раз выше уровня 2000 года). Отмечено, что потенциал сокращения выбросов в Центральном и Западном Китае составляет 75,3 и 81,1% соответственно. В рамках групповой границы самый низкий потенциал сокращения в Восточном, Центральном и Западном Китае наблюдается в Цзянсу, Хубэй и Чунцине соответственно (Lin, Xu, 2018).

Интернациональным коллективом ученых из Тронхейма (Норвегия), Квебека (Канада), Канберры (Австралия), Спокана и Вашингтона (США), а также Санкт-Петербурга была подготовлена публикация, затрагивающая проблему выбросов от медно-никелевой промышленности на Кольском полуострове и в Норильске. Ученые отметили некоторые неточности в отчетах горнорудных предприятий из-за отсутствия полномасштабной информации о природе и химическом составе руд. По мнению коллектива авторов, в промышленных отчетах ввиду незнания занижались показатели по выбросам никеля и меди и существенно завышались по мышьяку, свинцу, сурьме и цинку (Boyd et al., 2009).

Методы исследования

При написании статьи использовались методы динамического и удельно-вещного анализа показателей региональной статистики и финансовых результатов крупных корпораций цветной металлургии, сравнения, сопоставления и ранжирования.

В исследовании представлен публикационный обзор отечественной и зарубежной литературы по актуальным вопросам развития цветной металлургии: ее роли в экономике страны и регионов, социальной ответственности корпораций, экспортно-импортной деятельности, экологии и др.

Результаты исследования

Цветная металлургия в Российской Федерации и ее влияние на экономику страны

Влияние цветной металлургии на российскую экономику усиливается с ростом мирового спроса на продукцию данной отрасли. Металлургическая промышленность России ввиду наличия большого количества квалифицированных кадров, относительно низкой стоимости оплаты труда и богатых минерально-сырьевых запасов является привлекательной с точки зрения представления (продавца) продукции. Цветную металлургию можно назвать одной из важнейших отраслей российской экономики, которая удовлетворяет потребности многих других видов промышленного производства

(строительство, автомобилестроение, станкостроение и т. д.).

Довольно высокие (относительно черной металлургии) цены¹ на продукцию и большой потенциал к увеличению экспорта обусловили значительный вклад цветной металлургии в объем промышленного производства, где ее доля достигает 9% от совокупного объема.

Ключевые доходы от экспортной выручки приносит реализация алюминия, на втором месте – медь, на третьем – никель. Экспорт в основном ориентирован на страны дальнего зарубежья.

Цветная металлургия характеризуется большими затратами энергии в производственном цикле, что вызвано сложностями процесса добычи и производства металлов. Как потребитель продукции, металлургия использует 32% электроэнергии, 25% природного газа, 10% нефти и нефтепродуктов от общепромышленного уровня, ее доля в грузовых железнодорожных перевозках – 20%.

По данным Росстата, в 2019 году в металлургической отрасли России было занято 648 тыс. чел., в т. ч. 284,6 тыс. – в черной металлургии, 175,4 тыс. – в цветной металлургии, в сфере добычи и обогащения руд – 188 тыс. человек. Таким образом, металлургия обеспечивает занятость около 0,91% экономически активного населения России, в том числе цветная металлургия – 0,25%².

Согласно Стратегии развития металлургической промышленности Российской Федерации среднемесячная заработная плата в отрасли металлургии в 2019 году составила 53,9 тыс. руб., на предприятиях черной металлургии – 51,3 тыс. руб., цветной металлургии – 62 тыс. руб.³ В связи с этим можно утверждать, что средняя зарплата рабочих на предприятиях цветной металлургии в

2019 году была на 29,5% выше средней зарплаты по стране.

Таким образом, цветная металлургия России создает большое количество высокооплачиваемых рабочих мест, генерирует значительный спрос на энергоносители. Ее продукция используется во многих отраслях промышленного производства (станкостроение, электроника, автомобилестроение и др.).

Сырьевое обеспечение металлургической промышленности

Отечественные месторождения большинства цветных металлов характеризуются бедностью руд, их труднодоступностью или недостатком объемов для обеспечения независимости отрасли от импорта. Проблема бедности руд особенно актуальна для производства алюминия (нефелиновые руды) и меди (руды колчеданного типа). Месторождения нефелиновых руд в России характеризуются низким содержанием глинозема и, как следствие, практически не разрабатываются. Содержание меди в концентратах, получаемых из российских руд колчеданного типа, составляет 13–18%, в то время как концентраты, получаемые из медно-порфириновых руд за рубежом, содержат 28–35% металла.

В результате того, что российские компании стремятся в первую очередь к добыче руд с наибольшим содержанием цветных металлов, в среднесрочной и долгосрочной перспективе проблема бедности руд обострится еще сильнее. В связи с этим в качестве государственной поддержки отрасли может применяться гибкость налогообложения, варьирующая ставку НДС от диапазона содержания металлов в добываемых рудах.

Труднодоступность руд снижает инвестиционную привлекательность их добычи, т. к.:

- повышаются капитальные затраты на начальной стадии реализации проекта (фаза

¹ Так, например, средняя цена горячекатаного рулона за 2021 год составила 865 долл. за 1 т. При этом цена самых распространенных цветных металлов намного выше. Среднегодовая цена алюминия за 2021 год составила 2,5 тыс. долл., никеля – 18,5 тыс. долл., меди – 9,5 тыс. долл. за 1 т. Источники: <https://metallplace.ru/price-index/stalnaya-produktsiya/gkr/?firstdate=01.01.2021&lastdate=31.12.2021>; <https://bhom.ru/commodities>

² Численность занятых в России 2019 по годам статистика. URL: <https://infotables.ru/statistika/79-ekonomicheskaya-statistika-rossii/1024-chislennost-zanyatykh-v-rossii>

³ Стратегия развития металлургической промышленности Российской Федерации. URL: https://minpromtorg.gov.ru/docs/#!strategiya_razvitiya_metallurgicheskoy_promyshlennosti_rossiyskoy_federacii_do_2024_goda_i_na_period_do_2035_goda547457

создания энергетической, транспортной и социальной инфраструктуры);

– растут логистические издержки транспортировки сырья, материалов, техники, необходимых для разработки месторождений, и готовой продукции (концентратов).

По состоянию на начало 2020 года наиболее острой являлась проблема производства алюминия и олова. Бокситы российских месторождений расположены на значительных глубинах и зачастую добываются подземным способом в сложных горно-геологических условиях. Российские оловянные месторождения расположены преимущественно на Дальнем Востоке, и их освоение требует создания и расширения существующей инфраструктуры.

Основная часть неосвоенных медных месторождений сосредоточена в Красноярском и Забайкальском краях, в районах с отсутствующей или слабо развитой инфраструктурой⁴.

Уровень жизни населения в регионах базирования корпораций цветной металлургии

Оценить уровень жизни в регионах базирования крупных корпораций цветной металлургии можно по ряду показателей. Одним из них служит динамика размера номинальной заработной платы.

В Иркутской области, где базируется ПАО «Русал», уровень номинальной начисленной заработной платы выше, чем в среднем по Сибирскому федеральному округу, на 10–14%, однако начиная с 2008 года вплоть до 2021 года ее уровень стал ниже на 1–4%, чем средний по стране. Средние зарплаты жителей Красноярского края за исследуемый период стабильно выше зарплат по СФО и стране в целом, тем не менее общая тенденция имеет убывающий тренд. Если в начале 2000-х гг. жители края зарабатывали на 42–43% больше, чем население СФО и России в целом, то к 2017–2021 гг. эта разница сократилась до 22 и 5% соответственно. Всего за 20 лет зарплата в Иркутской области выросла в 10,8 раза, в Красноярском крае – в 9,7 раза, в СФО – в

11,3 раза, в России – в 13 раз. Таким образом, наибольшие темпы роста номинальной начисленной заработной платы были характерны для Сибирского федерального округа и России, что связано с изначально более высокими зарплатами в регионах цветной металлургии (табл. 1).

Помимо сравнения номинальной начисленной заработной платы дать характеристику качества и уровня жизни поможет анализ бюджетных расходов на душу населения. Так, среднедушевые расходы за 2017–2021 гг. в Иркутской области составили около 87,9 тыс. руб., в Красноярском крае – 100,3 тыс. руб., что в 5,6 и 4,3 раза соответственно больше, чем в первом исследуемом пятилетнем периоде (2002–2006 гг.).

Практически за 20 лет Иркутская область улучшила свои позиции по показателю бюджетных расходов на душу населения, поднявшись с 6-го на 4-е место в Сибирском федеральном округе и с 28-го на 25-е по всем субъектам РФ. В свою очередь ранг Красноярского края по СФО практически не менялся, однако в целом по РФ снизился на 7 позиций (табл. 2).

Вклад корпораций цветной металлургии в формирование валового регионального продукта и занятости населения

В связи с отсутствием статистической информации о структуре ВРП по видам экономической деятельности, рассчитаем долю выручки исследуемых корпораций в ВРП каждого из регионов базирования. Среднегодовой уровень выручки ПАО «Норникель» в ВРП Красноярского края уменьшился на 4,2 п. п. – с 36,5 до 32,3%, при этом сам ВРП региона вырос в 2,57 раза. Доля ПАО «Русал» относительно ВРП Иркутской области сократилась на 15 п. п. – с 58,8 до 43,8%. Отметим, что объем валового регионального продукта Красноярского края в 1,5–1,9 раза превосходит ВРП Иркутской области, что связано с большей численностью населения и размером деловой активности «Норникеля» (табл. 3).

⁴ Проблемы сырьевой обеспеченности / Информационно-аналитическая служба Ассоциации НСРО «РУСЛОМ.КОМ». URL: <https://ruslom.com/med-kraeugolnyy-kamen-elektromobilnoy-revolyuitsii>

Таблица 1. Сравнительный анализ номинальной начисленной заработной платы в Иркутской области и Красноярском крае за 2002–2021 гг.

Период	Иркутская область (ПАО «Русал»)	Красноярский край (ПАО «Норникель»)	Сибирский федеральный округ	Россия	СФО	РФ	СФО	РФ
	1	2	3	4	1/3	1/4	2/3	2/4
	руб.				раз			
2002	5025	6171	4310	4360	1,17	1,15	1,43	1,42
2003	6138	7367	5325	5499	1,15	1,12	1,38	1,34
2004	7329	8674	6508	6740	1,13	1,09	1,33	1,29
2005	9125	10502	8110	8555	1,13	1,07	1,30	1,23
2006	11103	12472	9878	10634	1,12	1,04	1,26	1,17
В среднем за 2002–2006 гг.	7744	9037	6826	7157	1,14	1,09	1,34	1,29
2007	13770	15510	12345	13593	1,12	1,01	1,26	1,14
2008	17072	18935	15381	17290	1,11	0,99	1,23	1,10
2009	18193	20277	16606	18638	1,10	0,98	1,22	1,09
2010	20476	23254	18658	20952	1,10	0,98	1,25	1,11
2011	22648	25659	20890	23369	1,08	0,97	1,23	1,10
В среднем за 2007–2011 гг.	18432	20727	16776	18768	1,10	0,98	1,24	1,11
2012	25881	28672	23789	26629	1,09	0,97	1,21	1,08
2013	29050	31623	26398	29792	1,10	0,98	1,20	1,06
2014	31408	34178	28347	32495	1,11	0,97	1,21	1,05
2015	32704	36071	29616	34030	1,10	0,96	1,22	1,06
2016	35510	38474	31569	36709	1,12	0,97	1,22	1,05
В среднем за 2012–2016 гг.	30911	33804	27944	31931	1,11	0,97	1,21	1,06
2017	38086	41117	33718	39167	1,13	0,97	1,22	1,05
2018	42647	45635	37807	43724	1,13	0,98	1,21	1,04
2019	46387	49932	41310	47867	1,12	0,97	1,21	1,04
2020	49885	54426	44226	51344	1,13	0,97	1,23	1,06
2021	54433	60058	48570	56545	1,12	0,96	1,24	1,06
В среднем за 2017–2021 гг.	46288	50234	41126	47729	1,13	0,97	1,22	1,05
2017–2021 к 2012–2016	1,50	1,49	1,47	1,49	0,02	0,00	0,01	-0,01
2017–2021 к 2007–2011	2,51	2,42	2,45	2,54	0,03	-0,01	-0,02	-0,05
2017–2021 к 2002–2006	5,98	5,56	6,02	6,67	-0,01	-0,12	-0,12	-0,24

Рассчитано по: данные Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

Таблица 2. Динамика бюджетных расходов на душу населения в Иркутской области и Красноярском крае за 2002–2021 гг.

Период	Иркутская область (ПАО «Русал»), руб.	Ранг бюджетных расходов на душу населения ФО*	Ранг бюджетных расходов на душу населения РФ	Красноярский край (ПАО «Норникель»), руб.	Ранг бюджетных расходов на душу населения ФО*	Ранг бюджетных расходов на душу населения РФ
2002	10074	5	26	15188	2	12
2003	11910	5	30	18250	2	12
2004	14214	7	32	22171	2	13
2005	18904	7	27	27868	2	12
2006	22993	6	25	34303	2	12
В среднем за 2002–2006 гг.	15619	6	28	23556	2	12,2
2007	30588	4	22	42533	2	14
2008	33821	7	38	53674	1	13
2009	32935	8	47	59498	2	14
2010	36679	7	42	58232	2	14
2011	42780	8	43	68309	2	14
В среднем за 2007–2011 гг.	35361	6,8	38,4	56449	1,8	13,8
2012	48630	6	38	71307	2	16
2013	55491	5	28	73467	2	18
2014	57124	5	29	75162	3	19
2015	57569	6	30	81338	2	15
2016	63018	4	27	83315	1	15
В среднем за 2012–2016 гг.	56366	5,2	30	76918	2	16,6
2017	68633	4	22	87404	1	15
2018	74889	4	28	96716	1	16
2019	100174	4	21	100820	3	19
2020	107805	4	27	116080	3	25
2021	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
В среднем за 2016–2021 гг.	87875	4	24,5	100255	2	18,75
2017–2021 к 2012–2016	1,56	1,2	5,9	1,30	0	-2,2
2017–2021 к 2007–2011	2,49	2,8	13,9	1,78	-0,2	-5,0
2017–2021 к 2002–2006	5,63	2	3,5	4,26	0	-6,6

* Федеральный округ.
 Рассчитано по: Данные о распределении субъектов по бюджетным расходам на душу населения. URL: <http://cfo.ificmon.ru/index.php/kategoriy/raskhody/raspredelenie-sub-ektov-po-byudzhetyum-raskhodam-na-dushu-naseleniya>

Таблица 3. Доля выручки крупных российских корпораций цветной металлургии в валовом региональном продукте регионов базирования за 2009–2020 гг.

Период	Выручка ПАО «Нор- никель»	Красноярский край	Доля	Выручка ПАО «Русал»	Иркутская область	Доля	Сравнение ВРП*
	млн руб.		%	млн руб.		%	раз
2009	271353	749195	36,2	259377	458775	56,5	1,63
2010	388060	1055525	36,8	333504	546141	61,1	1,93
В среднем за 2009–2010 гг.	329706	902360	36,5	296440	502458	58,8	1,78
2011	415018	1170827	35,4	361291	634561	56,9	1,85
2012	353286	1183228	29,9	338429	737972	45,9	1,60
2013	365876	1256934	29,1	311405	805198	38,7	1,56
2014	456013	1410720	32,3	361204	916318	39,4	1,54
2015	506140	1667041	30,4	532252	1001718	53,1	1,66
В среднем за 2011–2015 гг.	419267	1337750	31,4	380916	819153	46,8	1,64
2016	548564	1821900	30,1	533532	1139207	46,8	1,60
2017	536753	1977016	27,1	581175	1268312	45,8	1,56
2018	728915	2374750	30,7	646883	1460512	44,3	1,63
2019	877769	2696159	32,6	627509	1540238	40,7	1,75
2020	1116969	2722640	41,0	619519	1505151	41,2	1,81
В среднем за 2016–2020 гг.	761794	2318493	32,3	601724	1382684	43,8	1,67
2016–2020 к 2011–2015	1,82 раза	1,73 раза	+0,9 п. п.	1,58 раза	1,69 раза	-3,0 п. п.	+0,03 раза
2016–2020 к 2009–2010	2,31 раза	2,57 раза	-4,2 п. п.	2,03 раза	2,75 раза	-15,0 п. п.	-0,11 раза

* Соотношение валовых региональных продуктов Красноярского края и Иркутской области.
Рассчитано по: данные Росстата и финансовой отчетности корпораций.

За 2009–2021 гг. численность работников в металлургической отрасли Красноярского края выросла на 19,8% – с 61,1 до 73,2 тыс. человек, что привело к увеличению доли занятых в отрасли на 2,3 п. п. – с 5,8 до 8,1%. За аналогичный период численность занятых в металлургии Иркутской области возросла почти вдвое – с 14,5 до

28,5 тыс. человек, в результате чего удельный вес работников повысился с 1,8 до 3,9%. Разница в количестве работников обусловлена более крупными масштабами бизнеса ПАО «Норникель» по сравнению с ПАО «Русал», а также нахождением на территории Красноярского края активов алюминиевой компании (табл. 4).

Таблица 4. Среднесписочная численность работников металлургических видов экономической деятельности* в Красноярском крае и Иркутской области за 2009–2021 гг.

Период**	Красноярский край, ПАО «Норникель»	Доля***	Иркутская область, ПАО «Русал»	Доля***
	чел.	%	чел.	%
2009	61126	5,8	14526	1,8
2010	62931	6,0	14491	1,8
2011	64690	6,2	14854	1,9
В среднем за 2009–2011 гг.	62916	6,0	14624	1,8
2012	62388	5,9	15661	2,0
2013	63086	6,1	16107	2,0
2014	62100	5,9	15707	2,0
2015	63506	6,2	15894	2,0
2016	63570	6,4	16033	2,1
В среднем за 2012–2016 гг.	62930	6,1	15880	2,0
2017	50899	5,3	17379	2,3
2018	45088	4,7	17002	2,3
2019	68252	7,3	27637	3,7
2020	68699	7,5	28040	3,9
2021	73220	8,1	28543	3,9
В среднем за 2017–2021 гг.	61231	6,6	23720	3,2
2017–2021 к 2012–2016	0,97 раза	+0,5 п. п.	1,49 раза	+1,2 п. п.
2017–2021 к 2009–2011	0,97 раза	+0,6 п. п.	1,62 раза	+1,4 п. п.

* К металлургическим видам экономической деятельности, согласно предоставляемой статистике ЕМИСС, относятся «добыча руд цветных металлов», «производство драгоценных металлов и прочих цветных металлов», «литье легких и прочих цветных металлов, не включенных в другие группировки».

** Выбор периода обусловлен наличием статистических данных только за эти годы.

*** Удельный вес работников металлургических видов экономической деятельности в общей численности работников по всему кругу организаций.

Рассчитано по: Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699>

Социально ориентированные мероприятия ПАО «Русал» и ПАО «Норникель»

Ключевыми целями и задачами социально ориентированной политики крупных корпораций цветной металлургии России, согласно отчетам об устойчивом развитии, являются поддержание на территории регионов базирования благоприятной социальной обстановки и комфортной среды проживания⁵.

С момента образования ПАО «Русал» социальным приоритетом компании в регионах присутствия стало повышение качества жизни населения, а также поддержка общественных инициатив и местных сообществ. Реализацию стратегии социальных инвестиций координирует корпоративный комитет по социальной политике, который определяет приоритеты и направления финансирования, формирует бюджет программ.

⁵ Отчет об устойчивом развитии за 2020 год / ПАО «Русал». URL: <https://rusal.ru/upload/iblock/c90/sqwvwul2csftmf0bdds4k2kbsmvnqxtn.pdf>

Таблица 5. Приоритетные направления деятельности и социально ориентированные мероприятия российских корпораций цветной металлургии за 2017–2021 гг.

Год	ПАО «Русал»	ПАО «Норникель»
2017	Экспертное жюри и жители городов поддержали 108 инициатив, на реализацию которых ПАО «Русал» в 2017 году направило 49 млн руб. Общая стоимость проектов с учетом вклада партнеров составляет 143 млн руб. Благодаря социальной программе в Братске и Ачинске планировалось обустроить городские парки, в Красноуральске – новую набережную, в Новокузнецке – создать историко-культурный центр и малую инженерную академию для школьников, в Волгограде – открыть веревочный парк и первый в городе велопарк	Общие затраты компании на основные проекты развития социальной инфраструктуры в 2017 году составили около 0,7 млрд руб. В декабре 2017 года в пос. Никель открылся Центр «Вторая школа» – многофункциональное пространство, миссия которого – поддерживать и развивать социокультурные проекты жителей Печенгского района Мурманской области. Центр предлагает широкий спектр возможностей для творчества, саморазвития и общения
2018	В 2018 году 74 социальные инициативы получили гранты от компании на сумму 3,5 млн руб. С учетом софинансирования общая стоимость проектов составила 6,7 млн руб. На победу во втором туре конкурса претендовали 279 участников, чьи проектные заявки были направлены на поддержку социально незащищенных граждан, шефское сопровождение социальных учреждений, а также проведение коммуникационных и обучающих мероприятий для волонтеров	На протяжении многих лет «Норильский никель» оказывает поддержку международному спортивному студенческому движению. С 2015 года компания является Генеральным партнером XXIX Всемирной зимней универсиады 2019 года в г. Красноярске. Совокупный вклад «Норникеля» в подготовку и проведение Зимней универсиады – 2019 составил более 2,1 млрд руб.
2019	Компания приняла заявки на конкурс развития городских пространств с общим фондом 500 млн руб. Конкурс приурочен к 20-летию компании и 10-летию социальной программы «Территория Русала». География конкурса охватывает 11 муниципалитетов России: Ачинск, Братск, Волгоград, Канда-лакша, Каменск-Уральский, Красноуральск, Саяногорск, Североуральск, Тайшет, Шелехов и пос. Таежный Красноярского края. В каждом городе поддержка инициатив победителей – до 50 млн руб.	Ежегодно компанией проводится среди некоммерческих организаций Конкурс социальных проектов с целью поддержки общественных инициатив по созданию условий для устойчивого развития регионов деятельности. Размер финансирования из бюджета компании по данному направлению в 2019 году составил 124,4 млн руб. Финансовую поддержку получили 116 проектов, в т. ч. проекты по развитию волонтерского движения, социальной поддержке наименее защищенных слоев населения
2020	В феврале 2020 года при поддержке компании, Фонда президентских грантов и Красноярской краевой филармонии было проведено масштабное благотворительное событие «Из Сибири с любовью», направленное на развитие культуры благотворительности и сбор частных пожертвований. В 2020 году «Русал» выделил на социальные инвестиции и благотворительные проекты более 62,5 млн долл. США	В 2020 году «Норникель» занял I место рейтинга Forbes по совокупным затратам на мероприятия по борьбе с COVID-19 среди российских промышленных компаний. Им выделено свыше 20 млрд руб. на борьбу с COVID-19 и поддержание социальной стабильности в регионах деятельности: более 372 тыс. тестов на COVID-19, 150 тыс. экспресс-тестов на антитела, 15 мобильных лабораторий, 12 стационарных лабораторий, 7 реанимобилей, около 400 телевизоров, 412 аппаратов ИВЛ, более 10 млн масок
2021	В 2021 году в рамках адресных проектов было профинансировано множество инфраструктурных проектов на общую сумму 356,6 млн руб. по соглашениям о социально-экономическом сотрудничестве, включая, помимо прочего, реконструкцию Парка металлургов в г. Братске, реконструкцию образовательных и культурных учреждений в Хакасии, г. Ачинске, Каменск-Уральском и в Новокузнецке, возведение детских площадок в г. Новокузнецке, Шелехов и Шарыповском районе Красноярского края и др.	В феврале 2021 года «Норильский никель» заключил четырехстороннее соглашение с Министерством Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики, Правительством Красноярского края и Муниципальным образованием город Норильск о взаимодействии и сотрудничестве в целях реализации комплексных мер социально-экономического развития города Норильск. Согласно данному соглашению объем финансирования из средств «Норильского никеля» с 2021 по 2035 год составит 81,3 млрд руб.

Составлено по: данные годовых отчетов об устойчивом развитии корпораций цветной металлургии России. URL: <https://rusal.ru/sustainability/social-investment>; <https://www.nornickel.ru/investors/reports-and-results/annual-reports>

В России социальные инвестиции ПАО «Русал» осуществляются в формате четырех программ:

- 1) «Территория Русала» – программа социально-экономического развития территорий присутствия;
- 2) «Помогать просто» – программа поддержки и развития корпоративного и общегородского волонтерства;
- 3) «Социальное предпринимательство» – программа поддержки и развития малого предпринимательства;
- 4) «Школа городских изменений» – программа формирования и обучения инициа-

тивных групп, желающих улучшить городское пространство⁶.

К социально ориентированным мероприятиям ПАО «Норникель» можно отнести помощь в борьбе с распространением коронавирусной инфекции, модернизацию существующей и создание новой современной спортивной инфраструктуры на территории Красноярского края, развитие системы профессионального и дополнительного образования, поддержку и стимулирование региональных общественных инициатив, а также строительство современного жилья и коммунальной инфраструктуры, благоустройство городов и поселков (табл. 5).

⁶ Социальное инвестирование ПАО «Русал». URL: <https://rusal.ru/sustainability/social-investment>

Среди важных экологических проектов компаний стоит отметить реализацию «Серной программы 2.0» и иных инициатив по повышению экологической эффективности производства; осуществление инициатив по озеленению и восстановлению городских ландшафтов; восстановление территорий, затронутых экологическими инцидентами; развитие особо охраняемых природных территорий Таймыра.

Заключение

Таким образом, роль цветной металлургии в социально-экономическом развитии страны и регионов базирования заключается в следующем.

1. Создание высококвалифицированных рабочих мест с высоким уровнем заработной платы. Несмотря на то, что в отрасли занято около 175 тыс. рабочих (0,25% экономически активного населения), заработная плата в отрасли цветной металлургии, по оценкам Росстата, на 2019 год составила 62 тыс. руб., что на 29,5% выше, чем средняя зарплата по стране того же периода.

2. Генерирование значительного спроса на энергоносители и использование продукции отрасли во многих других отраслях промышленного производства (производство оборудования, электроника, автомобилестроение). Как потребитель продукции, цветная металлургия использует 32% электроэнергии, 25% природного газа, 10% нефти и нефтепродуктов от общепромышленного уровня, ее доля в грузовых железнодорожных перевозках – 20%.

3. Регионы, в которых базируются ключевые активы компаний цветной металлургии, отличаются достаточно высоким уровнем

номинальной начисленной заработной платы и существенными бюджетными расходами на одного жителя относительно остальных регионов России. Так, средняя зарплата в Иркутской области и Красноярском крае на 10–34% выше, чем средняя по Сибирскому федеральному округу. Кроме того, Иркутская область и Красноярский край отличаются высокими, относительно других регионов СФО, бюджетными расходами на душу населения – в среднем 4 и 2 место за 2017–2021 гг., а также 25 и 19 место среди всех субъектов РФ. За 2002–2021 гг. среднегодовой размер бюджетных расходов на душу населения вырос в 5,6 раза в Иркутской области и в 4,3 раза в Красноярском крае.

4. За период с 2009 по 2020 год доля цветной металлургии в экономике Красноярского края повысилась на 4,8 п. п. – с 36,2 до 41%, в Иркутской области – сократилась на 15,3% – с 56,5 до 41,2%. Ввиду большего масштаба бизнеса «Норильского никеля» ВРП Красноярского края в среднем в 1,6–1,8 раза больше ВРП Иркутской области. В цветной металлургии исследуемых регионов занято около 6,0–6,6% экономически активного населения Красноярского края и 1,8–3,2% – Иркутской области.

5. Российские корпорации цветной металлургии ПАО «Русал» и ПАО «Норникель» ведут активную социальную политику: содействуют развитию инфраструктуры и местных сообществ, поддерживают региональную систему здравоохранения в период пандемии, активно участвуют в программе переселения жителей в более благоприятные районы. Компании являются спонсорами, партнерами, участниками и инициаторами многих проектов и программ социального развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Айкашев А.Н. (2014). Мировой рынок олова переживает Ренессанс // Российский внешнеэкономический вестник. № 1. С. 82–93.
- Гизатуллин Х.Н., Самогаев А.А., Дорошенко Ю.А. (2008). Математико-статистический анализ производственно-экономических показателей металлургического комплекса Урала // Экономика региона. № 4. С. 173–187.
- Дмитрак Ю.В., Цидаев Б.С., Дзапаров В.Х., Харебов Г.З. (2019). Минерально-сырьевая база цветной металлургии России // Вектор ГеоНаук. № 1. С. 9–18.

- Жариков В.Е. (2007). Цветная металлургия стран азиатско-тихоокеанского региона // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. № 2. С. 19–31.
- Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2021). Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия: монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 180 с.
- Ильин В.А., Поварова А.И. (2019). Крупнейшие металлургические корпорации и их роль в формировании бюджетных доходов: монография. Вологда: ВолНЦ РАН. 204 с.
- Капустина Л.М., Древалев А.А. (2014). Развитие медной промышленности России в условиях членства во Всемирной торговой организации // Экономика региона. № 2. С. 104–115.
- Кубалова З.Б. (2010). Место отрасли цветной металлургии в экономике России // ГИАБ. № 9. С. 63–65.
- Масленников Д.Ю. (2010). Тенденции развития цветной металлургии в условиях экономической нестабильности // Проблемы современной экономики (Новосибирск). № 2–3. С. 280–284.
- Палкина Д.С. (2022). Ключевые показатели оценки потенциала крупных предприятий цветной металлургии в России // Проблемы развития территории. Т. 26. № 4. С. 27–46. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.3
- Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. (2022). Финансово-экономические аспекты экспортно-импортной деятельности цветной металлургии России за 2013–2020 гг. и направления ее дальнейшего развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 4. С. 102–117. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.7
- Растяникова Е.В. (2020). Мировой рынок ресурсов цветной металлургии // Восточная аналитика. № 3. С. 109–130.
- Соловьева М.В., Спиридонова Т.Е. (2015). Современное состояние и основные проблемы развития производства цветных металлов в России // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. № 11. С. 38–45.
- Ульрих Д.В., Тимофеева С.С. (2016). Современное производство меди в России и его экологические издержки // XXI век. Техносферная безопасность. № 2. С. 82–94.
- Харланов А.С. (2021). Анализ трендов мирового металлического комплекса в период постпандемийного восстановления: черная и цветная металлургия // Инновации и инвестиции. № 3. С. 76–83.
- Шепель А.А., Титов О.А., Данилова Н.Ю. (2017). Особенности инновационной деятельности на предприятиях цветной металлургии // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. № 13. С. 157–158.
- Boyd R., Barnes S.J., De Caritat P. [et al.] (2009). Emissions from the copper-nickel industry on the Kola Peninsula and at Noril'sk, Russia. *Atmospheric Environment*, 43 (7), 1474–1480.
- Ettler V. (2016). Soil pollution near non-ferrous metal smelting plants: An overview. *Applied Geochemistry*, 64, 56–74.
- Lin B., Xu M. (2018). Regional differences on CO2 emission efficiency in metallurgical industry of China. *Energy policy*, 120, 302–311.
- McMillan D.G., Speight A.E.H. (2001). Non-ferrous metals price volatility: A component analysis. *Resources Policy*, 27 (3), 199–207. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0301-4207\(01\)00019-8](https://doi.org/10.1016/S0301-4207(01)00019-8)
- Wang M., Feng S. (2021). Towards the gap between economic growth and carbon dioxide emissions in the raw materials sector: A case study of 29 non-ferrous metallurgy industries in China. *Resource Policy*, 74, 102–249.
- Watkins C., McAleer M. (2004). Econometric modeling of prices for non-ferrous metals. *Journal of Economic Reviews*, 18 (5), 651–701.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Константинович Малышев – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mmk1995@mail.ru)

Malyshev M.K.

THE IMPORTANCE OF NON-FERROUS METALLURGY FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA AND ITS REGIONS

Sustainable socio-economic development of territories and local communities, in addition to the efforts of regional and local authorities, largely depends on the level of social responsibility and investments of large private businesses, their tax contributions to the budget system of both the region of presence and the country as a whole. The article examines the importance of the non-ferrous metallurgy industry for the Russian Federation and its regions. We present socially oriented events of large non-ferrous metallurgy corporations, participation of corporations in the construction of infrastructure facilities. We have determined that higher wages in the industry relative to other types of activities have led to the fact that the average size of nominal accrued wages in the Irkutsk Oblast and Krasnoyarsk Krai is higher than the average in Russia. The research object is the largest holdings of non-ferrous metallurgy: Nornickel, based in Krasnoyarsk Krai, and Rusal with key production assets in the Irkutsk Oblast. The choice of the research object is due to the large scale of production and financial results of these companies. At the end of 2021, the consolidated proceeds of Nornickel amounted to 1.3 trillion rubles, Rusal – 0.9 trillion rubles, which distinguishes these holdings from other non-ferrous metallurgy corporations with more modest financial results. The information base of the research is the works of Russian and foreign authors on the industry, the official annual reports of Nornickel and Rusal, the Strategy for the Development of the Metallurgical Industry of the Russian Federation through to 2035, Rosstat data for Krasnoyarsk Krai and the Irkutsk Oblast. The materials of the article can be useful to everyone, who interested in industry and corporate economics, as well as students, graduate students and teachers.

Sustainable development, industrial economy, non-ferrous metallurgy, corporate social responsibility, socio-economic development of territories.

REFERENCES

- Aikashev A.N. (2014). World tin market has entered a new Renaissance period. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 1, 82–93 (in Russian).
- Boyd R., Barnes S.J., De Caritat P. et al. (2009). Emissions from the copper-nickel industry on the Kola Peninsula and at Noril'sk, Russia. *Atmospheric Environment*, 43(7), 1474–1480.
- Dmitrak Yu.V., Tsidaev B.S., Dzaparov V.Kh., Kharebov G.Z. (2019). Mineral and raw materials base of colored metallurgy of Russia. *Vektor GeoNauk=Vector of Geosciences*, 1, 9–18 (in Russian).
- Ettler V. (2016). Soil pollution near non-ferrous metal smelting plants: An overview. *Applied Geochemistry*, 64, 56–74.
- Gizatullin H.N., Samotaev A.A., Doroshenko J.A. (2008). The mathematics statistical analysis productive and economic parameters metallurgical complex of Ural. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 4, 173–187 (in Russian).

- Harlanov A.S. (2021). Analysis of trends of the world metal complex during the period of postpandemic reduction: Black and non-ferrous metallurgy. *Innovatsii i investitsii=Innovation and Investment*, 3, 76–83 (in Russian).
- Ilyin V.A., Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. (2021). *Gosudarstvo i krupnye korporatsii chernoi metallurgii: tendentsii i osobennosti 20-letnego vzaimodeistviya: monografiya* [The State and Large Ferrous Metallurgy Corporations: Trends and Features of 20-year Interaction: Monograph]. Vologda: VolRC RAS.
- Ilyin V.A., Povarova A.I. (2019). *Krupneishie metallurgicheskie korporatsii i ikh rol' v formirovanii byudzhethnykh dokhodov: monografiya* [The Largest Metallurgical Corporations and Their Role in the Formation of Budget Revenues: Monograph]. Vologda: VolRC RAS.
- Kapustina L.M., Drevalov A.A. (2014). Development of Russian copper industry under the conditions of the World Trade Organization membership. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2, 104–115 (in Russian).
- Kubalova Z.B. (2010). Place of non-ferrous metallurgy in the Russian economy. *GIAB=Mining Information and Analytical Bulletin*, 9, 63–65 (in Russian).
- Lin B., Xu M. (2018). Regional differences on CO2 emission efficiency in metallurgical industry of China. *Energy Policy*, 120, 302–311.
- Maslennikov D.Yu. (2010). Trends in the development of non-ferrous metallurgy in conditions of economic instability. *Problemy sovremennoi ekonomiki (Novosibirsk)*, 2–3, 280–284 (in Russian).
- McMillan D.G., Speight A.E.H. (2001). Non-ferrous metals price volatility: A component analysis. *Resources Policy*, 27(3), 199–207. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0301-4207\(01\)00019-8](https://doi.org/10.1016/S0301-4207(01)00019-8)
- Palkina D.S. (2022). Key indicators for assessing potential of large non-ferrous metallurgy enterprises in Russia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(4), 27–46. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.3 (in Russian).
- Pechenskaya-Polishchuk M.A., Malyshev M.K. (2022). Financial and economic aspects of export-import activity of Russia's non-ferrous metallurgy for 2013–2020 and its further development trends. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(4), 102–117. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.7 (in Russian).
- Rastyannikova E.V. (2020). Global non-ferrous metallurgy resources market. *Vostochnaya analitika=The Eastern Analytics*, 3, 109–130 (in Russian).
- Shepel' A.A., Titov O.A., Danilova N.Yu. (2017). Features of innovation activity at non-ferrous metallurgy enterprises. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*, 13, 157–158 (in Russian).
- Solov'eva M.V., Spiridonova T.E. (2015). Current state and main problems of the development of non-ferrous metals production in Russia. *Infrastrukturnye otrasli ekonomiki: problemy i perspektivy razvitiya*, 11, 38–45 (in Russian).
- Ulrikh D.V., Timofeeva S.S. (2016). Current copper production in Russia and its environmental effects. *XXI vek. Tekhnosferная bezopasnost'=Technosphere Safety. 21st Century*, 2, 82–94 (in Russian).
- Wang M., Feng S. (2021). Towards the gap between economic growth and carbon dioxide emissions in the raw materials sector: A case study of 29 non-ferrous metallurgy industries in China. *Resource Policy*, 74, 102–249.
- Watkins C., McAleer M. (2004). Econometric modeling of prices for non-ferrous metals. *Journal of Economic Reviews*, 18(5), 651–701.
- Zharikov V.E. (2007). A nonferrous metallurgy in the APR. *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo=Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2, 19–31 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail K. Malyshev – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mmk1995@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.3
 УДК 332+339.3+339.5 | ББК 65.42

© Изотов Д.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМ И ЗАРУБЕЖНЫМ РЫНКАМИ (НА ПРИМЕРЕ ТОРГОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ)

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЗОТОВ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: izotov @ecrin.ru

ORCID: [0000-0001-9199-6226](https://orcid.org/0000-0001-9199-6226); ResearcherID: [S-3876-2017](https://publons.com/urn:li:member:538762017)

Дальний Восток является «контактной зоной» экономики России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, а реализация экономического потенциала российского макрорегиона возможна при снижении различных барьеров, сдерживающих интенсификацию его торговых взаимодействий как с зарубежным, так и отечественным рынками. Цель исследования заключается в оценке сравнительных издержек для исходящих и входящих торговых потоков регионов Дальнего Востока, а также определении источника генерации торговых барьеров при взаимодействии дальневосточных регионов с различными рынками. Показано, что наращивание внешней торговли Дальнего Востока в долгосрочном периоде происходило главным образом за счет экспорта, при этом его сравнительно низкая интенсивность компенсировалась увеличивающимся притяжением со стороны близких и крупных зарубежных рынков. В отношении входящих торговых потоков интенсивность взаимодействий дальневосточных регионов с отечественным рынком была выше, чем с зарубежным. Результаты оценки показали, что изначально сравнительные транспортные издержки для доставки импорта были существенно ниже, чем соответствующие издержки для ввоза продукции с отечественного рынка на Дальний Восток, но в 2010-е гг. они стали сопоставимыми. Данное обстоятельство способствовало тому, что в условиях общего ужесточения правил для ввоза импортных товаров и развертывания в западных российских регионах производств товаров, замещающих импортные, на рынок Дальнего Востока стала

Для цитирования: Изотов Д.А. (2022). Взаимосвязь Дальнего Востока России с отечественным и зарубежным рынками (на примере торговых взаимодействий) // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 44–60. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.3

For citation: Izotov D.A. (2022). Relationship of the Russian Far East with domestic and foreign markets (case study of trade interactions). *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 44–60. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.3

активно ввозиться продукция из остальных территорий России. В связи с этим в рамках последнего десятилетия наблюдалась фактическая «привязка» дальневосточных регионов к отечественному рынку с точки зрения ввоза товаров из остальных российских регионов, а также к зарубежным рынкам за счет расширения экспорта. Следовательно, макрорегион играет роль одного из ключевых элементов общенационального механизма по изъятию, консолидации и централизованному распределению внешнеторговой ренты.

Регион, Дальний Восток России, отечественный рынок, зарубежный рынок, барьеры, входящие торговые потоки, исходящие торговые потоки, интенсивность торговли.

Введение

Восточные регионы России занимают особое место в российской экономике, поскольку обладают большими запасами природных ресурсов, магистральной транспортной и транзитной инфраструктуры и располагаются между крупнейшими рынками Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)¹. Среди данных регионов России выделяется Дальний Восток², который выступает в роли «контактной зоны» российской экономики со странами АТР и является макрорегионом, наиболее территориально удаленным от западных регионов страны.

Экономический комплекс Дальнего Востока сложился в результате взаимодействия многообразных тенденций, внешних и внутренних воздействий экономического, институционального и политического характера (Минакир, Прокапало, 2017). Наряду с уникальным географическим положением и выполнением транспортно-транзитных функций к наиболее значительным аспектам, определяющим потенциал внешнеэкономического сотрудничества Дальнего Востока, относятся ресурсодобывающие и ресурсоэксплуатирующие отрасли, а также спрос на инвестиционные товары, поддерживающие и расширяющие функционирование традиционных отраслей его экономической специализации. Масштабы торгово-экономической деятельности являются важным источником функционирования

экономики дальневосточных территорий. Регионы Дальнего Востока, как и любые другие открытые экономические системы, при обмене товарами активно взаимодействуют как с отечественным, так и зарубежным рынками, а внутренняя торговля обеспечивает функционирование их экономик. Продолжение курса на расширение экспортных поставок преимущественно сырьевых товаров объективно потребовало поиска новой пространственной ниши, в качестве которой для России с начала 2010-х гг. стала выступать Восточная Азия (Минакир, 2017). С этим курсом вполне органично совпало «естественное» тяготение экономики регионов Дальнего Востока к масштабным товарообменам со странами Северо-Восточной Азии (СВА) как в рамках плановой, так и переходной современной экономики России (Минакир, 2006; Экономическое сотрудничество..., 2007).

Соответственно, для реализации имеющегося торгово-экономического потенциала макрорегиона важно создать условия для снижения различных барьеров, сдерживающих интенсификацию торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока как с зарубежным, так и отечественным рынками. В то же время оценка интенсивности товарообмена на отечественном рынке может служить для определения степени межрегиональной связанности региональных подсистем в национальной экономике (Суслов и

¹ В регионах, расположенных в азиатской части России, сосредоточено порядка 90,0% ресурсного потенциала страны. Подробнее см.: (Крюков и др., 2021).

² В исследовании результаты анализа и оценки в целом представлены до 2018 года включительно, что связано с ограничениями в получении статистических данных для Дальнего Востока России, к которому отнесены девять субъектов Российской Федерации (по состоянию на 2018 год): Амурская область, Еврейская автономная область (ЕАО), Камчатский край, Магаданская область, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Хабаровский край и Чукотский автономный округ. Под макрорегионом понимается Дальневосточный федеральный округ или Дальний Восток.

др., 2018). При этом проблемы взаимодействия регионов национальной экономики с отечественным и зарубежным рынками рассматриваются в экономико-географических и экономических исследованиях с разных точек зрения (Минакир и др., 2020).

Как было отмечено нами в предыдущем исследовании (Изотов, 2021), в среднем за два десятилетия товарооборот дальневосточных регионов с зарубежными странами превосходил их внутреннюю торговлю и торговлю с отечественным рынком более чем в два раза. Торговля Дальнего Востока с зарубежными странами стала расширяться после разрыва экономических связей предприятий дальневосточных регионов с западными российскими регионами и странами постсоветского пространства в первой половине 1990-х гг. Отсутствие устойчивого спроса со стороны национальной экономики, общая неконкурентоспособность местных обрабатывающих производств, а также высокий уровень транспортных затрат способствовали расширению внутрорегиональной торговли регионов Дальнего Востока и, безусловно, их торговли с зарубежными странами, особенно с территориально близкими экономиками США. В результате к началу 2000-х гг. резко возросла доля потребления внутри макрорегиона и более чем в три раза – доля внешней торговли с зарубежными странами (Экономическое сотрудничество..., 2007).

С другой стороны, увеличение доли зарубежных стран во внешней торговле дальневосточных регионов являлось скорее объективным процессом, поскольку подобная диспропорциональность свойственна региональному развитию ряда государств, имеющих схожие с экономикой России пространственные и структурные особенности, а также характеризующихся соседством с крупными зарубежными рынками. Классический пример – канадская экономика, ряд провинций которой тесно связан с приграничными штатами США (Anderson, van Wincoop, 2003; McCallum, 1995). При этом ключевым моментом является определение барьеров, сдерживающих торговлю.

Их оценка позволяет судить об интенсивности взаимодействий регионов с отечественным и зарубежным рынками. Одним из результативных и распространенных способов оценить барьеры торговых взаимодействий регионов национальной экономики с различными рынками выступает гравитационное моделирование (Anderson, van Wincoop, 2003; Agnosteva et al., 2019; Каукин, 2013), которое в рамках данной проблематики применяется для расчета эффекта границ, понимаемого как совокупность барьеров, возникающих вследствие пересечения товаром какой-либо границы, сдерживающих тем самым торговые взаимодействия. Снижение/увеличение эффекта границ следует понимать как увеличение/подавление интенсивности торговых взаимодействий между рассматриваемыми экономиками (Изотов, 2020).

В предыдущем исследовании (Изотов, 2021) оценка барьеров на основе эффекта границ указала на большую интенсивность торговли дальневосточных регионов с отечественным рынком, несмотря на значительную долю стран США во внешней торговле макрорегиона. Эта оценка соотносится с выводами относительно торговли канадских провинций с США (Anderson, Smith, 1999), поскольку интенсивность торговых взаимодействий провинций друг с другом была выше, чем с зарубежным рынком (Anderson, van Wincoop, 2003; McCallum, 1995). Тем не менее необходимость дальнейшего снижения барьеров (издержек) в торговле региональных экономик с отечественным рынком указывалась в числе необходимых условий для поддержания высоких темпов роста канадской экономики (Alvarez et al., 2019).

Действительно, при смещении интенсивности торговли дальневосточных регионов в пользу отечественного рынка за рамками проведенных ранее исследований остались вопросы, связанные с выявлением источников, подавляющих интенсивность торговых взаимодействий дальневосточных регионов, которые могут быть обнаружены при оценке сравнительных издержек отдельно для

исходящих и входящих торговых потоков³ Дальнего Востока. Также возможно оценить влияние транспортных издержек на торговлю дальневосточных регионов с отечественным и зарубежным рынками и соотношение значений данных издержек с эффектом границ. Фактически, речь идет о необходимости более детальной декомпозиции издержек в торговле регионов Дальнего Востока с отечественным и зарубежным рынками, поэтому целью настоящего исследования является декомпозиционная оценка сравнительных издержек для исходящих и входящих торговых потоков регионов Дальнего Востока, а также определение источника генерации торговых барьеров для дальневосточных регионов с различными рынками.

Алгоритм исследования включал следующие этапы:

1) анализ динамики и структуры исходящих и входящих потоков регионов Дальнего Востока;

2) декомпозиция сравнительных издержек исходящих и входящих торговых потоков регионов Дальнего Востока на основе методологии оценки эффекта границ.

Динамика и структура исходящих и входящих потоков регионов Дальнего Востока: данные и методика оценки

Прежде чем перейти собственно к анализу торговых (исходящих и входящих) взаимодействий дальневосточных регионов с отечественным и зарубежным рынками, следует отметить, что в рамках исследования массив статистических данных о торговых обменах Дальнего Востока основывался на дополненной статистике Федеральной службы государственной статистики (ФСГС) и Федеральной таможенной службы России

для двух десятилетий (1999–2018 гг.)⁴ (Изотов, 2021), данных региональных и отраслевых статистических ведомств.

Одним из доступных источников статистических данных, характеризующих динамику торговли внутри регионов Дальнего Востока и их торговлю с отечественным рынком, является приведенная к сопоставимому виду статистика ввоза и вывоза потребительской продукции и товаров производственно-технического назначения, которая была досчитана на основе данных ФСГС. В связи с отсутствием стоимостных объемов ввоза и вывоза товаров по российским регионам за 2017–2018 гг. сначала значения этих показателей были рассчитаны на основе имеющейся информации о физических объемах и индексах цен производителей, приведенных в базах данных ФСГС по более 200 укрупненным товарным группам по формам № 1-вывоз и № 3-СБ (вывоз). Далее были оценены стоимостные объемы торговли промежуточными продуктами (преимущественно сырьевыми товарами), которые поэтапно исключались из статистики ввоза и вывоза ФСГС начиная с 2005 года⁵. На основе имеющихся «ключей», позволяющих привести массивы данных к сопоставимому виду, ранние значения ввоза/вывоза товаров приводились к формату общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности во второй редакции, а некоторые товарные группы суммировались друг с другом по причине последующего ведения их статистического учета исключительно в агрегированном виде.

Массив показателей, характеризующих торговлю регионов Дальнего Востока с зарубежным рынком, был сформирован на основе статистических данных Федеральной таможенной службы по формам 1-ТС и 2-ТС

³ Исходящие потоки состоят из экспорта товаров в зарубежные страны и вывоза продукции на отечественный рынок соответственно. Входящие торговые потоки включают в себя импорт товаров из зарубежных стран на региональные рынки и ввоз продукции с отечественного рынка.

⁴ По причинам, связанным с отсутствием возможностей для получения статистических данных по формам № 1-вывоз и № 3-СБ (вывоз) для торговли внутри регионов Дальнего Востока, а также для их торговли с отечественным рынком в 2019–2020 гг., массив показателей ограничивается 2018 годом включительно.

⁵ Исключенные из статистики ввоза и вывоза товарные группы были досчитаны и суммированы с имеющимися показателями торговли регионов с отечественным рынком. В массиве показателей не была представлена продукция военно-промышленного комплекса, а также некоторая продукция «народнохозяйственного» назначения, выпускаемая предприятиями авиационной промышленности, судостроения и судоремонта.

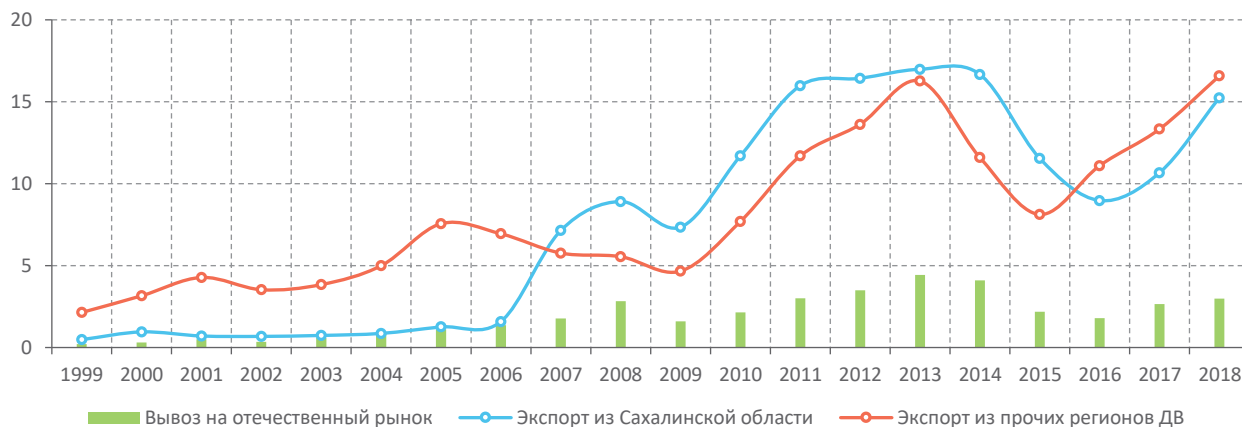

Рис. 1. Исходящие торговые потоки регионов Дальнего Востока, млрд долл.

Рассчитано по: данные Федеральной таможенной службы, ФСГС, статистических комитетов регионов и отраслей.

(регион), дополненных информацией региональных статистических ведомств, а также отраслевой статистикой в рамках следующих товаропотоков: экспорт рыбы, рыбо- и морепродуктов за пределами таможенной границы России; экспорт и импорт бункерного топлива; экспорт сырой нефти из Республики Саха (Якутия), направленный на китайский рынок.

Исходящие торговые потоки

Наращивание внешнего товарооборота дальневосточных регионов происходило главным образом за счет увеличения стоимостного объема экспорта (рис. 1).

За два рассматриваемых десятилетия доля экспорта в исходящих торговых потоках Дальнего Востока составила в среднем 89,0%⁶. При этом на пять укрупненных групп сырьевых товаров приходилось более 90,0% стоимостного объема экспорта Дальнего Востока: топливно-энергетические товары; прочие товары (к которым отнесены драгоценные камни и металлы); минеральные продукты (руды цветных и черных металлов); древесина и изделия из нее; продовольственные товары (рыба и морепродукты). Экспортные потоки большинства дальневосточных регионов были ориентированы на рынки близлежащих стран Восточной Азии – КНР, Японии и Республики Кореи, что

объяснялось территориальной близостью и их емкими рынками, спрос со стороны которых на продукцию сырьевого сектора Дальнего Востока в целом высокий.

Ключевое значение в наращивании стоимостных объемов экспорта Дальнего Востока имела восходящая тенденция ценообразования на сырьевые товары на глобальном рынке, особенно сырой нефти, поскольку более половины суммарного экспорта регионов Дальнего Востока генерировалось экономикой Сахалинской области, специализирующейся на выпуске углеводородного сырья. Это обстоятельство было связано с разработкой крупнейших для Дальнего Востока нефтегазовых месторождений в названном регионе, преимущественно на основе иностранных инвестиций и технологий (Природопользование..., 2005), несмотря на существенные институциональные изменения в сотрудничестве с зарубежными компаниями, инициированные российской стороной⁷. Также в 2010-е гг. стали выходить на проектную мощность ориентированные на рынок стран СВА проекты, расположенные на территории Республики Саха (Якутия).

Наряду с развитием крупных экспортных проектов в рамках рассматриваемого периода происходило наращивание транзитных функций южных регионов Дальнего

⁶ В среднем за два десятилетия, внешнеторговые взаимодействия только трех дальневосточных регионов (Хабаровский край, Амурская область и ЕАО) были смещены в пользу отечественного рынка.

⁷ Конопляник А. (2022). История проекта «Сахалин-2» // Эксперт. № 28. С. 20–21. URL: <https://expert.ru/expert/2022/28/instrument-zaschity> (дата обращения 15.06.2022).

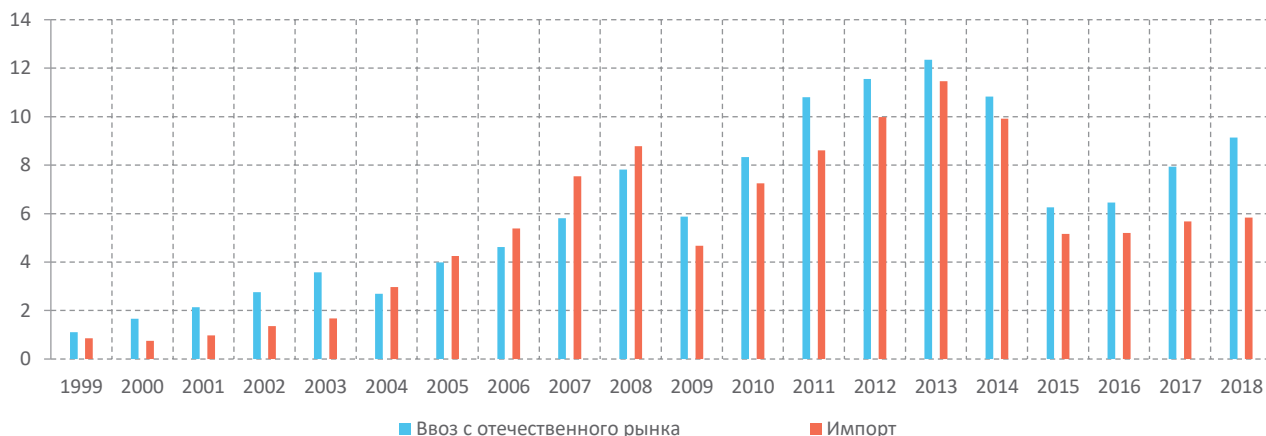

Рис. 2. Входящие торговые потоки в регионы Дальнего Востока, млрд долл.

Рассчитано по: данные Федеральной таможенной службы, ФСГС, статистических комитетов регионов и отраслей.

Востока для экспорта сырьевых товаров из остальных российских регионов, преимущественно сибирских. В итоге во второй половине 2010-х гг. действующие мощности магистральных нефтепроводов и пропускная способность железной дороги в направлении дальневосточных портов были задействованы фактически до предела (Демина, 2021), способствуя сдерживанию экспорта из ряда регионов Дальнего Востока. При прочих равных обстоятельствах масштабы экспортных потоков, их структурные характеристики определялись как общими условиями ведения бизнеса в рамках того или иного региона Дальнего Востока, так и способностью мер государственной политики снижать различные барьеры, сдерживающие потенциал расширения экспорта.

Поставки (вывоз) продукции из регионов Дальнего Востока на отечественный рынок преимущественно формировались нефтепродуктами, сырьевыми товарами (драгоценные камни и металлы, рыба и морепродукты и т. д.), продукцией пищевой промышленности, строительными материалами и т. д. Причем большая доля товаров, вывозимых из регионов Дальнего Востока на отечественный рынок, особенно нефтепродуктов и продукции пищевой промышленности, поступала в другие дальневосточ-

ные регионы. В целом наращивание поставок товаров из регионов Дальнего Востока в остальные регионы России ограничивалось исключительно узкими нишами, которые преимущественно поддерживались государственным спросом⁸, а транспортные издержки по сравнению с регионами Сибири ограничивали целесообразность поставок дальневосточной продукции, аналогичной сибирской, в западные российские регионы.

Входящие торговые потоки

Товарный ассортимент ввоза из других российских регионов и импорта в регионы Дальнего Востока является сопоставимым, за исключением некоторых инвестиционных товаров⁹. При этом для входящих торговых потоков было характерно превышение стоимостного объема товаров, поступивших в дальневосточные регионы с отечественного рынка, над импортом (рис. 2).

В рамках анализируемого периода можно выделить как минимум две причины превышения доли отечественных товаров на региональных рынках Дальнего Востока по сравнению с импортом.

Во-первых, российские производители стали активно использовать в производстве конечной продукции импортные инвестиционные товары и технологии. В долгосрочном периоде наблюдалось пере-

⁸ Речь идет об обязательной продаже Центральному банку России драгоценных металлов, а также о сложных товарах, производимых в некоторых регионах Дальнего Востока для российских компаний с государственным участием.

⁹ Например, товаров для функционирования железнодорожного транспорта.

оснащение российскими собственниками производственных фондов за счет импорта для выпуска сопоставимой с зарубежными аналогами продукции, в том числе при использовании в производственном процессе ввозимых из-за рубежа необходимых компонентов (Хейфец, Чернова, 2018). Заметные изменения в пользу отечественных компаний на российском рынке произошли в производстве несложных потребительских товаров, в частности продовольствия. В рамках рассматриваемого периода значительно менялись целевые параметры в политике поддержки отечественных производителей, а также проявлялись результаты некоторых отраслевых реформ¹⁰. При этом нужно отметить наличие барьеров для импорта в Россию в отношении целого ряда товарных групп¹¹, а также сравнительно низкие цены на энергоносители на российском рынке. Данные аспекты, опираясь на отклонение в предпочтениях российских потребителей в целом в пользу отечественных товаров, а также на систему поддержки ряда ключевых промышленных предприятий, способствовали сравнительно успешному функционированию ряда отраслей промышленности России, выпускающих различные товары, ориентированные на заполнение широких товарных ниш, в том числе на основе массового использования импортного сырья и материалов. Поэтому в рамках единого национального рынка продукция из остальных регионов России стала массово поставляться на рынки регионов Дальнего Востока. Также отметим поставку отечественных товаров на Дальний Восток из других регионов страны в рамках системы закупок компаний федерального значения, в том числе вертикально интегрированных компаний топливно-энергетического сектора.

¹⁰ Например, на основе введения в оборот сельскохозяйственных земель и широко применяемой импортной сельскохозяйственной техники, семян, удобрений и пестицидов специализированный российский бизнес сумел значительно расширить объемы производства зерновых культур, в результате чего Россия в 2010-х гг. стала полностью обеспечивать себя зерном, явившись при этом одним из крупнейших в мире нетто-экспортеров данной продукции.

¹¹ В том числе в рамках режима «контрсанкций» для импорта некоторых продовольственных товаров из ряда стран Европы, а также из США, Канады и Австралии со второй половины 2014 года.

¹² Помимо непосредственного создания производственных мощностей глобальные корпорации активно практиковали поглощение функционирующих предприятий с российским капиталом.

Во-вторых, с помощью прямых иностранных инвестиций, преимущественно в европейской части России, в конце 1990-х и в 2000-е гг. были сооружены крупные производственные мощности¹² по выпуску различных потребительских товаров, а также товаров производственно-технического назначения глобальным и субглобальным специализированным корпоративным сектором. Это обстоятельство позволило данным корпорациям значительно закрепиться на рынке России за счет получения конкурентных преимуществ в сфере сбыта своей продукции на российский рынок и ее экспорта в некоторые постсоветские страны. Локализованные на российской территории сборочные мощности крупнейших зарубежных производителей способствовали наращиванию доли в потреблении отечественных товаров на российском рынке по сравнению с импортом. Названный процесс преимущественно затронул выпуск потребительских товаров длительного пользования, а также инвестиционных товаров и материалов, и осуществлялся в условиях сравнительно высоких тарифных и нетарифных барьеров для готовой аналогичной импортной продукции и использования различного рода льгот для сосредоточенных в России производственных комплексов (Гурков и др., 2020). При этом определенная доля товаров, ввозимых на Дальний Восток из остальных регионов страны, изготовливалась из импортных компонентов с малой долей локализации. С этой точки зрения в регионах Дальнего Востока наблюдалось наращивание товарооборота с остальными регионами страны за счет частичного перераспределения на территории России масштабных потоков импорта.

Несмотря на то, что в России осуществлялось много попыток создания условий

для производства сложных потребительских и инвестиционных товаров на основе зарубежных технологий и капитала с максимальной степенью локализации, российская экономика оставалась в целом зависимой от импорта товаров конечного спроса в данных сегментах рынка. При этом следует заметить, что большая часть потребительских товаров длительного пользования, а также инвестиционного назначения распределялась на российском рынке в рамках сложившихся глобальных и субглобальных производственно-логистических цепочек, а ввозимые в дальневосточные регионы импортные товары, в том числе из стран Восточной Азии, в ряде случаев поступали через портовую инфраструктуру западных регионов России, тем самым увеличивая цены на данные товарные группы на региональных рынках Дальнего Востока.

Декомпозиция сравнительных издержек исходящих и входящих торговых потоков регионов Дальнего Востока

Следующим этапом анализа взаимосвязанности регионов Дальнего Востока с отечественным и зарубежным рынками стало получение декомпозиционной оценки сравнительных издержек исходящих и входящих торговых потоков. Как и проведенном ранее исследовании¹³, в качестве модели для получения количественной оценки сравнительных издержек выступала классическая гравитационная зависимость (Anderson, van Wincoop, 2003), с тем отличием, что в настоящем исследовании зависимыми переменными являлись исходящие и входящие торговые потоки регионов Дальнего Востока¹⁴, скорректированные на размер торгующих экономик¹⁵:

$$\frac{x_{ij}/im_{ij}}{y_i y_j} = \exp [\beta_0 + \beta_1 REGION_{ij} + \beta_2 RU_{ij} + \beta_3 FOREIGN_{ij} + \beta_4 \ln d_{ij} + \lambda_i + \lambda_j + \varepsilon_{ij}], \quad (1)$$

где:

x_{ij} – исходящие торговые потоки из дальневосточного региона i в страну/регион j ;

im_{ij} – входящие торговые потоки в дальневосточный регион i из страны/региона j ;

y_i – ВВП страны / ВРП региона i ;

y_j – ВВП страны / ВРП региона j ;

d_{ij} – расстояние в километрах между i и j .

Другие независимые переменные являются фиктивными, принимают значение, равное единице – в случае наличия признака и нолю – в противном случае, отражая значения эффекта границ:

REGION – для внутрирегиональной торговли;

RU – эффект границ для показателей торговли дальневосточных регионов с отечественным рынком;

FOREIGN – для торговли регионов Дальнего Востока с зарубежным рынком.

Факторы, изменяющиеся во времени и по странам/регионам, контролировались фиксированными эффектами для экспортеров/импортеров – λ .

Суть методики оценки издержек торговых потоков регионов Дальнего Востока сводится к тому, что независимые переменные, помимо расстояния, являются фиктивными, отражая значения эффекта границ, т. е. совокупности издержек торговых взаимодействий. Отклонение интенсивности торговли в пользу внутрирегионального рынка (*REGION*) выступает основанием для использования данного показателя в качестве эталонного при оценке эффекта границ,

¹³ Гравитационная модель оценивалась как панельные данные с фиксированными эффектами по методу квази-максимального правдоподобия Пуассона. Подробнее см.: (Изотов, 2021).

¹⁴ Помимо массива статистических данных, касающихся торговых обменов Дальнего Востока, в гравитационных зависимостях были использованы следующие данные: размер экономик зарубежных стран (ВВП) представлен значениями из базы данных МВФ, региональных экономик России (ВРП) – данными ФСГС России; физические расстояния вычислены на основе информации о территориальной удаленности для морских и сухопутных перевозок в километрах.

¹⁵ Данные показатели отражают, соответственно, интенсивность исходящих и входящих товаропотоков регионов Дальнего Востока.

который исключается из числа фиктивных переменных в модели, и, соответственно, все издержки, оцененные в рамках данного подхода, являются сравнительными с внутрирегиональными. Действительно, на Дальнем Востоке постепенное увеличение доходов расширило спрос на местную продукцию, в том числе на направляемую ранее за пределы дальневосточных регионов, которая частично стала использоваться для функционирования отраслей экономики.

Полученные оценки эффекта границ в случае Дальнего Востока показали, что по причине принадлежности к единому экономическому пространству дальневосточные регионы на протяжении двух десятилетий более интенсивно торговали с отечественным рынком. При этом в динамике наблюдалось подавление интенсивности торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока как с отечественным рынком, так и с рынком стран АТР. Полученные оценки эффекта границ для каждого региона Дальнего Востока свидетельствуют, что в долгосрочном периоде высокими значениями торговых барьеров, как с отечественным, так и с зарубежными рынками, характеризовались преимущественно северные регионы. Практически во всех регионах Дальнего Востока были зафиксированы более интенсивные торговые взаимодействия с отечественным рынком, чем с зарубежными странами, в том числе странами СВА. Большая интенсивность в торговле с отечественным рынком была свойственна для регионов, расположенных на юге Дальнего Востока, имеющих выход на Транссибирскую железнодорожную магистраль (Приморский край, Хабаровский край, Амурская область и ЕАО). По причине больших стоимостных объемов экспорта из дальневосточных регионов выделялась Сахалинская область, для которой интенсивность торговых взаимодействий со странами СВА была выше, чем с отечественным рынком, что сделало данный регион «анклавом» в рамках Дальнего Востока. Оценка эффекта

границ в динамике показала, что дальневосточные регионы с высокой долей добывающих производств в экономике, а также оторванностью от сухопутных национальных транспортных магистралей характеризовались постепенным изменением интенсивности внешнеторговых связей в пользу географически близких стран СВА.

В уравнении (1) переменная физического расстояния оценивается как независимая переменная, а полученная оценка по ней является общей для всех торговых потоков. Если эту переменную учесть в фиксированных эффектах, то эффект границ по сравнению с (1) увеличивается по причине включения издержек, затраченных на преодоление территориальной удаленности (2) (Изотов, 2021):

$$\frac{x_{ij}/im_{ij}}{y_i y_j} = \exp [\beta_0 + \beta_1 REGION_{ij} + \beta_2 RU_{ij} + \beta_3 FOREIGN_{ij} + \lambda_i + \lambda_j + \gamma_{ij} + \varepsilon_{ij}], \quad (2)$$

где:

γ_{ij} – фиксированные эффекты для физических расстояний.

В этом случае речь идет об общем эффекте границ, поскольку он включает транспортные издержки¹⁶. В итоге разница между общим эффектом границ и эффектом границ, т. е. между соответствующими друг другу независимыми фиктивными переменными в тарифном эквиваленте ($[e^{\beta_{1...n}/(1-\sigma)} - 1] \times 100$) (Anderson, van Wincoop, 2003), может отражать значения сравнительных транспортных издержек. Предполагается, что эластичность замещения между отечественными и зарубежными товарами (σ) для Дальнего Востока принимает аналогичное максимальное значение для российской экономики в целом, т. е. равное пяти (Vajzik et al., 2019).

Декомпозиция сравнительных издержек для исходящих торговых потоков. Вначале для исходящих торговых потоков был оценен

¹⁶ Помимо способа включения физических расстояний в фиксированные эффекты существует способ разделения расстояний на интервалы и их последующего включения в независимые переменные. Подробнее см.: (Eaton, Kortum, 2002).

Таблица 1. Результаты оценок (1) и (2) для исходящих потоков регионов Дальнего Востока

Переменные	Модель (2)			Модель (1)		
	1999–2018 гг.	1999–2008 гг.	2009–2018 гг.	1999–2018 гг.	1999–2008 гг.	2009–2018 гг.
Вывоз на отечественный рынок (RU)	-4,23*** (0,97)	-4,34*** (0,44)	-4,12*** (0,44)	-1,69*** (0,16)	-1,61*** (0,16)	-1,77*** (0,16)
Экспорт (FOREIGN)	-4,61*** (0,70)	-4,75*** (0,60)	-4,46*** (0,60)	-2,76*** (0,49)	-2,78*** (0,49)	-2,74*** (0,49)
Логарифм расстояния (Ind)	-	-	-	-0,62*** (0,04)	-0,69*** (0,05)	-0,57*** (0,05)
Константа	-24,82*** (0,50)	-25,02*** (0,63)	-26,63*** (0,78)	-22,14*** (0,48)	-20,53*** (0,58)	-23,25*** (0,58)
Количество наблюдений	3060	1530		3060	1530	
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,96	0,97	0,98	0,61

*** p < 0,01; в скобках указаны значения стандартных ошибок. Автокорреляция учитывается в форме расчета Ньюи-Веста.
Источник: расчеты автора.

Таблица 2. Сравнительные издержки исходящих торговых потоков регионов Дальнего Востока в тарифном эквиваленте, %

Направление исходящих торговых потоков	1999–2018 гг.			1999–2008 гг.			2009–2018 гг.		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Вывоз на отечественный рынок	188	53	135	196	50	146	180	56	124
Экспорт	216	99	117	228	100	128	205	98	107

Примечание: 1 – общий эффект границ; 2 – эффект границ; 3 – сравнительные транспортные издержки. Издержки исходящих торговых потоков превосходят внутрирегиональные на значения, представленные в таблице, т. е. являются сравнительными.
Источник: расчеты автора.

общий эффект границ (2), значения которого для экспорта оказались выше, чем для вывоза на отечественный рынок¹⁷. При этом в динамике происходило сокращение общего эффекта границ для исходящих торговых потоков, ориентированных как на зарубежный, так и на отечественный рынок. На втором этапе был оценен эффект границ при исключении расстояния из фиксированных эффектов и включении данной переменной в число независимых (1). Оценка эффекта границ показала, что значения торговых барьеров для исходящих потоков регионов Дальнего Востока остаются менее волатильными в динамике, а данные регионы более интенсивно вывозили товары на отечественный рынок, чем экспортировали (табл. 1).

В таких условиях не совсем понятно, по какой причине исходящие потоки из Дальнего Востока главным образом направлены в зарубежные страны, конкретно – в экономики США.

Для дальнейшего анализа, результаты оценок были приведены к сопоставимому виду, т. е. к тарифному эквиваленту. Эффект границ для экспорта примерно в два раза превышал соответствующие значения для вывоза товаров на отечественный рынок. Соответственно, сравнительные транспортные издержки были вычислены как разница между общим эффектом границ и эффектом границ. Расчеты показали, что сравнительные транспортные издержки для исходящих торговых потоков из Дальнего Востока имели тенденцию к сокращению в 2010-е гг. по сравнению с 2000-ми гг.; были выше для вывоза на отечественный рынок по отношению к экспорту (табл. 2).

Вероятно, это способствовало усилению фактора притяжения со стороны крупнейших соседних зарубежных рынков для экспортных потоков регионов Дальнего Востока. Тем самым полученные оценки могут (пусть в упрощенном виде и при про-

¹⁷ При этом в динамике происходило сокращение общего эффекта границ для исходящих торговых потоков, ориентированных как на зарубежный, так и на отечественный рынок.

чих равных условиях) объяснить усиление экспортной ориентации регионов Дальнего Востока в пользу близлежащих крупных зарубежных рынков ввиду относительно низких сравнительных транспортных издержек и некоторого снижения эффекта границ.

При этом, несмотря на обнаруженные высокие значения общего эффекта границ, оценки указали, что исходящие торговые потоки могут не являться причиной увеличения эффекта границ для двусторонней торговли регионов Дальнего Востока с отечественным и зарубежными рынками. Для подтверждения этого предположения необходимо оценить сравнительные издержки для входящих торговых потоков дальневосточных регионов.

Декомпозиция сравнительных издержек для входящих торговых потоков

Оценка общего эффекта границ для входящих торговых потоков указала на большие значения данного эффекта для импорта по сравнению с ввозом с отечественного рынка.

Оценка общего эффекта границ для входящих торговых потоков свидетельствует, как и в случае исходящих потоков, о больших значениях общего эффекта границ для импорта по сравнению с ввозом с отечественного рынка на рынок Дальнего Востока за два десятилетия, а эффект границ с отечественным рынком был ниже, чем с зарубежным, для входящих торговых потоков (табл. 3).

Декомпозиционная оценка общего эффекта границ для входящих торговых потоков в регионы Дальнего Востока в тарифном эквиваленте показала, что эффект границ с отечественным рынком был ниже, чем с зарубежным, для всех временных периодов. С помощью расчетов выявлены меньшие значения общего эффекта границ для входящих потоков по сравнению с исходящими, в 2000-е гг. (1999–2008 гг.) общий эффект границ для импорта был ниже, чем для ввоза с отечественного рынка на Дальний Восток (табл. 4).

Таблица 3. Результаты оценок (1) и (2) для входящих потоков регионов Дальнего Востока

Переменная	Модель (2)			Модель (1)		
	1999–2018 гг.	1999–2008 гг.	2009–2018 гг.	1999–2018 гг.	1999–2008 гг.	2009–2018 гг.
Ввоз с отечественного рынка (RU)	-3,48*** (0,95)	-3,14*** (0,44)	-3,82*** (0,45)	-1,67*** (0,12)	-1,60*** (0,16)	-1,83*** (0,16)
Импорт (FOREIGN)	-3,60*** (0,87)	-2,54*** (0,60)	-4,39*** (0,60)	-2,37*** (0,51)	-2,10*** (0,54)	-2,64*** (0,54)
Логарифм расстояния (lnd)	-	-	-	-0,62*** (0,04)	-0,69*** (0,05)	-0,52*** (0,05)
Константа	-24,40*** (0,81)	-26,27*** (0,73)	-26,05*** (0,79)	-22,38*** (0,63)	-21,98*** (0,65)	-24,95*** (0,65)
Количество наблюдений	3060	1530		3060	1530	
Pseudo R ²	0,99	0,99	0,96	0,98	0,98	0,71

*** p < 0,01; в скобках указаны значения стандартных ошибок. Автокорреляция учитывается в форме расчета Ньюи-Веста.
Источник: расчеты автора.

Таблица 4. Сравнительные издержки входящих торговых потоков регионов Дальнего Востока в тарифном эквиваленте, %

Направление входящих торговых потоков	1999–2018 гг.			1999–2008 гг.			2009–2018 гг.		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Ввоз с отечественного рынка	139	52	87	120	49	71	160	58	102
Импорт	146	81	65	89	69	20	200	94	106

Примечание: 1 – общий эффект границ; 2 – эффект границ; 3 – сравнительные транспортные издержки. Издержки входящих торговых потоков превосходят внутрирегиональные на значения, представленные в таблице, т. е. являются сравнительными.
Источник: расчеты автора.

Данные обстоятельства могут, на первый взгляд, свидетельствовать о том, что входящие потоки не являются источником увеличения общего эффекта границ в двусторонней торговле регионов Дальнего Востока. Однако результаты оценки указали на заметное увеличение значений общего эффекта границ в 2010-е гг. по сравнению с 2000-ми гг. – на 40 п. п. для ввоза с отечественного рынка и на 111 п. п. – для импорта из зарубежных стран. Поэтому, несмотря на относительно низкие значения, источником роста общего эффекта границ для двусторонней торговли являлись именно входящие торговые потоки, при некотором снижении общего эффекта границ для исходящих торговых потоков. По сути, значения общего эффекта границ для входящих потоков стали приближаться к соответствующим значениям издержек для исходящих торговых потоков Дальнего Востока.

При этом в рамках рассматриваемых двух десятилетий сравнительные транспортные издержки для импорта были ниже, чем для ввоза с отечественного рынка. Также в ходе оценки выяснено, что в 2000-е гг. сравнительные транспортные издержки для доставки импорта были примерно в три раза меньше по отношению к соответствующим издержкам для ввоза продукции с отечественного рынка. В 2010-е гг. ситуация изменилась, поскольку сравнительные транспортные издержки для импорта и ввоза с отечественного рынка стали сопоставимыми при общем увеличении по отношению к 2000-м гг.: на 86 и 31 п. п. соответственно.

В результате по сравнению с исходящими торговыми потоками на уровне входящих торговых потоков происходило наращивание значений эффекта границ и сравнительных транспортных издержек. В 2010-е гг. прежняя модель торговых взаимодействий с зарубежным рынком для регионов Дальнего Востока начала меняться: значения издержек для импорта стали сопоставимыми с соответствующими значениями для экспорта. При этом интенсивность торговых взаимодействий с отечественным рынком для дальневосточных регионов была сопоста-

вила между исходящими и входящими торговыми потоками, а сравнительные транспортные издержки для ввоза товаров характеризовались более низкими значениями. Данное обстоятельство в какой-то мере объясняет механизм складывающегося «притяжения» рынков дальневосточных регионов к отечественному рынку за счет ввоза товаров из других регионов России.

Заключение

Российская экономика в целом обладает преимуществами на рынке ряда сырьевых товаров в АТР, создав соответствующую транспортную инфраструктуру на Дальнем Востоке, а также сформировав длительные торговые отношения по экспорту энергоресурсов. Внешняя торговля регионов Дальнего Востока, так же как и любых других российских приграничных регионов, территориально удаленных от западных территорий страны, характеризующихся крупными запасами природных ресурсов и массовым выпуском сырьевых товаров, при прочих равных условиях тяготеет прежде всего к близким и крупным зарубежным рынкам. Соответственно, наращивание внешней торговли Дальнего Востока происходило главным образом за счет расширения поставок преимущественно на зарубежный рынок.

В случае исходящих торговых потоков оценка показала, что регионы Дальнего Востока более интенсивно вывозили продукцию на отечественный рынок. Сравнительные транспортные издержки для исходящих торговых потоков из Дальнего Востока имели тенденцию к сокращению и были выше в направлении отечественного рынка. С этой точки зрения, низкая интенсивность исходящих торговых потоков регионов Дальнего Востока в направлении зарубежного рынка компенсировалась сравнительно низкими транспортными издержками, фактически гравитационным притяжением, что определило экспортную ориентацию дальневосточных регионов в пользу близлежащих стран СВА.

Относительно входящих торговых потоков дальневосточных регионов выявля-

но, что интенсивность торговли с отечественным рынком выше, чем с зарубежным. Изначально сравнительные транспортные издержки для доставки импорта были значительно ниже по отношению к соответствующим издержкам для ввоза продукции с отечественного рынка на Дальний Восток, но в 2010-е гг. ситуация изменилась – издержки стали сопоставимыми. В итоге в области входящих потоков происходило наращивание издержек в отличие от исходящих торговых потоков. Данное обстоятельство способствовало тому, что на рынок дальневосточных регионов стали активно ввозиться товары из других регионов России, замещающая часть ранее поступавшей импортной продукции в условиях общего ужесточения правил для импортных поставок за счет наращивания тарифных и нетарифных барьеров и развертывания в других российских регионах современных производств, в том числе на основе зарубежного капитала, выпускающих потребительские и некоторые инвестиционные товары.

В соответствии с полученными оценками за последнее десятилетие модель взаимодействия регионов Дальнего Востока с внешними рынками стала существенно отличаться от положения в предыдущей декаде, поскольку произошла фактическая «привязка» дальневосточных регионов к отечественному рынку с точки зрения ввоза товаров из остальных российских регионов, а также к зарубежным рынкам за счет расширения экспорта¹⁸. Исходя из этого новизна представленного исследования состоит в эмпирическом подтверждении отклонения торговли в пользу отечественного рынка, а также объяснении выполнения макрорегионом роли одного из ключевых элемен-

тов общенационального механизма по изъятию, консолидации и централизованному распределению внешнеторговой ренты.

Следует заметить, что в 2010-е гг. отношение федеральных органов власти к экономике Дальнего Востока характеризовалось сочетанием «эксплуатации» транзитных и природно-ресурсных преимуществ макрорегиона с внедрением экзогенных институциональных стимулов (Минакир, Прокапало, 2017) и расширением масштабов «дотационного» менеджмента (Изотов, 2020). Похоже, что за последнее десятилетие за Дальним Востоком закрепились роль одного из элементов общенационального механизма по изъятию, консолидации и централизованному распределению внешнеторговой ренты (Минакир, 2017) при низкой вовлеченности дальневосточных регионов, как и других российских территорий, в процедуры определения условий освоения и использования природных ресурсов, что связано с недостаточностью правовых компетенций и финансовых возможностей для осуществления таких задач (Крюков, Шмат, 2022). Соответственно, экстенсивное использование транзитных и природно-ресурсных преимуществ макрорегиона предполагает при прочих равных условиях возведение различного рода инфраструктуры за счет экзогенных источников для обеспечения расширения как экспортных поставок на субглобальный рынок дальневосточной продукции и товаров, следующих транзитом через Дальний Восток из других регионов России, так и импорта, что является одним из ключевых моментов для обеспечения диверсификации логистических поставок на российский рынок в целом, особенно в настоящее время.

¹⁸ Фактически происходит нарастание таможенной нагрузки на экспорт Дальнего Востока при взимании ввозных таможенных пошлин и на импорт – за счет ввозных таможенных пошлин.

ЛИТЕРАТУРА

- Гурков И., Кокорина А., Саидов З., Лапшин С., Щетинин И. (2020). Российские предприятия зарубежных корпораций в 2012–2018 годах // Общество и экономика. № 1. С. 81–90. DOI: 10.31857/S020736760008041-4
- Демина О.В. (2021). Перспективы развития рынков первичных энергоресурсов стран АТР: потенциальная ниша для российских ресурсов // Регионалистика. Т. 8. № 2. С. 31–53. DOI: 10.14530/reg.2021.2.31
- Изотов Д.А. (2021). Внешние и внутренние барьеры в торговле регионов Дальнего Востока // Экономика региона. Т. 17. Вып. 4. С. 1318–1331. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-19
- Изотов Д.А. (2020). Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН. 368 с.
- Каукин А.С. (2013). Особенности эмпирических оценок гравитационной модели внешней торговли России // Российский внешнеэкономический вестник. № 4. С. 71–84. URL: [http://www.rfej.ru/rvv/id/9003E2AC3/\\$file/71-84.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/9003E2AC3/$file/71-84.pdf)
- Крюков В.А., Суслов Н.И., Ягольницер М.А. (2021). Подход к формированию концепции комплексного развития азиатской России: от проблем к проектам, от проектов к сценариям // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. Т. 3. № 1. С. 3–15. DOI: 10.33764/2618-981X-2021-3-1-3-15
- Крюков В.А., Шмат В.В. (2022). Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. Т. 18. № 1. С. 34–72. DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072
- Минакир П.А. (2017). Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4
- Минакир П.А. (2006). Экономика регионов. Дальний Восток / отв. ред. А.Г. Гранберг; Институт экономических исследований ДВО РАН. Москва: Экономика. 848 с.
- Минакир П.А., Исаев А.Г., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. (2020). Экономические макрорегионы: интеграционный феномен или политико-географическая целесообразность? Случай Дальнего Востока // Пространственная экономика. Т. 16. № 1. С. 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099
- Минакир П.А., Прокапало О.М. (2017). Централизация и автономизация как факторы социально-экономического развития Дальнего Востока России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 6. С. 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2
- Природопользование Дальнего Востока России и Северо-Восточной Азии: потенциал интеграции и устойчивого развития (2005) / под ред. А.С. Шейнгауза; Институт экономических исследований ДВО РАН. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН. 528 с.
- Суслов В.И., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. (2018). Коалиционный анализ и эффекты межрегиональной интеграции // Экономика региона. Т. 14. Вып. 4. С. 1131–1144. DOI: 10.17059/2018-4-6
- Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. (2018). Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. № 4. С. 30–45.
- Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (2007) / отв. ред. П.А. Минакир; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований; Фонд мира Сасакава. Хабаровск: РИОТИП. 208 с.
- Agnosteva D.E., Anderson J.E., Yotov Y.V. (2019). Intra-national trade costs: Assaying regional frictions. *European Economic Review*, 112, 32–50. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2018.11.008
- Alvarez J., Krznar I., Tombe T. (2019). *Internal Trade in Canada: Case for Liberalization*. IMF Working Paper WP/19/158. July. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2019/WPIEA2019158.ashx> (accessed 01.05.2022).

- Anderson J.E., van Wincoop E. (2003). Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle. *American Economic Review*, 93 (1), 170–192. DOI: 10.1257/000282803321455214
- Anderson M.A., Smith S.L.S. (1999). Canadian Provinces in world trade: Engagement and detachment. *The Canadian Journal of Economics*, 32 (1), 22–38. DOI: 10.2307/136393
- Bajzik J., Havranek T., Irsova Z., Schwarz J. (2019). *The Elasticity of Substitution between Domestic and Foreign Goods: A Quantitative Survey*. Czech National Bank, Working Papers, 12. Available at: https://www.cnb.cz/export/sites/cnb/en/economic-research/galleries/research_publications/cnb_wp/cnbwp_2019_12.pdf (accessed 01.05.2022).
- Eaton B., Kortum S. (2002). Technology, Geography, and Trade. *Econometrica*, 70, 1741–1779. DOI: 10.1111/1468-0262.00352
- McCallum B. (1995). National borders matter: Canada-U.S. regional trade patterns. *American Economic Review*, 85 (3), 615–623. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2118191>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Александрович Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: izotov @ecrin.ru)

Izotov D.A.

RELATIONSHIP OF THE RUSSIAN FAR EAST WITH DOMESTIC AND FOREIGN MARKETS (CASE STUDY OF TRADE INTERACTIONS)

The Far East is the “contact zone” of the Russian economy with the countries of the Asia-Pacific, and the realization of the economic potential of the Russian macroregion is possible with the reduction of various barriers hindering the intensification of its trade interactions with both foreign and Russian markets. The purpose of the research is to assess the comparative costs for outgoing and incoming trade flows of the Far Eastern regions, as well as to determine the source of generation of trade barriers in the interaction of the Far Eastern regions with various markets. We showed that the increase in foreign trade of the Far East in the long term was mainly due to exports, while its relatively low intensity was compensated by the increasing attraction from close and large foreign markets. With regard to incoming trade flows, the intensity of interactions of the Far Eastern regions with the Russian market was higher than with the foreign one. The results of the assessment showed that initially the comparative transport costs for the delivery of imports were significantly lower than the corresponding costs for the import of products from the Russian market to the Far East, but in the 2010s, they became comparable. This circumstance contributed to the fact that in the context of the general tightening of the rules for the import of goods and the deployment in the western Russian regions of the production of goods replacing imported ones, products from the rest of Russia began to be actively imported to the Far East market. In this regard, within the previous decade, there has been an actual “binding” of the Far Eastern regions to the Russian market in terms of the import of goods from other Russian regions, as well as to foreign markets due to the expansion of exports. Consequently, the macroregion plays the role of one of the key elements of a nationwide mechanism for the withdrawal, consolidation and centralized distribution of foreign trade rents.

Region, Russian Far East, Russian market, foreign market, barriers, incoming trade flows, outgoing trade flows, trade intensity.

REFERENCES

- Agnosteva D.E., Anderson J.E., Yotov Y.V. (2019). Intra-national trade costs: Assaying regional frictions. *European Economic Review*, 112, 32–50. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2018.11.008
- Alvarez J., Krznar I., Tombe T. (2019). *Internal Trade in Canada: Case for Liberalization*. IMF Working Paper, WP/19/158, July. Available at: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WP/2019/WPIEA2019158.ashx> (accessed: May 1, 2022).
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2003). Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle. *American Economic Review*, 93(1), 170–192. DOI: 10.1257/000282803321455214
- Anderson M.A., Smith S.L.S. (1999). Canadian Provinces in world trade: Engagement and detachment. *The Canadian Journal of Economics*, 32(1), 22–38. DOI: 10.2307/136393
- Bajzik J., Havranek T., Irsova Z., Schwarz J. (2019). The elasticity of substitution between domestic and foreign goods: A quantitative survey. *Working Papers*, 12. Available at: https://www.cnb.cz/export/sites/cnb/en/economic-research/galleries/research_publications/cnb_wp/cnbwp_2019_12.pdf (accessed: May 1, 2022).
- Dyomina O.V. (2021). Prospects for the development of primary energy markets in the Asia-Pacific region: The potential place for Russian resources. *Regionalistika=Regionalistics*, 8(2), 31–53. DOI: 10.14530/reg.2021.2.31 (in Russian).
- Eaton B., Kortum S. (2002). Technology, geography, and trade. *Econometrica*, 70, 1741–1779. DOI: 10.1111/1468-0262.00352
- Gurkov I., Kokorina A., Saidov Z., Lapshin S., Shchetinin I. (2020). Russian manufacturing subsidiaries of foreign corporations in 2021–2018. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*, 1, 81–90. DOI: 10.31857/S020736760008041-4 (in Russian).
- Izotov D.A. (2020). *Ekonomicheskaya integratsiya Rossii so stranami ATR: problemy i perspektivy* [Economic Integration of Russia with the Asia-Pacific Countries: Problems and Prospects]. Khabarovsk: IEI DVO RAN.
- Izotov D.A. (2021). External and internal trade barriers of the Russian Far East. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 17(4), 1318–1331. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-19 (in Russian).
- Kaukin A.S. (2013). Features of empirical estimates of the gravitational model of Russia’s foreign trade. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 4, 71–84. Available at: [http://www.rfej.ru/rvv/id/9003E2AC3/\\$file/71-84.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/9003E2AC3/$file/71-84.pdf) (in Russian).
- Kheyfets B.A., Chernova V.Yu. (2018). Global TNCs in Russia under conditions of import substitution. *Rossiya i sovremenniy mir=Russia and the Contemporary World*, 4, 30–45 (in Russian).
- Kryukov V.A., Shmat V.V. (2022). Asian Russia – conditions for and obstacles to progressive diversification of macroregional economy. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 18(1), 34–72. DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072 (in Russian).
- Kryukov V.A., Suslov N.I., Yagol’nitser M.A. (2021). An approach to form a concept of complex development of Asian Russia: From problems through projects to scenarios. *Interesko GEO-Sibir’=Interexpo GEO-Sberia*, 3(1), 3–15. DOI: 10.33764/2618-981X-2021-3-1-3-15 (in Russian).
- McCallum B. (1995). National borders matter: Canada-U.S. regional trade patterns. *American Economic Review*, 85(3), 615–623. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2118191>
- Minakir P.A. (2006). *Ekonomika regionov. Dal’nii Vostok* [Economy of the Regions. Far East]. Moscow: Ekonomika.
- Minakir P.A. (2017). “Turn to the East” policy: Expectations and reality. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 13(4), 1016–1029. DOI: 10.17059/2017-4-4 (in Russian).
- Minakir P.A. (Ed.). (2007). *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Dal’nego Vostoka Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona* [Economic Cooperation between the Russian Far East and the Countries of the Asia-Pacific Region]. Khabarovsk: RIOTIP.

- Minakir P.A., Isaev A.G., Demyanenko A.N., Prokapalo O.M. (2020). Economic macroregions: An integration phenomenon or a political geographic rationale? Far Eastern Russia case. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 16(1), 66–99. DOI: 10.14530/se.2020.1.066-099 (in Russian).
- Minakir P.A., Prokapalo O.M. (2017). Centralization and automation as the drivers of socio-economic development of the Russian Far East. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10(6), 24–41. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.2 (in Russian).
- Sheingauz A.S. (Ed.). (2005). *Prirodopol'zovanie Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnoi Azii: potentsial integratsii i ustoichivogo razvitiya* [Environmental Management of the Russian Far East and Northeast Asia: Potential for Integration and Sustainable Development]. Khabarovsk: DVO RAN.
- Suslov V.I., Ibragimov N.M., Mel'nikova L.V. (2018). Coalition analysis and effects of regional integration. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 14(4), 1131–1144. DOI: 10.17059/2018–4–6 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii A. Izotov – Doctor of Sciences (Economic), Leading Researcher, Economic Research Institute Far Eastern Branch RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: izotov @ecrin.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.4

УДК 330.322.011 | ББК 65

© Усков В.С.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ УСКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: v-uskov@mail.ru

ORCID: [0000-0001-5158-8551](https://orcid.org/0000-0001-5158-8551); ResearcherID: T-6713-2017

На современном этапе социально-экономическое развитие страны и ее отдельных территорий в определяющей степени происходит под влиянием инноваций, которые способствуют достижению технологического превосходства, росту конкурентоспособности и повышению устойчивости экономики. Инновации также являются важным фактором развития отраслей народного хозяйства, условием повышения эффективности хозяйствующих субъектов как стратегической основы развития экономики. Все это свидетельствует о важности поддержки государством современных высокотехнологичных производств, необходимости стимулирования инновационной деятельности в производственном секторе и социальной сфере, управлении, сфере защиты окружающей среды и оптимального использования природных ресурсов. Внедрению инноваций и новых технологий способствует национальная экономическая политика, направленная на поддержание и стимулирование инновационной деятельности, активизацию инновационного процесса на всех его этапах и всех уровнях экономики. Реализуемая в настоящее время политика оказывает определенное влияние на инновационный процесс. Однако многие ее направления недостаточно эффективны, не в полной мере учитывают доступную ресурсную базу и специфику инновационной деятельности. Существующие в данной сфере нерешенные проблемы увеличивают теоретическую и практическую значимость изучения вопроса стимулирования инновационной деятельности. Научная новизна исследования заключается в развитии методологических подходов к обоснованию методов и инструментов стимулирования инновационной деятельности. Результаты могут применяться для анализа и прогноза инновационного развития национальных и региональных макросистем с целью формирования рекомендаций по изменению проводимой политики.

Для цитирования: Усков В.С. (2022). Стимулирование инновационной деятельности – задача государственной важности // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 61–76. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.4

For citation: Uskov V.S. (2022). Promoting innovation activity – a task of national importance. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 61–76. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.4

Научная значимость исследования заключается в возможности использования предложений по стимулированию инновационной деятельности в государственной инновационной политике.

Инновации, инновационная деятельность, инновационная активность, стимулирование инновационной деятельности, Российская Федерация.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Введение

В условиях цифровизации и четвертой промышленной революции социально-экономическое развитие характеризуется возрастанием влияния инноваций на все сферы экономики и общества. Именно инновации становятся одним из главных факторов устойчивого социально-экономического развития страны, ее отдельных территорий. Переход российской экономики к инновационной социально ориентированной модели, обеспечивающей рост ее конкурентоспособности и эффективности, выступает необходимым условием развития страны, ее способности противостоять глобальным вызовам и внешним угрозам (Ускова и др., 2013; Усков, 2017; Гулин и др., 2017). Особую остроту вопрос перехода на инновационную модель развития приобретает вследствие введения беспрецедентных санкций со стороны западных стран. В связи с этим стимулирование инновационной деятельности становится актуальной задачей на всех уровнях управления, прежде всего федеральном и региональном.

Целью исследования является научное обоснование форм, методов и инструментов стимулирования инновационной деятельности. Достижение указанной цели потребовало провести краткий анализ уровня инновационного развития России; обобщить теоретические аспекты инновационной деятельности и подходы к ее стимулированию; обосновать инструменты ее активизации в Российской Федерации.

Результаты исследования

Уровень инновационного развития Российской Федерации

На современном этапе развитие страны и ее отдельных территорий в определяю-

щей степени зависит от инноваций, которые становятся одним из главных факторов роста экономики и повышения на этой основе благосостояния населения. Вместе с тем анализ инновационной динамики позволяет заключить, что уровень инновационного развития России и ее территорий весьма далек от желаемого.

Экономика Российской Федерации по сравнению с экономиками других стран в течение ряда лет сохраняет низкий уровень инновационной активности (табл. 1). Значения российских индикаторов инновационного развития традиционно гораздо ниже, чем во многих развитых странах мира.

Так, по показателю «удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации» РФ более чем в 5 раз уступает Германии, Австрии, Франции, Финляндии. По затратам на технологические инновации имеет место почти двукратное отставание.

Доля персонала, занятого исследованиями и разработками в инновационно активных организациях промышленности, в Российской Федерации составляет только 2,5%, что почти в два раза ниже, чем в Германии (4,9%) и Франции (5,4%).

В России удельный вес продукции организаций промышленности, осуществляющих технологические инновации, в общем объеме отгруженной продукции не достигает и одного процента, а удельный вес новой промышленной продукции в общем объеме продукции менее двух процентов, что несопоставимо с показателями развитых стран. По удельному весу организаций, осуществляющих технологические инновации, Россия отстает от Германии – лидера по этому показателю в Европе – в семь раз.

Таблица 1. Инновационная активность России и отдельных зарубежных стран, %

Наименование показателя	Россия	Австрия	Германия	Финляндия	Франция
Удельный вес организаций промышленности, осуществляющих технологические инновации	9,3	59,9	65,8	48,6	45,5
Удельный вес работников, выполняющих исследования и разработки в инновационно активных организациях промышленности	2,5	3,4	4,9	4,7	5,4
Удельный вес продукции организаций промышленности, осуществлявших технологические инновации, в общем объеме отгруженной продукции	41,3	87,5	87,9	87,4	78,4
Удельный вес продукции организаций промышленности, осуществлявших технологические инновации, в общем объеме экспорта продукции	48,5	93,2	94,3	92,3	86,3
Удельный вес новой промышленной продукции в общем объеме продукции, в т. ч.:					
– новой продукции для рынка;	0,5	8,4	7,1	27,2	9,5
– новой продукции для организации, но не для рынка	1,9	23,1	40,3	31,1	17,5
Интенсивность затрат на технологические инновации	2,8	3,2	5,3	4,0	3,9

Составлено по: данные Росстата.

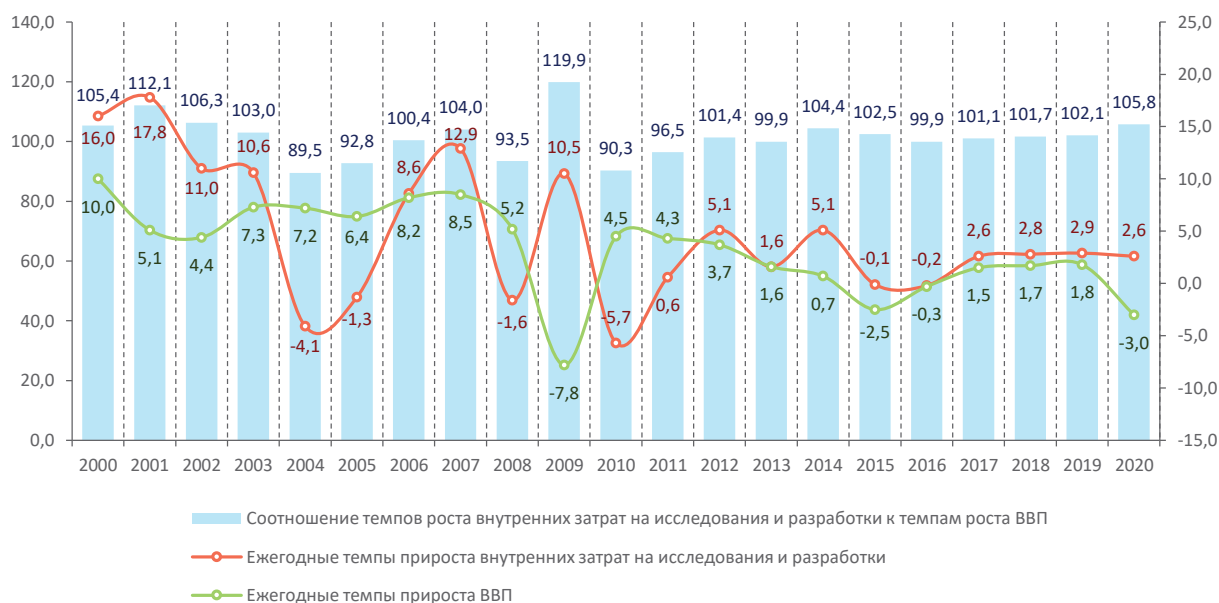

Рис. 1. Соотношение темпов роста внутренних затрат на исследования и разработки и валового внутреннего продукта РФ, %

В рейтинге инновационных экономик, выполненном экспертами агентства Bloomberg¹, в 2020 году Россия занимала 26 место, опустившись с 12 места, где она находилась в 2016 году. А по уровню инновационного развития, определяемого на основе Глобального инновационного индекса, в 2022 году Российская Федерация занимала 47 место среди 132 стран².

В итоге соотношение темпов прироста внутренних затрат на исследования и разработки за период с 2000 по 2020 год имеет нестабильную динамику, несмотря на тенденцию к росту затрат на исследования и разработки с 2010 года (рис. 1).

Инновационная активность российских предприятий крайне низкая: только около 10% компаний осуществляют инновацион-

¹ Bloomberg Innovation Index 2020. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18>

² Глобальный инновационный индекс – 2022. Каково будущее инновационного роста? URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2022-report>

ную деятельность. Доля инновационных товаров, работ и услуг в их общем объеме не достигает и 6% (рис. 2).

Низкую инновационную активность демонстрируют предприятия во всех федеральных округах РФ (рис. 3).

Приведенные данные позволяют констатировать, что переход российской экономики к инновационной модели развития все еще остается важнейшей задачей государства и требует активизации инновационной деятельности.

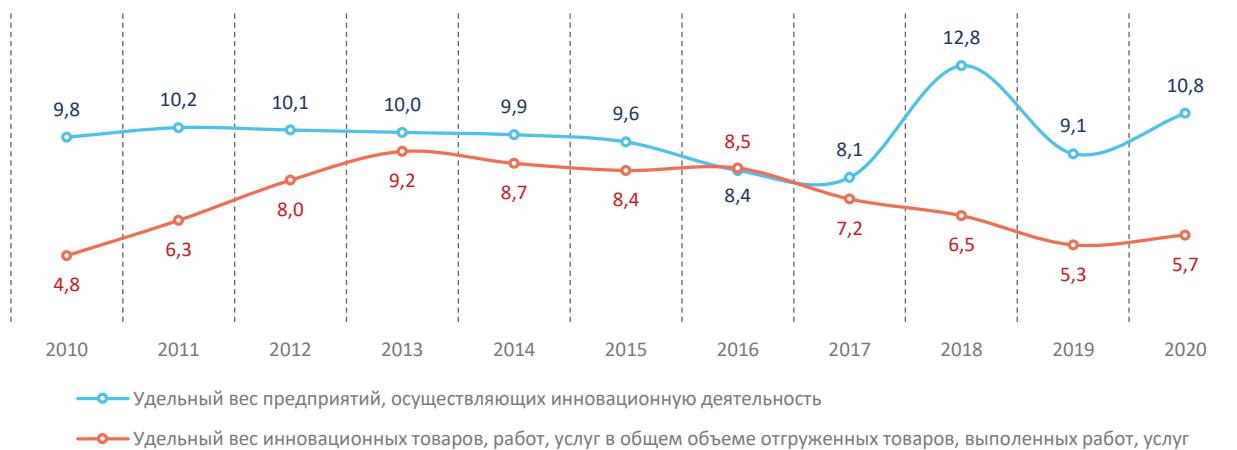

Рис. 2. Инновационная активность организаций РФ, %

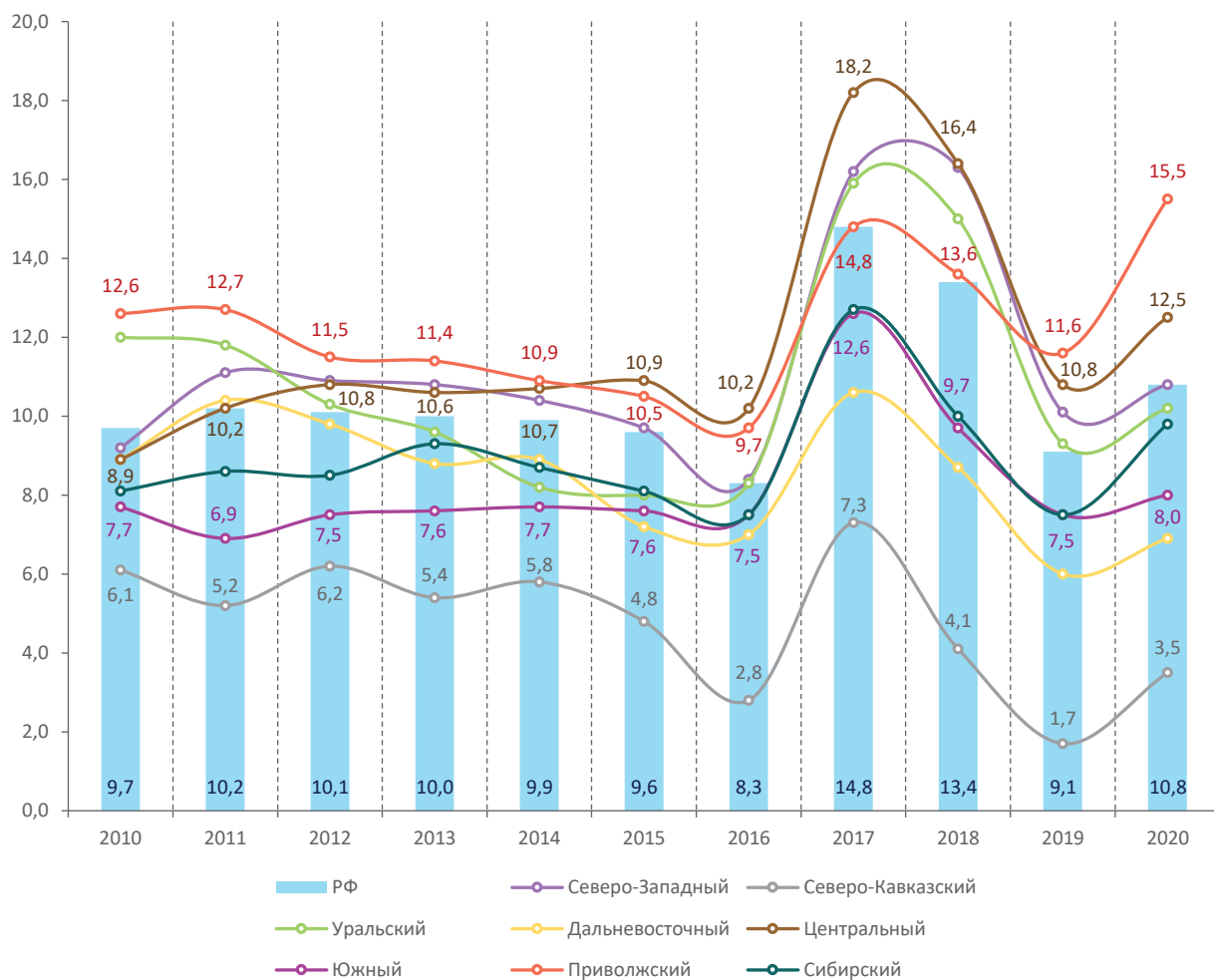

Рис. 3. Динамика инновационной активности предприятий в РФ за 2010–2020 гг. по федеральным округам, %

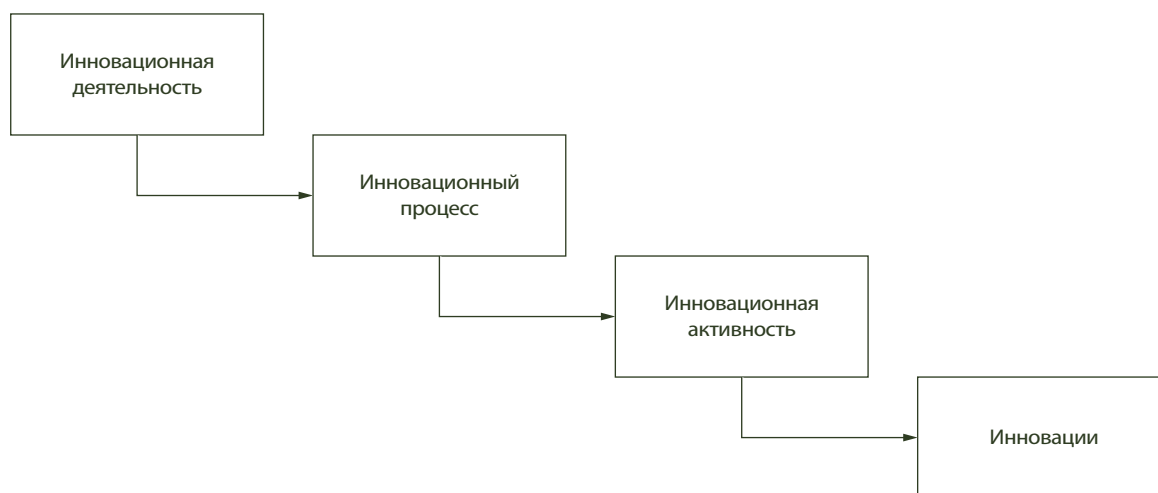

Рис. 4. Взаимосвязь основных категорий инновационной деятельности

Источник: составлено автором.

Теоретические основы инновационной деятельности и подходы к ее стимулированию

Рассматривая инновационную деятельность как процесс, направленный на реализацию результатов законченных научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений в новом или усовершенствованном продукте, реализуемом на рынке, в новом или усовершенствованном технологическом процессе, используемом в практической деятельности, а также дополнительные научные исследования и разработки³, можно сделать вывод о том, что инновационная деятельность тесно связана с понятиями «инновация», «инновационная активность» и «инновационный процесс» (рис. 4).

Результаты анализа научной литературы на эту тему позволили нам выявить наиболее распространенные взгляды относительно этих категорий. Так, инновация представляет собой разработку новых продуктов, внедрение новых процессов и других аспектов деловой активности предприятий, что помогает добиться более высокой добавленной стоимости для бизнеса и различных выгод как для основных потребителей, так и для предприятий (Ильина, 2016). Инновационный процесс – это деятельность по разработке, внедрению, использованию и распространению инноваций, состоящий

из трех этапов: I – НИОКР; II – внедрение в экономические циклы предприятия; III – коммерциализация (Elder, Fagerberg, 2017; Vlok, 2012). Инновационную активность определяют в контексте развития инновационных процессов, т. е. через деятельность по созданию и внедрению в производство различных видов продуктов, технологий и организационно-управленческих нововведений (Ильина, 2016).

В зависимости от степени взаимодействия с внешней средой выделяют три формы инновационного процесса: натуральную, товарную и расширенную (табл. 2). Мы считаем более перспективной расширенную форму инновационного процесса, так как она позволяет добиться постоянного воспроизводства инноваций, обеспечивает расширение инновационной деятельности и получение комплексного эффекта от сотрудничества между компаниями.

При расширенной форме основные элементы инновационного процесса могут быть реализованы последовательно, параллельно или комплексно (рис. 5).

Для расширенного воспроизводства инноваций, обеспечения процесса их непрерывности требуются адекватные формы и методы стимулирования инновационной деятельности. При этом следует учитывать, что инновационная активность зависит как

³ Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям (2010). Paris: OECD. 108 с.

Таблица 2. Основные формы инновационного процесса в рамках взаимодействия с внешней средой

Форма	Взаимодействие с внешней средой	Основные особенности
Натуральная	Не предусматривает	Инновации создаются и используются внутри организации
Товарная	Взаимодействие ограничено	Инновацию можно определить как товар с возможностью реализации на рынке
Расширенная	Явное	Развитие большого числа производителей новшеств, их интеграция, кооперация и конкурентное взаимодействие

Источник: составлено автором.

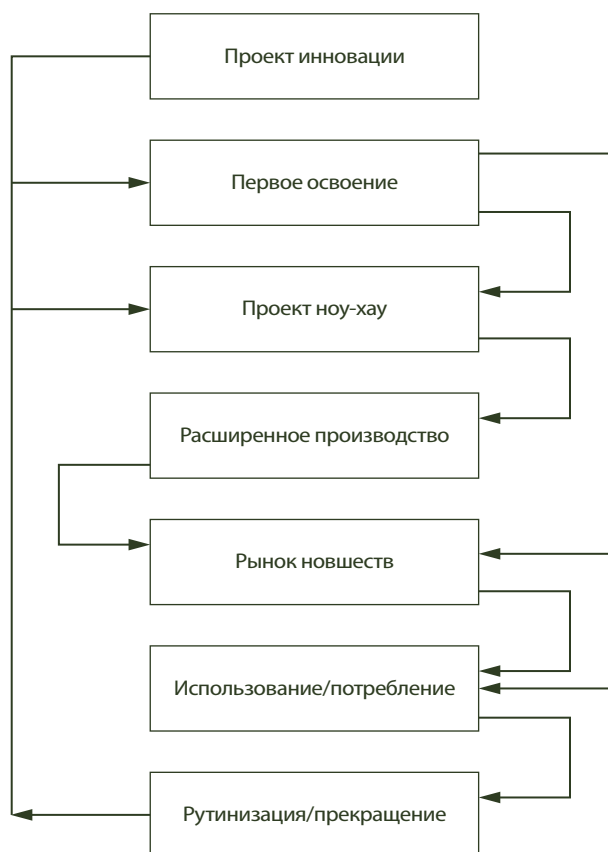

Рис. 5. Основные элементы осуществления инновационного процесса

Источник: составлено автором.

от внешних (государственная политика инновационного развития, экономическая конъюнктура в стране и мире, политическая ситуация), так и внутренних факторов (уровень квалификации работников, финансовая и инвестиционная достаточность, наличие современных информационных технологий).

Процесс стимулирования инновационной деятельности предполагает всесторонний учет многих факторов, включая жизненный цикл инноваций, степень риска,

принадлежность к определенной отрасли, особенности продукта, новых технологий или предоставляемых услуг, сумма первоначальных вложений, частота обращения денежного потока и т. д. В то же время изучение используемых подходов к стимулированию инновационной деятельности показало, что зачастую субъект управления не принимает во внимание стимулирующий фактор. Кроме того, стимулировать инновационную деятельность следует на всех этапах жизненного цикла инноваций, причем на каждом

из уровней: федеральном, региональном, местном и уровне корпорации.

Стимулирование инновационной деятельности предприятиями

Используя классификацию методов стимулирования инновационной деятельности по способам влияния на экономические ресурсы, отметим, что на уровне предприятий в качестве таких ресурсов следует рассматривать финансовые, трудовые; организационно-управленческие; информационные. С учетом вида ресурсов подходы к стимулированию инновационной деятельности, методы, формы и инструменты управленческого воздействия могут быть следующими.

Во-первых, это финансовое стимулирование инновационной деятельности предприятия. Финансовые ресурсы выступают важнейшим ресурсом обеспечения производственной деятельности предприятия и представляют собой сумму его собственных и заемных средств в форме целевых средств (Бланк, 2004).

В целях обеспечения инновационной деятельности и ее активизации финансовые ресурсы могут быть классифицированы по особым критериям: в зависимости от стадии жизненного цикла инновации, по совместимости реализуемых инновационных проектов, по целевому назначению и по направленности воздействия на инновационную деятельность (рис. 6).

Представленная классификация позволяет увидеть, каким образом предприятие может использовать финансовые ресурсы для стимулирования инновационной деятельности. Так, в зависимости от стадии жизненного цикла инноваций виды и объемы финансовых ресурсов определяются исходя из планов освоения инноваций и деятельности по реализации инновационной продукции.

Предприятие может реализовывать несколько инновационных проектов. Это накладывает ограничения по использованию финансовых источников, технологий, коммерциализации и т. д. В этом случае оценивается совместимость реализуемых проектов.

Важным критерием выступает целевое назначение. Денежные средства выделяются на проведение оперативной инновационной деятельности, на обеспечение отдельных проектов инновационного развития или на индивидуальную работу по созданию инноваций. В этом случае источниками финансовых ресурсов могут быть как собственные, так и заемные средства.

Кроме того, следует учитывать стимулирующий или поддерживающий характер финансирования.

Во-вторых, стимулирование инновационной деятельности за счет трудовых ресурсов. Работники предприятий являются непосредственными участниками инновационной деятельности. Благодаря им предприятия могут получать права интеллектуальной собственности на промышленные образцы, изобретения, фирменные наименования, товарные знаки и др.

Одной из главных форм защиты объектов интеллектуальной собственности как в России, так и за рубежом являются патенты. Об эффективности использования человеческого капитала и возможностях стимулирования инновационной деятельности за счет этого ресурса позволяет судить патентная активность.

Данные по динамике патентной активности свидетельствуют, что в 2019 году лидером по числу патентных заявок являлся Китай – 1,54 млн ед., что составляет почти 50% от общего числа заявок в мире (табл. 3). В Российской Федерации количество патентных заявок в 2019 году составило более 37 тыс. ед., что выше уровня 2018 года, однако по сравнению с 2015 годом имеет место его снижение. В то же время Россия входит в десятку стран – лидеров по патентной активности. Кроме нее лидерами по этому показателю являются США, Япония, Южная Корея, Германия и Индия.

В то же время в территориальном разрезе наблюдается дифференциация. В РФ лидерами по использованию различных объектов интеллектуальной собственности в 2019 году были Центральный и Приволжский федеральные округа (табл. 4).

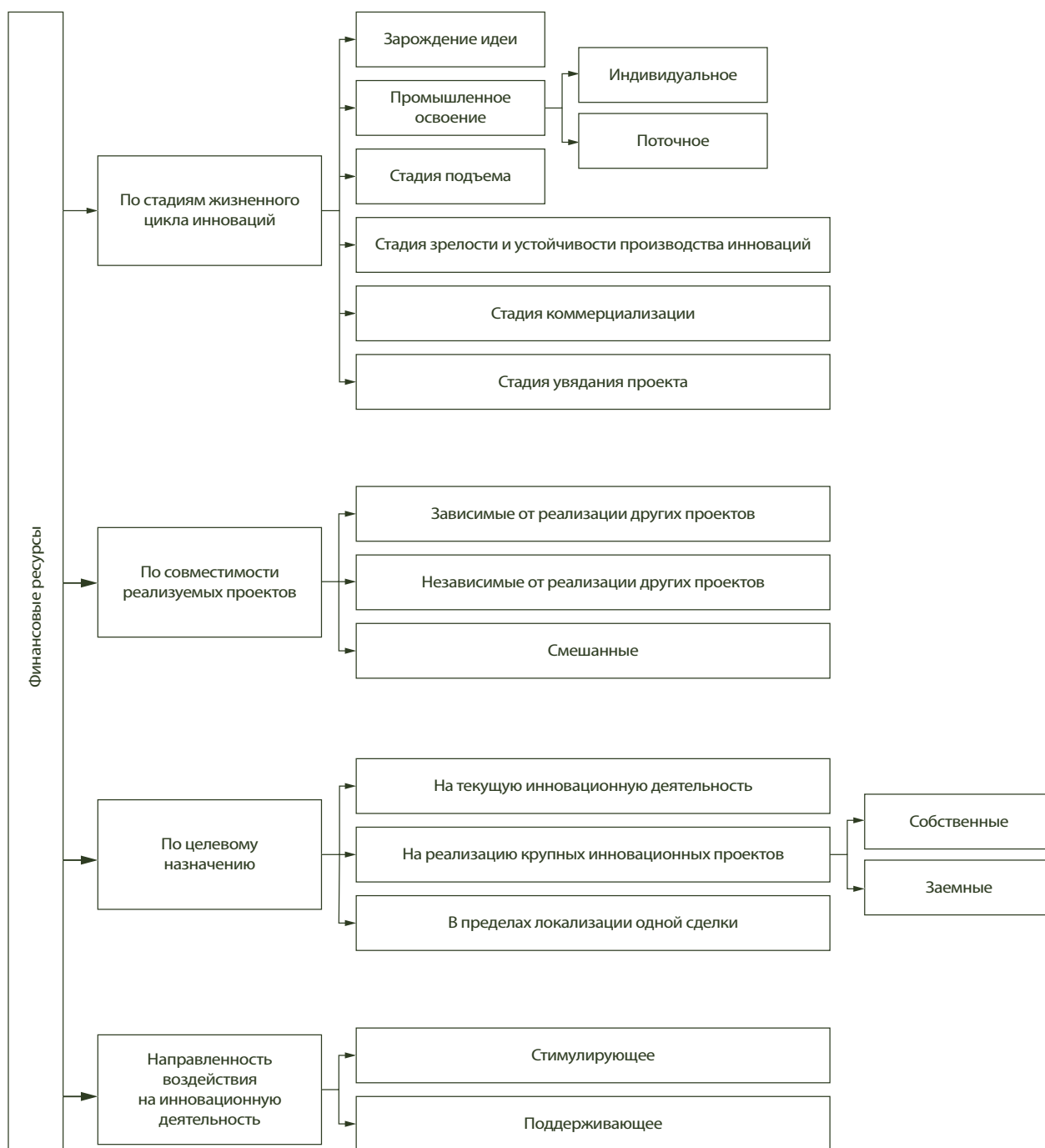

Рис. 6. Классификация видов финансовых ресурсов предприятия, используемых для стимулирования инновационной деятельности

Источник: составлено автором.

Меньше всего объекты интеллектуальной собственности использовались в Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах. Этот факт позволяет сделать вывод о более низком уровне инновационной деятельности и иннова-

ционной активности на указанных территориях.

Отметим также, что количество объектов, в отношении которых используется интеллектуальная собственность, считается фактором инновационной деятельности, где

Таблица 3. Число патентных заявок в России и ведущих зарубежных странах в 2015–2019 гг., ед.

Патентный офис	2019 год			2018 год	2017 год	2016 год	2015 год
	2019 год	% к 2018 году	% к 2015 году				
Китай	1542002	112	166	1381594	1338503	1101864	928177
США	597141	98	103	606956	605571	589410	578802
Япония	313567	98	96	318479	318381	318721	325989
Южная Корея	209992	103	100	204775	208830	213694	210292
ЕС	174397	105	114	166585	159358	160028	152662
Германия	67898	100	103	67712	67899	66893	65965
Индия	50055	107	117	46582	45057	45658	42854
Россия	37957	103	94	36883	41587	45517	40308
Канада	36161	103	102	35022	34745	36964	35481
Австралия	29957	104	115	28906	28394	28605	25956
Бразилия	24857	97	82	25658	28010	30219	30342
Великобритания	20941	95	91	22072	22059	22801	23040
Мексика	16424	96	102	17184	17413	18071	16135
Франция	16222	100	98	16259	16218	16300	16533
Гонконг	15986	98	127	16247	14090	12212	12542
Иран	12823	96	93	13299	15632	14279	13802
Сингапур	11845	108	115	10930	10980	10814	10312
Италия	9821	102	105	9674	9821	9687	9382
Индонезия	9754	105	122	9303	8538	9153	8023

Источник: данные Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). URL: <https://www.wipo.int/portal/ru>

Таблица 4. Использование различных объектов интеллектуальной собственности в федеральных округах России в 2019 году

Территория, округ	Изобретения	Полезные модели	Промышленные образцы	Базы данных	Программы для ЭВМ
Российская Федерация	15492	5566	1888	1238	8515
Центральный	6666	1997	560	440	3935
Северо-Западный	1125	520	103	198	918
Южный	203	161	61	121	240
Северо-Кавказский	157	57	17	12	256
Приволжский	4659	1762	878	176	1488
Уральский	1365	581	112	111	597
Сибирский	1116	449	156	143	892
Дальневосточный	201	39	1	37	189

Источник: данные Росстата.

решающую роль играют люди. В экономике знаний от управленческого персонала предприятий требуется умение решать следующие задачи:

– мотивировать сотрудников активно использовать новые ИКТ и информационные технологии;

– заинтересовывать сотрудников развивать новые способности к знаниям, компетенциям и навыкам;

– отмечать сотрудников, способных выполнять нестандартные задачи.

Решение этих проблем требует разработки способов мотивации и стимулирования

сотрудников к инновациям. При этом методы и инструменты стимулирования и мотивации руководителей и простых работников различаются:

- в рамках исполнения основных обязанностей руководящий персонал может быть инициатором новых предложений и идей, которые способны стать основой формирования инновационных методов управления и создания новшеств;

- стимулирование персонала может осуществляться в форме выдвижения рационализаторских предложений, развития навыков работы с формулами, расчетами, числами и умения проводить комплексные аналитические исследования. Использование всего потенциала знаний для непрерывного и устойчивого роста позволяет добиться наибольшего эффекта.

В-третьих, развитие (стимулирование) инновационной деятельности на основе информационных ресурсов предприятия.

В условиях внедрения достижений четвертой промышленной революции (Индустрии 4.0) рутинные процессы могут быть автоматизированы, тем самым произойдет высвобождение трудовых ресурсов и их перенаправление на развитие услуг и творческой деятельности. В связи с этим повышается важность развития информационных ресурсов (Fuchs, 2008; Lane, 1999).

Поскольку четвертая промышленная революция в основном затрагивает промышленный сектор экономики, российским предприятиям следует развивать новые информационные технологии, в первую очередь цифровые, активнее внедрять успешные практики информатизации ключевых бизнес-процессов, методологию и инструменты Индустрии 4.0 (примером может служить стандартизация промышленного производства, реализованная в Германии в 2013 году, или коалиция лидеров умного производства, созданная в США в 2012 году, и др.).

В-четвертых, развитие (стимулирование) инновационной деятельности за счет организационно-управленческих ресурсов. На наш взгляд, данная группа методов, стимулирующих инновационную деятельность,

имеет в основном стратегическую направленность. Существуют разные стратегии воспроизводства инноваций. Так, в целях стимулирования инноваций большие промышленные компании часто прибегают к использованию стратегии защиты, которая подразумевает развитие цикла исследований (НИОКР) и создание собственных разработок для развития производства. Это помогает улучшить конкурентоспособность на внутреннем и международном рынках.

Таким образом, на уровне предприятий стимулированию инновационной деятельности способствуют методы финансового стимулирования, развитие потенциала трудовых ресурсов, информатизация бизнес-процессов и внедрение ИКТ, методы организационно-управленческого воздействия. Хозяйствующие субъекты располагают современными механизмами стимулирования инновационной деятельности, результаты которой проявляются как на хозяйственном, так и на национальном уровне. Однако, чтобы инновационная активность выступала катализатором роста экономики, требуется, во-первых, наличие современной инфраструктуры (научной, исследовательской, инженерной и т. д.); во-вторых, обеспеченность научными кадрами (для внедрения в производство НИОКР); в-третьих, актуальные научно-технологические разработки; наконец, капитал, в том числе организационный, включающий современные стратегии управления, учитывающие влияние факторов внешней и внутренней среды.

Стимулирование инновационной деятельности государством

Как показывает современная практика, под влиянием санкций и западных ограничений, кризиса, связанного с падением цен на мировом нефтяном рынке, резко сузилась возможность привлечения средств для реализации в стране крупных инновационных проектов, существенно снизился объем инвестиций от ключевых игроков – банков и крупных российских компаний, ограничен доступ к иностранным кредитам. Тем не менее задача перевода российской экономики на инновационный тип развития не поте-

ряла своей актуальности. Поэтому главная роль в активизации и стимулировании нововведений отводится государству, которое на федеральном уровне разрабатывает инновационную политику, определяет основные условия ее реализации, формирует рыночную и производственную инфраструктуру и культуру освоения новшеств; обосновывает направления развития и стимулирования инноваций. К данным направлениям относятся:

- государственная поддержка (в прямой и косвенной формах);
- трансформация рынка труда, повышение его мобильности, усиление мотивации работников;
- развитие интереса к инновационным преобразованиям у организаций – производителей продукции, покупателей, компаний-посредников и общества;
- развитие науки, исследовательских институтов, улучшение их материально-технической базы, технологий и инфраструктуры.

Как уже отмечалось, уровень инновационного развития Российской Федерации позволяет говорить о проблемах эффективности государственного управления, в частности политики стимулирования внедрения инноваций⁴. Эти аспекты более подробно освещены в работах (Вишневецкий, 2010; Грасмик, 2018; Каленов, 2015; North, 2014; Matthews, 2015).

Тем не менее в последнее время в РФ были приняты важные шаги, связанные с реализацией инновационной политики, инновационным стимулированием и внедрением различных инструментов для поддержки развития технологий в стране. Анализ нормативно-правовых документов, поддерживающих инновационный сектор экономики, показывает, что на национальном уровне данному аспекту уделяется значительное внимание (Калятин, 2011). За последнее десятилетие разработан и принят ряд программных документов и постановлений, ка-

сающихся поддержки развития инноваций на федеральном и региональном уровнях, определяющих создание институтов развития инновационной деятельности, оказывающих, в том числе, информационно-финансовую поддержку в данной сфере.

Принята и реализуется «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», предполагающая не только усиление социально-экономической политики за счет включения нового тренда – инновационной политики, но и переход к развитию социально-экономических систем на основе доминирующего положения на рынке инноваций, создания новой модели бизнеса, повсеместного внедрения современных инновационных технологий в деятельность государственных органов, развитие благоприятной инвестиционной и инновационной среды⁵. Заметим, что именно «инновационная деятельность» является важнейшим понятием в данной модели развития социально-экономических сфер: промышленности, высокотехнологичного экспорта, НИОКР, разработки новых технологий и т. д. (Шумпетер, 2007; Adams et al., 2006; Damanpour, 2014).

Стратегия инновационного развития не утратила своей актуальности. Напротив, на ней базируется большое количество национальных, региональных и отраслевых программ, подразумевающих развитие экономики в контексте научно-технологического, инновационного развития и цифровизации.

С 2017 года реализуется государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая в 2019 году получила статус национального проекта. Главными технологиями в ней выступают big data, квантовые технологии, искусственный интеллект, системы распределенного реестра, новые производственные технологии, робототехника, виртуальная и дополненная реальность, беспроводная связь.

⁴ Ишханян М.В., Карпенко Н.В. (2016). Эконометрика: учеб. пособие. Москва: МГУПС (МИИТ). Ч. 1. С. 10–25; Smith H. (2005). What Innovation Is: How Companies Develop Operating Systems for Innovation? A CSC White Paper. European Office of Technology and Innovation. URL: http://www.innovationmanagement.se/wp-content/uploads/pdf/innovation_update_2005.pdf

⁵ О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/77672286/paragraph/1:0>

Одним из итогов реализации нацпроекта будет создание десяти крупнейших российских компаний, реализующих сквозные технологии, использующих цифровые платформы, работающих на мировом рынке и активно создающих «стартапы»⁶.

Среди методов стимулирования инновационной деятельности на государственном уровне выделяются:

- разработка цифровых платформ;
- формирование и развитие рынка «облачных услуг»;
- развитие способов получения статистической информации дистанционно и в режиме реального времени;
- предоставление мобильного доступа в интернет большинству населения России;
- формирование и развитие центров хранения и обработки данных;
- создание цифровой среды, обеспеченные достоверными телекоммуникационными средствами;
- развитие правовых инструментов противодействия неконкурентному поведению на рынке инноваций (Батракова, 2019).

Государство предпринимает и другие шаги по активизации инновационной деятельности. В поддержку инновационной деятельности большой вклад вносят институты развития (более подробная информация предоставляется на сайте www.miiris.ru⁷). Среди значимых институтов поддержки и развития инноваций можно выделить «Роснано», «Фонд содействия инновациям», «Российскую венчурную компанию», «Внешэкономбанк», «Инновационный центр Сколково» и т. д. Данные организации занимаются финансированием коммерческих проектов, софинансируют научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, обеспечивают развитие инфраструктуры.

На региональном уровне также функционируют институты поддержки и развития инноваций: бизнес-инкубаторы, венчурные организации, фонды развития. Их дея-

тельность ориентирована в основном на развитие малого и среднего предпринимательства, стимулирование инновационной деятельности и сокращение отставания от зарубежных стран инновационного уровня отраслей промышленности.

Однако, несмотря на успехи отдельных предприятий и российских регионов, инновационная политика государства все еще носит фрагментарный характер и не обеспечивает устойчивость развития инновационной сферы. Критический анализ методов государственного стимулирования инновационного развития позволяет говорить о наличии некоторых проблемных моментов и необходимости разработки новых инструментов для увеличения эффективности инновационной деятельности (Каракулин, 2020).

Следует прежде всего оценить современные формы, методы и инструменты стимулирования на основе показателей инновационной активности предприятий, выявить резервы и возможности для повышения уровня инновационности российской экономики. При этом нужно учитывать, что на инновационную деятельность предприятий оказывает влияние огромное число факторов (рис. 7).

Необходимо использовать как прямые, так и косвенные методы стимулирования инновационной деятельности, в числе которых налоговые льготы, субсидирование (в том числе процентных ставок), гранты, государственный заказ, расширение международной деятельности и др.

В отношении институтов развития следует заметить, что резервы повышения их эффективности в плане активизации инновационной деятельности в стране далеко не исчерпаны. Это подтверждают результаты анализа финансовой отчетности институтов.

Во-первых, с целью повышения эффективности инновационной деятельности требуется создание современных механизмов финансирования предприятий и организаций,

⁶ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: <https://base.garant.ru/72190282>

⁷ Инновационная инфраструктура и основные показатели инновационной деятельности субъектов Российской Федерации. URL: <https://www.miiris.ru>

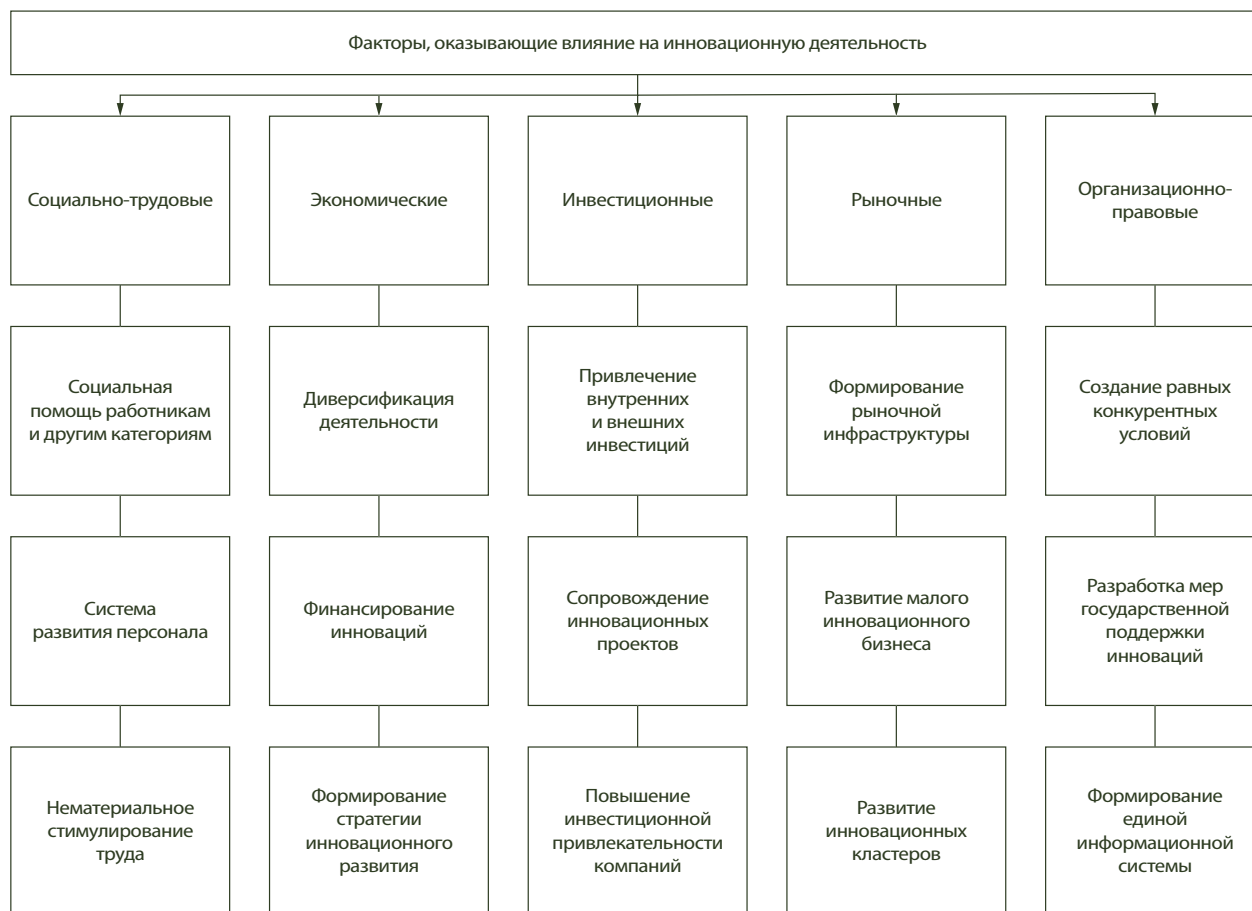

Рис. 7. Факторы инновационной деятельности предприятий

Источник: разработано автором.

занимающихся разработкой инноваций; во-вторых, совершенствование их организационно-правовой формы, приведение их бизнес-модели в соответствие с международными стандартами; в-третьих, разработка комплекса мер по увеличению эффективности инвестиционной политики этих институтов при финансировании инновационных проектов в различных отраслях отечественной экономики; в-четвертых, качественная оценка эффективности инвестиций Институтов развития в фонды зарубежных стран.

Выводы

На современном этапе социально-экономическое развитие страны и ее отдельных территорий в определяющей степени зави-

сит от инноваций, которые выступают одним из главных факторов развития отраслей экономики, важнейшим условием повышения эффективности деятельности предприятий. Внедрение инноваций способствует достижению технологического превосходства, росту конкурентоспособности и повышению устойчивости экономики.

Решить проблему повышения эффективности инновационной деятельности в Российской Федерации можно лишь при активном использовании комплекса инструментов стимулирования не только на уровне предприятий, но и, прежде всего, на уровне государства. Именно государству должна принадлежать ведущая роль в этом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

- Батракова Л.Г. (2019). Развитие цифровой экономики в регионах России // Социально-политические исследования. № 1. С. 42–53.
- Бланк И.А. (2004). Управление финансовой безопасностью предприятия. Киев: Ника-Центр: Эльга. 784 с.
- Вишневецкий В. (2010). Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. № 9. С. 41–62.
- Грасмик К.И. (2018). Инновационная активность предприятий российской промышленности в условиях экономического кризиса // Проблемы прогнозирования. № 5 (170). С. 156–165.
- Гулин К.А., Мазилев Е.А., Кузьмин И.В. [и др.] (2017). Научно-технологический потенциал территорий и его сравнительная оценка // Проблемы развития территории. № 1. С. 7–26.
- Ильина С.А. (2016). Сущность и согласование основных категорий инновационного менеджмента // Наукоедение. Т. 8. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soglasovanie-osnovnyh-kategoriy-innovatsionnogo-menedzhmenta/viewe>
- Каленов О.Е. (2015). Подходы к оценке инновационной деятельности фирмы // Вестник Российского экономического ун-та им. Г.В. Плеханова. № 5 (83). С. 12–14.
- Калятин В.О. (2011). Опыт Европы, США и Индии в сфере государственной поддержки инноваций // Российский юридический журнал. № 1. С. 171–183.
- Каракулин А.Ю. (2020). Методический подход управления инновационным потенциалом персонала // Вестник Академии знаний. № 6 (41). С. 145–150.
- Усков В.С. (2017). Тенденции и проблемы развития научно-технической и инновационной сферы региона // Вестник Владимирского гос. ун-та. № 4. С. 92–111.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.Г. [и др.] (2013). Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН. 170 с.
- Шумпетер Й. (2007). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва: Эксмо. 864 с.
- Adams R., Bessant J., Phelps R. (2006). Innovation management measurement: A review. *International Journal of Management Reviews*, 1 (8), 21–47.
- Damanpour F. (2014). Footnotes to research on management innovation. *Organization Studies*, 5 (39), 1265–1285.
- Elder J., Fagerberg J. (2017). Innovation policy: What, why and how. *Oxford Review of Economic Policy*, 33 (1), 2–23.
- Fuchs C. (2008). The implications of new information and communication technologies for sustainability. *Environment, Development and Sustainability*, 10, 291–309.
- Horth D. (2014). Innovation leadership. How to use innovation to lead effectively, work collaboratively, and drive results. *Center for Creative Leadership*, 18, 4221–4245.
- Lane N. (1999). Advancing the digital economy into the 21st century. *Information Systems Frontiers*, 1 (3), 317–320.
- Matthews C.H., Brueggemann R. (2015). *Innovation and entrepreneurship: A competency framework*.
- Vlok A.A. (2012). Leadership competency profile for innovation leaders in a science-based research and innovation organization in South Africa. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 41, 209–226.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Сергеевич Усков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: v-uskov@mail.ru)

Uskov V.S.

PROMOTING INNOVATION ACTIVITY – A TASK OF NATIONAL IMPORTANCE

At the present stage, socio-economic development of the country and its individual territories is largely influenced by innovations that contribute to achieving technological superiority, increasing competitiveness and promoting economic sustainability. Innovations are also an important factor in the development of sectors of the national economy, a condition for increasing the efficiency of economic entities as a strategic basis for economic development. All this testifies to the importance of state support for modern high-tech industries, the need to promote innovation in the manufacturing sector and the social sphere, management, environmental protection and optimal use of natural resources. The introduction of innovations and new technology is promoted by the national economic policy aimed at maintaining and stimulating innovation activity, boosting the innovation process at all its stages and at all levels of the economy. The policy currently being implemented has a certain impact on the innovation process. However, many of its directions are insufficiently effective; they do not fully take into account the available resource base and the specifics of innovation activity. The unresolved problems existing in this area increase the theoretical and practical significance of studying the issue of stimulating innovation. The scientific novelty of the research lies in the development of methodological approaches to substantiating methods and tools for promoting innovation. The results can be used to analyze and forecast innovative development of national and regional macrosystems in order to form recommendations for policy changes. The scientific significance of the study lies in the possibility of using proposals to promote innovation in the state innovation policy.

Innovation, innovative activity, innovation activity, promotion of innovation activity, Russian Federation.

REFERENCES

- Adams R., Bessant J., Phelps R. (2006). Innovation management measurement: A review. *International Journal of Management Reviews*, 1(8), 21–47.
- Batrakova L.G. (2019). Development of the digital economy in the regions of Russia. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya=Social and Political Research*, 1, 42–53 (in Russian).
- Blank I.A. (2004). *Upravlenie finansovoi bezopasnost'yu predpriyatiya* [Managing the Financial Security of an Enterprise]. Kiev: Nika-Tsentr: El'ga.
- Damanpour F. (2014). Footnotes to research on management innovation. *Organization Studies*, 5(39), 1265–1285.
- Elder J., Fagerberg J. (2017). Innovation policy: What, why and how. *Oxford Review of Economic Policy*, 33(1), 2–23.
- Fuchs C. (2008). The implications of new information and communication technologies for sustainability. *Environment, Development and Sustainability*, 10, 291–309.
- Grasmik K.I. (2018). Innovative activity of enterprises of the Russian industry in the context of the economic crisis. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5(170), 156–165 (in Russian).
- Gulin K.A., Mazilov E.A., Kuz'min I.V. et al. (2017). Scientific and technological potential of a territory and its comparative appraisal. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 1, 7–26 (in Russian).
- Horth D. (2014). Innovation leadership. How to use innovation to lead effectively, work collaboratively, and drive results. *Center for Creative Leadership*, 18, 4221–4245.

- Il'ina S.A. (2016). The essence and coordination of the main categories of innovation management. *Naukovedenie*, 8(5). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soglasovanie-osnovnyh-kategoriy-innovatsionnogo-menedzhmenta/viewe> (in Russian).
- Kalenov O.E. (2015). Approaches to evaluation of the company innovation activity. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo un-ta im. G.V. Plekhanova*=*Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 5(83), 12–14 (in Russian).
- Kalyatin V.O. (2011). The experience of Europe, the USA and India in the field of state support of innovations. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*=*Russian Juridical Journal*, 1, 171–183 (in Russian).
- Karakulin A.Yu. (2020). Methodological approach of personnel innovation potential management. *Vestnik Akademii znaniy*, 6(41), 145–150 (in Russian).
- Lane N. (1999). Advancing the digital economy into the 21st century. *Information Systems Frontiers*, 1(3), 317–320.
- Matthews C.H., Brueggemann R. (2015). *Innovation and entrepreneurship: A competency framework*.
- Schumpeter J. (2007). *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Eksmo.
- Uskov V.S. (2017). Trends and problems of development of the scientific, technological and innovative sphere of the region. *Vestnik Vladimirskogo gos. un-ta*, 4, 92–111 (in Russian).
- Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.G. et al. (2013). *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of Economic Growth of the Territory]. Vologda: ISERT RAN.
- Vishnevskii V. (2010). Innovation, institutions and evolution. *Voprosy ekonomiki*, 9, 41–62 (in Russian).
- Vlok A.A. (2012). Leadership competency profile for innovation leaders in a science-based research and innovation organization in South Africa. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 41, 209–226.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir S. Uskov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: v-uskov@mail.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.5

УДК 314.3(470.13) | ББК 60.7(2Рос.Ком)

© Попова Л.А.

УРОВЕНЬ И СТРУКТУРА РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ: ФАКТОРЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА ПОПОВА

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Сыктывкар, Российская Федерация

e-mail: popova@iespn.komisc.ru

ORCID: [0000-0003-0549-361X](https://orcid.org/0000-0003-0549-361X); ResearcherID: [O-6876-2017](https://orcid.org/0-6876-2017)

Снижение уровня рождаемости, обусловившее новый этап естественной убыли населения России, актуализирует исследования в области рождаемости. В статье рассматриваются динамика уровня рождаемости в Республике Коми, изменения ее структуры по возрасту матери, очередности рождения и брачному статусу матери в городской и сельской местности в течение периода снижения рождаемости 2016–2020 гг. и предшествовавшего ему периода роста 2000–2015 гг., оцениваются обуславливающие их факторы. Исследование выполнено на основе официальных данных Росстата и Комистата и результатов нескольких авторских социологических обследований репродуктивных установок населения. Используются статистические и социологические методы, динамический и сравнительный анализ, методы условного и реального поколения. Установлено, что существенное превышение в республике среднероссийского уровня рождаемости в последние годы явилось следствием реализации программы регионального материнского капитала, введения пособия на третьего ребенка малообеспеченным семьям, а также возрождения в условиях экономического стимулирования многодетности этнических особенностей репродуктивного поведения у населения коренной национальности. Снижение рождаемости в 2016–2020 гг. определяется уменьшением рождаемости первой и второй очередности, рождаемость третьего и более порядка продолжает увеличиваться как в городе, так и в селе. В городской местности наблюдается сокращение рождаемости во всех без исключения возрастных группах населения, в сельской – лишь в молодых. Таким образом, дифференциация возрастных моделей рождаемости в городской и сельской местности, где третьи рождения всег-

Для цитирования: Попова Л.А. (2022). Уровень и структура рождаемости населения Республики Коми: факторы, тенденции, перспективы // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 77–93. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.5

For citation: Popova L.A. (2022). Birth rate of the Komi Republic Population: Factors, trends, prospects. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 77–93. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.5

да происходили в более раннем возрасте, не столько сохраняется, сколько видоизменяется за счет рождений более высокой очередности. В ближайшее время начнется улучшение возрастной структуры женщин репродуктивного возраста, которое обусловит переход стабилизации рождаемости в повышение ее уровня. Его масштабы будут ограничены значительным исчерпанием итоговой детности старших поколений и невысокими репродуктивными установками молодых когорт. Требуется переориентация экономических мер демографической политики на вторые рождения.

Естественный прирост населения, рождаемость, повозрастные коэффициенты, очередность рождений, внебрачные рождения, репродуктивные установки, Республика Коми.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Работа выполнена в рамках темы государственного задания «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Введение

Демографическая ситуация в стране определяется развитием демографических процессов в регионах. В России – с ее огромной территорией с разными природно-климатическими и заметно различающимися социально-экономическими условиями, многонациональным населением с сохранившимися этническими особенностями демографического поведения и исторически сложившимися устойчивыми региональными различиями в возрастной структуре – региональные демографические исследования всегда представляют значительный интерес. Особую актуальность им придают усиление в стране государственной демографической политики, имеющей региональную специфику, и тот факт, что в последнее время общество столкнулось с новыми вызовами, которые оказывают влияние на текущую демографическую ситуацию и ее перспективы, что, безусловно, требует оценки их проявления в разных субъектах страны.

В 2016 году в России начался второй этап естественной убыли населения¹. В отличие от первого этапа (1992–2012 гг.), начало которого было обусловлено пересечением встречных негативных динамик рождаемости и смертности: снижающимся с 1988 года уровнем рождаемости и увеличивающимся с 1990 года уровнем смертности, второй этап, зафиксированный после всего лишь трехлет-

него периода положительного естественного прироста, первые четыре года проходил в условиях снижения смертности, т. е. детерминировался только сокращением рождаемости. Начавшись в 2016 году, оно в тот же год имело следствием переход режима воспроизводства населения страны к отрицательному естественному приросту. В 2020–2021 гг. ощутимый вклад в рост масштабов естественной убыли населения внесло увеличение смертности в условиях пандемии COVID-19. Общий коэффициент естественной убыли вырос с -2,2 на 1000 человек населения в 2019 году до -4,8‰ в 2020 году и до -7,1‰ в 2021 году. Однако повышение смертности в это время было обусловлено непредсказуемыми, форс-мажорными обстоятельствами. Коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19, в 2020 году стала причиной 6,8% всех смертных случаев в России (7,6% – в городской местности, 4,4% – в сельской), а в 2021 году – причиной почти пятой части смертей: 19,1% (в городе и селе соответственно 20,7 и 14,6%)². Новые вызовы, связанные с проведением спецоперации, еще больше усиливают неопределенность в динамике смертности. Вместе с тем динамика рождаемости населения в значительной степени характеризуется долговременными закономерностями, обусловленными факторами, действие которых поддается оценке, что определяет важность исследований этих

¹ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

² Рассчитано по: Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

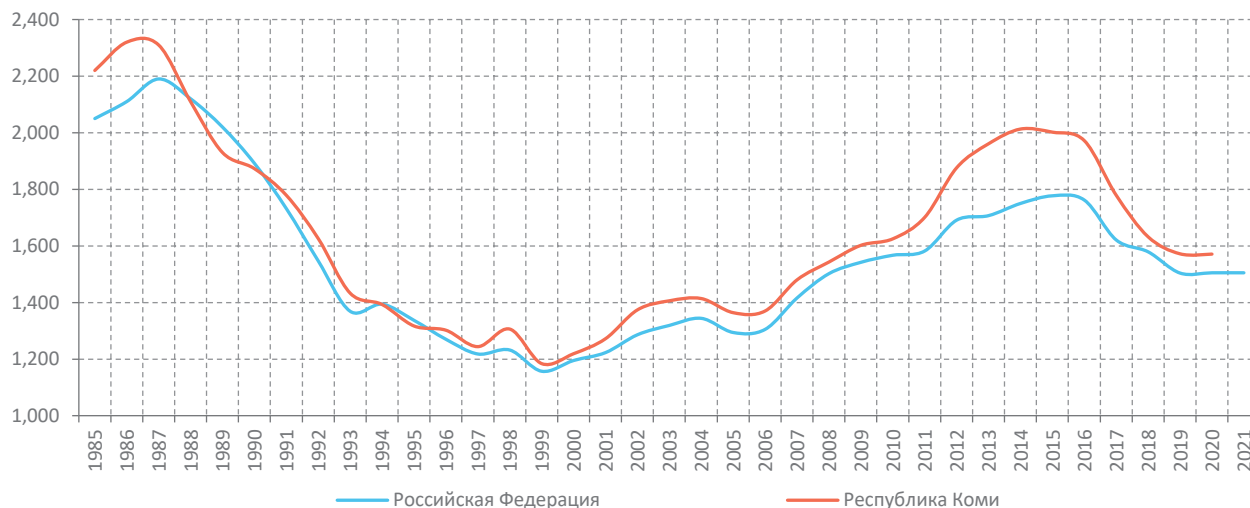

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости населения России и Республики Коми в 1985–2021 гг., детей на одну женщину за весь репродуктивный период

Источники: данные Росстата; официальные издания Комистата.

закономерностей, в том числе в региональном разрезе, с точки зрения повышения достоверности прогнозирования дальнейшего демографического развития и возможности оказания на него позитивного влияния.

В связи с этим цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей уровня и структуры рождаемости населения в Республике Коми, выделении определяющих их факторов и оценке перспектив рождаемости.

Материалы и методы

Для реализации цели использованы статистические и социологические методы, динамический и сравнительный анализ, методы условного и реального поколения, графический и табличный приемы визуализации данных. Теоретической основой исследования являются научные работы ведущих отечественных демографов, посвященные изучению рождаемости и репродуктивного поведения населения, оценке эффективности демографической политики. Информационной базой послужили официальные данные Росстата, Демографических ежегодников Республики Коми и информационно-аналитических бюллетеней Комистата «Естественное движение населения Республики Коми», результаты

нескольких авторских социологических исследований репродуктивных установок населения. Обработка и анализ социологических данных проведены с помощью программ MS Statistica и MS Excel.

Результаты исследования

Динамика уровня рождаемости в Республике Коми

С 2016 года, после шестнадцатилетнего периода роста (2000–2015 гг.), в России наблюдается снижение уровня рождаемости (рис. 1), в 2020–2021 гг. проявившее признаки стабилизации. Во многом оно определяется ухудшением возрастной структуры женщин детородного возраста, начавшимся еще в 2010–2011 гг. Запаздывание сокращения рождаемости по срокам было обусловлено принципиально новыми мероприятиями просемейной демографической политики: учреждением в 2007 году федерального материнского капитала на второго (последующего) ребенка³ и усилением его в 2011 году региональными капиталами на третьего (последующего) ребенка, – которые не только восстановили растущий тренд рождаемости после заметного понижения уровня в 2005 году, но и позволили продлить позитивные тенденции уже в условиях не-

³ О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=356864>

гитивного действия возрастной структуры (Калачикова и др., 2012; Римашевская и др., 2012; Елизаров, 2013; Зверева, 2013; Синельников, 2013; Архангельский, 2014; Елизаров, Кочкина, 2014; Попова, 2014; Фаузер, Фаузер, 2014; Валидова, 2018; Тихомирова, Тихомиров, 2020; Капогузов и др., 2021).

Однако повышение уровня рождаемости после введения материнских капиталов во многом определялось таймингом рождений: уплотнением их календаря в стремлении успеть воспользоваться новыми мерами демографической политики, действие которых несколько раз пролонгировалось, но так и осталось ограниченным по срокам. Досрочное исчерпание итоговой плодовитости когорт, наиболее фертильные возрасты которых пришлись на момент учреждения материнских капиталов, явилось фактором, усиливающим структурное понижение рождаемости. Кроме того, и федеральный материнский капитал на второго ребенка, и региональные капиталы на третьего оказались адресованными в основном многочисленным поколениям 1980-х гг. рождения, а также более старшим когортам, которые в начале их реализации были в возрастах вторых, третьих и более рождений и смогли в максимальной степени выполнить свои репродуктивные планы и даже переоценить и превысить их. Малочисленные поколения 1990-х гг. рождения и последующие, также немногочисленные когорты получили стимулирующее воздействие крупномасштабных мер демографической политики на свое репродуктивное поведение в гораздо меньшей степени. Однако модели репродуктивного поведения (уровень установок детности, характер и степень их реализации) именно этих поколений определяют рождаемость в России в настоящее время и в ближайшем будущем, что также внесло вклад в современный этап ее снижения.

В Республике Коми до второй половины 1980-х гг. рождаемость населения заметно превышала общероссийский уровень (см. рис. 1). Во многом это было обусловлено более поздним по сравнению с русскими началом перехода коренного этноса коми, составляющего около четверти населения республики, к ограничиваемой рождаемости (примерно на 5 лет – в городской местности, на 10 – в сельской). По нашим оценкам на основе данных микропереписи населения 1994 года, к концу 1980-х – началу 1990-х гг. у коми в основном завершился переход к малодетности, этническая дифференциация в уровне детности семей практически сгладилась, остались лишь различия, обусловленные моделями репродуктивного поведения городского и сельского населения⁴. После этого примерно до середины 1990-х гг. величина суммарного коэффициента рождаемости в Коми лишь незначительно превышала показатель в целом по стране, а в 1988–1990 и 1994–1995 гг. его уровень был ниже среднероссийского.

С 1996 года превышение рождаемости в Республике Коми вновь нарастало, и особенно сильным оно оказалось в период 2012–2017 гг. В числе причин этого, безусловно, размер регионального материнского капитала на третьего ребенка⁵, один из самых значительных по стране, обусловивший очень существенный рост рождаемости сельского населения (рис. 2), для которого сумма 150 тыс. руб. в условиях крайне низкого уровня жизни является огромной. Большую роль, думается, сыграли и введенные в 2013 году ежемесячные пособия в размере детского прожиточного минимума на третьего (последующего) ребенка до достижения им трех лет, назначаемые по принципу малообеспеченности семьи⁶. В селе, где большинство семей являются малообеспеченными, ежемесячно получаемые 10–11 тыс. руб. представля-

⁴ Попова Л.А. (2005). Особенности современного популяционного кризиса в северном полиэтничном регионе: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Сыктывкар. С. 189–204.

⁵ О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми: Закон Республики Коми от 29 апреля 2011 г. № 45-РЗ // Республика. 2011. № 98 (12 мая).

⁶ О реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации»: Указ Главы Республики Коми от 15 июня 2012 г. № 73. URL: http://www.detskie-posobiya.ru/ezhemesjachnye_denezhnye_vyplaty_na_tretego_rebenka_do_3_let_mnogodetnym_semjam/komi/ukaz_73

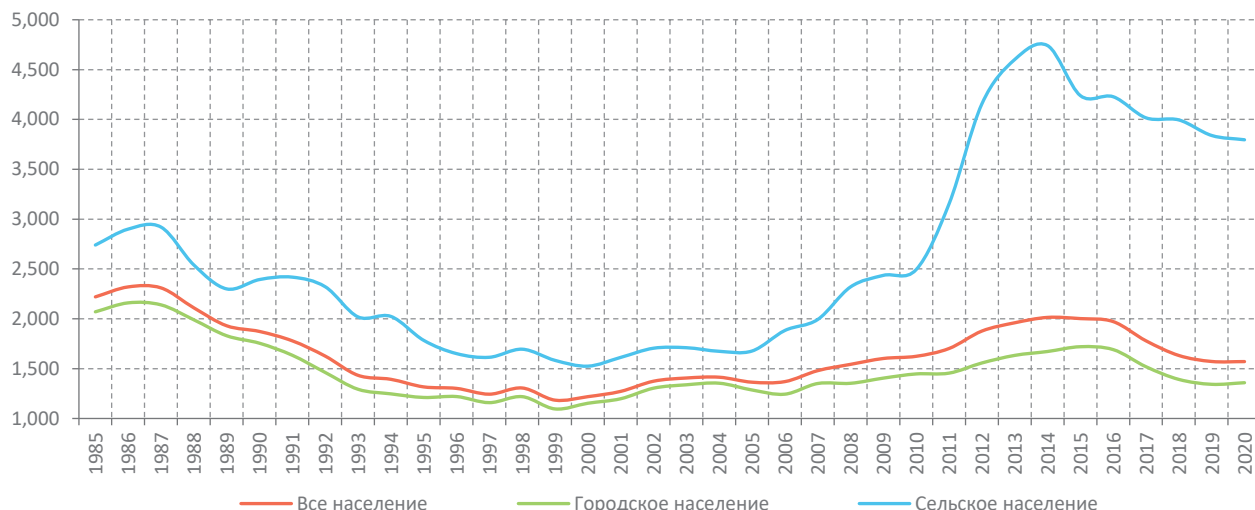

Рис. 2. Динамика суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения Республики Коми в 1985–2020 гг., детей на одну женщину за весь репродуктивный период

Источник: официальные издания Комистата.

ют солидную прибавку в семейный бюджет. В результате в сельской местности республики суммарные коэффициенты рождаемости условных поколений 2012–2017 гг. превышали 4 ребенка в расчете на одну женщину за весь репродуктивный период. Уровень рождаемости сельского населения такого же порядка (4,23 ребенка на одну женщину) последний раз рассчитывался в республике на основе результатов переписи населения 1959 года. Все последующие годы суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности уже не превышал 3, максимально приблизившись к этой отметке в 1987 году – 2,92 ребенка (Фаузер и др., 2001, с. 30).

Безусловно, столь высокие суммарные коэффициенты рождаемости сельского населения, рассчитанные для условных поколений последних лет, во многом связаны с особенностями календаря рождений разных реальных поколений: концентрацией их в указанные временные периоды из-за встречного тайминга рождений молодых и старших когорт. Для молодых поколений большее значение имеет стремление успеть воспользоваться федеральным материнским капиталом, имеющим ограниченный срок действия (как уже отмечалось, он до сих пор не является бессрочным), для старших, реализующих третьи и более рождения, зна-

чительную роль играют региональный материнский капитал и ежемесячные пособия на третьего (последующего) ребенка в малообеспеченных семьях.

Современный этап снижения рождаемости, сопровождающийся сближением с общероссийским уровнем, начался в Республике Коми в 2015 году – на год раньше, чем в целом по стране⁷. К 2020 году величина суммарного коэффициента уменьшилась на 22%: с 2,014 ребенка на одну женщину за весь детородный период в 2014 году до 1,571 в 2020 году. Уровень 2020 года почти не отличается от показателя за 2019 год (1,572), т. е. к 2020 году в Коми так же, как и в среднем по России, снижение рождаемости практически завершилось. В городской местности в 2020 году уже фиксировался небольшой рост суммарного коэффициента: с 1,343 до 1,359. В сельской, где за 2000–2014 гг. показатель увеличился более чем в 3 раза, снижение рождаемости продолжается. За 2014–2020 гг. суммарный коэффициент рождаемости сельского населения уменьшился почти на 20%: с 4,741 до 3,796 ребенка на одну женщину. Но это еще очень высокая цифра, намного превышающая уровень сельского показателя за более чем сорокалетний период с начала 1970-х гг. вплоть до 2011 года, свидетельствующая о продолжающемся ис-

⁷ Демографический ежегодник Республики Коми – 2021: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2021. С. 38.

Таблица. Темпы прироста (убыли) повозрастных коэффициентов рождаемости населения Республики Коми в 1999–2014 гг. и 2014–2020 гг., %

Период	Родившиеся в среднем за год на 1000 женщин в возрасте, лет					
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49
Все население						
1999–2014 гг.	-8,7	21,9	92,7	160,9	290,6	333,3
2014–2020 гг.	-58,7	-41,2	-16,5	-7,1	-1,9	2,2
Городское население						
1999–2014 гг.	-17,1	-6,2	68,7	143,9	322,1	422,2
2014–2020 гг.	-57,8	-28,3	-16,2	-11,8	-8,7	-4,3
Сельское население						
1999–2014 гг.	7,4	237,8	206,3	251,7	227,8	158,1
2014–2020 гг.	-58,0	-76,2	2,4	32,2	40,9	27,5

Источник: рассчитано по данным из официальных изданий Комистата.

черпаниии итоговой плодовитости старших когорт женщин, что будет одним из сдерживающих факторов предстоящего повышения рождаемости.

Изменения структуры рождаемости

В целом в Республике Коми снижение уровня рождаемости за 2014–2020 гг. характерно для большинства групп населения репродуктивного возраста (табл.). Лишь в группе старше 40 лет зафиксировано продолжающееся повышение рождаемости, однако исключительно за счет сельского населения.

В городской местности увеличение уровня рождаемости за 1999–2014 гг. было обеспечено возрастными группами старше 25 лет, у молодежи от 15 до 24 лет повышение наблюдалось лишь в первые годы роста, до введения крупномасштабных мер демографической политики. В период снижения рождаемости (2014–2020 гг.) повозрастные коэффициенты сократились в городе во всех без исключения возрастах, в том числе старших.

В сельской местности за 1999–2014 гг. уровень рождаемости увеличился во всех возрастных группах, включая самые молодые. При этом в группе 20–24 года произошло очень значительное повышение, особенно в 2011–2014 гг. – в годы введения регионального материнского капитала и еже-

месячных пособий на третьего ребенка, что, очевидно, явилось следствием сохранения разных возрастных моделей рождаемости в городской и сельской местности, где третьи рождения происходят в более раннем возрасте. Возрастная мода рождаемости сельского населения (возраст максимального уровня рождаемости) перешла из группы 20–24 года в группу 25–29 лет лишь в 2016 году, когда уже началось снижение рождаемости, в то время как у городского населения такой переход произошел еще в 2008 году (как и по России в целом). По всей вероятности, определенную роль в росте на селе в указанный период уровня рождаемости во всех без исключения возрастных группах сыграло также возрождение в условиях экономического стимулирования многодетности этнических особенностей репродуктивного поведения: в сельской местности коми составляют более половины населения. В 2014–2020 гг. здесь зафиксировано сокращение рождаемости пока только у молодежи до 24 лет, у населения старше 25 лет рождаемость продолжает увеличиваться и в условиях снижения общего уровня рождаемости. По нашей оценке, в 2021 году возрастная мода рождаемости в сельской местности республики перешла в группу 30–34 года⁸, что, очевидно, связано с опережающим увеличением доли рожде-

⁸ Рассчитано по: Естественное движение населения Республики Коми в 2021 году (2022): стат. бюллетень № 06-29-36/3. Сыктывкар: Комистат. С. 18; Численность населения по муниципальным образованиям Республики Коми по полу и возрасту на 1 января 2022 года без учета ВВП-2021 (2022). Сыктывкар: Комистат. С. 1–3.

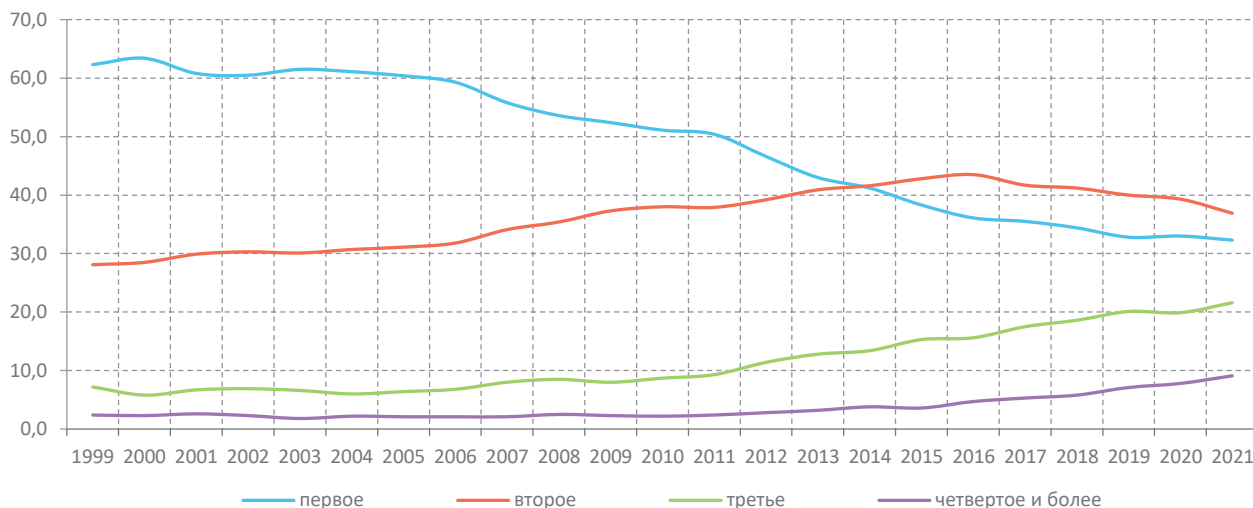

Рис. 3. Изменение структуры рождаемости населения Республики Коми по очередности рождения в 1999–2021 гг., %

Примечание: рассчитано в % к общему числу родившихся у матерей, указавших очередность рождений.

Источник: официальные издания Комистата.

ний выше третьего порядка. Т. е. дифференциация возрастных моделей рождаемости в городской и сельской местности в последние годы видоизменяется.

Необходимо отметить, что в таблице рассмотрена динамика повозрастных коэффициентов рождаемости, рассчитанных с использованием возрастной структуры населения, базирующейся на ежегодных текущих оценках на основе результатов переписи 2010 года. После подведения итогов переписи 2021 года возрастная структура населения за 2011–2020 гг. будет пересчитана – соответственно, несколько изменятся величины повозрастных коэффициентов, что, возможно, внесет определенные коррективы не только в темпы, но даже и направления их динамики. Однако изменения в доле рождений разной очередности по порядку рождения в целом подтверждают закономерности динамики повозрастных коэффициентов.

Рассматривая структуру рождаемости по порядку рождения, следует иметь в виду, что согласно Федеральному закону № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»⁹ с 1999 года информация об очередности рождения была исключена из записей актов о рождении. В начале 2000-х гг. даже в тех регио-

нах (примерно 60 субъектов РФ, в том числе Республика Коми), где статистика по очередности рождений продолжала разрабатываться на основе медицинских свидетельств о рождении, доля рождений с неуказанной очередностью была очень велика. Однако с 2004 года она не превышает в регионе 0,3%.

Динамика структуры рождаемости по очередности рождения (рис. 3) показывает уменьшение в Коми удельного веса первых рождений как в период роста рождаемости 2000–2014 гг., так и после начала снижения (лишь в 2020 году зафиксировано небольшое увеличение доли первенцев). В 2014 году траектории первых и вторых рождений пересеклись – доля первых рождений стала меньше доли вторых. Процент вторых рождений увеличивался в период повышения рождаемости, а с 2017 года наблюдается его сокращение. Рождения более высокого порядка с 2001 года демонстрируют неуклонный рост, в том числе и в последние годы, в период снижения рождаемости. В целом за 2000–2021 гг. удельный вес третьих рождений увеличился в Коми в 3,7 раза, составив в 2021 году 21,6% всех рождений. Доля четвертых и более рождений выросла за эти годы в 4,0 раза, достигнув 9,1%. Т. е. совре-

⁹ Об актах гражданского состояния: Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ // Российская газета. 1997. № 224 (20 ноября).

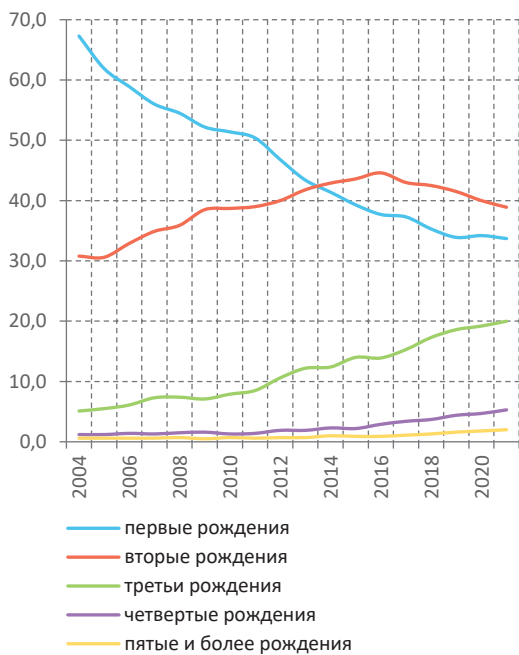
менный этап сокращения уровня рождаемости обусловлен снижением рождаемости первой и второй очередности, рождаемость третьего и более порядка продолжает увеличиваться. В 2021 году почти треть рождений в Республике Коми (30,7%) произошли в многодетных семьях.

Динамика структуры рождаемости по очередности рождения в городской и сельской местности, рассмотренная за период, характеризующийся единичными случаями рождений без указанной очередности, в целом схожая (рис. 4). На протяжении всего рассматриваемого периода сокращалась доля первых рождений и росла доля рождений третьего и более высоких порядков, а траектория удельного веса вторых рождений имела точку перегиба в 2017 году, когда повышение сменилось убывающим трендом. Т. е. как в городской, так и в сельской местности современный этап снижения уровня рождаемости определяется первыми и вторыми рождениями, в то время как удельный вес рождений высокого порядка продолжает увеличиваться. При этом в селе заметно меньше, чем в городе, процент первых и

вторых рождений и больше доли рождений высокой очередности, траектории которых в последнее десятилетие становятся все круче, с чем, очевидно, и связан переход возрастной моды рождаемости сельского населения в группу 30–34 года. Ранее в статье отмечалось, что очень высокие суммарные коэффициенты рождаемости сельского населения последних лет во многом обусловлены особенностями календаря рождений разных реальных поколений, однако динамика структуры рождаемости по очередности рождения показывает, что заметно увеличилась и итоговая детность старших реальных поколений (родившихся в 1970–1980-е гг.).

Рассматривая изменения в структуре рождаемости населения Республики Коми, нельзя обойти вниманием динамику доли рождений вне брака, поскольку высокий уровень внебрачной рождаемости (рис. 5) – по этому показателю республика традиционно входит в первую десятку российских регионов – также относится к этническим особенностям репродуктивного поведения коренного этноса. Для коми традиционно характерно лояльное отношение к вопро-

Городское население

Сельское население

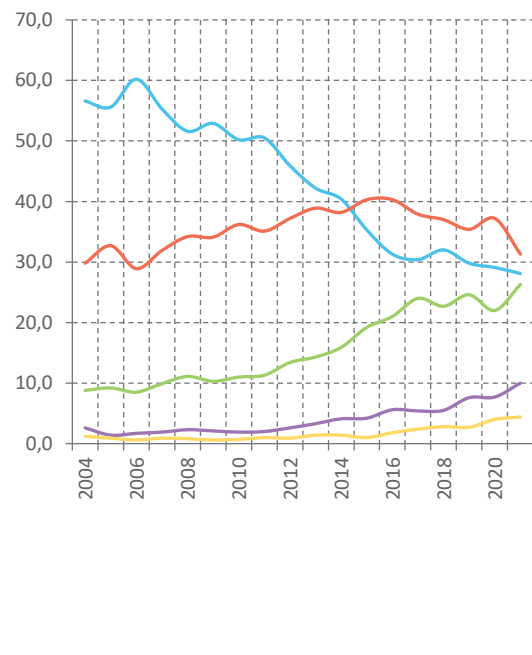

Рис. 4. Изменение структуры рождаемости по очередности рождения в городской и сельской местности Республики Коми в 2004–2021 гг., %

Источник: официальные издания Комистата.

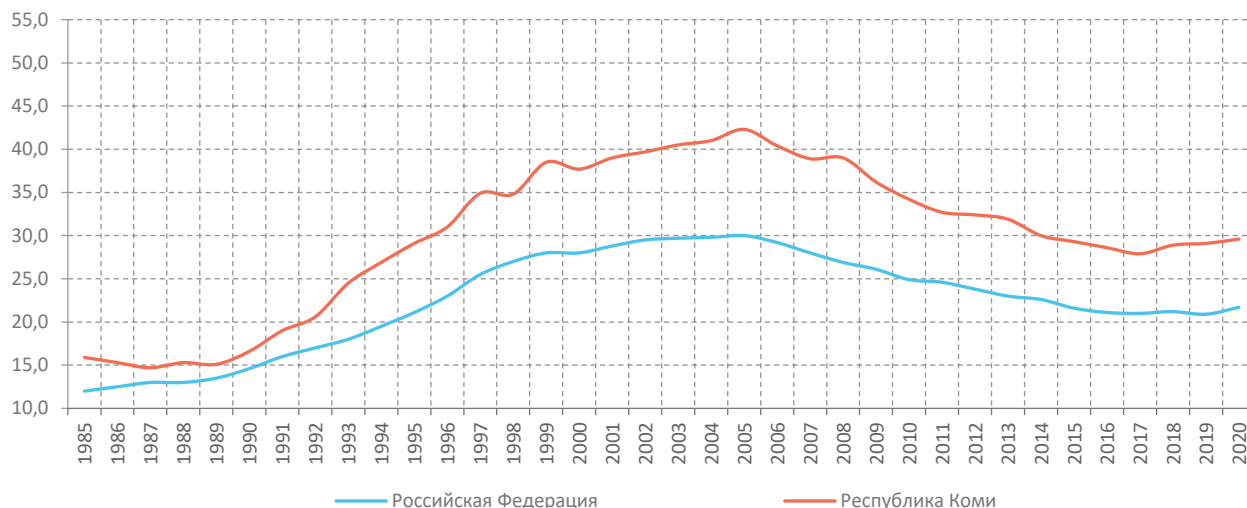

Рис. 5. Динамика доли рождений вне зарегистрированного брака в Российской Федерации и Республике Коми в 1985–2020 гг., %

Источники: данные Росстата; официальные издания Комистата.

су о допустимости добрачного сексуального опыта у женщин и к внебрачной рождаемости. Издавна среди коми не только добрачная половая связь женщины, но и рождение ребенка вне брака не рассматривались ни как греховное явление, ни как социальная проблема (Попов, 1874, с. 9). Истоки такого отношения содержатся непосредственно в древнем языческом мировосприятии коми-зырян, элементы которого в значительной степени сохранились после принятия христианства (Налимов, 1903, с. 82), и в исторически сложившейся экономической самостоятельности коми женщины (Вологдин, 1878, с. 78–79). Подробнее этот вопрос рассмотрен в авторской монографии¹⁰.

Наиболее значительная доля рождений вне зарегистрированного брака была зафиксирована в России в 2005 году – незадолго до введения новых мер демографической политики в области рождаемости. Тогда же в Республике Коми наблюдалось максимальное, на 12,3 п. п., превышение среднероссийского уровня внебрачной рождаемости (42,3% против 30,0%). Дальнейший рост рождаемости в условиях реализации крупномасштабных мер просемейной демографической политики сопровождался устойчивым снижением процента внебрачных

рождений по России и в регионе, что позволяет позитивно оценить учреждение материнских капиталов с точки зрения увеличения семейной составляющей рождаемости, а также сближением республиканского уровня внебрачной рождаемости со среднероссийским. В условиях снижения рождаемости с 2018 года вновь наметился некоторый рост удельного веса внебрачных рождений, которому сопутствует расхождение республиканской траектории с общероссийской.

И по стране в целом, и в Республике Коми уровень внебрачной рождаемости в сельской местности заметно выше, чем в городской (рис. 6). Причем сближения не прослеживается ни в условиях роста рождаемости, ни в условиях снижения. Конечно, рождения вне зарегистрированного брака – далеко не однозначный феномен. Часть их регистрируется по совместному заявлению обоих родителей, косвенно свидетельствуя о наличии фактической семьи или визитного брака или, по меньшей мере, подтверждая право на получение алиментов на содержание и воспитание ребенка. Другая часть регистрируется по заявлению одной матери, что тоже не всегда исключает наличия устойчивых отношений между родителями, но чаще всего приводит к воспитанию ребенка оди-

¹⁰ Попова Л.А. (2007). Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН. С. 49–53.

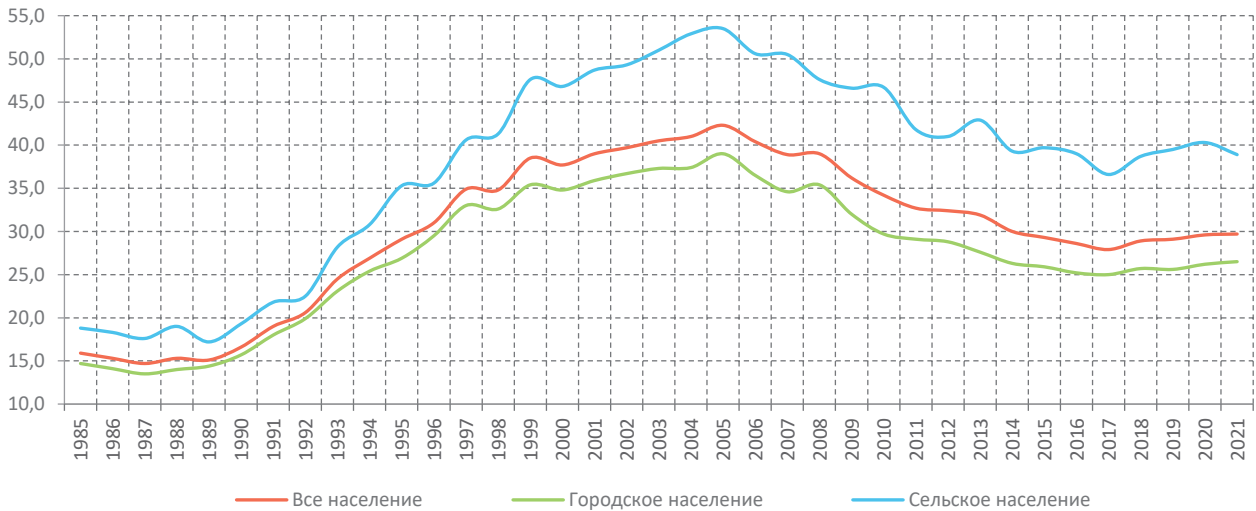

Рис. 6. Динамика доли рождений вне зарегистрированного брака в городской и сельской местности Республики Коми в 1985–2021 гг., %

Источник: официальные издания Комистата.

нокой матерью или совместно с неродным отцом. В 2021 году 56,7% всех внебрачных рождений в Республике Коми зарегистрированы по совместному заявлению родителей, однако в 2017 году этот показатель достигал 64,5%. Т. е. в последние годы, в условиях снижения рождаемости, вновь наметился не только рост удельного веса рождений вне брака, но и увеличение процента внебрачных рождений, зарегистрированных по заявлению одной матери, что можно оценить как свидетельство ухудшения качественной структуры рождаемости с точки зрения экономических и социализирующих возможностей семьи.

Репродуктивные установки населения в условиях новых мер демографической политики

Выше отмечалось, что уровень рождаемости детерминируется преобладающими моделями репродуктивного поведения населения: уровнем установок детности, характером и степенью их реализации. Репродуктивное поведение наряду с матримонимальным, самосохранительным и миграционным рассматривается как вид демографического поведения населения (Архангельский и др., 2005). Оно понимается как система действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей в браке и вне брака или отказ от деторождения, регулирующийся биологиче-

скими, экономическими, психологическими и социальными факторами (Антонов, 1980; Борисов, 2001; Медков, 2009). Результатом репродуктивного поведения является не только число детей, аборт, распространенность применения контрацепции, но и изменение установок детности, которые связаны с переопределением ситуации под влиянием социального воздействия на ценностные ориентации человека (Антонов, Медков, 1996). К числу факторов, оказывающих социальное воздействие на уровень формирующихся у молодежи репродуктивных установок и на их изменение с течением времени, безусловно, следует отнести меры демографической политики в области рождаемости.

Ранее, на основе анализа статистики рождаемости и сравнительного анализа результатов социологических обследований, проведенных автором в 2008–2009 и 2013 гг., был получен вывод о том, что укрепление федерального материнского капитала региональным содействовало не только продлению тенденции роста рождаемости уже при ухудшении возрастной структуры, повышению уровня реализации репродуктивных установок населения и усилению семейной компоненты рождаемости, но и увеличению самого уровня установок детности, в том числе у самых молодых когорт населения (Попова, 2016). Сравнение репродуктивных

установок молодых поколений, выявленных в ходе проведенного в 2015–2016 гг. обследования молодежи 15–26 лет, с результатами обследования 2013 года показало, что в условиях продления срока действия материнского капитала на второго ребенка у поколения 1989–1993 гг. рождения, которое на момент обследования (2015–2016 гг.) стало его адресатом, произошел рост установок детности. В то же время у когорты 1994–1998 гг. в отсутствие расширения спектра мероприятий по поддержке рождаемости наметилось снижение уровня репродуктивных установок. А на установки детности самых молодых участников указанного обследования, родившихся в 1999–2000 гг., демографическая политика 2006–2011 гг. уже не оказала никакого влияния (Попова, Шишкина, 2016).

В 2016 году в России возобновилась естественная убыль населения, обусловленная начавшимся снижением рождаемости. В этих условиях мероприятия политики в области рождаемости были существенно расширены – в основном начиная с 2018 года. Новых мер достаточно много, но большинство из них назначаются по принципу малообеспеченности и скорее являются мерами социальной политики, призванными оказать помощь семьям с детьми в трудной жизненной ситуации. В то же время льготную ипотеку при рождении второго (последующего) ребенка¹¹ (а с июля 2021 года – первого ребенка, рожденного после 1 января 2018 года), погашение части ипотеки при рождении третьего (последующего) ребенка, увеличение налоговых льгот на имущество многодетных семей, материальную помощь молодым семьям при рождении первенцев и особенно возможность оформить сертификат на материнский капитал уже при рождении первого ребенка¹², безусловно, можно считать мерами демографической политики в области рождаемости, способствующими,

по меньшей мере, более полной реализации существующих репродуктивных планов населения, о чем свидетельствуют некоторое уменьшение в 2018–2020 гг. темпов снижения рождаемости по сравнению с 2017 годом и наметившаяся в 2020–2021 гг. – еще до начала улучшения возрастной структуры женщин репродуктивного возраста (по нашим оценкам, она начнется не раньше 2023 года (Попова, Шишкина, 2017, с. 104)) – стабилизация уровня суммарного коэффициента.

Для оценки влияния новых мер демографической политики на репродуктивные установки молодых когорт населения были использованы результаты социологического обследования «Здоровье и качество жизни населения», проведенного в декабре 2020 года (Попова и др., 2021). Наряду с вопросами, касающимися оценки населением антиковидных мер 2020 года, качества медицинского обслуживания, состояния своего здоровья, характера собственного образа жизни и пр., респондентам были заданы стандартные вопросы об их репродуктивных установках.

Анализ полученных результатов (Попова, 2022) позволяет сделать вывод о том, что расширение мер демографической политики в 2018–2020 гг. не оказало позитивного воздействия на уровень репродуктивных установок населения. Более того, динамику установок детности молодых поколений, определяющих современный уровень рождаемости и его ближайшие перспективы, в сравнении с установками, выявленными в результате исследования 2015–2016 гг., можно оценить как понижающуюся. Это, конечно, всего лишь оценка, основанная на региональных исследованиях, но она позволяет усомниться в правильности выбранного направления демографической политики последних лет. На наш взгляд, главные причины отсутствия позитивного влияния расширения перечня ее мер на уровень установок детности мо-

¹¹ О внесении изменений в постановление Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1711 (ред. от 14.04.2021). URL: <http://static.government.ru/media/files/AZBhH0P1RgEwoWpVW8V1sw9UMsAuEMhO.pdf> (дата обращения 30.09.2022).

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции: Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45570> (дата обращения 30.09.2022).

лодых когорт населения – это адресность по малообеспеченности большинства новаций в области помощи семьям с детьми, которая акцентирует внимание на экономической невыгодности детей для семьи, и переориентация демографической политики на первые рождения. С одной стороны, направленность на первенцев определяет вовлечение в сферу действия демографической политики именно молодых когорт, улучшая условия реализации репродуктивных установок – и это нашло отражение в стабилизации суммарного коэффициента (а также в некотором росте доли первенцев в 2020 году). С другой стороны, переориентация демографической политики на первые рождения способствует понижению уровня репродуктивных установок молодых когорт, что получит отражение в перспективах рождаемости.

По нашему мнению, необходимо обратное перенаправление экономических мер демографической политики на вторые рождения, тем более что поддержку вторых рождений можно считать самой просемейной мерой демографической политики, поскольку вторые чаще рождений других очередностей происходят в условиях полной, официально зарегистрированной семьи, которая обеспечивает максимально благоприятные условия для социализации детей. Но при этом в демографической политике ни в коем случае нельзя откатываться назад. При обязательном сохранении и федерального материнского капитала (с правом реализации части суммы уже при рождении первенца), и региональных материнских капиталов на третьего ребенка необходимо усилить меры, стимулирующие вторые рождения, например, заморозив размер сертификата федерального материнского капитала, оформляемого при первом рождении, активно проиндексировать размер, назначаемый при втором рождении, чтобы он превысил величину при рождении первенца. Аналогичную механику выплат следует применить и к региональным капиталам на третьего ребенка, назначая основную ее часть уже при рождении второго ребенка. Кроме того, материнским капиталам необходимо

придать, наконец, постоянный, бессрочный характер, чтобы укрепить доверие молодежи к ним и в дальнейшем избежать феномена досрочного исчерпания итоговой фертильности реальных поколений в стремлении успеть реализовать право на них. Все это тем более важно, что усиление мер, направленных на вторые рождения, в настоящее время будет адресовано самой малочисленной когорте второй половины 1990-х гг. рождения, активизация репродуктивного поведения которой соответствует долгосрочным целям демографического развития России. И это сможет позитивно повлиять на уровень установок детности еще более молодых поколений 2000-х гг. рождения, тоже весьма немногочисленных.

Заключение

Таким образом, в течение последних 25 лет уровень рождаемости в Республике Коми стабильно превышает среднероссийский. Особенно существенное превышение наблюдалось в 2012–2017 гг. за счет очень высоких (более 4 детей) суммарных коэффициентов рождаемости в сельской местности, что явилось следствием реализации программы регионального материнского капитала на третьего ребенка, одного из самых значительных по стране, введения ежемесячного пособия на третьего ребенка малообеспеченным семьям и возрождения в условиях экономического стимулирования многодетности этнических особенностей репродуктивного поведения у населения коренной национальности.

Повышение уровня рождаемости в 2000–2014 гг., сопровождавшееся увеличением в республике удельных весов рождений всех очередностей, кроме первой, в сельской местности было обусловлено всеми группами репродуктивного возраста, в городской – возрастными группами старше 25 лет.

В 2015 году, на год раньше, чем по России, в Коми началось отсроченное введение крупномасштабных мер демографической политики структурное понижение рождаемости, перешедшее к 2020 году в стабилизацию. Оно определяется уменьшением

рождаемости первой и второй очередности. Удельный вес рождений третьего и более порядка продолжает увеличиваться как в городе, так и в селе. При этом в городской местности наблюдается сокращение уровня рождаемости во всех без исключения возрастных группах, в сельской – лишь в молодых, до 24 лет. Т. е. дифференциация возрастных моделей рождаемости в городской и сельской местности, где третьи рождения всегда происходили в более раннем возрасте, не столько сохраняется, сколько видоизменяется. Возрастная мода рождаемости перешла в сельской местности из группы 20–24 года в группу 25–29 лет существенно позже, чем в городе, однако в 2021 году оценивается ее переход в группу 30–34 года – за счет рождений выше третьей очередности.

Укрепление федерального материнского капитала региональным содействовало продлению тенденции роста рождаемости уже при ухудшении возрастной структуры, повышению уровня реализации репродуктивных установок населения, усилению семейной компоненты рождаемости, увеличению установок детности, в том числе у самых молодых когорт населения. Новые меры демографической политики, введенные в

2018–2020 гг., способствуют более полной реализации существующих репродуктивных планов, о чем свидетельствует наметившаяся в 2020–2021 гг. – еще до начала улучшения возрастной структуры репродуктивных контингентов – стабилизация уровня суммарного коэффициента. Однако они не оказали позитивного воздействия на уровень репродуктивных установок. Более того, динамику установок детности молодых поколений, определяющих современный уровень рождаемости и его ближайшие перспективы, можно оценить как понижающуюся. В основе этого адресность по малообеспеченности большинства новаций в области помощи семьям с детьми и переориентация демографической политики на первые рождения.

В ближайшее время начнется улучшение возрастной структуры женщин репродуктивного возраста, которое обусловит переход стабилизации рождаемости в повышение ее уровня. Его масштабы будут ограничены значительным исчерпанием итоговой детности старших поколений и невысокими репродуктивными установками молодых когорт. Требуется переориентация экономических мер демографической политики на вторые рождения.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов А.И. (1980). Социология рождаемости. Москва: Статистика. 161 с.
- Антонов А.И., Медков В.М. (1996). Социология семьи. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 304 с.
- Архангельский В.Н. (2014). Оценка демографической результативности мер помощи семьям с детьми в России // Демография и социальная экономика. № 1. С. 108–120.
- Архангельский В.Н., Елизаров В.В., Зверева Н.В., Иванова Л.Ю. (2005). Демографическое поведение и его детерминация. Москва: ТЕИС. 351 с.
- Борисов В.А. (2001). Демография. Москва: Nota Bene. 272 с.
- Валидова А.Ф. (2018). Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и в Республике Татарстан // Регионоведение. Т. 26. № 3. С. 494–511.
- Вологдин П. (Засодимский П.В.) (1878). Лесное царство // Слово. Санкт-Петербург. С. 57–88 (сентябрь – октябрь), 145–185 (ноябрь).
- Елизаров В.В. (2013). Семейная политика: прошлое, настоящее, будущее // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Вып. 1. Москва: Экон-Информ. С. 10–28.
- Елизаров В.В., Кочкина Е.В. (2014). Государственная семейная и демографическая политика в России: к разработке эффективных мер повышения рождаемости. Москва: Вариант. 162 с.

- Зверева Н.В. (2013). Действенность мер демографической политики в области рождаемости: оценки населением // Вестник Самарского гос. экономического ун-та. № 9. С. 15–27.
- Калачикова О.Н., Шабунова А.А., Ласточкина М.А. (2012). Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (23). С. 143–153.
- Капогузов Е.А., Чупин Р.И., Харламова М.С. (2021). Оценка результативности семейной политики в направлении увеличения доходов россиян и снижения уровня бедности // Вопросы управления. № 4 (71). С. 108–122.
- Медков В.М. (2009). Демография. Москва: ИНФРА-М. 683 с.
- Налимов В.П. (1903). Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // Этнографическое обозрение. Кн. 57. № 2. С. 76–86.
- Попов К. (1874). Зыряне и Зырянский край / под ред. Н.А. Попова // Труды этнографического отдела. Москва. Кн. 3. Вып. 2. 89 с.
- Попова Л.А. (2014). Оценка эффективности государственных демографических инициатив // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (31). С. 125–137.
- Попова Л.А. (2016). Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2 (44). С. 79–93.
- Попова Л.А. (2022). Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. № 2. С. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7
- Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. (2021). Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 5. С. 261–276. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15
- Попова Л.А., Шишкина (Зырянова) М.А. (2016). Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи // Проблемы развития территории. № 5 (85). С. 57–71.
- Попова Л.А., Шишкина (Зырянова) М.А. (2017). Влияние современной российской демографической политики на тенденции и перспективы рождаемости населения. Сыктывкар: Коми республиканская типография. 128 с.
- Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г., Янчук Ю.Н. (2012). Изменение посемейной структуры населения как следствие «новой» пронаталистской политики в России // Демографическое настоящее и будущее России и ее регионов: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Вып. 1. Москва: Экон-Информ. С. 87–94.
- Синельников А.Б. (2013). Влияние семейной и демографической политики на брачность и рождаемость // Стратегия демографического развития России: рождаемость и семейная политика: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. Вып. 1. Москва: Экон-Информ. С. 127–135.
- Тихомирова Т.М., Тихомиров Н.П. (2020). Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России // Федерализм. № 1 (97). С. 5–26.
- Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. (2001). Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар: Полиграф-сервис. 124 с.
- Фаузер В.В., Фаузер Г.Н. (2014). Государственная политика решения социально-трудовых и демографических проблем Севера России. Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского гос. ун-та. № 2. С. 137–147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лариса Алексеевна Попова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

Popova L.A.

BIRTH RATE OF THE KOMI REPUBLIC POPULATION: FACTORS, TRENDS, PROSPECTS

Birth rate decline, which caused a new stage of natural decline in Russia's population, actualizes research in the field of fertility. The article examines the birth rate dynamics in the Komi Republic, changes in its structure by the age of the mother, the order of birth and mother's marital status in urban and rural areas during the birth rate decline period of 2016–2020 and the preceding period of growth of 2000–2015, and assesses the factors causing them. We have carried out the research on the basis of Rosstat and Comistat official data and the results of several author's sociological surveys of reproductive attitudes. We have used statistical and sociological methods, dynamic and comparative analysis, methods of conditional and real generation. We have established that a significant excess of the average Russian birth rate in the republic in recent years is the result of the implementation of the regional maternity capital program, the introduction of a third child allowance for low-income families, as well as the revival of ethnic characteristics of reproductive behavior among the indigenous population in conditions of economic stimulation of large families. Birth rate decrease in 2016–2020 is determined by a decrease in the birth rate of the first and second order, the birth rate of the third and higher order continues increasing both in the city and countryside. In urban areas, there is birth rate decrease in all age groups, in rural areas – only in young ones. Thus, the differentiation of age-related birth patterns in urban and rural areas, where the third births always occur at an earlier age, is not so much preserved as modified by higher-priority births. In the near future, the improvement of the age structure of women of reproductive age will begin, which will lead to the transition of birth rate stabilization to an increase in its level. Its scope will be limited by a significant exhaustion of the final childhood of older generations and low reproductive attitudes of young cohorts. It is necessary to repurpose economic measures of demographic policy to second births.

Natural population growth, fertility, age coefficients, birth order, illegitimate births, reproductive attitudes, Komi Republic.

REFERENCES

- Antonov A.I. (1980). *Sotsiologiya rozhdaemosti* [Sociology of Fertility]. Moscow: Statistika.
- Antonov A.I., Medkov V.M. (1996). *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of Family]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Arkhangel'skii V.N. (2014). Assessment of the demographic effectiveness of measures to help families with children in Russia. *Demografiya i sotsial'naya ekonomika*, 1, 108–120 (in Russian).
- Arkhangel'skii V.N., Elizarov V.V., Zvereva N.V., Ivanova L.Yu. (2005). *Demograficheskoe povedenie i ego determinatsiya* [Demographic Behavior and Its Determination]. Moscow: TEIS.
- Borisov V.A. (2001). *Demografiya* [Demography]. Moscow: Nota Bene.

- Elizarov V.V. (2013). Family policy: Past, present, future. In: *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost' i semeinaya politika: mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Russia's Demographic Development Strategy: Fertility and Family Policy: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Issue 1]. Moscow: Ekon-Inform (in Russian).
- Elizarov V.V., Kochkina E.V. (2014). *Gosudarstvennaya semeinaya i demograficheskaya politika v Rossii: k razrabotke effektivnykh mer povysheniya rozhdaemosti* [State Family and Demographic Policy in Russia: To the Development of the Effective Measures to Increase Fertility]. Moscow: Variant.
- Fauzer V.V., Fauzer G.N. (2014). State policy of solving social, labor and demographic problems of the North of Russia. Corporate governance and innovative development of the economy of the North. *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarского gos. un-ta=Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, 2, 137–147 (in Russian).
- Fauzer V.V., Rozhkin E.N., Zagainova G.V. (2001). *Respublika Komi v XX veke: demografiya, rasselenie, migratsiya* [Komi Republic in the 20th Century: Demography, Settlement, Migration]. Syktyvkar: Poligraf-servis.
- Kalachikova O.N., Shabunova A.A., Lastochkina M.A. (2012). Trends and prospects of demographic development in Russia and the Vologda Oblast. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5(23), 143–153 (in Russian).
- Kapoguzov E.A., Chupin R.I., Kharlamova M.S. (2021). Assessment of family policy achievements in income increase and poverty decrease in Russia. *Voprosy upravleniya=Management Issue*, 4(71), 108–122 (in Russian).
- Medkov V.M. (2009). *Demografiya* [Demography]. Moscow: INFRA-M.
- Nalimov V.P. (1903). Some features from the pagan worldview of the Zyryans. *Etnograficheskoe obozrenie=Ethnographic Review*, Book 57, 2, 76–86 (in Russian).
- Popov K. (1874). Zyryans and Zyryansky region. In: *Trudy etnograficheskogo otdela. Kn. 3. Vyp. 2*. [Proceedings of the Ethnographic Department. Book 3. Issue 2]. Moscow.
- Popova L.A. (2014). Evaluation of efficiency of the public demographic initiatives. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1(31), 125–137 (in Russian).
- Popova L.A. (2016). Modern Russian demographic policy in the field of fertility: Results and areas for improvement. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(44), 79–93 (in Russian).
- Popova L.A. (2022). Reproductive attitudes of young real generations under the strengthened demographic policy measures. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki=PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, 2, 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7 (in Russian).
- Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N. (2021). Self-preservation behavior: Generational aspect. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(5), 261–276. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15 (in Russian).
- Popova L.A., Shishkina M.A. (2016). Marriage and family and reproductive attitudes of today's young people. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 5(85), 57–71 (in Russian).
- Popova L.A., Shishkina M.A. (2017). *Vliyanie sovremennoi rossiiskoi demograficheskoi politiki na tendentsii i perspektivy rozhdaemosti naseleniya* [The Influence of Contemporary Russian Demographic Policy on the Trends and Prospects of the Birth Rate]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya.
- Rimashevskaya N.M., Dobrokhleb V.G., Yanchuk Yu.N. (2012). Change in the family structure as a consequence of the “new” pronatalist policy in Russia. In: *Demograficheskoe nastoyashchee i budushchee Rossii i ee regionov: mat-ly Vseross. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Demographic Present and Future of Russia and Its Regions: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Issue 1.]. Moscow: Ekon-Inform (in Russian).

- Sinel'nikov A.B. (2013). The influence of family and demographic policy on marriage and fertility. In: *Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii: rozhdaemost' i semeinaya politika: mat-ly Vseross. nauch.-prakt. konf. Vyp. 1* [Russia's Demographic Development Strategy: Fertility and Family Policy: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Issue 1]. Moscow: Ekon-Inform (in Russian).
- Tikhomirova T.M., Tikhomirov N.P. (2020). Evaluation of the impact of maternity capital in Russian regions. *Federalizm=Federalism*, 1(97), 5–26 (in Russian).
- Validova A.F. (2018). Impact of the demography policy on birth rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Regionologiya=Regionology*, 26(3), 494–511 (in Russian).
- Vologdin P. (Zasodimsky P.V.) (1878). Forest kingdom. *Zhurnal. Slovo. SPB=Journal. Word. SPB, Knizhka za sentyabr'-oktyabr'*, 57–88, *Knizhka za noyabr'*, 145–185 (in Russian).
- Zvereva N.V. (2013). Efficiency of measures for demographic policy concerning birthrate: population estimate. *Vestnik Samarskogo gos. ekonomicheskogo un-ta=Vestnik of Samara State University of Economics*, 9(107), 15–27 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Larisa A. Popova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Deputy Director for Science, Institute for Socio-Economic & Energy Problems, Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: popova@iespn.komisc.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.6

УДК 332.1 | ББК 65.9(2Рос)-94

© Леонидова Г.В., Басова Е.А., Рассадина М.Н.

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ДОХОДНОГО НЕРАВЕНСТВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

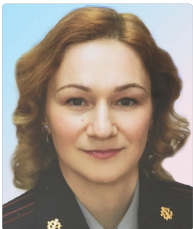
ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БАСОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: elbas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2817-5454; ResearcherID: AAD-4911-2020

МАРИАННА НИКОЛАЕВНА РАССАДИНА

Вологодский институт права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Вологда, Российская Федерация

e-mail: mrassadina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3923-3931

Проблема неравномерности распределения доходов является особенно актуальной для российского общества по причине чрезмерных масштабов расслоения населения. Значительные межрегиональные различия и отсутствие научно обоснованной методики разделения субъектов РФ на кластеры по степени доходной дифференциации граждан осложняют реализацию государственной социальной политики в однотипных регионах. В представленной статье рассмотрены особенности неравенства населения в условиях современной России и тренды его изменений на примере регионов РФ за 2010–2018 гг., а также предложена методика объединения территорий

Для цитирования: Леонидова Г.В., Басова Е.А., Рассадина М.Н. (2022). Кластерный анализ доходного неравенства населения российских регионов // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 94–114. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.6

For citation: Leonidova G.V., Basova E.A., Rassadina M.N. (2022). Cluster analysis of income inequality of the Russian population. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 94–114. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.6

в гомогенные группы по уровню доходного неравенства на основе инструментов кластерного анализа. В качестве источников информации выступили официальные данные, публикуемые Росстатом. Показано, что доходное неравенство российского населения сохраняется на чрезмерно высоком уровне. Выделено четыре группы региональных кластеров по уровню монетарного неравенства и бедности. Определено, что высокий уровень поляризации по доходам особенно характерен для субъектов, входящих в региональный кластер, с максимальной величиной среднедушевых денежных доходов и ВРП на душу населения. Предложены управленческие мероприятия по снижению неравенства и бедности в разрезе гомогенных групп. Полученные результаты имеют научную значимость для исследования доходного неравенства населения в части анализа региональных дисбалансов. Практическая ценность материалов статьи заключается в возможности использования их при разработке мер по снижению бедности в регионах. В перспективе в исследование монетарного (доходного) неравенства может быть включена проблематика экономического поведения населения с учетом мотивационных и адаптивных стратегий граждан.

Неравенство по доходам, регионы, иерархический кластерный анализ, метод Варда, многомерная классификация данных.

Введение

Усиливающееся неравенство по доходам является «хронической всемирной дилеммой» (Shi, Changa, 2020), усложняющей реализацию основной цели социальной политики – повышение уровня жизни населения (Беляева и др., 2019; Басова, 2020; Kohlscheen et al., 2021). Рост доходного неравенства в крупных развитых и развивающихся странах наблюдается уже в течение последних сорока лет (Kohlscheen et al., 2021). Россия также относится к странам, где доходное неравенство увеличивается. Так, если в 1980 году на 20%-ю группу населения с наибольшими доходами приходилась треть совокупных доходов, то в 2019 году этот объем вырос до 47%. Такое положение, характеризующееся беспрецедентным ростом неравенства в РФ, выступает «одной из главных угроз целостности страны» (Беляева и др., с. 138). Проблема доходного неравенства, являясь болезненным аспектом современного общества (Shi, Changa, 2020; Басова, 2021; Кубишин и др., 2021), осложняется в России высокими межрегиональными различиями. По данным доклада Всемирного банка¹, Россия занимает третье место по

уровню неравенства среди стран Европы и Центральной Азии. Решение вопроса по снижению межрегионального неравенства составляет часть государственной политики РФ, основные направления которой заложены в принятой Стратегии пространственного развития до 2025 года².

Межрегиональные контрасты в социально-экономическом развитии и уровне жизни населения территорий, с одной стороны, являются итогом объективных закономерностей эволюционного развития человеческого общества. Вместе с тем неравенство по доходам, приобретающее чрезмерное выражение, постепенно становится все более актуальной проблемой, находящейся в поле зрения ученых и управленцев. Данная проблема («искоренение всех форм бедности») актуализирована на международном уровне и выступает первой из 17 целей в области устойчивого развития (ЦУР), разработанных ООН³.

Значительные различия в уровне доходов граждан регионов актуализируют необходимость изучения региональных дисбалансов по уровню бедности в целях реализации однотипной социальной политики в гомогенных группах.

¹ Toward a New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/30393> (accessed 14.09.2022).

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 14.09.2022).

³ Envision2030: 17 goals to transform the world for persons with disabilities. URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/envision2030.html> (accessed 12.09.2022).

Несмотря на высокую степень изученности доходного неравенства населения, вопросы теоретико-методологического подхода к обоснованию методик типологизации регионов РФ по уровню доходного неравенства и бедности остаются недостаточно раскрытыми. Основная цель представленного исследования заключается в разработке и обосновании методики типологизации регионов РФ по уровню доходного неравенства и бедности населения.

Теоретические основы исследования

Изучение феномена бедности началось с классиков политэкономии (А. Смита, Д. Рикардо и Т. Мальтуса), а наиболее ранние упоминания термина «монетарное неравенство» в экономической литературе отмечены в конце XIX века (Smith, 1883, p. 329). Пик исследований данной проблематики мировым научным сообществом пришелся на 2013–2016 гг.⁴ и связан с выходом в свет экономических бестселлеров Дж. Стиглица, Т. Пикетти, Э. Аткинсона и др.

В российской и зарубежной экономической науке существует множество взглядов на проблему неравенства. Одни исследователи рассматривают неравенство как стимул для экономического роста (Breunig, Maheed, 2020; Gründler, Scheuermeyer, 2018), другие – как препятствие для роста экономики и социального прогресса (Brueckner, Lederman, 2018; Hassan et al., 2020) или как преграду на пути к формированию справедливого и достойного общества равных возможностей (Басова, 2021; Rawls, 1971; Bourguignon et al., 2007; Checchi et al., 2010; Roemer, Trannoy, 2015). По оценкам исследователей (Tridico, 2017), развитие внутристранового и межстранового неравенства происходит в противофазе, а перманентный рост неравенства доходов в межтерриториальном разрезе внутри страны объясняется расширением цифровизации, порождающей различия в профессиональных навыках, международной торговлей, снижением протекционизма и последствиями глобализации. В мировой

научной литературе зафиксирован значительный пласт исследований, подтверждающих негативные последствия чрезмерной дифференциации доходов, выражающиеся в росте социальных конфликтов, политической нестабильности и структурной деформации экономики (Бикеева, Моисеева, 2019; Басова, 2020; Ильин, Морев, 2021).

Решение проблемы сглаживания чрезмерного доходного неравенства в условиях неоднородного экономического пространства в РФ актуализирует необходимость оценки межрегиональных различий как важного показателя социально-экономического уровня развития страны. Полученные результаты, являясь индикатором социальных возможностей населения, выступают основой для разработки стратегических решений в области снижения бедности. Значимость исследования межрегиональной дифференциации, а также результаты диагностики уровня жизни и степени неравенства населения отражены в трудах многих отечественных и зарубежных ученых: А. Гранберга, Е. Заровой, Н. Зубаревич, С. Казанцева, В. Локосова, Р. Мельникова, Е. Рюминой, А. Суворова, С. Суспицына, Т. Черновой, А. Шевякова, Б. Штульберга и др. Основы типологии различных территорий (регионов, стран) представлены в работах Н. Иванова, А. Вавиловой, М. Соколовой, В. Акопова, Ю. Гаджиева, Ф. Модена, Г. Маррейро, С. Сегунью, D. Antonczyk, T. DeLeire и др.

Следует отметить, что ученые осуществляют различные варианты оценки доходного неравенства населения и типологизации регионов по данному признаку. Например, региональные сопоставления по доступным статистическим данным позволяет производить индексная оценка качества жизни населения, в основу которой заложена «четырёхкомпонентная структурная модель (здоровье населения, уровень жизни, рынок труда и безопасность жизнедеятельности), отражающая наиболее значимые в экономическом плане проблемные области» (Россошанский, 2018). Также в исследовани-

⁴ По данным сервиса Books Ngram Viewer.

ях представлена «двухкритериальная модель социальной структуры российского общества по уровню материальной обеспеченности» на основе актуализированных стандартов (Бобков и др., 2018). Группировка субъектов Российской Федерации производится также по доле в территориальных доходах федерального бюджета (Мохнаткина, 2020); по сочетанию двух показателей (среднедушевых денежных доходов и среднедушевых расходов населения) (Голованова, 2019). Как видим, единого подхода к типологии регионов по доходному неравенству нет.

Наличие сильной межрегиональной и межотраслевой дифференциации доходов и заработной платы в условиях российской действительности зафиксировали в своих работах отечественные ученые (Зубаревич, Сафронов, 2013; Козлова, Макарова, 2020; Локосов и др., 2018; Суринов, Луппов, 2021а; Суринов, Луппов, 2021б).

Итоги эмпирических исследований (Александрова, Ярашева, 2018; Лежнина, 2020; Суворов и др., 2020; Андреева и др., 2021; Бобков и др., 2022), а также изучение действующих стратегических документов социально-экономического развития России позволили авторам сделать заключение о том, что реализация в стране целенаправленной политики по снижению бедности осложняется неоднородностью социально-экономического развития территорий и отсутствием научно обоснованной системы типологии российских регионов.

Материалы и методический инструментарий

В основе данного исследования лежат теоретико-методологические подходы отечественных и зарубежных ученых в области доходного неравенства, оценки уровня бедности населения, анализа межрегиональных различий в благосостоянии населения. Методический инструментарий исследования базируется на системном подходе к изучению неравенства как многомерного и многоаспектного явления. В статье исполь-

зован комплекс общенаучных методов познания (анализ и синтез; логический, сравнительный и временной анализ, кластерный анализ и др.). Информационной базой послужили данные Федеральной службы государственной статистики по уровню жизни населения.

Показатели, характеризующие уровень социально-экономического развития территорий, подвергнуты пересчету на стоимость фиксированного набора товаров и услуг по регионам (Козлова, Макарова, 2020; Басова, 2021; Суринов, Луппов, 2021а; Суринов, Луппов, 2021б), а также для сравнительной характеристики за исследуемый период с 2010 года переведены в сопоставимые цены (цены 2018 года). В целях кластеризации использованы официальные данные Росстата без поправки на региональные различия в стоимости жизни.

Группировка российских регионов проведена по показателям, характеризующим монетарное неравенство и бедность населения по данным за 2018 год, на основе иерархического кластерного анализа. Кластеризация – это процесс группировки данных в кластеры с высоким внутрикластерным и низким межкластерным сходством (Abdulhafedh, 2021; Shetty, Singh, 2021). Иерархическое объединение в кластер осуществлено с помощью метода Варда, а внутригрупповая сумма квадратов расстояний выбрана как целевая функция. Кластеризация проведена для 79 регионов РФ⁵ по пяти индикаторам: среднедушевые денежные доходы, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, коэффициент Джини и коэффициент фондов. Для целей кластерного анализа использованы библиотеки машинного обучения языка Python (Orange).

Результаты исследования и обсуждение

Снижение бедности является одним из центральных показателей национальных целей Российской Федерации как социаль-

⁵ За исключением г. Севастополь, Республики Крым, Чеченской Республики и автономных округов, входящих в состав соответствующих субъектов (Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого).

Таблица 1. Валовой региональный продукт на душу населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам)*, тыс. рублей

Регион**	Год								Ранг***	2018 год к 2010 году****, раз
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2018		
Тюменская область	804407	990236	1106023	1188912	1314923	1439080	1474996	2174818	1	1,7
Сахалинская область	683396	828770	914394	989040	1199940	1351759	1219333	2023470	2	1,9
г. Москва	521982	605180	634764	681241	745787	765623	789281	988603	3	1,1
Чукотский автономный округ	433811	501914	503833	504375	705249	780989	830900	934021	4	1,4
Республика Саха (Якутия)	315358	388301	439060	466435	555274	624112	712270	891360	5	1,7
...
Вологодская область	215670	261410	285314	284101	318422	394757	394564	497040	25	1,4
...
г. Севастополь	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	111442	142124	169443	189630	78	0,7*****
Кабардино-Балкарская Республика	108034	124015	139580	140474	144664	150439	165105	180852	79	1,0
Карачаево-Черкесская Республика	99763	113695	137843	152610	143460	147002	155933	174062	80	1,0
Республика Ингушетия	58828	79462	108529	126224	138079	124367	131956	135607	81	1,5
Чеченская Республика	62217	72280	84649	100710	117902	116360	123058	133436	82	1,2
Справочно: Российская Федерация	263829	317515	348642	377006	405148	449098	472050	510253	-	1,18

* Для целей рейтинговой оценки использованы данные по 82 регионам РФ, кроме Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.
 ** Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
 *** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
 **** В сопоставимых ценах 2018 г.
 ***** 2018 год к 2014 году, раз.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

ного государства, что закреплено в Указе Президента РФ⁶. В рамках национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» предполагается снижение уровня бедности в 2 раза по сравнению с 2017 годом. Согласно официально принятой методике (бедным признается население с доходами ниже прожиточного минимума (ПМ)), уровень бедности в РФ варьируется в пределах 12% по данным на 2019 год. При этом почти треть населения (31%) с доходами ниже ПМ приходится на «работающих бедных». В соответствии с европейской методикой оценки относительной бедности, где в качестве черты бедности используется располагаемый доход домохозяйства, составляющий не менее 60% медианного располагаемого дохода, малообеспеченным

можно признать каждого четвертого гражданина РФ. Согласно субъективным оценкам граждан, почти половина из них (49%) относит себя к бедным слоям российского общества (Суринов, Луппов, 2021а).

Материальное благосостояние как индикатор, характеризующий качество жизни населения региона, во многом определяется динамикой уровня валового регионального продукта (ВРП). В 2018 году величина ВРП на душу населения в РФ в сопоставимой оценке увеличилась по сравнению с 2010 годом в 1,18 раза. К числу наиболее обеспеченных регионов относится Тюменская область (табл. 1), где ВРП на душу населения составляет 1712444 тыс. руб., что в 3,3 раза выше среднероссийского уровня. Наименьший ВРП зафиксирован в Чеченской Республике

⁶ О национальных целях развития России до 2030 года: Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения 01.11.2022).

(126280 тыс. руб., или 24,7% от среднероссийской величины).

Изменение материального благосостояния населения неразрывно связано с важнейшим макроэкономическим показателем – инфляцией. Колебания цен на потребительском рынке детерминируют изменения в уровне и качестве жизни населения, формируя предпосылки для становления различных типов неравенства. Согласно статистическим данным, начиная с 2010 года, в целом по РФ зафиксировано поступательное снижение темпов индекса потребительских цен с 108,8 до 104,3% в 2018 году. Исключение составили кризисные 2014–2015 гг., когда ИПЦ превысил уровень 2010 года. Среди регионов наиболее значительный рост цен отмечен в Рязанской области (табл. 2).

Следует отметить, что величина среднедушевых доходов в номинальной оценке за исследуемый период увеличилась в 1,8 раза. Вместе с тем доходы с учетом инфляции оста-

лись на прежнем уровне (рост составил незначительные 1,03 раза). Наиболее существенный рост доходов граждан (1,11 раза с учетом инфляции) отмечен в Южном федеральном округе. Рейтинг регионов по уровню доходов замыкает Республика Тыва (15032 руб. на человека в месяц). Вологодская область занимает 39 место по уровню среднедушевых доходов (табл. 3).

Интересно, что по оценкам экспертов (Калугина, 2021), население России тратит в среднем 31,2% своего бюджета на продукты (в частности, в Республике Дагестан – примерно 60%, в Республике Крым – 50%). При этом расходы на питание одного члена семьи в месяц в РФ составляют от 2756 руб. в беднейших слоях до 9038,9 руб. – в самых обеспеченных. Если судить о содержании питательных веществ в потребляемых продуктах, то ситуация здесь более наглядная и удручающая: беднейшее население страны (первая и вторая 10%-е группы населения)

Таблица 2. Индекс потребительских цен* (декабрь к декабрю прошлого года), %

Регион**	Год										Ранг***	2018 год к 2010 году (+/-)
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018			
Республика Ингушетия	106,1	103,8	105,2	104,5	108,1	117,5	102,6	104,0	101,9	1	-4,2	
Тюменская область	108,4	104,9	105,5	105,9	108,7	112,6	106,9	102,7	102,4	2	-6,0	
Республика Саха (Якутия)	106,0	107	105,4	106,0	110,3	110,5	106,0	104,4	102,7	3	-3,3	
Сахалинская область	110,0	106,4	106	106,5	108,6	110,6	104,8	102,2	102,8	4–5	-7,2	
Республика Дагестан	113,9	106,5	107,4	104,4	110,5	114,0	104,4	101,1	102,8	4–5	-11,1	
...	
Вологодская область	109,2	105,7	106,0	107,2	112,0	112,0	105,0	102,2	103,9	20	-5,3	
...	
Липецкая область	108,1	104,7	106,6	106,3	111,9	112,1	104,6	102,3	105,3	77–78	-2,8	
Московская область	108,0	105,8	105,6	107,4	112,2	113,9	106,2	103,2	105,3	77–78	-2,7	
Республика Марий Эл	111,5	106,0	106,3	106,5	111,6	112,5	105,4	102,5	105,4	79	-6,1	
Республика Крым	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	142,5	127,6	107,2	101,4	105,5	80	-37,0****	
Курская область	109,5	105,5	105,8	105,9	110,9	113,9	105,8	102,1	105,7	81	-3,8	
Рязанская область	109,9	105,8	107,0	108,1	113,5	112,3	105,5	103,3	106,0	82	-3,9	
Справочно: Российская Федерация	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	112,9	105,4	102,5	104,3	–	-4,5	

* Здесь и далее в рейтинговых оценках использованы данные по 82 регионам РФ, кроме г. Севастополь, Республики Крым и Чеченской Республики.

** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.

*** Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 6 наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.

**** 2018 год к 2014 году (+/-).

Расчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

Таблица 3. Среднедушевые денежные доходы населения (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам), руб.

Регион*	Год									Ранг**	2018 год к 2010 году, раз***
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Чукотский автономный округ	37620	40843	45786	52875	57656	56983	63934	71030	75131	1	1,40
г. Москва	40377	44473	45606	52670	49662	53008	58384	63074	65567	2	0,85
Магаданская область	25623	27886	33689	38741	41740	44872	49534	53200	57091	3	1,24
Сахалинская область	27934	30327	30869	35485	38625	43284	47202	49415	52318	4	1,32
Камчатский край	24510	27377	30080	33438	36196	38027	41484	44388	47155	5	1,23
...
Вологодская область	12926	14795	17215	17717	19457	22313	25335	25362	25969	37	1,16
...
Чувашская Республика	10078	11378	13005	13912	14771	16270	16951	17704	17633	78	1,00
Карачаево-Черкесская Республика	9739	11172	12606	13241	14772	15500	16734	17598	17407	79	0,95
Республика Калмыкия	6904	8236	9470	10828	11694	13713	14892	15742	16378	80	1,19
Республика Ингушетия	9076	11139	11713	12700	13581	12929	15340	15193	15862	81	1,06
Республика Тыва	9381	10217	11176	12864	12682	13978	14346	14616	15032	82	0,96
Справочно: Российская Федерация	17425	19585	21783	24116	24607	26797	29284	31119	31810	-	1,03

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
 ** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
 *** В сопоставимых ценах 2018 года.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

потребляют белков в 1,6, а жиров в 1,7 раза меньше, чем десятая наиболее обеспеченная страта населения⁷.

Среднемесячная заработная плата в 2010–2018 гг. в целом по России росла более быстрыми темпами, чем общая величина среднедушевых доходов (рост составил 1,22 раза в сопоставимой оценке). В рейтинге субъектов 2018 года по уровню среднемесячной начисленной заработной платы лидируют следующие регионы: Сахалинская, Тюменская и Магаданская области, Чукотский автономный округ, г. Москва (табл. 4). Аутсайдер по уровню заработной платы – Чеченская Республика (26174 руб. в месяц, что составляет около 60% от среднероссийского уровня).

Период 2010–2018 гг. характеризовался значительной межрегиональной дифференциацией по уровню материального благосостояния жителей, что связано с большими

различиями в значениях ВРП на душу населения.

Одним из важнейших индикаторов монетарного неравенства являются денежные доходы населения. Их распределение, как свидетельствуют статистические данные (табл. 5), имеет довольно стабильную структуру. Доли срединных квинтилей в распределении доходов населения РФ, как мы видим, осталась практически неизменной с 2010 года. Однако к 2018 году произошло снижение удельного веса пятой группы и увеличение доли первой, отличающейся наименьшим уровнем денежных доходов, как в России в целом, так и в регионах, в частности Вологодской области.

Весьма значительная доля россиян имеет низкий уровень доходов в сравнении с уровнем прожиточного минимума: доходы ниже установленной границы ПМ в 2018 году

⁷ Для справки: минимальная доля в расходах на продукты питания отмечена в Люксембурге (8,7%), в Великобритании, Швейцарии, Нидерландах и т. д. данный показатель достигает 10–11%.

Таблица 4. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций (с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам), руб.

Регион*	Год									Ранг**	2018 год к 2010 году, раз***
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Сахалинская область	25039	26596	31062	35583	40439	48340	51360	56324	64962	1	1,63
Тюменская область	31683	34997	39454	43276	48030	50063	53484	57482	62829	2	1,23
Магаданская область	25666	28293	33115	37573	42675	44923	48190	52371	61072	3	1,35
Чукотский автономный округ	26414	30302	34131	39204	47125	50751	53305	58710	58563	4	1,43
г. Москва	27371	31704	34546	38641	43561	44724	48972	50921	58386	5	1,20
...
Вологодская область	18275	19682	21851	24547	26148	26977	28616	31082	35651	39	1,16
...
Кабардино-Балкарская Республика	14071	15239	18279	20223	21723	22447	22575	24222	27672	78	1,12
Псковская область	15879	17018	19400	20915	21602	22121	23050	24687	27664	79	0,99
Ивановская область	14346	15651	18267	20263	21711	22307	23198	24493	26930	80	1,05
Карачаево-Черкесская Республика	12335	13740	17143	19482	20461	21012	21910	23447	26861	81	1,29
Чеченская Республика	15385	15513	18807	23041	23119	23123	23301	23399	26174	82	0,99
Справочно: Российская Федерация	20952	23369	26629	29792	32495	34030	36709	39167	43724	–	1,22

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
*** В сопоставимых ценах 2018 года.
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

Таблица 5. Распределение денежных доходов населения по 20%-м группам, %

Год	Регион	Удельный вес общего объема денежных доходов, приходящихся на соответствующую группу населения, в общем объеме денежных доходов				
		первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
2010	РФ	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7
	Вологодская область	6,3	11,1	15,9	22,9	43,8
2015	РФ	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1
	Вологодская область	6,4	11,3	16,1	23,0	43,2
2018	РФ	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1
	Вологодская область	6,7	11,6	16,3	23,1	42,3

Источники: Регионы России. Социально-экономические показатели (2011): стат. сб. / Росстат. Москва. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2016): стат. сб. / Росстат. Москва. 1326 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

имели около 12,6% населения РФ (табл. 6). Несмотря на постепенное снижение с 2012 года, удельный вес низкодоходной группы граждан к 2015 году вырос, достигнув максимума за весь исследуемый период (13,4%).

В числе антилидеров по данному показателю следует назвать республики Тыва и Ингушетия, где почти треть населения находится в бедственном материальном положении. Как наиболее благоприятные по уров-

Таблица 6. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения субъекта

Регион*	Год									Ранг**	2018 год к 2010 году (+/-)
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
г. Санкт-Петербург	8,6	9,1	9,0	8,2	8,7	8,5	8,3	7,3	6,6	1	-2,0
г. Москва	10,0	10,0	9,6	8,7	8,8	8,9	8,5	7,5	6,8	2	-3,2
Республика Татарстан	7,7	8,1	6,5	6,8	7,0	7,1	7,5	7,2	7,0	3	-0,7
Московская область	10,1	9,6	6,9	7,5	7,6	8,3	7,8	7,9	7,3	4	-2,8
Белгородская область	8,2	8,6	6,5	7,6	7,7	8,5	8,1	7,8	7,5	5	-0,7
...
Вологодская область	16,8	17,1	13,2	14,0	13,5	14,5	13,8	13,9	13,6	38	-3,2
...
Еврейская автономная область	19,5	20,1	18,8	20,9	21,4	25,1	25,5	24,3	23,7	78	4,2
Республика Алтай	17,7	18,6	18,5	21,0	20,9	24,8	25,6	25,4	24,0	79	6,3
Кабардино-Балкарская Республика	15,7	15,3	14,2	19,0	18,7	21,1	25,8	24,7	24,2	80	8,5
Республика Ингушетия	22,1	18,5	17,1	20,3	23,9	29,9	29,3	29,6	30,4	81	8,3
Республика Тыва	29,6	30,6	27,9	33,0	35,2	36,9	37,8	35,8	34,4	82	4,8
Справочно: Российская Федерация	12,5	12,7	10,7	10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	-	0,1

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
 ** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

ню доходов отмечены г. Санкт-Петербург и г. Москва, а также Республика Татарстан. В этих регионах (по состоянию на 2018 год) численность населения с доходами ниже ПМ в пределах 7%.

Несмотря на снижение числа граждан, получающих доходы ниже ПМ в России, говорить об устойчивой динамике роста материального благополучия населения (в условиях недостаточных изменений и абсолютно низких значений ПМ) нельзя. По состоянию на четвертый квартал 2018 года величина ПМ за девятилетний период увеличилась в РФ на 4311 руб. Среди регионов ожидаемо высоким уровнем ПМ оказался в регионах Дальневосточного федерального округа и г. Москве (табл. 7). Наименьшая величина показателя зафиксирована в Белгородской области (8480 руб.).

За исследуемый период коэффициент фондов характеризовался значительной величиной и плавающей динамикой. Максимальная величина индикатора в целом по РФ отмечена в 2010 году (16,5 раза)

против некоторого снижения к 2018 году (15,6 раза). Регионы с наибольшими по величине значениями коэффициента Джини в 2018 году – Тюменская и Сахалинская области, г. Москва и Республика Башкортостан (табл. 8). Минимальное значение индикатора зафиксировано в Тверской и Костромской областях (9,2 раза).

Коэффициент Джини, один из старейших показателей неравенства доходов, отображающий связь между совокупной долей населения и долей совокупного дохода (Jansewicz, 2016; Ignacio, 2018), свидетельствует о высоком расслоении населения по монетарному признаку. Несмотря на понижательный тренд данного показателя с 2014 года, его величина по состоянию на 2018 год осталась в значительной части регионов РФ на высоком уровне. Максимальное значение коэффициента отмечено в Тюменской области (0,430) против минимального уровня (0,338) в Тверской и Костромской областях (табл. 9). Среднероссийский уровень дан-

Таблица 7. Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения), руб. в месяц

Регион*	IV квартал года									Ранг**	2018 год к 2010 году, раз
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Чукотский автономный округ	10961	11428	12157	14766	13571	16845	17775	20149	21606	1	2,0
Камчатский край	12230	12584	13395	14384	15786	18427	19451	19220	19741	2	1,6
Магаданская область	9236	10249	11001	14084	15415	17469	17764	17635	18910	3	2,0
Республика Саха (Якутия)	9207	10028	10682	11923	13332	15515	16080	16610	16667	4	1,8
г. Москва	8656	9128	9747	10965	12542	14413	15092	15397	16087	5	1,9
...
Вологодская область	6066	6346	6847	7474	8578	9678	9980	10234	10698	20	1,8
...
Ставропольский край	5539	5802	6259	6543	7154	8027	8148	8248	8622	78	1,6
Воронежская область	5594	5662	5756	6043	7026	7884	8121	8034	8612	79	1,5
Саратовская область	5059	5271	5722	6126	6932	7986	8168	8222	8599	80	1,7
Республика Мордовия	5007	5352	5610	6260	6997	7863	7776	7824	8503	81	1,7
Белгородская область	4777	4959	5256	6106	6842	7918	8099	8281	8480	82	1,8
Справочно: Российская Федерация	5902	6209	6705	7326	8234	9452	9691	9786	10213	–	1,7

* Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
Расчитано по: Величина прожиточного минимума. <https://www.fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения 27.03.20); Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

Таблица 8. Динамика коэффициента фондов*, раз

Регион**	Год									Ранг***	2018 год к 2010 году, раз
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Тверская область	10,5	10,2	11,2	10,6	9,8	9,3	9,4	9	9,2	1–2	0,88
Костромская область	10,9	10,9	11,3	10,8	10,7	10,3	10,7	10,5	9,2	1–2	0,84
Республика Калмыкия	11,7	11,8	12,6	12,1	12	11,2	11,1	8,5	9,3	3–5	0,79
Чувашская Республика	11,2	11	12,1	11,8	11,4	10	9,7	9,2	9,3	3–5	0,83
Кировская область	11,3	10,9	12	11,4	11,6	10,3	9,8	9,5	9,3	3–5	0,82
...
Вологодская область	11,7	11,4	12	12,1	11,7	11,1	11,5	10,3	10,2	19	0,87
...
Республика Саха (Якутия)	14,4	14,5	14,7	15	14,5	14	13,8	13,9	14,8	78–77	1,03
Чукотский автономный округ	14,7	15,8	15,9	16,1	16,1	15,5	14,3	14,1	14,8	78–77	1,01
Республика Башкортостан	17,6	17,2	17,5	17,4	17,1	15,8	16	16	15,5	79	0,88
г. Москва	28,2	27,3	27,3	26,2	20,9	17,7	16,6	16,1	15,8	80	0,56
Сахалинская область	16,0	15,1	15,5	15,8	16,1	15,6	15,5	15,3	16,3	81	1,02
Тюменская область	20,1	19,7	20,1	19,6	19,0	17,8	17,3	17,1	17,7	82	0,88
Справочно: Российская Федерация	16,5	16,2	16,4	16,3	16,0	15,7	15,6	15,3	15,6	–	0,95

* Коэффициент фондов (децильный коэффициент) характеризует, во сколько раз средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами превышает средний уровень денежных доходов 10% населения с самыми низкими доходами.
** Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 6 наихудшими значениями показателя, а также Вологодской области.
*** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.
Расчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2011): стат. сб. / Росстат. Москва. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2012): стат. сб. / Росстат. Москва. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2013): стат. сб. / Росстат. Москва. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2014): стат. сб. / Росстат. Москва. 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2015): стат. сб. / Росстат. Москва. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2016): стат. сб. / Росстат. Москва. 1326 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2017): стат. сб. / Росстат. Москва. 1402 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2018): стат. сб. / Росстат. Москва. 1162 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

Таблица 9. Динамика коэффициента Джини*

Регион**	Год									Ранг***	2018 год к 2010 году, раз
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Костромская область	0,363	0,363	0,368	0,361	0,36	0,354	0,359	0,358	0,338	1–2	0,93
Тверская область	0,358	0,352	0,366	0,359	0,348	0,340	0,342	0,335	0,338	1–2	0,94
Чувашская Республика	0,366	0,363	0,377	0,374	0,369	0,351	0,345	0,337	0,339	3–4	0,93
Кировская область	0,367	0,362	0,376	0,369	0,371	0,354	0,348	0,342	0,339	3–4	0,92
Республика Калмыкия	0,372	0,373	0,382	0,377	0,377	0,367	0,365	0,326	0,340	5	0,91
...
Вологодская область	0,372	0,369	0,376	0,377	0,373	0,365	0,370	0,354	0,353	19	0,95
...
г. Санкт-Петербург	0,445	0,442	0,443	0,443	0,437	0,416	0,414	0,407	0,405	76–78	0,91
Республика Саха (Якутия)	0,401	0,403	0,405	0,407	0,403	0,398	0,395	0,397	0,405	76–78	1,01
Чукотский автономный округ	0,404	0,414	0,415	0,417	0,417	0,411	0,401	0,398	0,405	76–78	1,00
Республика Башкортостан	0,429	0,426	0,428	0,428	0,425	0,414	0,416	0,416	0,411	79	0,96
г. Москва	0,505	0,503	0,486	0,481	0,452	0,43	0,421	0,417	0,415	80	0,82
Сахалинская область	0,416	0,408	0,411	0,414	0,417	0,413	0,411	0,410	0,418	81	1,00
Тюменская область	0,447	0,444	0,446	0,443	0,439	0,431	0,426	0,425	0,430	82	0,96
Справочно: Российская Федерация	0,421	0,417	0,420	0,419	0,416	0,413	0,412	0,410	0,413	–	0,98

* Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов) характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. Величина коэффициента может варьироваться от 0 до 1, при этом чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы.

** Приведены данные по 5 регионам с наилучшими и 7 с наихудшими значениями показателя, а также по Вологодской области.

*** Данные ранжированы по регионам за 2018 год.

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2011): стат. сб. / Росстат. Москва. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2012): стат. сб. / Росстат. Москва. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2013): стат. сб. / Росстат. Москва. 990 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2014): стат. сб. / Росстат. Москва. 900 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2015): стат. сб. / Росстат. Москва. 1266 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2016): стат. сб. / Росстат. Москва. 1326 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2017): стат. сб. / Росстат. Москва. 1402 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2018): стат. сб. / Росстат. Москва. 1162 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели (2019): стат. сб. / Росстат. Москва. 1204 с.

ного индикатора с 2010 года не опускался ниже 0,410. По оценкам Всемирного банка (Мареева, Слободенюк, 2018, с. 30), индекс Джини в пределах 0,38–0,4 представляет собой индикатор избыточного неравенства, которое тормозит экономический рост.

Результаты анализа представленных выше индикаторов, характеризующих доходное неравенство и бедность населения российских территорий, свидетельствуют о неоднородности социально-экономического развития регионов РФ. В связи с тем, что каждый из 79 регионов рассматривается как точка в пяти измерениях (по числу индикаторов неравенства), провести визуализацию подобного пространства невозможно. С целью понижения размерности

использован метод главных компонент в среде Orange. В результате получилось снизить размерность данных до двух: две главные компоненты объясняют 85% дисперсии нашей выборки (рис. 1).

Проведенное исследование позволило выделить 4 региональных кластера с различными характеристиками доходного неравенства и бедности населения (рис. 2). Субъекты РФ (в количестве 26 ед.), входящие в первый кластер, характеризуются показателями неравенства и бедности на уровне ниже среднего по сравнению с другими выделенными группами.

1 кластер: Астраханская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская,

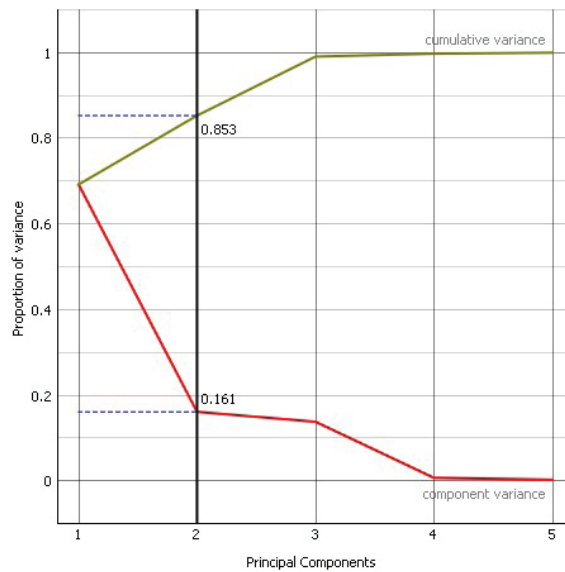

Рис. 1. Результаты применения инструмента PCA
Источник: расчеты авторов в среде Orange.

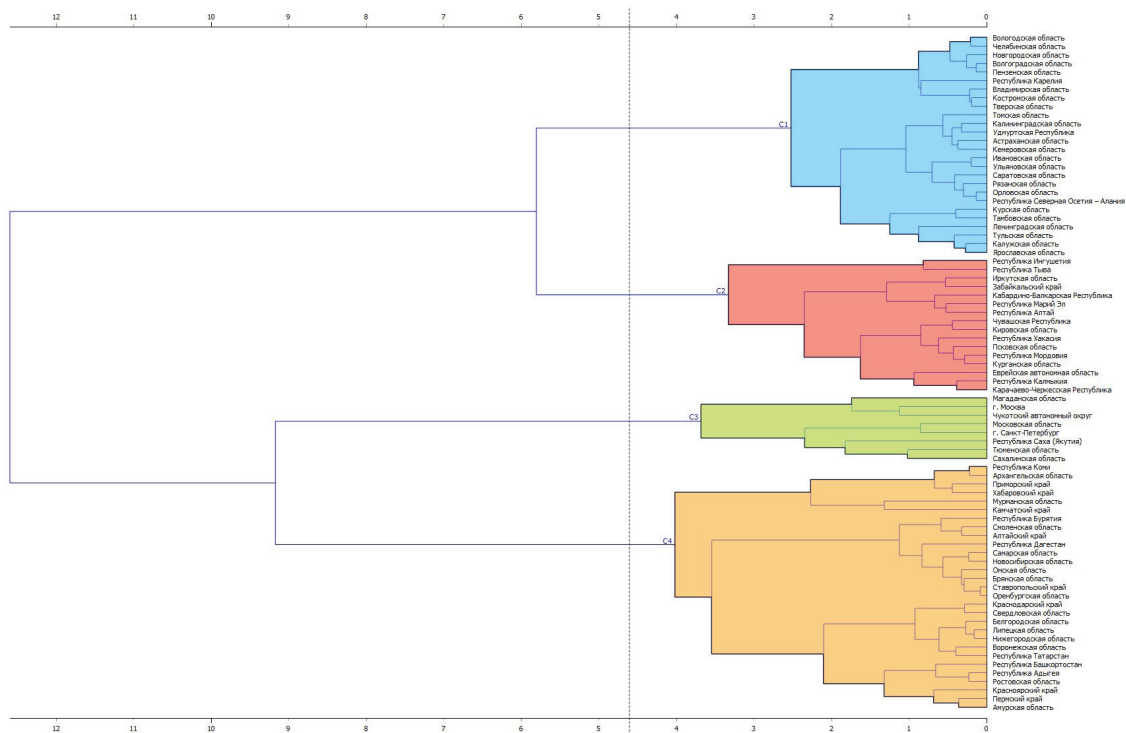

Рис. 2. Дендрограмма иерархической кластеризации регионов по уровню
доходного неравенства и бедности, 2018 год
Источник: расчеты авторов в среде Orange.

Костромская, Курская, Ленинградская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, республики Карелия, Северная Осетия – Алания, Удмуртия.

Регионы второго кластера (16 ед.) с низким уровнем доходного неравенства и бедности отличаются минимальными по сравнению с другими регионами показателями доходного расслоения, а также уровнем средних доходов и заработной платы населения.

2 кластер: Еврейская АО, Кировская, Курганская, Иркутская, Псковская области, республики Калмыкия, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Алтай, Тыва, Хакасия и Забайкальский край.

Среди анализируемых российских субъектов выделена группа регионов (8 ед.) с самыми высокими показателями доходного неравенства и бедности: в ней как индикаторы дифференциации, так и уровень доходов и оплаты труда характеризуются максимальными значениями по сравнению с другими выделенными кластерами (табл. 10).

Таблица 10. Характеристика средних и медианных значений внутри выделенных кластеров* (регионы РФ, 2018 год)

Показатель	Кластер			
	1 (n = 26)	2 (n = 16)	3 (n = 8)	4 (n = 4)
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.				
Среднее	25361	20328	54907	30648
Медиана	25010	20068	49954	30010
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, руб.				
Среднее	32432	30919	74461	37103
Медиана	31635	28038	73185	33754
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, %				
Среднее	12,9	21,8	9,8	13,0
Медиана	13,5	20,9	8,7	13,6
Коэффициент Джини				
Среднее	0,358	0,353	0,410	0,388
Медиана	0,360	0,350	0,410	0,390
Коэффициент фондов				
Среднее	0,105	0,102	0,151	0,131
Медиана	0,105	0,101	0,148	0,129
* Для справки: в РФ в 2018 году индексы Джини и коэффициент фондов составили 0,373 и 0,119 соответственно, среднедушевые денежные доходы зафиксированы на уровне 33178 руб., среднемесячная начисленная заработная плата – 38097 руб., численность населения с доходами ниже прожиточного минимума отмечена на уровне 14,4%. Источник: расчеты авторов в среде Orange.				

3 кластер: Магаданская, Московская, Сахалинская, Тюменская области, города Москва и Санкт-Петербург, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ.

Четвертый кластер составляют 29 регионов со средним уровнем доходного неравенства и бедности. В них невысокие значения индикаторов дифференциации сочетаются с показателями доходов и заработной платой, близкими к среднероссийскому уровню.

4 кластер: Амурская, Архангельская, Белгородская, Брянская, Воронежская, Липецкая, Мурманская, Нижегородская, Новосибирская, Оренбургская, Омская, Самарская, Свердловская, Смоленская, Ростовская области; Алтайский, Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский края; республики Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Коми, Татарстан.

Изучение средних значений по основным социально-экономическим показателям развития регионов в выделенных кластерах позволяет сделать следующие выводы:

- в первой группе, условно названной по уровню доходного неравенства и бедности как «ниже средней», показатели, характеризующие развитие и уровень жизни населения, немного уступают среднероссийским значениям; в структуре денежных выплат основным источником доходов у подавляющей части граждан (56%) является заработная плата, социальные выплаты отмечены у 24,7% населения; средняя величина ВРП входящих в состав данного кластера регионов варьируется в пределах 76% от среднероссийского значения;

- во втором кластере («низкий») почти треть населения (27%) получает социальные выплаты при высоком уровне развития предпринимательской активности (8% получают доходы от занятия предпринимательством, что гораздо выше, чем в других региональных кластерах); у представителей данного кластера продукты питания составляют основную статью расходов; среднее значение ВРП является минимальным из всех выявленных;

– в третьем кластере («высокий») у подавляющей части населения (70%) основным источником дохода выступает заработная плата; также высока роль доходов от собственности (4,4%); расходы на продукты питания имеют минимальное значение по сравнению с другими типологическими группами при максимальном значении стоимости фиксированного набора товаров и услуг в данной группе (19877 руб.); среднее значение ВРП является максимальным среди выделенных групп, превышая среднероссийский показатель в 2,8 раза;

– в четвертом кластере («средний») средняя величина ВРП составляет 90% от среднероссийского значения; особенность кластера заключается в высоком уровне прочих денежных поступлений по сравнению со среднероссийской величиной (примерно в два раза выше): данный вид доходов характерен для 16% населения.

Заключение

Неравенство и бедность относятся к основным социально-экономическим рискам современности и вызовам XXI века. Социальное расслоение имеет различные негативные последствия, проявляющиеся в росте социальной напряженности в обществе, ограничениях в развитии человеческого потенциала, негативно воздействуя на демографические установки в обществе (Говорова, 2021; Li et al., 2021; Ranaldia, Milanovićab, 2021). В связи с этим задача государства состоит в разработке стратегий для сокращения неравенства и поддержки устойчивого развития.

Анализ тенденций доходного неравенства подтверждает, что в России констатируется не просто неравенство, а его переход в крайние, особо опасные формы. По мнению ученых (Кубишин, 2021, с. 19), формирующиеся как следствие неравенства «две России» не только различаются уровнем и качеством жизни, но и демонстрируют различные системы ценностей, предпочтений и разный потребительский спрос. Монетарное неравенство, негативно воздействуя на качество жизни населения, детерминирует объем

и направления дифференциации граждан по немонетарному признаку (Басова, 2021). Результаты исследования позволили сделать следующие выводы.

1. Выявлены значительные расхождения регионов России по величине валового регионального продукта, детерминирующие сильные межрегиональные различия в уровне жизни населения.

2. Определено, что посткризисное восстановление ряда показателей качества жизни в 2010 году сменилось в 2014–2015 гг. их ухудшением. В частности, отмечены рост инфляции и снижение материального благосостояния населения. Также в анализируемом периоде среднедушевые денежные доходы не имели тенденции к росту (в сопоставимой оценке).

3. Подтверждено, что уровень доходного неравенства населения остается чрезмерным. Об этом свидетельствует нахождение значительных индикаторов дифференциации по доходам (коэффициента фондов и Джини) на небезопасном социальном уровне. Более того, отмечен рост численности первой 20%-й группы населения, отличающейся наименьшим уровнем денежных доходов.

4. Проведение кластерного анализа на базе пакета Orange позволило выявить четыре группы российских регионов по уровню доходного неравенства и бедности. С помощью предварительного использования инструмента PCA снижена размерность данных до двух, в связи с чем две главные компоненты объясняют 85% дисперсии выборки. Типология российских регионов включает субъекты с низким, ниже среднего, средним и высоким уровнем доходного неравенства и бедности населения.

5. Выявлено, что для регионов с максимальной величиной среднедушевых денежных доходов и ВРП наиболее характерна поляризация населения. Отличительной особенностью кластера с высоким уровнем неравенства является максимальное среднее значение объема ВРП входящих в него регионов, который превышает среднероссийское значение в 2,8 раза (по состоянию на 2018 год). Максимальный уровень среднедуше-

вых доходов и заработной платы сочетается с наибольшим уровнем стоимости жизни в данной типологической группе. Для сравнения: в кластере, характеризующем как «низкий» по уровню неравенства и бедности, отмечена высокая степень зависимости населения от социальных выплат (треть населения является их получателем) при высоком уровне предпринимательской активности. При этом средняя величина ВРП для регионов данной группы имеет минимальное значение по сравнению с остальными кластерами группами.

Полученная типология российских территорий позволяет наметить ряд основных направлений по снижению чрезмерного неравенства населения в разрезе гомогенных региональных групп. На наш взгляд, в субъектах, отличающихся высокими значениями неравенства и бедности, необходимо усилить работу в части выявления и поддержки малоимущих слоев населения. Решение проблемы бедности в кластерах, характеризующихся минимальными показателями доходов и низким уровнем развития экономики, видится в создании новых рабочих мест и активизации занятости, разработке программ по переквалификации граждан на новые востребованные специальности. Предложенные направления по снижению бедности не означают полный отказ от их реализации в других российских регионах, но более всего актуальны для выделенных кластерных групп.

Исследуя проблему уровня жизни населения в России, нельзя не отметить новую методику определения границы бедности в РФ. Ранее бедными признавались граждане, имеющие доход ниже прожиточного минимума (абсолютная черта бедности). Начиная с 2021 года основой для установления⁸ величины ПМ будет являться не

продовольственная корзина, а 44,2% от медианного дохода населения, установленного на год. При новом подходе ПМ будет зависеть не от цен на продукты, а от уровня доходов граждан. Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) будет формироваться на уровне 42% от медианной заработной платы, рассчитываемой Росстатом. Основой для определения региональных прожиточных минимумов служит размер федерального прожиточного минимума. Следует отметить, что новая методика не повлечет за собой изменения в уровне социальной поддержки населения, но будет направлена на установление критической точки доходов, выход за границы которой в сторону уменьшения позволит отнести население к группе бедных. Таким образом, введение новой границы бедности служит лишь цели статического учета, но не направлено на повышение доходов и уровня жизни российских граждан. Более того, в ходе оценки бедных с использованием новой методики обнаружено несопоставимость данных за предыдущие периоды, в связи с чем президент поручил устранить данную проблему в целях корректного контроля над выполнением национальной цели по снижению уровня бедности в два раза к 2030 году.

Полученные результаты имеют научную значимость для исследования доходного неравенства населения в части анализа региональных дисбалансов. Практическая ценность материалов статьи заключается в возможности их использования при разработке мер по снижению бедности в регионах. В перспективе в исследование монетарного (доходного) неравенства может быть включена проблематика экономического поведения населения с учетом мотивационных и адаптивных стратегий граждан.

⁸ Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2021 год: Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2406. URL: <http://government.ru/docs/all/132155> (дата обращения 10.12.2021).

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова О.А., Ярашева А.В. (2018). Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // Народонаселение. Т. 21. № 1. С. 4–21. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-01
- Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А. (2021). Эффективность региональных политик социальной поддержки населения // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 101–110. DOI: 10.34755/IROK.2019.31.81.079
- Басова Е.А. (2020). Теоретико-методологические основы исследования категории «немонетарное неравенство» // Актуальные проблемы экономики и права. Т. 14. № 3. С. 415–427. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.14.2020.3.415-427>
- Басова Е.А. (2021). Доступная ипотека vs доступность жилья. Хотели как лучше, а получилось...? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 4. С. 113–130. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7
- Беляева Л.А., Гранин Ю.Д., Касавина Н.А., Лапин Н.И., Резник Ю.М. (2019). Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / под общ. ред. Н.И. Лапина. Санкт-Петербург: Реноме. 232 с.
- Бикеева М.В., Моисеева И.В. (2019). Измерение экономического неравенства: проблемы, факты и оценка // Социальная статистика. № 6. С. 48–56. DOI: 10.21686/2500-3925-2019-6-48-56
- Бобков В.Н., Бобкова Т.Е., Вершинина М.А. [и др.] (2022). Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 274 с.
- Бобков В.Н., Херрманн П., Колмаков И.Б., Одинцова Е.В. Двухкритериальная модель стратификации российского общества по доходам и жилищной обеспеченности // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1061–1075. DOI: 10.17059/2018-4-1
- Говорова Н.В. (2021). Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19 // Общественные науки и современность. № 3. С. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6
- Голованова Л.А. (2019). Дифференциация уровня жизни населения в регионах Дальневосточного федерального округа // Вестник ТоГУ. № 4 (55). С. 45–54.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. (2013). Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. № 6. С. 15–26.
- Ильин В.А., Морев М.В. (2021). К чему ведет бездуховность правящих элит? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 9–28. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.1
- Калугина З.И. (2021). Экономическая доступность продовольствия: региональные и социальные различия // ЭКО. № 2. С. 165–175. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175
- Козлова О.А., Макарова М.Н. (2020). Сокращение бедности в России в контексте реализации национальных целей развития // Журнал экономической теории. Т. 17. № 4. С. 770–780. DOI: 2073-6517/2020.17-4.2
- Кубишин Е.С., Седлов А.П., Соболева И.В. (2021). Бедность в России: методология измерения и международные сравнения // Вестник Института экономики РАН. № 1. С. 56–70. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-56-70
- Лежнина Ю.П. (2021). Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронакризисом 2020 года // Социологические исследования. № 4. С. 50–60. DOI: 10.31857/S013216250014715-9
- Локосов В.В., Рюмина Е.В., Ульянов В.В. (2018). Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 1. С. 32–42. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.2

- Мареева С., Слободенюк Е. (2018). Неравенство в России в международном контексте: доходы, богатство, возможности // Вестник общественного мнения. № 1–2 (126). С. 30–47. DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00002
- Мохнаткина Л.Б. (2020). Оценка неравенства регионов в формировании доходов федерального бюджета на основе критерия Парето // Экономика региона. Т. 16. Вып. 4. С. 1377–1392. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-25>
- Россошанский А.И. (2018). Типология регионов России по показателям качества жизни населения // Государственный советник. № 3. С. 5–9.
- Суворов А.В., Болдов О.Н., Иванов В.Н., Сухорукова Г.М., Буданова А.И. (2020). Направления социальной политики, обеспечивающей восстановление экономического роста в России // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 3–15.
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2021a). Влияние региональных различий в стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // Экономика региона. Т. 17. Вып. 3. С. 814–827. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-7
- Суринов А.Е., Луппов А.Б. (2021b). Неравенство в России: регионы, стоимость жизни и эквивалентный доход // Экономическая политика. № 3. С. 82–111. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-3-82-111
- Abdulhafedh A. (2021). Incorporating K-means, hierarchical clustering and PCA in customer segmentation. *Journal of City and Development*, 3 (1), 12–30. DOI: 10.12691/jcd-3-1-3
- Bourguignon F., Ferreira F., Menendez M. (2007). Inequality of opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*, 53, 585–618. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2007.00247.x
- Breunig R., Majeed O. (2020). Inequality, poverty and economic growth. *International Economics*, 161, 83–99. DOI: 10.1016/j.inteco.2019.11.005
- Brueckner M., Lederman D. (2018). Inequality and economic growth: The role of initial income. *Journal of Economic Growth*, 23, 341–366. DOI: 10.1007/s10887-018-9156-4
- Checchi D., Peragine V., Serlenga L. (2010). Inequality of opportunity in Italy. *Journal of Economic Inequality*, 8, 429–450. DOI: 10.1007/s10888-009-9118-3
- Gründler K., Scheuermeyer P. (2018). Growth effects of inequality and redistribution: What are the transmission channels? *Journal of Macroeconomics*, 55, 293–313. DOI: 10.1016/j.jmacro.2017.12.001
- Hassan M., Bukhari S., Arshed N. (2020). Competitiveness, governance and globalization: What matters for poverty alleviation? *Environment, Development and Sustainability*, 22, 3491–3518. DOI: 10.1007/s10668-019-00355-y
- Ignacio J. (2018). The challenge of measuring poverty and inequality: A comparative analysis of the main indicators. *European Journal of Government and Economics*, 7 (1), 24–43. DOI: 10.17979/ejge.2018.7.1.4331
- Jancewicz B. (2016). Income inequalities: axioms of income inequality measures and people's perceptions. *Decyzje*, 13 (25), 21–42. DOI: 10.7206/DEC.1733-0092.69
- Kohlscheen E., Lombardi M., Zakrajšek E. (2021). Income inequality and the depth of economic downturns. *Economics Letters*, 205, 1–16. DOI: 10.1016/j.econlet.2021.109934
- Li W., Cai Z., Cao S. (2021). What has caused regional income inequality in China? Effects of 10 socioeconomic factors on per capita income. *Environment Development and Sustainability*, 23 (1), 13403–13417. DOI: 10.1007/s10668-020-01218-7
- Ranaldia M., Milanovićab B. (2021). Capitalist systems and income inequality. *Journal of Comparative Economics*, 9, 1–13. DOI: 10.1016/j.jce.2021.07.005
- Rawls J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press. DOI: 10.1163/9789047431060
- Roemer J., Trannoy A. (2015). Equality of opportunity: Theory and measurement. *Journal of Economic Literature, American Economic Association*, 54 (40), 1288–1332.

Shetty P., Singh S. (2021). Hierarchical clustering: A survey. *International Journal of Applied Research*, 7 (40), 178–181. DOI: 10.22271/allresearch.2021.v7.i4c.8484

Shi K., Changa Z. (2020). Identifying and evaluating poverty using multisource remote sensing and point of interest (POI) data. *Journal of Cleaner Production Volume*, 255 (2), 1–12. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120245

Smith A.M. (1883). *A System of Subjective Political Economy*. London: Williams and Norgate.

Tridico P. (2017). *Inequality in Financial Capitalism*. London. DOI: 10.4324/9781315672083

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Елена Александровна Басова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: elbas@yandex.ru)

Марианна Николаевна Рассадина – кандидат экономических наук, старший преподаватель, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (Российская Федерация, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2; e-mail: mrassadina@mail.ru)

Leonidova G.V., Basova E.A., Rassadina M.N.

CLUSTER ANALYSIS OF INCOME INEQUALITY OF THE RUSSIAN POPULATION

The problem of uneven distribution of income is particularly relevant for Russian society due to the excessive scale of stratification of the population. Significant interregional differences and the lack of a scientifically based methodology for dividing Russia's entities into clusters according to the degree of citizens' income differentiation complicate the implementation of state social policy in the same type of regions. The presented article examines the features of population inequality in contemporary Russia and trends of its changes in the case study of Russia's regions for 2010–2018, and also suggests a methodology for combining territories into homogeneous groups according to the income inequality rate based on cluster analysis tools. The sources of information are official Rosstat data. We have shown that the income inequality of the Russian population remains at an excessively high level. There are four groups of regional clusters according to the level of monetary inequality and poverty. We have determined that a high level of income polarization is especially characteristic of entities belonging to a regional cluster with the maximum amount of per capita monetary income and GRP per capita. We have proposed management measures to reduce inequality and poverty in the context of homogeneous groups. The results obtained have scientific significance for the study of income inequality of the population in terms of the analysis of regional imbalances. The practical value of the research materials lies in the possibility of using them in the development of measures to reduce poverty in the regions. In the future, the study of monetary (income) inequality may include the problems of economic behavior taking into account the motivational and adaptive strategies of citizens.

Income inequality, regions, hierarchical cluster analysis, Ward's method, multidimensional data classification.

REFERENCES

- Abdulhafedh A. (2021). Incorporating K-means, hierarchical clustering and PCA in customer segmentation. *Journal of City and Development*, 3(1), 12–30. DOI: 10.12691/jcd-3-1-3
- Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V. (2018). Strengthening the selectivity of social policy and poverty production prospects. *Narodonaselenie=Population*, 21(1), 4–21. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-01 (in Russian).
- Andreeva E.I., Bychkov D.G., Feoktistova O.A. (2021). Efficiency of regional social assistance policies. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5, 101–110. DOI: 10.34755/IROK.2019.31.81.079 (in Russian).
- Basova E.A. (2020). Theoretical-methodological bases of researching the notion of “non-monetary inequality”. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava=Actual Problems of Economics and Law*, 14(3), 415–427. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.3.415-427 (in Russian).
- Basova E.A. (2021). Mortgage availability vs. availability of housing. We wanted the best, but it turned out...? *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(4), 113–130. DOI: 10.15838/esc.2021.4.76.7 (in Russian).
- Belyaeva L.A., Granin Yu.D., Kasavina N.A., Lapin N.I., Reznik Yu.M. (2019). *Stanovlenie gosudarstva blagosostoyaniya i perspektivy sotsial'nogo gosudarstva v Rossii. Realii i proekty* [Formation of the Welfare State and Prospects of the Welfare State in Russia. Realities and Projects]. Saint Petersburg: Renome.
- Bikeeva M.V., Moiseeva I.V. (2019). Measuring economic inequality: Challenges, facts and assessment. *Sotsial'naya statistika=Statistics and Economics*, 6, 48–56. DOI: 10.21686/2500-3925-2019-6-48-56 (in Russian).
- Bobkov V.N., Bobkova T.E., Vershinina M.A. et al. (2022). *Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proektirovaniyu budushchego: monografiya* [Level and Quality of Life of the Russian Population: From Reality to Designing the Future: Monograph]. Moscow: FNIS Ts RAN.
- Bobkov V.N., Kherrmann P., Kolmakov I.B., Odintsova E.V. (2018). Two-criterion model of the Russian society stratification by income and housing security. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 14(4), 1061–1075. DOI: 10.17059/2018-4-1 (in Russian).
- Bourguignon F., Ferreira F., Menendez M. (2007). Inequality of opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*, 53, 585–618. DOI: 10.1111/j.1475-4991.2007.00247.x
- Breunig R., Majeed O. (2020). Inequality, poverty and economic growth. *International Economics*, 161, 83–99. DOI: 10.1016/j.inteco.2019.11.005
- Brueckner M., Lederman D. (2018). Inequality and economic growth: The role of initial income. *Journal of Economic Growth*, 23, 341–366. DOI: 10.1007/s10887-018-9156-4
- Cecchi D., Peragine V., Serlenga L. (2010). Inequality of opportunity in Italy. *Journal of Economic Inequality*, 8, 429–450. DOI: 10.1007/s10888-009-9118-3
- Golovanova L.A. (2019). Differentiation of standard of living of population in regions of the Far Eastern Federal District. *Vestnik ToGU*, 4(55), 45–54 (in Russian).
- Govorova N.V. (2021). Poverty and inequality: Challenges of the COVID-19 pandemic. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'=Social Sciences and Contemporary World*, 3, 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6 (in Russian).
- Gründler K., Scheuermeyer P. (2018). Growth effects of inequality and redistribution: What are the transmission channels? *Journal of Macroeconomics*, 55, 293–313. DOI: 10.1016/j.jmacro.2017.12.001
- Hassan M., Bukhari S., Arshed N. (2020). Competitiveness, governance and globalization: What matters for poverty alleviation? *Environment, Development and Sustainability*, 22, 3491–3518. DOI: 10.1007/s10668-019-00355-y

- Ignacio J. (2018). The challenge of measuring poverty and inequality: A comparative analysis of the main indicators. *European Journal of Government and Economics*, 7(1), 24–43. DOI: 10.17979/ejge.2018.7.1.4331
- Ilyin V.A., Morev M.V. (2021). Where does the soullessness of the ruling elites lead? *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 9–28. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.1 (in Russian).
- Jancewicz B. (2016). Income inequalities: axioms of income inequality measures and people's perceptions. *Decyzje*, 13(25), 21–42. DOI: 10.7206/DEC.1733-0092.69
- Kalugina Z.I. (2021). Economic accessibility of food: Regional and social differences. *EKO=The All-Russian ECO Journal*, 2, 165–175. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-165-175 (in Russian).
- Kohlscheen E., Lombardi M., Zakrajšek E. (2021). Income inequality and the depth of economic downturns. *Economics Letters*, 205, 1–16. DOI: 10.1016/j.econlet.2021.109934
- Kozlova O.A., Makarova M.N. (2020). Poverty reduction in Russian in the context of national development goals and their achievement. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, 17(4), 770–780. DOI: 2073-6517/2020.17-4.2 (in Russian).
- Kubishin E.S., Sedlov A.P., Soboleva I.V. (2021). Poverty in Russia: Measurement and international comparisons. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN=Bulletin of the IE RAS*, 1, 56–70. DOI: 10.24412/2073-6487-2021-1-56-70 (in Russian).
- Lezhnina Yu.P. (2021). Russians' views on the necessary social policy: Between mid 200-ies and the corona crisis of 2020. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 4, 50–60. DOI: 10.31857/S013216250014715-9 (in Russian).
- Li W., Cai Z., Cao S. (2021). What has caused regional income inequality in China? Effects of 10 socioeconomic factors on per capita income. *Environment Development and Sustainability*, 23(1), 13403–13417. DOI: 10.1007/s10668-020-01218-7
- Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ul'yanov V.V. (2018). Population quality and regional economy: Direct and indirect correlation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(1), 32–42. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.2 (in Russian).
- Mareeva S., Slobodenyuk E. (2018). Inequality in Russia in the international context: Income, wealth, opportunities. *Vestnik obshchestvennogo mneniya=The Russian Public Opinion Herald*, 1–2(126), 30–47. DOI: 10.24411/2070-5107-2018-00002
- Mokhnatkina L.B. (2020). Assessing regional inequality based on revenues of the federal budget using the Pareto principles. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 16(4), 1377–1392. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-25 (in Russian).
- Ranaldia M., Milanovićab B. (2021). Capitalist systems and income inequality. *Journal of Comparative Economics*, 9, 1–13. DOI: 10.1016/j.jce.2021.07.005
- Rawls J. (1971). *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press. DOI: 10.1163/9789047431060
- Roemer J., Trannoy A. (2015). Equality of opportunity: Theory and measurement. *Journal of Economic Literature, American Economic Association*, 54(40), 1288–1332.
- Rossoshanskii A.I. (2018). Typology of the Russian regions in terms of quality indices of life of the population. *Gosudarstvennyi sovetnik=Economic Consultant*, 3, 5–9 (in Russian).
- Shetty P., Singh S. (2021). Hierarchical clustering: A survey. *International Journal of Applied Research*, 7(40), 178–181. DOI: 10.22271/allresearch.2021.v7.i4c.8484
- Shi K., Changa Z. (2020). Identifying and evaluating poverty using multisource remote sensing and point of interest (POI) data. *Journal of Cleaner Production Volume*, 255(2), 1–12. DOI: 10.1016/j.jclepro.2020.120245
- Smith A.M. (1883). *A System of Subjective Political Economy*. London: Williams and Norgate.
- Surinov A.E., Luppov A.B. (2021a). Influence of regional differences in the cost of living on national income inequality. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 17(3), 814–827. DOI: 0.17059/ekon.reg.2021-3-7 (in Russian).

- Surinov A.E., Luppov A.B. (2021b). Inequality in Russia: Regions, cost of living, and equivalent income. *Ekonomicheskaya politika=Economic Policy*, 3, 82–111. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-3-82-111 (in Russian).
- Suvorov A.V., Boldov O.N., Ivanov V.N., Sukhorukova G.M., Budanova A.I. (2020). Tools for analyzing social policy that ensure the recovery of economic growth in Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 4, 3–15 (in Russian).
- Tridico P. (2017). *Inequality in Financial Capitalism*. London. DOI: 10.4324/9781315672083
- Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2013). Inequality of socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: Is it a growth or decline? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'=Social Sciences and Contemporary World*, 6, 15–26 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Elena A. Basova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: elbas@yandex.ru)

Marianna N. Rassadina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Lecturer, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (2, Shchetinin Street, Vologda, 160002, Russian Federation; e-mail: mrassadina@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7

УДК 331.556 | ББК У247

© Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р.

РАБОТА ВАХТОВЫМ МЕТОДОМ ГЛАЗАМИ ВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ БАШКОРТОСТАНА

МАРСЕЛЬ САЛАВАТОВИЧ ТУРАКАЕВ

Институт социологии ФНИСЦ РАН
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
e-mail: mturakayev@gmail.com
ORCID: [0000-0003-2449-6605](https://orcid.org/0000-0003-2449-6605); ResearcherID: [AAU-9402-2020](https://orcid.org/AAU-9402-2020)

ГУЗЕЛЬ РИМОВНА БАЙМУРЗИНА

Институт социологии ФНИСЦ РАН
Уфа, Российская Федерация
e-mail: guzrim@mail.ru
ORCID: [0000-0002-1844-2689](https://orcid.org/0000-0002-1844-2689); ResearcherID: [G-4824-2017](https://orcid.org/G-4824-2017)

Актуальность исследования обусловлена значительной распространенностью вахтовой модели занятости среди жителей Республики Башкортостан и дефицитом эмпирических данных об этом уже укоренном явлении в регионе. Очевидно, что не специфическая региональная проблема, т. к. на вахтах вынуждено работать значительное количество россиян (и жителей других стран), условия труда которых относятся к нестандартным, часто являются вредными или опасными для здоровья, подвержены прекаризации, при этом доходы и расходы, перемещения и образ жизни вахтовиков имеют экономические, социальные и демографические последствия. В предложенной статье на основе данных репрезентативного социологического исследования условий труда вахтовиков из Башкортостана (объем выборки 1155 человек) анализируются социально-демографические характеристики вахтовых работников (пол, возраст, образование, место постоянного проживания, наличие семьи и детей) и их взаимосвязи с причинами выбора вахтовой модели занятости, с длительностью вовлеченности в такой труд, социально-трудовым положением и восприятием условий труда. В отличие от других исследований

Для цитирования: Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. (2022). Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7

For citation: Turakayev M.S., Baimurzina G.R. (2022). A fly-in fly-out work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7

авторский подход заключается в анализе временной трудовой миграции жителей конкретного региона, работающих вахтовым методом как внутри, так и за его пределами. Это позволило связать проблему вахтового труда с проблемами социального и экономического развития территории, уточнить социально-демографические характеристики вахтовых работников из Республики Башкортостан; причины и факторы их вовлечения в вахтовую трудовую миграцию; изменения в социальном и трудовом положении по мере роста опыта вахтовой работы. С учетом метода опроса (через электронную ссылку) количество вопросов в анкете было ограничено, что не позволило нам охватить шире многие важные аспекты качества занятости: объем социальных гарантий, возможности для профессионального роста и поддержания (восстановления) здоровья, членства в профсоюзах и т. д. Необходимы дальнейшие исследования о вовлечении женщин в вахтовый труд, особенностях вахтового труда в других отраслях экономики, не относящихся к топливно-энергетическому комплексу.

Вахтовый труд, временная трудовая миграция, условия труда, опыт работы, Башкортостан.

Введение

Вахтовый труд, его сущность и специфика, факторы, характер взаимодействия с рынками труда разного уровня (национального, региональных, локальных), экономические и социальные последствия – малоизученные направления исследований. Вместе с тем опросы населения в Башкортостане постоянно фиксируют это социальное явление, хотя и не всегда четко разграничивают вахтовую и маятниковую миграцию. Так, согласно данным социологического исследования «Качество занятости и человеческое развитие»¹, в каждом пятом домохозяйстве Республики Башкортостан (РБ) хотя бы один из членов выезжает на работу за пределы своего населенного пункта. Другое пилотное исследование, проведенное методом обхода всех домохозяйств в четырех сельских поселениях (два из которых относились к приграничным территориям) республики в 2019 году показало, что в каждом втором дворе (домохозяйстве) имеются члены семьи, работающие вахтовым методом². Точных цифр о числе наемных работников, регулярно выезжающих на работу вахтовым методом из республики, нет, как не существует и

государственной статистики вахтового труда. Большая его распространенность среди жителей Башкортостана косвенно фиксируется объективными данными официальной статистики Росстата. Так, Республика Башкортостан замыкает тройку лидеров по числу выезжающих межрегиональных трудовых мигрантов из региона после Московской и Ленинградской областей, где большое значение имеют притягивающие агломерации городов федерального значения. Республика Башкортостан также соседствует с сильными регионами, имеющими притягивающий эффект (Республика Татарстан, Свердловская область, Челябинская область), который усугубляется дефицитом рабочих мест в средних и малых городах и сельской местности.

Проблемы вахтового труда и его негативные социальные (семья, здоровье, социальное самочувствие) и экономические (отток трудовых ресурсов) последствия признаются руководством республики и Министерством семьи, труда и социальной защиты РБ актуальными задачами, требующими решения.

Отечественная и зарубежная практика показывает, что работа вахтовым методом – чаще всего вынужденная страте-

¹ Социологическое исследование «Качество занятости и человеческое развитие» (сроки полевых работ: октябрь – декабрь 2020 года). Выборка репрезентативна по типу поселения, полу, возрасту, образованию и социально-трудовому статусу (занятое, незанятое население). Объем выборки – 1566 респондентов. Организатор исследования: Башкирский филиал ФНИСЦ РАН.

² Пилотный опрос четырех сельских населенных пунктов Республики Башкортостан: д. Муракаево (Абзелиловский р-н), пос. Садовый (Миякинский р-н), д. Смаково (Мелеузовский р-н), с. Нигаматово (Баймакский р-н). Метод опроса: обход каждого домохозяйства. При выявлении временного мигранта в домохозяйстве интервьюер опрашивал подходящего члена семьи или записывал информацию со слов членов семьи. Объем выборки составил 202 временных трудовых мигранта, постоянно проживающих в этих населенных пунктах. Период опроса – май 2019 год. Организатор исследования: Башкирский филиал ФНИСЦ РАН.

гия занятости (Sandow, Westin, 2010, p. 435; Туракаев, 2021). Она не соответствует многим критериям достойного труда и обуславливает необходимость проведения комплексных исследований этого феномена. Очевидно, что проблемы вахтового труда имеют не только региональный, но и общероссийский характер (Дмитриева, Борисова, 2018; Лексин, 2021). В России, по данным Росстата за 2021 год, насчитывается 2853 тыс. межрегиональных временных и маятниковых трудовых мигрантов³.

Межрегиональная трудовая миграция является более широким понятием, которое в то же время относится к категории несколько иного порядка, чем вахтовый труд. Следовательно, вахтовый труд, выступая конкретной формой занятости, имеющей свое законодательное определение⁴, не может быть детально описан и адекватно проанализирован на основе имеющихся данных официальной статистики и требует специальных социологических исследований.

В рамках статьи нами поставлена цель охарактеризовать социальный портрет и особенности социально-трудового положения временных трудовых мигрантов – жителей Республики Башкортостан, регулярно выезжающих на работу вахтовым методом. Для достижения цели последовательно решены следующие задачи: уточнение социально-демографических характеристик вахтовых работников из Республики Башкортостан; выявление причин и факторов их вовлечения в вахтовую трудовую миграцию; анализ взаимосвязей между длительностью вовлечения в вахтовую миграцию и социально-трудовым положением вахтовиков.

Новизна исследования заключается в том, что социологический опрос вахтовых работников в Республике Башкортостан репрезентирует всех постоянных жителей данного региона, вовлеченных во временную трудовую миграцию. Мы сфокусировали внимание на временных трудовых мигран-

тах, местных жителях, которые выезжают из своего населенного пункта в другой населенный пункт, регион или страну на работу, не имея возможности возвращаться домой после рабочей смены. В России еще не было региональных репрезентативных исследований, в которых целевым образом выездные вахтовые трудовые мигранты изучались количественными опросными методами. В основном ученые опираются на данные всероссийских обследований, в частности обследования рабочей силы Росстата. Имеются работы, анализирующие конкретные кейсы временной трудовой миграции. Например, в монографии Ю.М. Плюснина и его соавторов представлены результаты качественного исследования отходников (разновидность временных трудовых мигрантов) из разных населенных пунктов (Плюснин и др., 2013). Н.В. Мкртчян и Ю.Ф. Флоринская проводят сравнительные исследования временной трудовой миграции малых территориальных сообществ (Мкртчян, Флоринская, 2019). А.Н. Силин фокусирует внимание на вахтовиках как трудовых ресурсах регионов Севера, т. е. рассматривает арктические территории, принимающие вахтовый труд (Силин, 2021).

Методология и методы исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные социологического опроса, который проводился в Республике Башкортостан в период с 14 по 22 апреля 2022 года лабораторией региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН, научной лабораторией социальных и демографических исследований Башкирского государственного университета при организационной поддержке Министерства семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан.

³ Итоги выборочного обследования рабочей силы (2021) / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 03.09.2022).

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 07.10.2022). Ст. 297.

Выборка целевая. Объем выборки после проверки качества анкет составил 1155 человек⁵. Электронные ссылки на анкеты направлялись напрямую вахтовым работникам, далее через фильтр-вопросы отбирались только работающие жители Башкортостана, регулярно выезжающие на вахтовую работу за пределы своего населенного пункта. В исследовании приняли участие жители практически всех районов (59 из 64) и городов (19 из 21) РБ. Это позволяет утверждать, что выборка является репрезентативной для жителей Башкортостана, работающих по найму вахтовым методом, поскольку была обеспечена вероятность участия в опросе всех территориально-административных единиц региона. Для проверки статистической значимости различий между сравниваемыми социальными группами в таблицах сопряженности использовались критерий Хи-квадрат Пирсона, тест Бонферрони (для сравнения средних).

Сущность и специфика вахтового труда в России

Под временной трудовой миграцией понимается отъезд человека на работу в другой населенный пункт, регион или страну с периодическим, регулярным, но не ежедневным возвращением домой. В литературе выделяют круговую миграцию (*circular migration*), которая схожа с временной миграцией. Круговую миграцию определяют как непрерывный длительный текущий паттерн передвижения людей между странами, составляющими единое экономическое пространство (Newland et al., 2008, p. 2). Временная вахтовая трудовая миграция в западной литературе рассматривается как маятниковая миграция на дальние расстояния (*long-distance commuting*). Этот вид предполагает регулярное возвращение мигранта домой (Jones, Southcott, 2015). Она отличается от маятниковой миграции тем, что мигрант не имеет возможности возвращаться домой ежедневно. В то же время некоторые авторы определяют маятнико-

вую миграцию на дальние расстояния (*long-distance commuting*) как поездку на работу или с работы домой, продолжающуюся более 60 минут ежедневно (Rüger et al., 2021). Кроме того, временная трудовая миграция рассматривается в иностранной литературе как поездки на длительный период времени и на такое расстояние, которое не позволяет работнику вернуться домой после рабочей смены – FIFO (*fly-in/fly-out*) или DIDO (*drive-in/drive-out*) (Vojnovic et al., 2015).

Мы выделяем следующие основные виды регулярной временной трудовой миграции населения: вахтовый труд, отходничество и сезонную трудовую миграцию. Временная трудовая миграция предполагает нахождение трудового мигранта вне своего постоянного места жительства менее трех месяцев (Рязанцев 2014, с. 83). Вахтовые работники относятся к временным трудовым мигрантам, которые возвращаются домой примерно через равные промежутки времени (чередование вахты и межвахтового отдыха). Сезонные трудовые мигранты, напротив, уезжают на работу периодически, этот вид относится к нерегулярным формам миграции (Рязанцев, 2014, с. 83). В отличие от отходничества вахтовый труд носит регулярный характер, не зависящий от сезонности домашних работ (Плюснин и др., 2013). Отсутствие работы дома, рост числа членов семьи, нехватка денег стали одними из основных причин такого социального явления как отходничество крестьян в центральной части России в XIX – начале XX века (Курцев, 2012; Великий, 2013). Ю.М. Плюснин и его соавторы делают вывод о том, что в современной России одним из ключевых мотивов вовлечения в отходничество выступает поиск дополнительных заработков для семьи (Плюснин и др., 2013).

Распространению временной трудовой миграции способствуют расхождения между высокой потребностью в работниках и высоким уровнем оплаты труда в одной местности (например, в крупных городах) и недо-

⁵ Были удалены неполные, дублирующиеся и другие некачественные анкеты; анкеты, заполненные не жителями Башкортостана.

статочностью рабочих мест и низкой оплатой труда в другой (сельские районы, малые города) (Аверкиева и др., 2016; Pérez-Trujillo et al., 2020). Временная трудовая миграция может служить альтернативой переезду на постоянное место жительства в другой населенный пункт, а также предтечей постоянной миграции (Sandow, Westin, 2010, p. 435). В семьях жителей, в которых есть или был временный мигрант, из малых и средних городов выше доля готовых переехать на постоянное место жительства в другой регион (Мкртчян, Флоринская, 2019).

Однако спецификой вахтового труда, в который вовлечены жители Башкортостана, является выполнение работы на удаленных от населенных пунктов объектах топливно-энергетического комплекса (геологоразведка, бурение, строительство, ввод в эксплуатацию и обслуживание энерготранспорта и т. д.). Вахтовики особенно востребованы в регионах Сибири, где на протяжении многих километров нет городов и поселков. Суровый климат Сибири, а также более удобная социальная инфраструктура и привязанность к домашнему региону выступают значимыми факторами невысоких эмиграционных установок у вахтовиков Башкортостана.

Бремя организация труда и быта вахтового работника лежит на работодателях, которые, с одной стороны, обязаны обеспечить безопасность, условия для питания, проживания и реализации других базовых социально-бытовых потребностей, с другой стороны, стремятся к сокращению издержек. В целом существование такой формы организации труда в зарубежных исследованиях связывают с ее экономическими преимуществами (McKenzie, 2020). Подобная экономическая установка, на наш взгляд, связана и с распространением субконтрактной системы найма, ухудшающей положение и условия труда вахтовых работников (Eilmsteiner-Saxinger, 2011). В наших исследованиях это отражается в расширении срочных трудовых и гражданско-правовых контрактов. На фоне глобального роста неустойчивой занятости изначально нестан-

дартные и сложные (напряженные, вредные, опасные, тяжелые) условия труда вахтовых работников подвергаются риску консервации и обесценения, увеличивается переговорная сила работодателей по поводу условий и оплаты труда.

В иностранной литературе отмечается, что форма вахтовой организации труда в добывающих отраслях промышленности остается пока безальтернативной, что, очевидно, справедливо и для России (Blackman et al., 2014; Ахметова, 2021, с. 266). Следовательно, проблематика вахтового труда в экономических и социологических исследованиях будет еще долго сохранять свою актуальность.

Социально-демографические характеристики вахтовых работников и длительность вовлечения во временную трудовую миграцию

Вахтовые работники, принявшие участие в исследовании, распределились в выборке следующим образом: из 1155 опрошенных 1058 человек – мужчины (91,6%), 97 – женщины (8,4%). Средний возраст респондентов составил 40 лет (мужчины – 39,8 года, женщины – 42,9 года). Большая часть мужчин относится к возрастной группе от 31 до 40 лет (38%). Женщины-вахтовики чаще встречаются в более старшей возрастной группе от 41 до 50 лет (45,3%). По данным опроса, подавляющая часть вахтовых работников постоянно проживает в сельской местности (68%), около четверти – в других городах республики (в том числе малых), чуть менее десятой части – в столице региона. В целом полученные данные сопоставимы с результатами исследования Г.Ф. Ахметовой, согласно которым среди вахтовых мигрантов преобладают мужчины, молодежь и сельские жители (Ахметова, 2021). Интересно, что в зарубежных исследованиях, касающихся вахтовых работников в отраслях добывающей промышленности, получены примерно такие же возрастные характеристики; в выборке немного выше доля женщин (до 20%), но

Таблица 1. Социально-демографические характеристики вахтовых работников

Социально-демографические характеристики		Частота, ед.	Доля, %
Пол	Мужской	1058	91,6
	Женский	97	8,4
	Всего	1155	100,0
Возраст	19–30	204	17,8
	31–40	423	36,8
	41–50	319	27,8
	51 и старше	202	17,6
	Всего	1148	100,0
Образование	Среднее общее и ниже	161	13,9
	Среднее профессиональное по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих (начальное профессиональное)	433	37,5
	По программе подготовки специалистов среднего звена (среднее профессиональное, среднее специальное)	282	24,4
	Высшее (в том числе несколько высших)	279	24,2
	Всего	1155	100,0
Место постоянного проживания	г. Уфа	104	9,0
	Другой город, поселок городского типа Башкортостана	266	23,0
	Сельский населенный пункт Башкортостана	785	68,0
	Всего	1155	100,0

подавляющее большинство составляют мужчины⁶ (Blackman et al., 2014, p. 182).

Более 60% вахтовых работников РБ имеют среднее профессиональное образование (преимущественно рабочих специальностей), около четверти – высшее. При этом основным «поставщиком» вахтовых работников с высшим образованием выступает не столичный г. Уфа (5,1% всех опрошенных), а другие города и сельские районы республики (18,9%). Лица, не имеющие профессиональ-

ного образования, составили 13,9% опрошенных (табл. 1).

Вахтовый труд является одним из способов реализации традиционной для мужчин социальной функции кормильца семьи и детей. Об этом свидетельствует то, что вахтовые работники в большинстве случаев – семейные люди, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке; более 60% имеют двоих или троих детей. Нет детей только у 6–7% опрошенных старше 40 лет и 63% молодых вахтовиков до 30 лет. Результаты исследования Г.Ф. Хилажевой показывают, что в семьях, в которых мужчины становятся вахтовыми работниками, улучшается материальное положение (76,0%), жилищные условия (38,0%), появляются возможности инвестировать в обучение детей (16,4%) и т. д. (Хилажева, 2021).

Опрос свидетельствует, что вахтовый труд в Башкортостане практикуется давно и продолжает существовать. Более чем 20-летний стаж⁷ вахтовой работы имеют 9% респондентов. В то же время значимой является доля опрошенных, работающих вахтовым методом менее 5 лет, что говорит как о проблемах на локальных рынках труда, так и о сохранении вахтовой модели трудовой активности в стратегиях и образе жизни населения республики (табл. 2). Исследователи отмечают также тенденцию роста доли молодых людей (до 24 лет) в возрастной структуре вахтовых работников (Ахметова, 2021).

Таблица 2. Распределение работников по длительности вовлечения в вахтовый труд, %

	Доля ответивших	Накопленный процент
От 0 до 5 лет включительно	34,4	34,4
От 6 до 10 лет включительно	26,2	60,6
От 11 до 15 лет включительно	21,7	82,3
От 16 до 20 лет включительно	8,8	91,0
От 21 до 39 лет включительно	9,0	100,0
Всего	100	

⁶ Результаты социологического исследования работников вахтового труда в Австралии, проведенного в мае – августе 2013 года. Объем выборки – 800 человек (FIFO Life Survey). URL: <https://documents.parliament.qld.gov.au/committees/IPNRC/2015/FIFO/02-aqon3-25Jun2015.pdf> (дата обращения 30.10.2022).

⁷ Здесь и далее термин «стаж» вахтовой работы используется для обозначения опыта (количества лет) вахтовой работы, независимо того, была она оформлена законодательно или нет.

Среди опрошенных вахтовых работников Башкортостана рабочие составляют 71,2%. При этом среди них 18% специалистов без руководящих функций, 7,4% руководителей, 2,5% служащих, занятых подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием. Также 0,9% респондентов выбрали другой вариант ответа или затруднились ответить на этот вопрос.

Более 90% опрошенных вахтовых работников трудятся в отраслях нефтегазовой и другой тяжелой промышленности, строительства, транспорта, энергетики, общественного питания и легкой промышленности. При этом в тройку крупнейших отраслей, использующих мобильный вахтовый труд, входят нефтяная и газовая промышленность, строительство (три четверти опрошенных). Представители работников организаций, относящихся к другим отраслям экономики (сельское хозяйство, лесное хозяйство, машиностроение, приборостроение, бытовое обслуживание, ЖКХ, легкая промышленность, здравоохранение, ИКТ, связь, торговля, охрана, геология, пожарная охрана), встречались в выборке от 2 до 15 раз (т. е. не более 1,3% случаев).

Большая часть опрошенных вахтовых работников оформили трудовые отношения с работодателем официально (87,6%). Только 3,7% ответили, что их отношения с работодателем оформлены как гражданско-правовые; 1% указали, что работу им предоставило частное агентство занятости; 2,7% работают на основе устной договоренности, 4,6% затруднились ответить. На основе устной договоренности чаще трудятся в сфере строительства, сельского хозяйства и транспорта. В структуре неформально занятых 90% работают на своем рабочем месте более года.

Подавляющее большинство вахтовых работников Башкортостана (90,2%) выезжают на работу в другой регион России. По популярности среди опрошенных выделяются регионы Севера: Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ (34,7 и 14,4% соответственно). Менее распространены такие субъекты, как Свердловская область, Тюменская об-

ласть, Красноярский край, Якутия, г. Москва, Челябинская область и т. д. Остальные регионы страны встречаются среди единичных ответов респондентов.

Очевидно, что возраст работника имеет прямую взаимосвязь со стажем вахтовой работы. Вместе с тем в ходе исследования выявлено, что: 1) вахтовиками могут становиться люди разного возраста; 2) в зависимости от длительности вовлеченности в вахтовый труд могут меняться социально-трудовое положение работника и его восприятие условий труда.

На основании ответов на вопрос «В каком году Вы начали работать вахтовым методом?» нами выделено 4 группы респондентов по длительности вовлечения в вахтовую трудовую миграцию: 1) 0–5 лет включительно («новички»); 2) 6–10 лет; 3) 11–15 лет; 4) 16 и более лет. Две срединные группы – наибольшие по численности, две крайние – примерно одинаковы, однако группа наиболее опытных работников включает в себя более широкий диапазон лет, поскольку численность вахтовиков с возрастом сокращается. Так, согласно опросу, среди новичков, относительно недавно (не более 5 лет назад) начавших работать вахтовым методом, 36% – молодежь до 30 лет, 33,3% – лица в возрасте 31–40 лет, 20,2% – 41–50 лет и 10,5% – 51 год и старше. На наш взгляд, такое распределение означает, что анализируемый вид занятости востребован среди населения в целом, а не только среди молодежи.

Согласно структуре женщин-вахтовиков 55% имеют стаж работы до 5 лет включительно, что может быть отражением тенденции роста числа женщин, вовлеченных в вахтовую трудовую миграцию. Безусловно, этот вывод следует дополнительно проверить, поскольку рабочие места и условия труда на вахте в большинстве случаев рассматриваются как мужские, а количество рабочих мест, подходящих для женщин, ограничено, в том числе законодательно (ст. 298 Трудового кодекса РФ). Как отмечалось выше, среди женщин-вахтовиков 49,5% состоят в браке, 40% являются либо вдовами, либо разведенными. Практически те же

соотношения сохраняются в структуре женщин-новичков: 51% – в браке, 35,3% – вдовые или разведенные. Более 80% женщин – сельские жители. Средний возраст женщин-новичков среди вахтовиков – около 40 лет, что, на наш взгляд, является свидетельством вынужденности такого способа самообеспечения. Доля новичков-мужчин также высока – 32,6%, при этом среди них

большую часть составляют молодые (73% до 40 лет), но уже женатые (67,3%) люди со средним профессиональным (66,7%) или высшим (21,9%) образованием.

В структуре новичков доля лиц с высшим образованием меньше, чем в более опытных группах (табл. 3). Это может свидетельствовать о том, что высшее образование приобретает некоторой частью вахтовиков

Таблица 3. Социально-демографические характеристики групп с разным стажем вахтовой работы, % от числа ответивших

Вариант ответа	От 0 до 5 лет	От 6 до 10 лет	От 11 до 15 лет	От 16 до 20 лет	От 21 до 39 лет	Все группы
Пол						
Мужской	86,7	91,8	97,5	93,9	94,0	91,7
Женский	13,3	8,2	2,5	6,1	6,0	8,3
Всего	100	100	100	100	100	100
Возраст						
19–30	36,0	15,1	2,1	1,0	0,0	16,9
31–40	33,3	47,4	49,2	19,6	6,0	36,8
41–50	20,2	23,7	32,1	48,5	44,0	28,3
51 и старше	10,5	13,7	16,7	30,9	50,0	18,0
Всего	100	99,9	100	100	100	100
Уровень образования						
Среднее общее и ниже	12,2	11,3	13,6	17,3	19,0	13,4
Среднее специальное	65,4	60,3	58,7	62,2	66,0	62,4
Высшее	22,4	28,4	27,7	20,4	15,0	24,3
Всего	100	100	100	99,9	100	100
Брачный статус						
Состою в браке	65,1	82,2	90,9	85,7	88,0	79,0
Вдовец (вдова)	2,1	1,4	0,4	2,0	1,0	1,4
Разведен(а)	8,9	6,5	6,2	8,2	5,0	7,3
Никогда не состоял(а) в браке	24,0	9,9	2,5	4,1	6,0	12,3
Всего	100	100	100	100	100	100
Общее количество детей						
Нет	34,7	15,4	3,3	9,2	8,0	18,2
1	20,6	22,3	18,7	7,1	14,0	18,9
2	25,6	39,4	49,8	48,0	45,0	38,2
3 и более	19,1	22,9	28,2	35,7	33,0	24,8
Всего	100	100	100	100	100	100
Тип населенного пункта						
г. Уфа – столица республики	10,2	10,3	7,9	9,2	4,0	9,1
Другой город республики	22,4	20,5	26,0	17,3	26,0	22,6
Сельская местность	67,4	69,2	66,1	73,5	70,0	68,4
Всего	100	100	100	100	100	100
Примечание: Хи-квадрат Пирсона по полу = 24,508 (р-значение < 0,01), по возрасту = 314,646 (р-значение < 0,01), по образованию = 14,284 (р-значение > 0,05), по брачному статусу = 93,214 (р-значение < 0,01), по общему количеству детей = 151,116 (р-значение < 0,01), по типу населенного пункта = 8,398 (р-значение > 0,05).						

уже в ходе профессиональной деятельности. Кроме того, причинами менее высокого уровня образования новичков по сравнению с группой, имеющей стаж работы вахтовым методом 6–10 лет, могут быть: преобладание в структуре вахтовиков жителей сельских поселений и малых городов; более высокая потребность работодателей в рабочих кадрах нежели управленческих; общее снижение ценности высшего образования среди нестоличной молодежи (в связи с низким уровнем оплаты труда); потребность в более раннем выходе на рынок труда как следствие ухудшения материального положения населения после кризиса 2015 года.

Несмотря на статистическую незначимость Хи-квадрата Пирсона для типов населенного пункта, все же можно наблюдать небольшой рост вовлеченности жителей Уфы в вахтовую миграцию за последние 10 лет (см. табл. 3). Данное изменение может свидетельствовать о: 1) избыточном предложении труда на столичном рынке в отраслях, связанных с нефтегазовой промышленностью; 2) дефиците рабочих мест для рабочих со средним специальным образованием; 3) низком уровне заработных плат на предприятиях г. Уфы.

Среди новых вахтовых работников больше доля лиц, не имеющих детей, что объясняется более молодой возрастной структурой этой группы. При этом среди новичков выше доля разведенных и вдовых, чем в других группах по стажу. Безусловно, детность, вдовство и развод являются факторами, влияющими на принятие решения о вахтовой трудовой миграции. Однако характер влияния будет различаться у мужчин и женщин и определяться сочетанием факторов детности и брачности. К примеру, на данных исследования можно предположить, что для женщин потеря кормильца в семье (вдовство или развод) при наличии относительно самостоятельных детей является более значимым фактором, вынуждающим выезжать на заработки вахтовым методом. Однако для получения более точных выводов необходимы дополнительные исследования.

В ходе анализа социально-демографического портрета вахтовых работников в Республике Башкортостан выяснено, что во временную (вахтовую) трудовую миграцию в сравнительно большей мере вовлекаются мужчины, молодые люди и люди среднего возраста, имеющие среднее специальное образование (преимущественно рабочих специальностей), лица, состоящие в браке, имеющие детей. В структуре вахтовых работников новички с опытом работы менее 6 лет составляют значительную часть – 34%. Среди них по сравнению с более опытными группами вахтовиков больше женщин, жителей г. Уфы, лиц молодого возраста, не состоящих в браке, не имеющих детей.

Влияние длительности вовлечения в вахтовую трудовую миграцию на социально-трудовое положение вахтовых работников

Продолжительность вахты, согласно ТК РФ (ст. 299), не должна превышать одного месяца, но в исключительных случаях может быть увеличена работодателем до трех месяцев с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. В целом вахтовые работники из РБ трудятся в пределах норм. Длительность вахты превышала 3 месяца всего у 2,5% опрошенных. Рекомендованная законодательством длительность вахтового периода соблюдалась в 67,8% случаев. Два месяца работали около 20%, три месяца – 8,5%. Известно, что увеличение продолжительности вахты широко применялось в период ограничений, связанных с пандемией COVID-19. В контексте различия новичков и опытных работников выявлено, что более длительные периоды нахождения на вахте (45 дней и больше) чаще встречаются среди работников со стажем менее 5 лет (табл. 4). Возможно, по мере набора опыта и социального капитала вахтовики находят для себя более привлекательные и гармоничные условия трудовой деятельности, а от изнуряющих отказываются.

Стоит отметить, что в числе респондентов есть те, кого можно отнести к маятни-

Таблица 4. Длительность нахождения респондентов на вахте в группах с разным стажем работы, % от числа ответивших

Вариант ответа	От 0 до 5 лет	От 6 до 10 лет	От 11 до 15 лет	От 16 до 39 лет	Все группы
До 1 месяца	11,8	10,3	14,1	8,1	11,2
1 месяц	50,3	58,9	54,8	66,7	56,4
От 45 дней	38,0	30,8	31,1	25,3	32,3
Всего	100	100	100	100	100

Примечание: Хи-квадрат Пирсона = 17,675 (р-значение < 0,05).

ковым трудовым мигрантам. Так, до одной недели находятся на вахте (на рабочем месте) 2,4% опрошенных. Среди них могут оказаться и те, кто имеет возможность возвращаться домой каждый день. Однако они могут и не иметь такой возможности. В нашем исследовании подобный вопрос не задавался. К тому же в связи с тем, что представители указанных групп отнесли себя к вахтовым работникам («вахтовикам»), их ответы учитывались вместе с ответами всех респондентов.

Исследование показало, что для 83,7% участников опроса работа вахтовым методом является вынужденной. Нравится работать вахтовым методом, т. к. у такой работы есть свои преимущества, только 9,6% опрошенных, 5,9% – привыкли (рис. 1).

Главной причиной работы вахтовым методом выступает низкий уровень оплаты

труда в месте постоянного проживания: так ответили 81% жителей г. Уфы, 78,7% жителей других городов (поселков городского типа) РБ и 57,9% сельских жителей. Отсутствие работы в населенном пункте в качестве главной причины выезда на вахтовую работу отметили 9,1% городских жителей (за исключением Уфы) и 25% сельских. Каждый пятый респондент – сельский житель сообщил, что в его населенном пункте нет для него никакой работы.

Из табл. 5 видно, что самые опытные вахтовые работники чаще других выбирали ответ «Я давно работаю вахтовым методом, я так привык(ла)». По мере увеличения опыта работы вахтовым методом доля привыкших работать таким образом увеличивается. Одно из объяснений выбора в пользу вахтового труда у мужчин заключается в том, что в период межвахтового отдыха мужчина не дробит свой день на часы работы, время поездки до работы и возвращение домой, а полностью посвящает себя хозяйству (постройка дома/бани, ремонт и другие крупные дела) и таким образом успеваает сделать больше, чем человек со стандартным графиком работы. В более раннем качественном исследовании было выявлено, что вахтовые работники вовлекаются во временную трудовую миграцию, следуя примеру родных и знакомых, используя имеющиеся социальные каналы (Туракаев, 2016). В остальном

Рис. 1. Причины вовлечения в вахтовую работу, % от числа ответивших

Примечание: респонденты могли выбирать только одну главную причину.

Таблица 5. Причины вовлечения в вахтовую трудовую миграцию в группах с разным стажем работы, % от числа ответивших

Вариант ответа	От 0 до 5 лет	От 6 до 10 лет	От 11 до 15 лет	От 16 до 39 лет	Все группы
В моем населенном пункте нет ...	86,5	84,2	85,1	77,8	84,1
Мне нравится работать вахтовым методом, потому что у такой работы есть свои преимущества	10,9	9,9	9,9	8,6	10,0
Я давно работаю вахтовым методом, я так привык(ла)	2,6	5,8	5,0	13,6	5,9
Всего	100	100	100	100	100

Примечания: 1) в первой строке объединены все причины, обозначающие отсутствие работы вообще или подходящей по специальности или устраивающей по условиям оплаты труда; 2) Хи-квадрат Пирсона = 29,415 (р-значение < 0,01).

Таблица 6. Основная должность респондентов на месте вахтовой работы в зависимости от длительности работы вахтовым методом, % от числа ответивших

Вариант ответа	От 0 до 5 лет	От 6 до 10 лет	От 11 до 15 лет	От 16 до 39 лет	Все группы
Руководитель, заместитель руководителя, начальник крупного подразделения	5,7	6,3	11,6	7,7	7,5
Специалист без руководящих функций	19,3	23,9	19,8	20,5	20,8
Рабочий	74,9	69,8	68,6	71,8	71,7
Всего	100	100	100	100	100

Примечание: Хи-квадрат Пирсона = 10,276 (р-значение > 0,05).

Таблица 7. Соответствие работы респондентов специальности, полученной в зависимости от длительности вовлечения в вахтовую трудовую миграцию, % от числа ответивших

Вариант ответа	От 0 до 5 лет	От 6 до 10 лет	От 11 до 15 лет	От 16 до 39 лет	Все группы
Точно по той специальности	26,6	33,2	35,1	39,9	32,5
По близкой, по смежной специальности	21,4	24,7	24,8	21,2	22,9
Совсем по другой специальности	41,4	36,6	29,8	27,3	35,1
У меня нет специального/профессионального образования	6,8	3,4	5,8	6,1	5,6
Затрудняюсь ответить	3,9	2,1	4,5	5,6	3,9
Всего	100	100	100	100	100

Примечание: Хи-квадрат Пирсона = 27,204 (р-значение < 0,05).

распределение ответов респондентов не сильно различается по группам.

На основании наших данных невозможно сделать вывод о векторах социально-трудовой мобильности вахтовых работников, выяснить, является ли вовлечение в вахтовый труд восходящей или нисходящей траекторией развития личности, имеются ли возможности для профессионального роста. Большинство опрошенных вахтовых работников трудится на позиции рабочего (табл. 6). Эти результаты подтверждаются и предыдущими исследованиями (Туракаев, 2021, с. 50). Очевиден некоторый дисбаланс в структуре вахтовых работников по уровню образования и струк-

туре рабочих мест, который указывает на недоиспользование имеющегося у вахтовиков человеческого капитала. В то же время можно заметить, что руководителей чуть больше в опытных группах респондентов, а рабочих – среди новичков (несмотря на более высокий уровень образования). Однако эти различия в ответах статистически не значимы.

Профессиональному и карьерному росту вахтовиков должны способствовать профильное образование, официальное оформление, более или менее продолжительный период работы на одном предприятии.

Большинство опрошенных работает не по своей специальности (табл. 7). Однако

в более опытных группах респондентов сравнительно выше доля работающих по своей специальности и меньше тех, кто работает совсем по другой специальности. Следовательно, опыт работы позволяет небольшой части вахтовых мигрантов: а) найти более подходящую, соответствующую полученной в профессиональном учебном заведении специальности; б) подстроиться под профессию, получив дополнительное образование.

Как правило, вахтовые работники не трудятся на одном предприятии долго: стаж работы на нынешнем предприятии 57% респондентов составил менее 5 лет. От 5 до 10 лет на последнем предприятии трудятся 23%, более 10 лет – еще 20%. Почти 17% опрошенных вахтовых работников заняты на настоящей работе менее года. Около 18% считают, что могут потерять работу в ближайшие 12 месяцев, при этом среди тех, кто работает на предприятии больше 1 года, процент неуверенных выше (около 20%). Довольно высокой является доля затруднившихся ответить на этот вопрос (28,1% респондентов). Это может быть обусловлено разными причинами субъективного и объективного характера, которые нужно исследовать дополнительно. Возможно, в период опроса основной причиной явилась неопределенность, связанная с текущей экономической ситуацией в стране.

Большая часть опрошенных вахтовых работников официально оформили трудовые отношения с работодателем – 87,6%, еще 3,7% работают на основе гражданско-правовых договоров, 1% – договор с част-

ным агентством занятости. Однако только 55,1% респондентов имеют бессрочный трудовой договор; 37,8% вахтовиков работают на условиях различного рода временных договоров (трудовых, гражданско-правовых, с частным агентством занятости; сроком до 1 года или более; на выполнение определенного объема работ или услуг).

Особенностью условий труда вахтовых работников является относительно высокий уровень опасности для здоровья. Более половины (50,7%) опрошенных отметили, что условия их труда так или иначе представляют опасность для здоровья (табл. 8). Можно заметить, что среди новичков больше доля считающих условия труда на своем месте работы «совершенно безопасными». В свою очередь, чем больше вахтовый опыт, тем чаще респонденты оценивают условия труда как вредные или травмоопасные. Сложно поверить, что опытные трудовые мигранты чаще оказываются в небезопасных условиях труда; скорее всего, новички плохо осведомлены об условиях, меньше сталкивались с конкретными проявлениями факторов вредности или меньше обращают внимание на опасность условий труда в силу особенностей здоровья или возраста. По нашим данным, вахтовый труд в целом представляет опасность для здоровья временных трудовых мигрантов. Чем дольше работники вовлечены в вахтовую миграцию, тем чаще они осознают опасность условий труда и испытывают на себе их последствия.

Как показало исследование, по мере увеличения опыта работы вахтовым мето-

Таблица 8. Субъективные оценки безопасности работы для здоровья в зависимости от длительности вовлечения в вахтовую трудовую миграцию, % от числа ответивших

Вариант ответа	Стаж				
	от 0 до 5 лет	от 6 до 10 лет	от 11 до 15 лет	от 16 до 39 лет	все группы
Совершенно безопасны для моего здоровья	19,8	14,0	11,2	9,6	14,6
В основном не представляют опасность для моего здоровья	28,4	24,0	25,2	23,2	25,6
Представляют некоторую опасность (вредность, травмоопасность)	34,4	37,3	39,3	34,3	36,2
Относятся к вредным, травмоопасным для здоровья	9,9	14,0	17,4	19,7	14,3
Затрудняюсь ответить	7,6	10,6	7,0	13,1	9,2
Всего	100	100	100	100	100

Примечание: Хи-квадрат Пирсона = 32,814 (р-значение < 0,01).

Таблица 9. Наличие нарушений трудовых прав на работе в зависимости от длительности вовлечения в вахтовую трудовую миграцию, % от числа ответивших

Подвопрос	Варианты ответа	Стаж				
		от 0 до 5 лет	от 6 до 10 лет	от 11 до 15 лет	от 16 до 39 лет	все группы
1. Работников отправляли в неоплачиваемый отпуск (в том числе из-за простоя предприятия)	Да	9,4	11,6	12,4	18,7	12,3
	Нет	90,6	88,4	87,6	81,3	87,7
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2. Задерживалась заработная плата	Да	13,3	12,3	11,2	14,1	12,7
	Нет	86,7	87,7	88,8	85,9	87,3
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
3. Работали сверхурочно без оплаты	Да	15,1	17,5	16,9	20,2	17,0
	Нет	84,9	82,5	83,1	79,8	83,0
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
4. Зарплата выплачивалась не полностью	Да	10,2	12,3	13,6	16,7	12,6
	Нет	89,8	87,7	86,4	83,3	87,4
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
5. Зарплата или ее часть выдавалась не через кассу, а наличными в руки («в конверте») или переводом с личных банковских счетов	Да	7,8	8,9	8,3	9,6	8,5
	Нет	92,2	91,1	91,7	90,4	91,5
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: Хи-квадрат Пирсона по первому подвопросу = 10,669 (р-значение < 0,05); Хи-квадрат Пирсона по второму подвопросу = 1,042 (р-значение > 0,05); Хи-квадрат Пирсона по третьему подвопросу = 2,459 (р-значение > 0,05); Хи-квадрат Пирсона по четвертому подвопросу = 5,298 (р-значение > 0,05); Хи-квадрат Пирсона по пятому подвопросу = 0,617 (р-значение > 0,05).

дом возрастает доля временных трудовых мигрантов, испытывавших на себе нарушения трудовых прав в течение последних 12 месяцев. Наиболее распространенной формой нарушения трудовых прав, по данным опроса, является сверхурочная работа без дополнительной оплаты. В такой ситуации побывали за год 17% респондентов (табл. 9). Около 28% вахтовых работников сталкивались с одной, двумя или тремя из названных ситуаций за последние 12 месяцев, практически все перечисленные нарушения испытывали на себе 4%. Вместе с тем заметим, что большая часть опрошенных (68,3%) не сталкивалась с предложенными им на рассмотрение нарушениями.

Длительность рабочей недели вахтовых работников в среднем превышает стандартную и составляет около 62 часов (табл. 10). Более половины респондентов трудятся свыше 60 часов, около четверти – более 80 часов в неделю. Наиболее напряженными являются вахты в нефтяной и газовой промышленности, в сферах энергетики, транс-

порта, общественного питания и охраны (в том числе противопожарной). Согласно результатам исследования, больше часов в неделю работают представители групп со стажем от 6 до 15 лет. Скорее всего, такая ситуация связана с тем, что эти группы состоят из опытных и относительно здоровых людей среднего возраста (Туракаев, 2021, с. 47–48).

Таблица 10. Количество часов работы в неделю в зависимости от длительности вовлечения в вахтовую трудовую миграцию, % от числа ответивших

Количество лет работы вахтовым методом	Среднее значение	Количество ответов
От 0 до 5 лет	58,6	375
От 6 до 10 лет	64,5	287
От 11 до 15 лет	65,2	229
От 16 до 39 лет	59,0	186
Всего	61,6	1077

Примечание: Тест Бонферрони показал, что статистически значимы средние значения между группами «от 0 до 5 лет» и «от 6 до 10 лет», «от 0 до 5 лет» и «от 11 до 15 лет» (р-значение < 0,05). По результатам однофакторного дисперсионного анализа сумма квадратов = 10035,264, ст. св. = 3, F = 5,757, р-значение < 0,01.

Материальное благополучие является одним из главных факторов, побуждающих людей выезжать на вахтовую работу. Вахтовый труд как в России, так и за рубежом ассоциируется с более высоким уровнем заработной платы, фактически выступающей компенсацией некомфортных и вредных условий труда. Как ожидалось, эта группа действительно отличается более высоким уровнем материального положения, чем остальное занятое население РБ. Около 29% опрошенных вахтовых работников относят себя к обеспеченным, около 63% – к среднему слою и менее 8% – к малообеспеченным. Для сравнения, согласно данным опроса работающего населения РБ в 2020 году, доля обеспеченных среди них по самооценке составляла 16%, среднеобеспеченных – 61,1%, малообеспеченных – 20,7%⁸.

Таким образом, анализ показал, что в вахтовую трудовую миграцию вовлекаются лица разного возраста, около трети опрошенных начали свой трудовой стаж на вахте после 40 лет. В рамках анализа групп с разным стажем вахтовой работы выявлено, что новички чаще работают на более длительных вахтах (более 45 дней); чаще поступают на работу без соответствующего образования; среди них больше вынужденных работать таким образом (ответы указывают на отсутствие выбора). По мере роста опыта вахтовой работы увеличиваются доли имеющих необходимое образование (в том числе высшее) и руководителей. Это может свидетельствовать о наличии предпосылок для профессионального роста и вертикальной трудовой мобильности вахтовиков. Однако сдерживающими факторами могут стать распространение временных трудовых (на определенный срок) и гражданско-правовых договоров на выполнение определенного объема работ или услуг; отсутствие длительного непрерывного стажа работы на одном предприятии. Чем дольше респонденты вовлечены в вахтовый труд, тем больше среди них доля тех, кто осознает

опасность условий труда на основном месте работы. Малоопытные вахтовые работники меньше обращают внимание на опасность условий труда и другие практики нарушения трудового законодательства со стороны работодателя.

Заключение

Результаты исследования показали, что работа вахтовым методом остается одной из распространенных моделей трудовой активности в стратегиях и образе жизни населения РБ, особенно сельского. Главной причиной выезда на вахтовую работу сами респонденты называют низкий уровень оплаты труда в месте постоянного проживания. Вместе с тем отсутствие работы в населенном пункте в качестве главной причины отметил почти каждый десятый городской житель (за исключением Уфы) и каждый четвертый сельский. Выявлено, что для подавляющего большинства (более 80%) участников опроса работа вахтовым методом – вынужденная. Нравится работать таким образом только одному из десяти опрошенных. Даже среди самых опытных вахтовиков доля тех, кто адаптировался и привык к вахтовому методу работы, невысока.

Большая часть респондентов (более 90%) выезжает на работу в другой регион России, в основном в Тюменскую область, чаще всего в Ханты-Мансийский автономный округ и Ямало-Ненецкий автономный округ, реже в Свердловскую область, Красноярский край, Республику Саха (Якутия), г. Москву, Челябинскую область и т. д. В тройку крупнейших отраслей, использующих мобильный вахтовый труд, входят нефтяная и газовая промышленность, строительство (3/4 опрошенных).

Большая часть вахтовых работников (87,6%) имеет оформленные трудовые отношения с работодателем. Вместе с тем бессрочные трудовые контракты заключены у чуть больше половины опрошенных. Специфическими особенностями условий

⁸ Социологическое исследование «Качество занятости и человеческое развитие» (сроки полевых работ: октябрь – декабрь 2020 года). Выборка репрезентативна по типу поселения, полу, возрасту, образованию и социально-трудовому статусу (занятое, незанятое население). Объем выборки – 1566 респондентов. Организация исследования: Башкирский филиал ФНИСЦ РАН.

труда вахтовых работников являются превышающая стандартные нормы средняя продолжительность рабочей недели; высокая доля опасных для здоровья рабочих мест. Вместе с тем вахтовые работники значительно лучше оценивают уровень своего материального положения, чем остальное занятое население РБ, несмотря на семейную и детскую нагрузку.

Около 70% опрошенных вахтовых работников не сталкивались с такими ситуациями, как неоплачиваемый отпуск, задержка заработной платы, сверхурочная работа без оплаты, неполная выплата зарплаты, выдача заработной платы «в конверте». Однако 28% респондентов отметили, что им приходилось сталкиваться с одной, двумя или тремя

из названных ситуаций за последние 12 месяцев; 4% испытали на себе практически все названные случаи. Наиболее часто из отмеченных ситуаций встречались случаи сверхурочной работы без оплаты, реже всего – выплата заработной платы «в конверте».

Анализ ответов новичков и более опытных вахтовых работников позволил сделать предположения о некоторых особенностях и тенденциях вахтового труда, к примеру, о росте вовлеченности женщин и городских жителей (в частности г. Уфы) в вахтовую трудовую миграцию, о расширении влияния факторов прекаризации вахтового труда. К позитивным явлениям следует отнести возможность повышения образования по мере накопления опыта на вахтовой работе.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л. [и др.] (2016). Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. Москва: Новый хронограф. 504 с. DOI: 10.15356/ВНАН2016
- Ахметова Г.Ф. (2021). Динамика трудовой миграции в Башкортостане // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. Т. 21. № 2. С. 265–278. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278
- Великий П. П. (2013). Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Новые идеи в социологии. Москва: Юнити-Дана. С. 441–449.
- Дмитриева Н.А., Борисова У.С. (2018). Анализ удовлетворенности трудом персонала, занятого в вахтовом методе работы // Фундаментальные исследования. № 6. С. 99–103.
- Курцев А.Н. (2012). Переселенчество и отходничество крестьян центрально-черноземных губерний в 1861–1917 гг. // Вестник РГГУ. № 4. С. 44–53.
- Лексин В.Н. (2021). Новое отходничество и вахтовая организация труда в процессах депопуляции и заселения территорий // Регион: Экономика и Социология. № 3 (111). С. 133–153. DOI: 10.15372/REG20210306
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. (2019). Жители малых и средних городов России: трудовая миграция как альтернатива безвозвратному отъезду // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (43). С. 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013). Отходники. Москва: Новый хронограф. 376 с.
- Рязанцев С.В. (2014). Новые формы временной эмиграции из России // Наука. Инновации. Технологии. № 2. С. 81–93.
- Силин А.Н. (2021). Вахтовый труд в Арктике: социально-пространственный дискурс. Тамбов: Консалтинговая компания Юком. 88 с.
- Туракаев М.С. (2016). Вахтовый труд и воспроизводство социально-культурных практик в российском регионе: на примере Республики Башкортостан // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 12. Психология. Социология. Педагогика. № 1. С. 35–47. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.10435

- Туракаев М.С. (2021). Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 24. № 4. С. 34–58. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.4.2
- Хилажева Г.Ф. (2021). Современная семья в контексте транслокальной миграции (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. № 1. С. 68–82.
- Blackman A., Welters R., Murphy L. [et al.] (2014). Workers' perceptions of FIFO work in North Queensland, Australia. *Australian Bulletin of Labour*, 40, 180–200.
- Eilmsteiner-Saxinger G. (2011). 'We feed the nation': Benefits and challenges of simultaneous use of resident and long-distance commuting labour in Russia's northern hydrocarbon industry. *The Journal of Contemporary Issues in Business and Government*, 17 (1), 53–67.
- Jones C., Southcott C. (2015). Mobile miners: work, home, and hazards in Yukon's mining industry. *The Northern Review*, 41, 111–137. Available at: <https://doi.org/10.22584/nr41.2015.005>
- McKenzie F.H. (2020). Long distance commuting: A tool to mitigate the impacts of the resources industries boom and bust cycle? *Land Use Policy*, 93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.03.045>
- Newland K., Agunias D.R., Terrazas A. (2008). Learning by doing: Experiences of circular migration. *Insight: Program on Migrants, Migration, and Development*. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/pubs/Insight-IGC-Sept08.pdf>
- Pérez-Trujillo M., Oyarzo Aguilar M., Paredes Araya D. (2020). Long-distance commuting and the effect of differentiated salary expectations in the commuters' place of living on the wage obtained in the place of working. *The Annals of Regional Science*, 65, 459–489. Available at: <https://doi.org/10.1007/s00168-020-00991-7>
- Rüger H., Stawarz N., Skora T., Wiernik B.M. (2021). Longitudinal relationship between long-distance commuting willingness and behavior: Evidence from European data. *Journal of Environmental Psychology*, 77, 1–12. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101667>
- Sandow E., Westin K. (2010). The persevering commuter – Duration of long-distance commuting. *Transportation Research Part A-policy and Practice*, 44, 433–445.
- Vojnovic P., Jacobs L., Cooke D. [et al.] (2015). *Fly in, Fly out and Other Long Distance Commuting Work Practices in Queensland: FIFO Australian Community of Excellence (FACE) Submission to the Infrastructure, Planning and Natural Resources Committee*. Available at: <https://research-repository.uwa.edu.au/en/activities/fly-in-fly-out-and-other-long-distance-commuting-work-practices-i>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марсель Салаватович Туракаев – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория региональных исследований качества жизни, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1); старший преподаватель, Уфимский университет науки и технологий (Российская Федерация, 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3/4); e-mail: mturakaev@gmail.com

Гузель Римовна Баймурзина – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, Лаборатория региональных исследований качества жизни, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 20/1; e-mail: guzrim@mail.ru)

Turakayev M.S., Baimurzina G.R.

A FLY-IN FLY-OUT WORK THROUGH THE EYES OF TEMPORARY LABOR MIGRANTS FROM BASHKORTOSTAN

The relevance of the research is based on the significant prevalence of fly-in fly-out work among the residents of the Republic of Bashkortostan and the lack of empirical data about this deep-rooted phenomenon in the region. Obviously, this is not a specific regional problem, since a large number of Russians (and residents of other countries) are forced to work on a fly-in fly-out pattern, the working conditions of which are substandard, and which are often harmful or dangerous to health and are susceptible to precariousness, while the income and expenses, movement and lifestyle of fly-in fly-out pattern workers have economic, social and demographic consequences. The proposed paper based on the data of a representative sociological study of working conditions of fly-in fly-out pattern workers from Bashkortostan (sample size 1,155 people) analyzes the socio-demographic characteristics of fly-in fly-out pattern workers (gender, age, education, place of permanent residence, the existence of family and children) and their relationships with the reasons for choosing the fly-in fly-out pattern employment model, with the duration of involvement in this kind of work, social and labor status and the perception of working conditions. In contrast to other studies, our approach is to analyze the temporary labor migration of the residents of a particular region working on a fly-in fly-out pattern basis both inside and outside the region. It made it possible to connect the problem of fly-in fly-out work with the problems of social and economic development of the territory, to specify socio-demographic characteristics of fly-in fly-out pattern workers from the Republic of Bashkortostan; causes and factors of their involvement in fly-in fly-out pattern work migration; changes in the social and labor situation as the experience of fly-in fly-out pattern of work grows. The number of questions in the questionnaire was limited due to the survey method (via web link), which did not allow us to cover many important aspects of employment quality more broadly: the number of social guarantees, opportunities for professional growth and health maintenance (recovery), trade union membership, etc. Further research is needed on women's involvement in fly-in fly-out pattern of work and the specifics of rotational work in other sectors of the economy not related to the fuel and energy complex.

Fly-in fly-out pattern of work, temporary labor migration, working conditions, work experience, Bashkortostan.

REFERENCES

- Akhmetova G.F. (2021). Dynamics of labor migration in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*, 21(2), 265–278. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-265-278 (in Russian).
- Averk'eva K.V., Antonov E.V., Kirillov P.L. et al. (2016). *Mezhdú domom i... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home... and Home. The Returning Spatial Mobility of the Russian Population]. Moscow: Novyi khronograf. DOI: 10.15356/BHAH2016 (in Russian).
- Blackman A., Welters R., Murphy L. et al. (2014). Workers' perceptions of FIFO work in North Queensland, Australia. *Australian Bulletin of Labour*, 40, 180–200.
- Dmitrieva N.A., Borisova U.S. (2018). Analysis of job satisfaction of the staff occupied in the shift method of work. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*, 6, 99–103 (in Russian).
- Eilmsteiner-Saxinger G. (2011). "We feed the nation": Benefits and challenges of simultaneous use of resident and long-distance commuting labour in Russia's northern hydrocarbon industry. *The Journal of Contemporary Issues in Business and Government*, 17 (1), 53–67.

- Jones C., Southcott C. (2015). Mobile miners: Work, home, and hazards in Yukon's mining industry. *The Northern Review*, 41, 111–137. Available at: <https://doi.org/10.22584/nr41.2015.005>
- Khilazheva G.F. (2021). Modern family in the context of translocal migration (on the example of shift migrants' families in Bashkortostan). *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve=Woman in Russian Society*, 1, 68–82 (in Russian).
- Kurtsev A.N. (2012). Historical variety of population's migration of central-chernozem region in 1861-1917. *Vestnik RGGU=Herald of the RSUH*, 4, 44–53 (in Russian).
- Leksin V.N. (2021). New otkhodnichestvo and shift labor organization in the processes of depopulation and settlement of territories. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 3(111), 133–153. DOI: 10.15372/REG20210306 (in Russian).
- McKenzie F.H. (2020). Long distance commuting: A tool to mitigate the impacts of the resources industries boom and bust cycle? *Land Use Policy*, 93. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2019.03.045>
- Mkrtchyan H.V., Florinskaya Yu.F. (2019). Residents of small and mid-size towns of Russia: Labor migration as an alternative to permanent transfer. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii=The Journal of the New Economic Association*, 3(43), 78–94. DOI: 10.31737/2221-2264-2019-43-3-4 (in Russian).
- Newland K., Agunias D.R., Terrazas A. (2008). Learning by doing: Experiences of circular migration. *Insight: Program on Migrants, Migration, and Development*. Available at: <https://www.migrationpolicy.org/pubs/Insight-IGC-Sept08.pdf>
- Pérez-Trujillo M., Oyarzo Aguilar M., Paredes Araya D. (2020). Long-distance commuting and the effect of differentiated salary expectations in the commuters' place of living on the wage obtained in the place of working. *The Annals of Regional Science*, 65, 459–489. Available at: <https://doi.org/10.1007/s00168-020-00991-7>
- Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. (2013). *Otkhodniki [Seasonal Workers]*. Moscow: Novyi khronograf (in Russian).
- Rüger H., Stawarz N., Skora T., Wiernik B.M. (2021). Longitudinal relationship between long-distance commuting willingness and behavior: Evidence from European data. *Journal of Environmental Psychology*, 77, 1–12. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2021.101667>
- Ryazantsev S.V. (2014). New forms of temporary emigration from Russia. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii=Science. Innovations. Technologies*, 2, 81–93 (in Russian).
- Sandow E., Westin K. (2010). The persevering commuter – duration of long-distance commuting. *Transportation Research Part A-Policy and Practice*, 44, 433–445.
- Silin A.N. (2021). *Vakhtovyi trud v Arktike: sotsial'no-prostranstvennyi diskurs [Shift Work in the Arctic: The Socio-Spatial Discourse]*. Tambov: Konsaltingovaya kompaniya Yukom (in Russian).
- Turakayev M.S. (2016). Seasonal migrant labor and reproduction of the social and cultural practices in the Russian region: The case of the republic of Bashkortostan. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika=Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Sociology*, 1, 35–47. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.10435 (in Russian).
- Turakayev M.S. (2021). Temporary labor migration in Russia: Topical issues and sociological research. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24, 4, 34–58. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.4.2 (in Russian).
- Velikii P. P. (2013). New otkhodnichestvo or the superfluous people of the modern village. *Novye idei v sotsiologii [New Ideas in Sociology]*. Moscow: Yuniti-Dana (in Russian).
- Vojnovic P., Jacobs L., Cooke D. et al. (2015). *Fly in, Fly out and Other Long Distance Commuting Work Practices in Queensland: FIFO Australian Community of Excellence (FACE) Submission to the Infrastructure, Planning and Natural Resources Committee*. Available at: <https://research-repository.uwa.edu.au/en/activities/fly-in-fly-out-and-other-long-distance-commuting-work-practices-i>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marcel S. Turakayev – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (20/1, 50-letiya Oktyabrya Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation); Senior Lecturer, Ufa University of Science and Technology (3/4, Karl Marx Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russian Federation); e-mail: mturakaev@gmail.com

Guzel' R. Baimurzina – Candidate of Sciences (Economics), head of laboratory, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (20/1, 50-letiya Oktyabrya Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450005, Russian Federation); e-mail: guzrim@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.8

УДК 330.59 | ББК 65.9(2Рос)-94

© Захаров Н.Г.

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В КРИЗИСНЫЕ ПЕРИОДЫ

НИКИТА ГЕННАДЬЕВИЧ ЗАХАРОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: zaharoff.nikita@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-7630-8373](https://orcid.org/0000-0002-7630-8373)

Кризисные периоды в экономике создают ситуацию нестабильности, когда цены на товары растут, а доходы населения падают. Их характерной чертой является рост инфляции и безработицы. В истории России есть конкретные периоды, в которые экономический кризис напрямую влиял на уровень жизни населения. В свою очередь уровень жизни – показатель, характеризующий степень удовлетворения потребностей людей, что напрямую связано с доходами. В статье поставлена цель определить влияние кризисов 2008, 2014 и 2020 гг. на уровень жизни населения. В качестве информационной базы использованы данные статистики и социологических опросов, качественно характеризующих общественное мнение. Выборка опроса населения Вологодской области составляет 1500 человек в 8 муниципальных районах и двух крупных городах – Вологде и Череповце. Рассмотрены различные теоретико-методологические подходы к понятию кризиса. Кроме того, анализируются такие показатели, как индекс потребительских настроений, обеспеченность и потребность в товарах длительного пользования. В результате исследования подтверждено наличие тесной взаимосвязи между наступлением кризисных периодов и падением доходов и потребительской активности населения. Но при этом рост денежных доходов не всегда соответствует росту фактических, так как в кризисные периоды наиболее сильно проявилась инфляция. Выделены единые тенденции, свойственные кризисам, и их незначительные различия.

Уровень жизни, экономический кризис, регион, фактический и желаемый доход, стоимость жизни, индекс потребительских настроений.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0013 «Социальная реальность: национальное развитие и региональные тренды».

Для цитирования: Захаров Н.Г. (2022). Уровень жизни населения региона в кризисные периоды // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 134–148. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.8

For citation: Zakharov N.G. (2022). Region's standard of living in crisis periods. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 134–148. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.8

Введение

Уровень жизни – это степень удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, достигаемая при помощи создаваемых материальных и экономических возможностей и условий. Удовлетворение потребностей определяется потреблением и соотношением уровня доходов и стоимости жизни (Бобков, 2007). Соответствующая уровню удовлетворения потребностей человека стоимость совокупности предметов потребления называется стоимостью жизни (Мирсаидов, Мирсаидов, 2012). В меньшей степени уровень жизни связан с другими социально-экономическими показателями общего благосостояния. Среди них услуги образования и здравоохранения, социально-культурная среда, жилищные условия и т. д.

Качество жизни представляет собой более обширный комплекс условий жизнедеятельности человека. Данное понятие включает в себя наряду с уровнем жизни характеристики экологической среды, социального благополучия, политического климата, психологического комфорта и связано с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов, существующих в обществе (Белехова, Россошанский, 2015). В нашей работе внимание будет сконцентрировано на более узком понятии уровня жизни, исключающем нагромождение факторов, влияющих на него (например, некоторые исследователи учитывают этническую принадлежность, тип работы, свободное время и т. д. (Dolan et al., 2008)). Статья посвящена анализу изменений уровня жизни, вызванных экономическими кризисами 2008, 2014 и 2020 гг.

К. Маркс считал, что экономические кризисы – это определенные фазы цикла капитализма, во время которых происходит насильственное восстановление нарушенных в ходе развития капиталистической экономики основных пропорций воспроизводства (Marx, Engels, 1894). Экономические кризисы принято соотносить с падением производства или деловой активности в государстве. Они являются естественной частью

макроэкономических циклов и тем неизбежным условием, с которым сталкивается экономика любого государства. Но кризисы носят исторически прогрессивный характер, так как обращают внимание на слабые стороны экономики государства и заставляют преодолевать их (Цветков, 2015).

Именно таким в XXI веке стал финансовый кризис, начавшийся 15 сентября 2008 года, крупнейший со времен Великой депрессии. Наступившему коллапсу предшествовал ипотечный кризис в США в середине 2007 года. Правительство искусственно ограничивало рост ипотечных ставок, стремясь таким образом обеспечить доступным жильем наиболее бедную часть населения.

С 90-х гг. XX века, когда Россия, Индия и Китай открыли рынки для всего мира, начало активно наращиваться производство, что привело к замедлению темпов инвестирования. К 2007 году долгосрочные процентные ставки упали, цены на жилье выросли (Тарасова, 2015).

Коллапс, который возник в США, повлек за собой колоссальные последствия для мировой экономики. Поскольку кризис изначально был финансовым, то в конце 2008 года он в первую очередь отобразился на банковской системе. Лишь потом стал страдать реальный сектор стран Европейского союза, Азии и России. Начало 2009 года характеризовалось масштабным падением производства, ростом количества невыплаченных кредитов и безработицы со времен кризиса 1929–1933 гг.

Следующим витком в цикле мировых кризисов стал 2014 год. В связи с присоединением Крыма к Российской Федерации ряд государств ввел против России экономические санкции. В первую очередь были заморожены активы некоторых крупных российских компаний в банках США и ЕС, наложены визовые ограничения для лиц, включенных в санкционные списки (как правило, владельцев крупных предприятий и политиков).

Из-за введения западными странами эмбарго на экспорт и импорт в Россию многих технологий и оборудования, напрямую связанных с научно-техническим развитием, на

производстве и на рынке добычи полезных ископаемых начался кризис (Фиранчук, 2017).

Однако даже в наиболее пострадавших отраслях российской экономики существовали возможности компенсировать потери от санкционного давления. Так, например, российский экспорт вооружений в страны Азии, Африки и Латинской Америки остался практически неизменным. Такая ситуация позволяла России справляться с кризисом в среднесрочной перспективе, но лишние затраты, обусловленные потерями от свернувшегося экспорта сырья на европейский рынок и отмененных сделок с западными компаниями, негативно отразились на доходах населения (Пожималин, 2020).

Следующий кризис связан с объявленной в апреле 2020 года пандемией и распространением вируса COVID-19. Пандемия повлияла практически на все сферы жизнедеятельности: от приоритетов ведения государственной (в том числе международной) политики до повседневного образа жизни каждого человека. При этом особенно серьезный ущерб был нанесен социально-экономическим системам многих стран и макрорегионов.

Пандемия и связанные с ней события оказали значительное негативное воздействие на социально-экономическое положение населения России. Как отмечают эксперты, эпидемия коронавируса негативно отразилась на доходах и потребительских расходах населения, на объеме производства и услуг в реальном секторе экономики, на торговле и сфере услуг, на инвестиционной и инновационной активности и доходности экономических агентов, на потоках капитала, снабженческо-сбытовых цепочках и, что немаловажно, на рынке труда занятого населения¹.

Цель работы – анализ влияния кризисных периодов на уровень жизни населения региона.

Особую актуальность исследованию придают реалии, в которых российское и миро-

вое сообщество находится с февраля 2022 года. Введение новых пакетов санкций против России, нарушение глобальных цепочек поставок, уход иностранных компаний из страны усугубляют процессы, начавшиеся в 2020 году.

Методика исследования

Данные, которые собираются и анализируются органами государственной статистики, используются для оценки динамики эффективности государственного управления и социально-экономического развития. Эта информация обладает высокой степенью достоверности, сопоставимостью и появляется достаточно оперативно. Ее минус в том, что она не дает полного понимания различных аспектов социальных и общественно-политических процессов. Прежде всего это проявляется в анализе показателей, связанных с настроением людей, их отношением к различным сферам личной и общественной жизни, деятельности власти, принимаемым ими решениям, тем или иным социальным действиям.

Подобную информацию можно получить при помощи изучения общественного мнения. В развитых странах распространена система мониторинга – институты непрерывного наблюдения, анализа и прогнозирования социальных процессов. Мониторинг организован во власти и структурах хозяйственного управления в большинстве стран мира с целью подготовки, принятия и контроля управленческих решений.

Научными центрами федерального уровня проводится мониторинг общественного мнения жителей России². В регионах мониторинговые исследования осуществляются нерегулярно. В большей части городов отсутствуют постоянные сети наблюдений и их целевая координация.

Соответствующий опыт мониторинговых исследований в последние двадцать лет накоплен коллективом Вологодского научного центра РАН. Регулярный мониторинг

¹ Индекс экономического настроения (ИЭН ВШЭ) во II квартале 2020 года (2022). Москва: НИУ ВШЭ, 2020. 23 с.

² Социальная политика для современной России: цели и измерения (2012): мат-лы Междунар. конф., посв. памяти А.Ю. Шевякова / отв. ред. В.В. Локосов. Москва: Экономическое образование. С. 15–30.

проводится под руководством чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф. В.А. Ильина. Изучается социальное самочувствие населения в условиях современного экономического положения. В результате удается получать большой объем данных для объективной оценки процессов, происходящих в разных сферах общественной жизни Вологодской области.

Впервые мониторинг общественного мнения был осуществлен в 1993 году. В качестве территорий для исследований выступали крупные города – Вологда и Череповец, а также три муниципальных района. Уже начиная с 1996 года областная выборка стала регулярной: опрос проходил каждые два месяца среди 1,5 тыс. человек в возрасте 18 лет и старше.

Важная роль в становлении и развитии социологии в ВолНЦ РАН принадлежит Институту социально-политических исследований РАН. Большой вклад в развитие этого направления внес директор учреждения – академик Геннадий Васильевич Осипов. В дальнейшем исследования ИСПИ РАН стали базой для всевозможных методологических и методических подходов в мониторинге, который проводили специалисты ВолНЦ РАН (Ильин, 2015).

Благодаря регулярным опросам населения удалось получить большой объем информации об основных тенденциях и динамике социального самочувствия жителей региона, понять, как население реагирует на реалии экономической и политической обстановки в Вологодской области и стране в целом. Очевидно, что независимые исследования общественного мнения стали незаменимым инструментом для оценки эффективности регионального и государственного управления.

За все время изучения в регионе и стране происходили различные общественно значимые события, с учетом их изменялся список вопросов для аудитории. Следует помнить, что сегодня мониторинг общественного мнения, разработанный специалистами ВолНЦ РАН, – это единственный прецедент на территории РФ как по организации, так и по регулярности проведения. Для соблюде-

ния принципа регулярности опросов в регионе создана сеть, в которую входят анкетеры и супервайзеры для работы на местах. Также подключены сотрудники ВолНЦ РАН, осуществляющие координацию работ, обрабатывающие и анализирующие поступающую информацию.

В качестве метода опроса используется анкетирование респондентов в количестве 1500 человек, проводимое по месту их жительства. Опрашиваемый самостоятельно заполняет анкету, затем передает ее анкетеру. Репрезентативность полученной информации обеспечивается применением модели многоступенчатой районированной выборки, а также квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени.

Всего выборка включает 3 ступени. На первой ступени происходит выделение типичных субъектов Вологодского региона. Сегодня это два города – Вологда и Череповец и 8 районов. На второй проводится территориальное районирование уже внутри отобранных субъектов. Третья ступень включает отбор респондентов по определенным квотам с учетом пола и возраста. Величина погрешности – не выше 3% при доверительном интервале 4–5%. Нами учтена информация за 2007–2022 гг. В него вошли кризисы 2008, 2014, 2020 гг., а также периоды выхода из кризисов.

Для оценки динамики показателей выбран наиболее эффективный способ – индексный метод. Для того чтобы рассчитать индекс, необходимо из доли положительных ответов вычесть долю отрицательных, затем, чтобы избежать отрицательных величин, прибавить 100. Таким образом, если все ответы будут отрицательными, получается 0, а если все положительные – 200. Равновесие ответов дает в сумме 100, что считается нейтральным значением.

При расчете индекса социальной напряженности необходимо читать результаты в обратном порядке: 0 является абсолютно положительным значением, 200 – абсолютно отрицательным.

В качестве теоретико-методологических подходов к определению понятия «эконо-

Таблица 1. Теоретико-методологические подходы к определению понятия «экономический кризис»

Подход	Авторы	Суть
Диалектико-материалистический	К. Маркс, Ф. Энгельс	Кризис – это фаза развития (в рамках формационного подхода) диалектического противоречия в жизни общества
Циклический	Н.Д. Кондратьев	Кризис – это результат экономического роста, создающего структурные напряжения в экономике государства
Синергетический	П. Самуэльсон	Кризис – это равновесное состояние экономики, стимулирующее появление новых технологических прорывов
Инновационный	Й. Шумпетер	Кризис – это следствие фиктивного «экономического бума», сопровождающегося распространением финансовых инноваций, которые замещают инновационное развитие реального сектора мировой экономики

Составлено по: (Marx, Engels, 1894; Schumpeter, 1949; Samuelson, 1955; Кондратьев и др., 2002).

Таблица 2. Среднедушевые денежные доходы населения регионов (в ценах 2021 года), руб.

Регион	Год									2022 год (среднее за 1 полугодие)
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Вологодская область	31406	32181	32934	33396	31794	31865	32603	32314	31454	29802
Республика Карелия	36570	34395	34422	33481	34040	34633	35672	35503	34746	30838
Архангельская область	42040	41299	40650	38960	39422	39804	40704	40028	39217	36319
Ярославская область	36489	35544	36367	34572	34155	32332	32982	32122	32919	29647
Костромская область	28461	28891	29356	29224	29721	27943	28812	27866	27985	25599

Источник: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039>

мический кризис» выделяются диалектико-материалистический, циклический, синергетический и инновационный (табл. 1). Рассматривая кризисные периоды 2008, 2014 и 2020 гг., остановимся на диалектико-материалистическом подходе к пониманию кризисов, то есть определим эти периоды как фазы нарушения основных пропорций воспроизводства при капитализме. Также необходимо иметь в виду и другие подходы, существующие в экономическом дискурсе.

Результаты исследования

В первую очередь рассмотрим статистические показатели среднедушевых денежных доходов населения, которые, по мнению ряда зарубежных исследователей, являются одной из основных детерминант счастья (Stutzer, Frey, 2012). Доходы жителей Вологодской области стабильны относительно показателей других регионов, где с 2013 по 2021 год наблюдается падение среднедушевых доходов населения (табл. 2).

В первом полугодии 2022 года на фоне санкционных ограничений доходы населе-

ния всех субъектов снизились. В это время Вологодская область существенно не выделялась на фоне соседних регионов.

Рассмотрим подробнее влияние инфляции на среднедушевые доходы населения Вологодской области. В кризисный 2014 год инфляция достигла 12%. В 2016 году ситуация стабилизировалась и оставалась достаточно стабильной до 2020 года (рис. 1).

После кризиса 2020 года инфляция вновь резко выросла с 5,28 до 9,31% ко второму кварталу 2022 года. В отличие от кризиса 2014 года кризис 2020 года не нанес доходам жителей региона такой существенный ущерб – инфляция выросла с лагом в 1 год. Таким образом, в кризисные и послекризисные годы инфляция обесценивает среднедушевые доходы населения.

С 2008 года инфляция очень сильно зависит от изменения курса рубля по отношению к доллару и евро, удорожания тарифа естественных монополий, изменений мировой рыночной конъюнктуры и роста цен на нефть (Блулатникова, Молдавван, 2019).

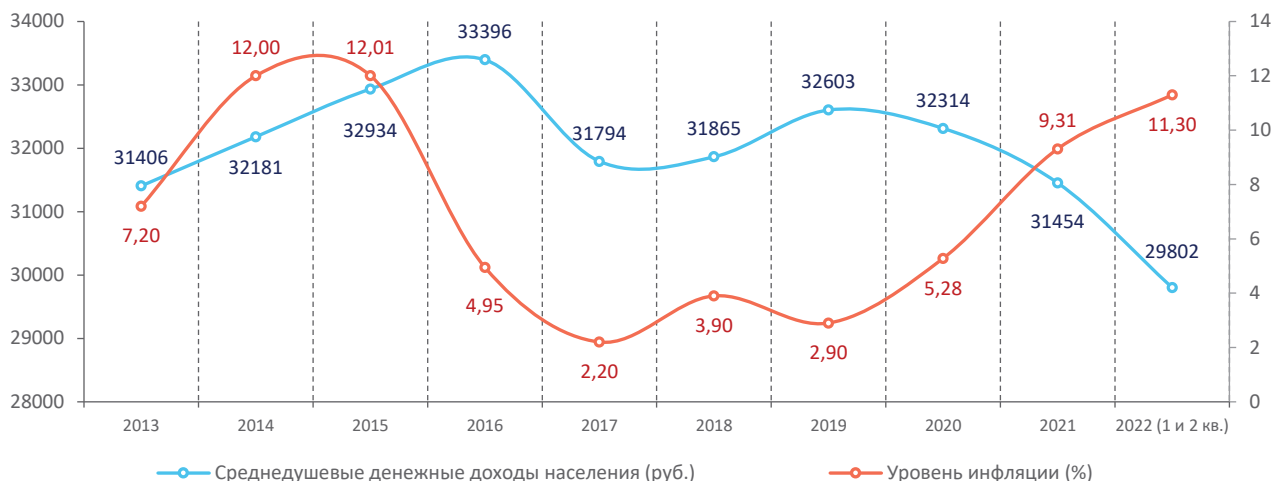

Рис. 1. Среднедушевые денежные доходы населения Вологодской области, руб.

Источники: данные ЕМИСС по среднедушевым доходам. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039>; данные ЕМИСС по ИПЦ. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31074>

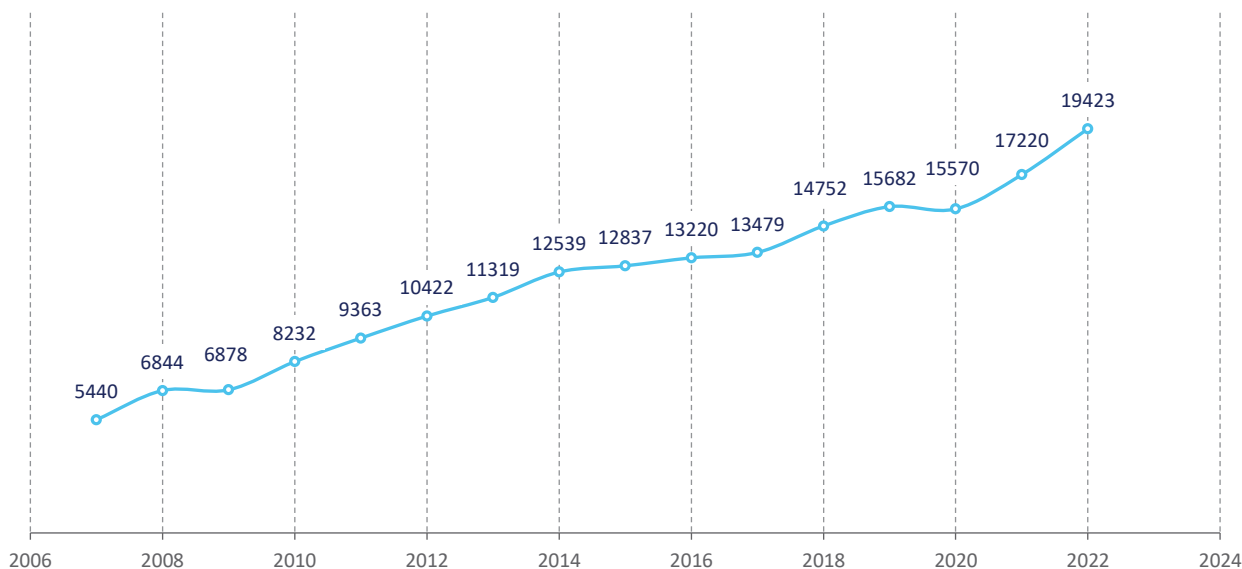

Рис. 2. Среднемесячный фактический доход на одного члена семьи, Вологодская область, руб.

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

В целом с 2007 по 2022 год среднемесячный фактический доход на одного члена семьи в Вологодской области вырос на 14 тыс. руб. Наиболее бурный рост доходов пришелся на период с 2009 по 2014 год, когда среднемесячный доход увеличился на 6 тыс. руб. Во время кризиса, возникшего после введения санкций против России, этот процесс замедлился, но не остановился – доходы по-прежнему продолжали расти (рис. 2).

Среднемесячный доход на одного члена семьи, необходимый для нормальной жизни (далее для удобства будет называться

желаемый среднемесячный доход), с 2007 по 2022 год вырос на 38 тыс. руб. В кризисный период 2014–2017 гг. запросы россиян практически не росли, оставаясь в пределах 38–41 тыс. руб. Значительный рост желаемых доходов россиян приходится на годы выхода из кризисных ситуаций: на 6 тыс. руб. с 2009 по 2010 год, на 4 тыс. руб. с 2017 по 2018 год (рис. 3).

Таким образом, среднемесячный желаемый доход увеличился с 2007 по 2022 гг. в 3,2 раза, а среднемесячный фактический – в 3,6 раза. Соотношение фактического дохо-

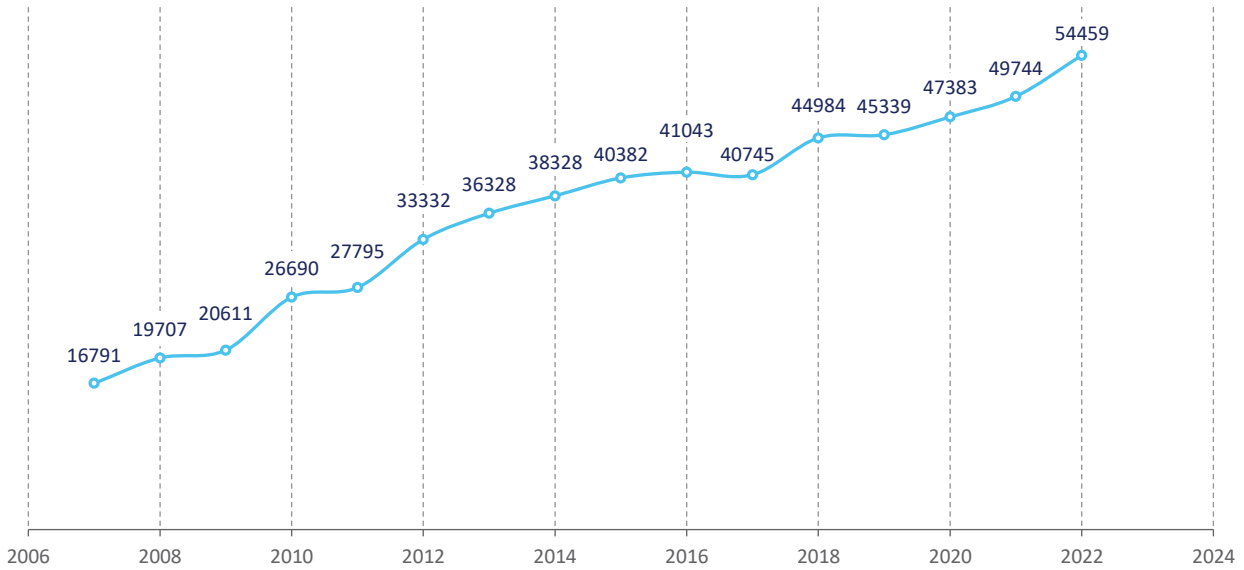

Рис. 3. Среднемесячный доход на одного члена семьи, необходимый для нормальной жизни, Вологодская область, руб.

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

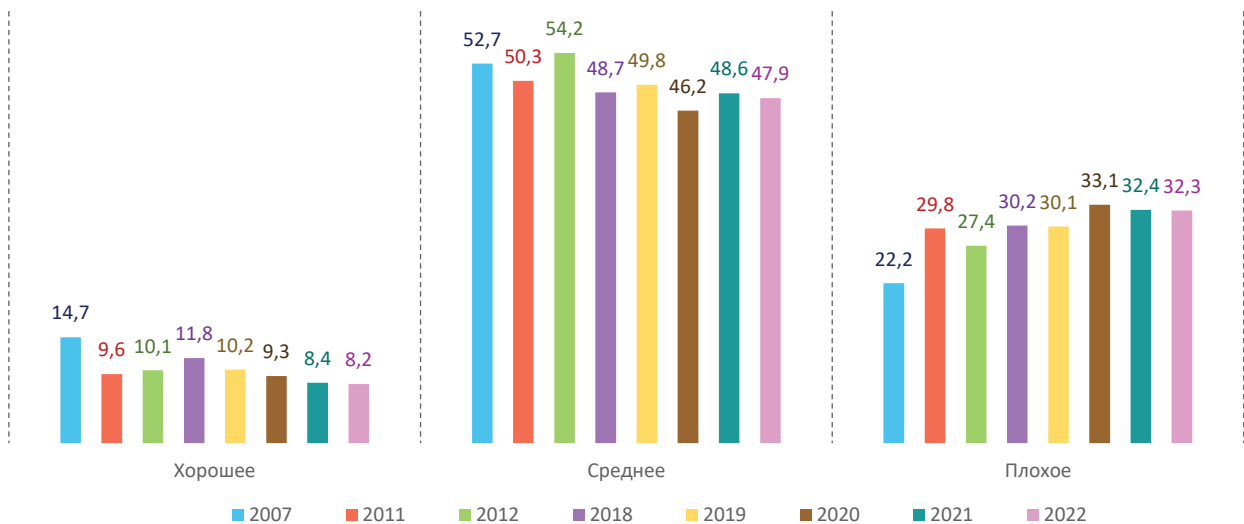

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?» (Вологодская область), % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

да и дохода, необходимого для нормальной жизни, в 2008 году составило 3,1 раза, в 2021 – 2,8 раза. Стабильно остается пропасть между нынешним заработком жителей области и тем материальным достатком, к которому они стремятся.

С 2007 по июнь 2022 года на 7 п. п. снизилась доля респондентов, оценивающих материальное положение своей семьи как хорошее, и на 5 п. п. – как среднее. В то же

время удельный вес тех, кто оценил материальное положение своей семьи как плохое, вырос на 10 п. п., с 22,2 до 32,3% соответственно (рис. 4).

В период с 2007 по июнь 2022 года удельный вес опрошиваемых, которые считают, что рост цен будет опережать рост доходов, увеличился на 18 п. п. Коэффициент инфляции, составивший в 2008 году 13,28%, на протяжении всего периода колебался от 3 до

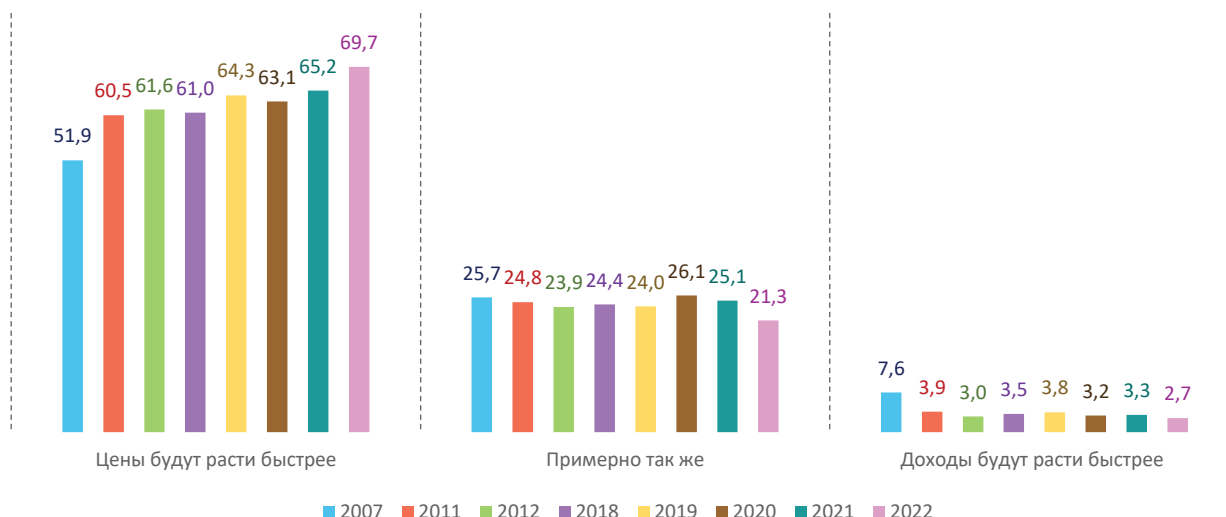

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы предполагаете, в течение ближайшего года Ваши доходы (доходы Вашей семьи) будут расти быстрее, чем цены, примерно теми же темпами, что и цены, или медленнее, чем цены?» (Вологодская область), % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

13% и в 2021 году равнялся 10,97%³. Особенно сильно инфляция затронула фактические доходы россиян в годы введения санкций. В 2014 году коэффициент инфляции был равен 11,36%, в 2015 году – 12,91% (рис. 5).

Мы видим, как относительно позитивно к росту своих доходов относились респонденты до 2008 года. В 2007 году 7,6% опрошенных заявили, что их доходы будут расти быстрее инфляции, в дальнейшем этот показатель оставался в пределах 2–4%.

С 2007 по июнь 2022 года показатель дохода, который респонденты считают «необходимым для нормальной жизни», вырос с 16791 до 54459 руб., т. е. в 3,2 раза. Среднемесячный фактический доход увеличился с 5440 до 19423 руб., т. е. в 3,6 раза. Несмотря на то, что по сравнению с 2007 годом размер среднемесячного фактического дохода повысился всего на 13983 руб., а дохода, «необходимого для нормальной жизни», – на 37668 руб., их соотношение сократилось (рис. 6).

Таким образом, по всем показателям виден значительный разрыв в желаемых и фактических доходах жителей области.

Кроме того, появляется все больше пессимистических прогнозов по поводу роста цен, опережающего рост доходов. Растет число респондентов, оценивающих материальное положение своей семьи как плохое.

Далее проанализируем данные социологических опросов населения о количестве потребляемых товаров и получаемых услуг, самооценке своего текущего материального положения за период с 2007 по 2020 год.

В это время значительно выросло количество людей, оценивающих свое материальное положение хуже, чем год назад (на 14 п. п.), и снизился удельный вес тех, кто оценивает его лучше, чем в предыдущем году (на 9 п. п.; рис. 7).

Самое значительное увеличение доли оценивающих свое материальное положение хуже, чем год назад, зафиксировано в 2009 году (на 24 п. п. по сравнению с 2008 годом) и в 2015 году (на 9 п. п. по сравнению с 2014 годом).

Доля тех, кто считает свое материальное положение неизменным, за весь исследуемый период сократилась на 6 п. п. Самые низкие показатели отмечены в 2009 (на 14 п. п.

³ Таблицы инфляции // Уровень-инфляции.рф: сайт. 2010–2022. URL: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D1%8B-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%B8>

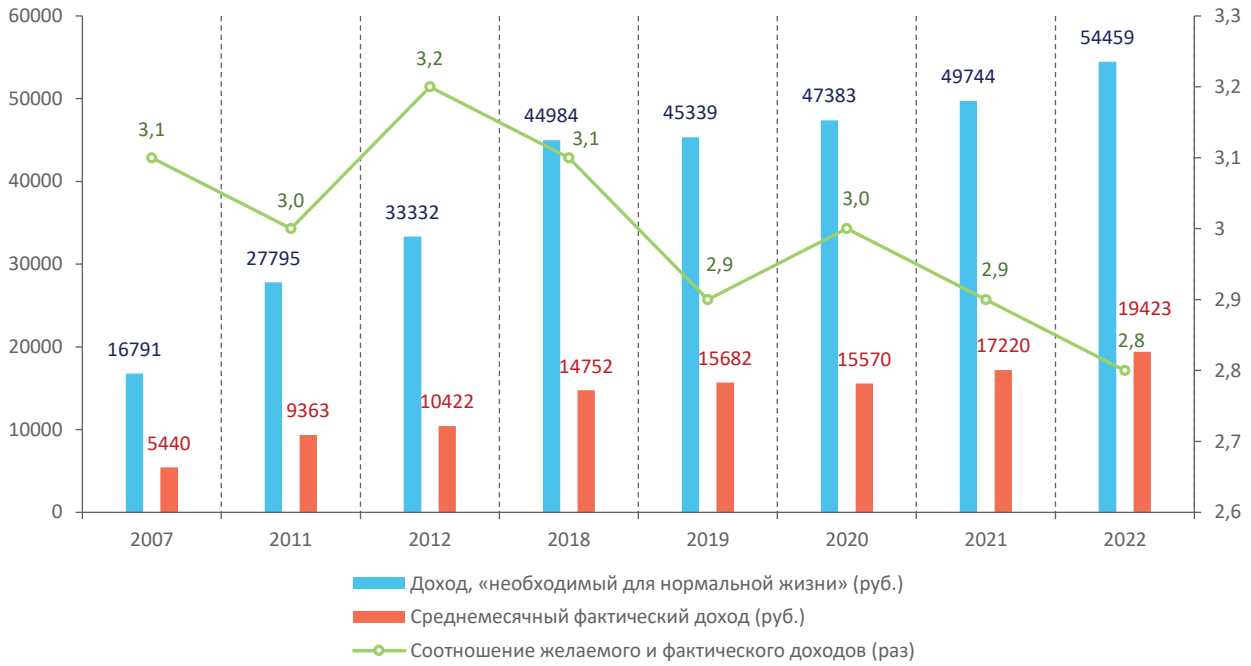

Рис. 6. «Необходимый для нормальной жизни» и фактический среднемесячный доход на одного члена семьи, Вологодская область, руб.

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

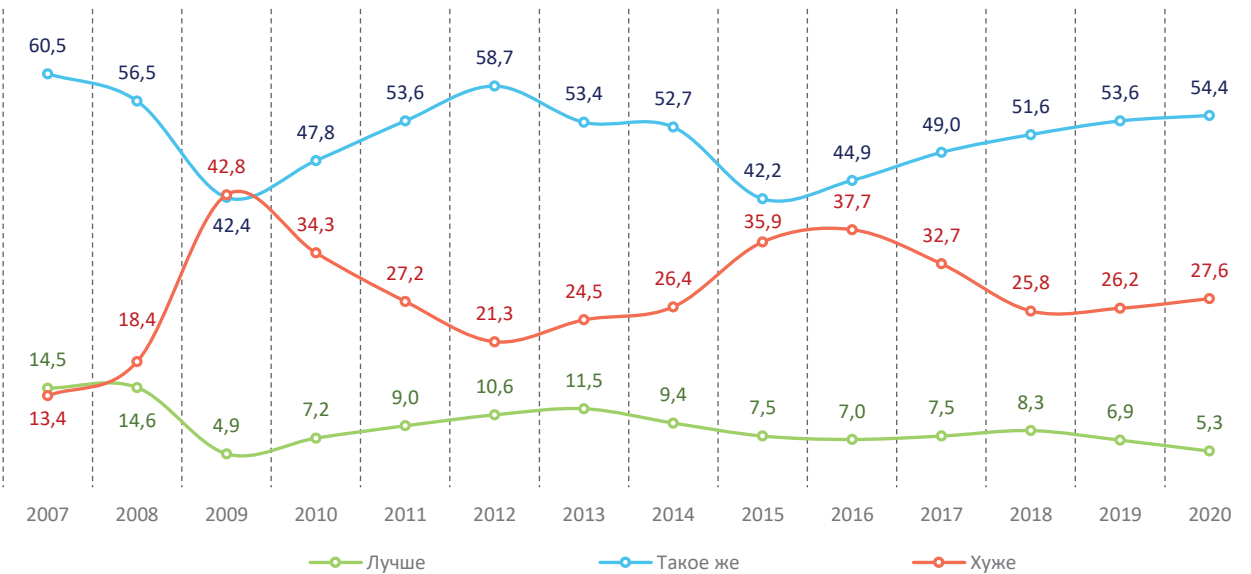

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое материальное положение: оно лучше или хуже, чем было год назад?», Вологодская область, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

ниже, чем в 2008 году) и 2015 гг. (на 11 п. п. ниже, чем в 2014 году).

За тот же период удельный вес людей, считающих, что их материальное положение улучшится, снизился с 15 до 6%. Доля тех, кто говорит, что их материальное положение ухудшится, возросла с 11 до 23% (рис. 8).

Самые серьезные изменения этого показателя также наблюдались в 2009 и 2015 гг. Доля тех, кто ожидает ухудшения своего материального благосостояния, в 2009 году увеличилась на 10 п. п. по сравнению с 2008 годом, а в 2015 году возросла на 8 п. п. по сравнению с 2014 годом.

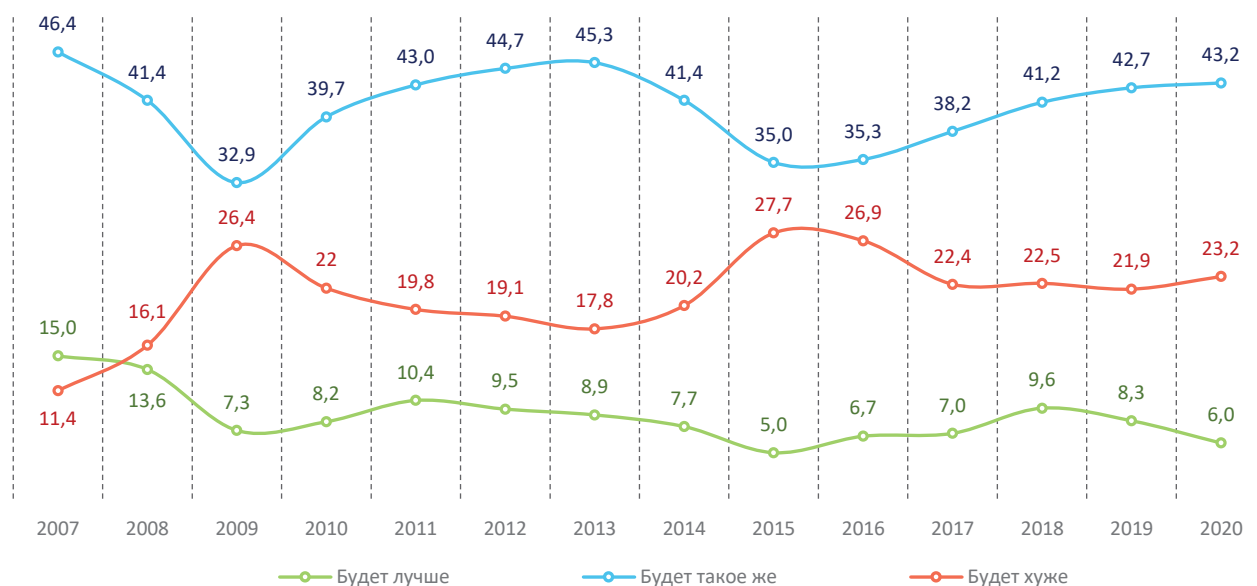

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, через год Ваше материальное положение будет лучше, хуже или примерно таким же, как сейчас?», Вологодская область, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

Динамика оценок настоящего и ожидаемого материального положения во многом совпадает. Население склонно прогнозировать самые худшие сценарии для своего благосостояния, если в настоящий момент испытывает материальные трудности.

Далее рассмотрим индекс потребительских настроений, отображающий нацеленность потребителей на приобретение дорогостоящих товаров и услуг, что напрямую связано с их уверенностью в экономической ситуации в стране (Воробьева, 2018). С 2007 по 2020 год значение этого показателя снизилось во всех социально-демографических группах населения области. Самые значимые спады приходились на послекризисные 2009 и 2015 гг., а также кризисный 2020 год. Стоит обратить внимание на то, что индекс потребительских настроений снижался в течение 2020 года после начала пандемии.

В 2020 году по сравнению с 2007 годом индекс потребительских настроений стал меньше у мужчин на 24 п. п., в то время как у женщин – на 21 п. п. (табл. 3).

Среди возрастных групп самый серьезный спад показателя характерен для респондентов до 30 лет (на 34 п. п.). Если в 2007 году молодежь была больше всех нацелена на дорогостоящие покупки, то к декабрю

2020 года, наоборот, меньше остальных возрастных групп.

Несмотря на то что люди с неполным высшим и высшим образованием являются социальной группой, которая стабильно имеет самый высокий индекс потребительских настроений, в ней показатель претерпел значительные изменения, снизившись на 28 п. п.). Такая же ситуация наблюдается среди респондентов, относящихся к 20% наиболее обеспеченной части населения. За 13 лет индекс потребительских настроений внутри данной группы упал на 30 п.

Большое значение для оценки доходов населения имеет возможность приобретать товары длительного пользования, то есть те товары, для покупки которых, как правило, приходится откладывать средства, их срок службы составляет несколько лет и позволяет выдерживать многократное потребление (Шафранов, 2016).

В целом с 2007 по 2020 год повысилась доля населения, обеспеченного мобильными телефонами, верхней одеждой, компьютерами и автомобилями. Однако число людей, заявивших о том, что в достаточной мере обеспечены холодильниками, телевизорами, пылесосами, снизилась. Практически не изменился процент обеспеченных легкой

Таблица 3. Динамика индекса потребительских настроений в различных социально-демографических группах населения, Вологодская область, пунктов

Категория населения	Год							
	2007	2009	2013	2015	2017	2018	2019	2020
Пол								
Мужской	107,8	75,9	91,0	76,8	84,9	90,9	91,1	86,5
Женский	104,4	75,0	89,8	77,3	84,3	89,1	90,8	86,6
Возраст								
До 30 лет	115,2	79,9	94,5	82,9	88,0	93,9	97,4	89,6
30–55 лет	107,1	72,7	91,4	75,2	85,1	90,5	91,6	87,1
Старше 55 лет	95,7	71,1	85,6	76,0	82,0	87,1	87,2	84,6
Образование								
Н/среднее и среднее	100,2	74,0	83,4	73,6	79,1	83,3	85,9	84,0
Среднее специальное	105,9	73,1	88,7	76,9	86,5	92,4	92,9	86,7
Н/высшее и высшее	113,1	79,4	99,2	81,1	88,3	93,5	93,7	89,0
Доходные группы								
20% наименее обеспеченных	88,2	67,8	71,2	62,5	72,2	71,8	74,3	69,9
60% среднеобеспеченных	105,5	72,0	90,8	77,0	83,8	91,1	90,3	87,4
20% наиболее обеспеченных	124,7	83,0	108,9	91,0	97,6	104,3	106,4	100,4
Территории								
Вологда	104,2	71,3	92,3	75,9	81,9	85,8	89,1	85,0
Череповец	114,9	72,6	97,7	83,3	84,3	90,1	93,1	87,3
Районы	102,3	76,0	85,3	74,2	86,2	92,0	90,7	87,1

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

Таблица 4. Оценка обеспеченности семьи промышленными товарами, Вологодская область (вариант ответа «Обеспечены в достаточной мере»)*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год													
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Холодильник	72,1	74,3	75,3	81,5	77,2	82,3	83,5	76	68,2	60,6	72,2	70,9	68,1	67,1
Легкая одежда	66,7	67,3	67,3	65,5	63,7	69,9	76,4	73,1	63,2	59,7	66,4	69,5	69,3	65,5
Стиральная машина	64,1	67,7	72,7	75,9	71,5	78,5	82,2	72,7	66,1	59,6	68,9	68,8	66,0	65,2
Телевизор	72,8	76,9	78,2	80,4	79,4	79,3	83,1	77,4	63,2	57,9	65,9	70,8	66,4	64,1
Мобильный телефон	55,3	67,8	73,0	75,0	71,9	81,3	85,5	77,6	68,5	62,3	68,7	71,2	64,7	63,4
Верхняя одежда	58,3	61,9	60,1	58,3	58,1	64,5	66,4	64,5	55,9	55,5	59,3	63,2	63,3	61,6
Обувь	60,3	63,3	60,9	60,2	59,7	66,5	69,6	69,1	60,7	55,7	61,8	66,2	63,7	61,1
Мебель	57,8	57,7	61,9	64,8	60,2	71,1	69,3	63,2	56,3	50,7	61,5	58,7	58,0	58,5
Пылесос	63,6	65,8	71,6	72,5	67,9	74,1	77,3	70,9	60,9	54,5	61,5	60,3	55,3	55,1
Компьютер	26,9	34,4	39,9	41,1	45,7	55,7	60,5	63	54,9	46,3	48,1	50,1	46,9	47,7
Квартира	-	40,7	38,8	45,3	42,5	49,6	46,3	50,1	47,8	40,1	44,5	41,1	43,6	40,5
Автомобиль	23,4	25,8	29,1	27,5	28,8	38,2	36,5	39,3	34,8	29,7	33,3	30,2	29,7	28,1

* Вопрос задается в феврале каждого года, с 2007 года.

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

одеждой, стиральными машинами, обувью, мебелью и квартирами (табл. 4).

В отличие от фактической обеспеченности промышленными товарами показатель потребности в них имеет более одно-

родную тенденцию к сокращению. Доля тех, кто ответил, что нуждается в приобретении квартиры, верхней одежды, мебели, обуви, компьютера, пылесоса, мобильного телефона, стиральной машины и холодильника,

Таблица 5. Оцените потребность Вашей семьи в промышленных товарах, Вологодская область (вариант ответа «Нуждаемся, но нет средств»)*, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год													
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Автомобиль	39,8	39,9	33,8	34,9	36,9	32,7	36,3	32,3	30,3	35,3	34,3	39,7	32,1	38,8
Квартира	–	40,5	31,7	30,5	35,8	34,9	38,6	31,9	30,6	31,3	34,0	38,0	29,9	34,5
Верхняя одежда	30,1	24,1	25,7	29,5	28,3	24,7	23,4	21,6	27,1	24,7	26,1	24,7	21,9	23,7
Мебель	28,5	27,9	23,6	23,5	27,7	20,1	22,6	24,9	24,3	24,9	21,7	25,1	23,1	23,0
Обувь	26,6	23,9	25,9	29,3	27,8	23,3	20,8	19,3	22,8	25,9	24,9	22,3	23,1	23,8
Компьютер	34,3	29,0	25,4	24,5	21,1	17,4	14,7	13,7	14,5	19,1	16,7	19,6	18,7	20,9
Легкая одежда	18,1	18,1	17,1	21,0	20,5	15,7	12,2	12,1	17,5	19,1	17,0	15,7	14,0	17,7
Пылесос	16,8	15,2	12,3	12,0	13,7	13,9	11,1	12,8	13,2	14,6	14,5	16,2	13,8	14,1
Мобильный телефон	18,1	11,9	10,4	8,7	11,5	7,3	5,3	8,1	8,9	11,7	10,5	12,5	13,2	14,4
Телевизор	13,3	9,3	7,9	8,5	8,5	9,7	7,7	8,9	14,1	12,9	12,3	11,6	12,9	14,0
Стиральная машина	20,2	18,3	14,8	12,7	13,5	12,0	9,7	14,7	12,5	13,2	12,4	12,4	12,3	12,6
Холодильник	14,9	13,9	12,1	8,3	10,2	9,0	9,3	12,0	12,1	12,3	9,9	11,1	10,7	11,7

*Вопрос задается в феврале каждого года, с 2007 года.

Источник: данные мониторинга экономического положения и социального самочувствия населения ВолНЦ РАН.

но не имеет средств для этого, в 2020 году уменьшилась по сравнению с 2007 годом. Потребность респондентов в других товарах существенно не изменилась (табл. 5).

Таким образом, снижение потребности в большинстве указанных товаров при росте фактической обеспеченности некоторыми товарами длительного пользования свидетельствует о позитивной перспективе в удовлетворении запросов населения подобными благами. Отчасти можно говорить о том, что некоторые особенно качественные товары, например, холодильники или стиральные машины, были приобретены населением в 2000-х гг. и служат семьям до сих пор. То же самое можно сказать о наличии квартир в собственности, которые передаются по наследству детям.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что по большинству исследуемых в работе проблем зафиксированы негативные тенденции, причем самые значительные спады показателей приходятся на кризисные периоды. С ростом доходов повышаются и запросы населения, меняются представления людей о том, как должна выглядеть достойная и полноценная жизнь. С другой стороны, рост денежных до-

ходов не всегда соответствует росту фактического дохода, так как в кризисные периоды наиболее сильно проявилась инфляция.

Особенно четко вырисовывается дихотомия при сопоставлении следующих показателей:

– фактического и желаемого дохода: в 2007 году средний фактический доход составлял 5440 руб., а желаемый – 16791 руб.; в 2022 году – 19423 и 54459 руб. соответственно;

– текущего и ожидаемого материального положения: в 2020 году удельный вес респондентов, ответивших, что их материальное положение хуже, чем в прошлом году, составил 28%, а ожидающих, что материальное положение будет хуже, – 23%; этот показатель стабильно ухудшается, но в 2009 и 2015 гг. его падение достигло наивысших точек; в 2009 году доля тех, кто отмечает ухудшение своего материального состояния, равнялось 43%, а тех, кто ожидает ухудшения, – 26%, в 2015 году – 36 и 28% соответственно;

– обеспеченности товарами длительного пользования и потребности в них; учитывая, что население стало более обеспеченным такими товарами, как мобильные телефоны, верхняя одежда, компьютеры и автомобили, потребность в них фактически не росла.

Если сравнивать кризисные годы между собой, то выявляются схожие тенденции: падение в соотношении желаемого и фактического доходов, рост инфляции, ухудшение оценок респондентов относительно своего материального благосостояния. Разница заключается только в том, каких именно секторов экономики в первую очередь коснулся кризис.

Очевидно, что единого способа предотвратить негативное влияние экономических кризисов на уровень жизни не существует. Кризис по-разному воздействует на страны в зависимости от их научно-технического потенциала, эффективности проводимой экономической политики, социальной обстановки. Политика по выходу из кризисных периодов должна быть направлена на создание менее ресурсоемких и более экологических производств (Порфирьев, 2010).

Таким образом, доходы, уверенность в экономической обстановке и надежда на

материальную обеспеченность в 2008, 2014 и 2020 гг. снижаются, в то время как запросы населения не перестают расти. Данное явление циклично и закономерно, но требует особого внимания со стороны государства. При этом задача потребителя – соотносить свои потребности с возможностями, выбирая самый оптимальный путь для сбережения доходов и повышения уровня жизни.

К сожалению, человек во многом остается пассивной фигурой в вопросах факторов развития своего уровня жизни, когда речь идет о социальной справедливости, экологической обстановке, отсутствии на рынке определенных товаров ввиду их дефицита. Но субъективная норма уровня жизни может соответствовать условиям развивающегося общества, которое лишено роскоши стран первого мира, если блага человека в нужной ему мере удовлетворены (Easterlin, 1995).

ЛИТЕРАТУРА

- Белехова Г.В., Россошанский А.И. (2015). Уровень жизни в оценках населения // Проблемы развития территорий. № 5 (79). С. 77–96.
- Блулатникова В.М., Молдаван А.А. (2019). Инфляция в России // Скиф. Вопросы студенческой науки. № 6 (34). С. 108–111.
- Бобков В.Н. (2007). Качество и уровень жизни в новой России (1991–2005 гг.). Москва: ВЦУЖ. 719 с.
- Воробьева В.И. (2018). Индекс потребительских настроений // European Science. № 7 (39). С. 31–35.
- Ильин В.А. (2015). Анализируя прошлое, думать о будущем. Вологда: ИСЭРТ РАН. 335 с.
- Кондратьев Н.Д., Яковец Ю.В., Абалкин Л.И. (2002). Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. Москва: Экономика. 767 с.
- Мирсаидов А.М., Мирсаидова Ф.А. (2012). Стоимость жизни: содержание и структура // Вестник Таджикского гос. ун-та права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. № 1 (49). С. 22–34.
- Пожималин В.Н. (2020). Проблемы интеграции России в мировое хозяйство через санкции 2014–2015-х годов // Журнал прикладных исследований. № 4 (2). С. 20–27.
- Порфирьев Б.Н. (2010). Экономический кризис: проблемы управления и задачи инновационного развития // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 20–26
- Тарасова А.С. (2015). Причины финансового кризиса 2008 года // Национальная ассоциация ученых. № 7-1 (12). С. 130–134.
- Фиранчук А. (2017). Российское продуктивное эмбарго и случаи его обхода через третьи страны // Экономическое развитие России. № 24 (5). С. 23–30.
- Цветков К.Л. (2015). Типология экономических кризисов // Вестник Московского ун-та им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. № 2 (13). С. 23–32.
- Шафранов В.В. (2016). Проблемы анализа структуры и динамики рынков товаров длительного пользования // Практический маркетинг. № 5 (111). С. 39–44.

- Dolan P., Peasgood T., White M. (2008). Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being. *Journal of Economic Psychology*, 29 (1), 94–122.
- Easterlin R.A. (1995). Will raising the incomes of all increase the happiness of all. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 27, 35–47.
- Marx K., Engels F. (1894). *Capital. A Critique of Political Economy*. Vol. 3. New York: International Publishers. Available at: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Capital-Volume-III.pdf> (accessed 20.08.2022).
- Samuelson P.A. (1955). *Economics: An Introductory Analysis*. McGraw-Hill Education (ISE Editions).
- Schumpeter J. (1949). *The Theory of Economic Development*. Harvard university press.
- Stutzer A., Frey B.S. (2012). *Recent Development in the Economics of Happiness: A Selective Overview*. IZA DP No. 7078, 32–51.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никита Геннадьевич Захаров – инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: zaharoff.nikita@yandex.ru)

Zakharov N.G.

REGION'S STANDARD OF LIVING IN CRISIS PERIODS

Crisis periods in the economy create a situation of instability when prices for goods rise and incomes fall. Their characteristic feature is the growth of inflation and unemployment. There are specific periods in Russia's history in which the economic crisis directly affected the standard of living. In turn, the standard of living is an indicator that characterizes the satisfaction degree of people's needs, which is directly related to income. The article aims to determine the impact of the crises of 2008, 2014 and 2020 on the standard of living. We use the data of statistics and sociological surveys that qualitatively characterize public opinion as an information base. The sample of the Vologda Oblast population survey is 1,500 people in 8 municipal districts and two large cities – Vologda and Cherepovets. We consider various theoretical and methodological approaches to the concept of crisis. In addition, we analyze such indicators as the consumer sentiment index, security and the need for durable goods. As a result of the research, we confirm the existence of a close relationship between the onset of crisis periods and the decline in income and consumer activity. At the same time, the growth of monetary incomes does not always correspond to the growth of actual ones, since inflation was most pronounced during crisis periods. We highlight common trends characteristic of crises and their minor differences.

Standard of living, economic crisis, region, actual and desired income, cost of living, consumer sentiment index.

REFERENCES

- Belekhova G.V., Rossoshanskii A.I. (2015). Standard of living as assessed by the population. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 5(79), 77–96 (in Russian).
- Blulatnikova V.M., Moldavan A.A. (2019). Inflation in Russia. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*, 6(34), 108–111 (in Russian).
- Bobkov V.N. (2007). *Kachestvo i uroven' zhizni v novoi Rossii (1991–2005 gg.)* [Quality and Standard of Living in the New Russia (1991–2005)]. Moscow: VTsUZh.

- Dolan P., Peasgood T., White M. (2008). Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being. *Journal of Economic Psychology*, 29(1), 94–122.
- Easterlin R.A. (1995). Will raising the incomes of all increase the happiness of all. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 27, 35–47.
- Firanchuk A. (2017). Russian food embargo and the cases of trade through third countries. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii=Russian Economic Development*, 24(5), 23–30 (in Russian).
- Ilyin V.A. (2015). *Analiziruya proshloe, dumat' o budushchem* [Analyzing the Past, Thinking about the Future]. Vologda: ISERT RAN.
- Kondrat'ev N.D., Yakovets Yu.V., Abalkin L.I. (2002). *Bol'shie tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya. Izbrannye trudy* [Large Cycles of Conjuncture and the Theory of Foresight. Selected Works]. Moscow: Ekonomika.
- Marx K., Engels F. (1894). *Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 3*. New York: International Publishers. Available at: <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Capital-Volume-III.pdf> (accessed: August 20, 2022).
- Mirsaidov A.M., Mirsaidova F.A. (2012). Life cost: Contents and structure. *Vestnik Tadzhičskogo gos. un-ta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*, 1(49), 22–34 (in Russian).
- Porfir'ev B.N. (2010). Economic crisis: Management problems and tasks of innovative development. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5, 20–26 (in Russian).
- Pozhimalin V.N. (2020). Problems of Russia's integration into the world economy through the 2014–2015 sanctions. *Zhurnal prikladnykh issledovani=Journal of Applied Research*, 4(2), 20–27 (in Russian).
- Samuelson P.A. (1955). *Economics: An Introductory Analysis*. McGraw-Hill Education (ISE Editions).
- Schumpeter J. (1949). *The Theory of Economic Development*. Harvard university press.
- Shafranov V.V. (2016). Problems of analyzing the structure and dynamics of durable goods markets. *Prakticheskii marketing=Practical Marketing*, 5(111), 39–44 (in Russian).
- Stutzer A., Frey B.S. (2012). *Recent Development in the Economics of Happiness: A Selective Overview*. IZA DP No. 7078.
- Tarasova A.S. (2015). Causes of the 2008 financial crisis. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*, 7-1(12), 130–134 (in Russian).
- Tsvetkov K.L. (2015). Typology of the economic crisis. *Vestnik Moskovskogo un-ta im. S.Yu. Vitte. Ser. 1: Ekonomika i upravlenie=Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*, 2(13), 29–32 (in Russian).
- Vorobjova V.I. (2018). Consumer sentiment index. *European Science*, 7(39), 31–35 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita G. Zakharov – Research Engineer, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: zaharoff.nikita@yandex.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.9

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Воропаева А.В., Коростелева Л.Ю.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ РОССИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)

АСЯ ВАСИЛЬЕВНА ВОРОПАЕВА
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: a.voropaeva2017@gmail.com
ORCID: [0000-0003-3177-3906](https://orcid.org/0000-0003-3177-3906)

ЛАРИСА ЮРЬЕВНА КОРОСТЕЛЕВА
Институт социологии ФНИСЦ РАН
Москва, Российская Федерация
e-mail: larisa_55@rambler.ru
ORCID: [0000-0002-3815-8677](https://orcid.org/0000-0002-3815-8677); ResearcherID: [J-4870-2018](https://orcid.org/J-4870-2018)

В статье рассматривается социальное моделирование как метод исследования российских регионов с целью выявления неравенств их социально-экономического, социально-политического, социально-культурного развития и возможностей снижения этих неравенств. Новый период развития России ознаменовался многими дифференциальными процессами, связанными не только с общими противоречивыми аспектами функционирования мирового сообщества, но и локальным преодолением застойных явлений на пути интеграционных процессов в экономической, социокультурной и коммуникационной сферах. Усиливающиеся диспропорции в социально-экономическом и социокультурном развитии регионов, уровне и качестве жизни населения, опустошение больших территорий страны вследствие концентрации основного капитала в нескольких крупных центрах требуют всестороннего рассмотрения имеющихся проблем и противоречий с позиции науки. Целью исследования выступает анализ теоретико-методологических подходов к социальному моделированию региональных неравенств с выходом на разработку террито-

Для цитирования: Воропаева А.В., Коростелева Л.Ю. (2022). Социологическая интерпретация социального моделирования региональных неравенств России (теоретические подходы) // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 149–164. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.9

For citation: Voropaeva A.V., Korosteleva L.Yu. (2022). Sociological interpretation of social modeling of regional inequalities in Russia (theoretical approaches). *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 149–164. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.9

риальных стратегий и политико-управленческих практик, на снижение межрегиональных неравенств в социально-экономической и социокультурной сферах. В статье приведены некоторые теоретико-методологические подходы отечественных и зарубежных ученых к социальному моделированию регионов. Рассмотрены критерии и параметры региональной идентичности посредством социального моделирования. Этот метод представлен и в исследовании политико-управленческих практик федерального и регионального уровней. В качестве направления социального моделирования в статье рассматриваются типы (модели) местного самоуправления, т. е. социальная модель в тех структурах, где имеет место большой потенциал человеческого фактора. У органов местного самоуправления в силу их положения в системе государственного устройства России есть преимущества, которые важно использовать в ходе реформирования социальной сферы и применения социального моделирования.

Социальное моделирование, модели, регионы России, региональные неравенства, управление, самоуправление.

Введение

Актуальной проблемой в условиях современного перехода России к обновлению экономической и культурной систем выступает дифференцированный процесс, связанный не только с общими противоречивыми аспектами функционирования мирового сообщества, но и локальным преодолением застойных явлений на пути интеграционных процессов в экономической, социокультурной и коммуникативной сферах. В регионах многие малые города, особенно удаленные, северные, некомфортные для жизни по причине многолетнего недофинансирования, отсутствия инфраструктурного обеспечения, зависимости городской экономики от промышленности, стали депрессивными территориями, что привело их к экономическому и культурному застою. Тяжелое состояние большинства таких малых городов, их разноплановые социальные проблемы требуют дополнительного научного взгляда и осмысления с позиции регионального управления.

Регионы России и составляющие их территориальные образования с разными климатическими условиями и природными ресурсами являются социальной средой, в которой формируются условия функционирования жизнедеятельности людей. Дифференциация субъектов РФ по показателям социально-экономического и социокультурного развития и значительные

диспропорции в их развитии приводят к поляризации положения социальных групп, нерегулируемой миграции населения, повышению общественной напряженности и пр. Усиление регионального неравенства способствует потере стабильности, ухудшению уровня и качества жизни людей, стагнации регионов.

Субъекты страны различаются не только по величине, численности и плотности населения и другим показателям. В состав РФ до недавнего времени входили 22 республики, 9 краев, 4 автономных округа, 1 автономная область, 3 города федерального значения и 46 областей¹. В результате референдумов, проведенных в 2022 году, к 85 российским регионам, вертикальная связь с которыми осуществляется через 8 федеральных округов, присоединились еще 4 – ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области. Таким образом, субъектов стало 89.

В межрегиональном взаимодействии, стратегическом управлении, оперативном решении общегосударственных вопросов и регулировании межрегиональных отношений, эффективном контроле этих процессов особое значение имеют макрорегионы и федеральные округа (Маркин, 2008, с. 232). В настоящее время в России 14 макрорегионов (Центральный, Центрально-Черноземный, Северо-Западный, Северный, Южный, Северо-Кавказский, Волго-Камский, Волго-Уральский, Уральско-Сибирский, Южно-

¹ Конституция Российской Федерации. Ст. 65 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d027bc5c1fa488e9337111c52c7aa947104dc7ad

Сибирский, Ангаро-Енисейский, Дальневосточный) и 8 федеральных округов: Центральный (административный центр – Москва), Северо-Западный (Санкт-Петербург), Южный (Ростов-на-Дону), Северо-Кавказский (Пятигорск), Приволжский (Нижний Новгород), Уральский (Екатеринбург), Сибирский (Новосибирск), Дальневосточный (Хабаровск).

Региональные неравенства

Проблема территориального устройства и управления стала сегодня одной из наиболее острых как среди научного сообщества, так и в российской политической практике (Владиславлева, Керов, 2020, с. 23). Перед учеными и представителями федеральной, региональной власти и местного самоуправления стоит непростая задача, связанная с поиском перспективных направлений развития экономики, ускорением темпов развития, созданием позитивной социально-экономической динамики развития регионов, ростом качества жизни населения (Ускова, 2022). Сами регионы, а также большие и малые города, в нынешний сложный период испытывают потребность в преобразовании управления и помощи со стороны государства. Дальнейшая деградация политической жизни в малых городах и периферийных территориях страны, социальная депривация населения возникают именно вследствие упрощения организации местной власти. Наблюдаемые преобразования совершаются при практически полном отсутствии научного обоснования этого процесса, так как масштабное переустройство организации муниципальной власти осуществляется приблизительно. Это не может не вызывать тревогу у населения (Петухов, 2021, с. 474).

Концентрация населения и трудовых ресурсов в весьма ограниченном числе больших городов в условиях осложняющейся в малых городах демографической ситуации может привести к демографическому вакууму в периферийных регионах, к углублению разрыва между большими и малыми городами, к нарушению социально-политической

стабильности в стране со всеми вытекающими тяжелыми последствиями для России.

Обновление политической, экономической и социокультурной систем коренным образом меняет быт, социальную и духовную жизнь людей регионов и городов. В связи с этим комплексное изучение государственной политики в отношении нивелирования межрегиональных неравенств в Российской Федерации требует углубленного анализа сложившихся федеральных, региональных и местных политико-управленческих практик.

Как известно, смысл и значение научных исследований социально сложных условий развития региональных территорий заключаются, прежде всего, в их непосредственной связи с жизнью, социальной практикой, локальной культурой, рекомендациями для социальной и экономической политики федерального и муниципального руководства с учетом исторического опыта страны. Именно с этой точки зрения можно говорить о социально-экономических, социально-политических, социально-культурных процессах в различных регионах современной России и в этом случае можно применить социальное моделирование как инструмент изучения и конструирования объектов для определения (либо улучшения управления ими) возможностей их построения и прогнозирования их будущего.

Социальное моделирование, кроме того, способно оказывать на человека формирующее воздействие и влиять на его практические шаги. В определенном смысле, влияя на образ мыслей людей и их представление о самих себе, на стиль их жизни, потребности, весь спектр настоящих или возможных действий, социология формирует будущее.

Целью настоящего исследования является анализ теоретико-методологических подходов к социальному моделированию региональных неравенств с выходом на разработку территориальных стратегий и политико-управленческих практик, на снижение межрегиональных неравенств в социально-экономической и социокультурной сферах.

Проведенные в этом направлении исследования социологов² фиксируют в обществе диспропорции экономического и социального развития, усиление региональных неравенств, вызывающие недовольство людей и порождающие требования к возрождению социальной справедливости (равного доступа к производству благ и распределения их по труду) как пространственной социокультурной нормы российского социума.

Пространство рассматривается как территория, место жизни человека (соответственно, локальное и жизненное пространство), пространство взаимодействий людей в глобальном мире, когда географические ограничения в культурном и социальном устройстве отсутствуют (Винокурова, Ардалянова, 2022, с. 143). Вместе с тем, «территория России накладывает своеобразный отпечаток на восприятие и трансляцию российских культурных особенностей» (Шакирова, 2017, с. 133). Российское социокультурное пространство отличается многообразием этносов и культур и на современном этапе может быть охарактеризовано как состояние глубоких преобразований на фоне навязывания западных ценностей. По сути, речь идет о расколе, «попытке насильственного насаждения «сверху» в России ценностей, норм и институтов в основном западной цивилизации, которые разрушают преемственность развития российского общества, разрывают ткань российской культуры, препятствуют органичному соединению традиций и инноваций на базе собственного цивилизационного социокультурного кода» (Воронов, 2022, с. 39). Сегодня повсеместно наблюдается трансформация всей социокультурной сферы: образования, науки, здравоохранения, культуры, которые в условиях рынка и товарно-денежных отношений перешли в разряд услуг, все чаще предоставляемых населению на платной основе.

Справедливости ради стоит отметить, что по социально-экономическим и социокультурным показателям регионы в каком-то смысле развиваются. Взять, к примеру, тот же индекс качества городской среды, разработанный Минстроем и нацеленный на улучшение качества городской среды к 2024 году – на 30%, а к 2030 году – в полтора раза³. В числе «улучшаемых» – социально-экономические и социокультурные показатели: сокращение аварийных домов; оборудование жилья водопроводом, канализацией, отоплением, горячим водоснабжением, газом; освещение улиц; разнообразие культурно-досуговой и спортивной инфраструктуры, увеличение количества центров притяжения для населения и даже концентрация объектов культурного наследия и др. На обеспечение устойчивого экономического роста и научно-технологического развития страны, повышение качества жизни населения, преодоление диспропорций в социально-экономическом развитии регионов направлена и принятая в 2019 году Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁴. О дифференциации регионов можно судить по самым различным показателям: по уровню заработной платы, размеру пенсий, коэффициентам рождаемости, смертности, миграционного прироста, уровню безработицы, охвату населения образованием, численности обучающихся, обеспеченности спортивными сооружениями и учреждениями культуры (музеями, театрами, библиотеками) и т. д. В качестве одного из индикаторов региональной дифференциации приведем некоторые показатели дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, а именно их распределение (табл. 1).

² Исследование проводилось в Институте социологии ФНИСЦ РАН по плановой теме «Социальное моделирование региональных неравенств и их минимизации в контексте стратегии пространственного развития России» (2020–2021 гг.).

³ Минстрой и ДОМ.РФ разработали руководство по повышению Индекса качества городской среды. URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-i-dom-rf-razrabotali-rukovodstvo-po-povysheniyu-indeksa-kachestva-gorodskoy-sredy> (дата обращения 31.10.2022).

⁴ Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-п // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681 (дата обращения 28.10.2022).

Таблица 1. Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 гг., тыс. руб.

Наименование субъекта Российской Федерации*	2021 год	2022 год	2023 год
Мурманская область	14943,8		
Республика Коми	311093,4		
Вологодская область	1495024,8		
Республика Мордовия	3118099,0	1709823,3	2085015,7
Нижегородская область	3784242,7		
Хабаровский край	7075048,8	3646682,6	3869089,9
Приморский край	9097061,3	3270660,2	2864394,2
Республика Башкортостан	17172983,9	10725480,8	13812834,9
Республика Саха (Якутия)	51597946,8	52579381,8	46009153,7
Республика Дагестан	72892420,5	73915659,5	71350339,8
Нераспределенный резерв		197855285,4	219352648,2
ВСЕГО (на все субъекты РФ)	718284711,8	718284711,8	731175494,0

* Приведены данные только по некоторым субъектам. Полную информацию по распределению дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 гг. см. в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/9f2c407b4ef03a4bf2ccaa072131192348d359d8 (дата обращения 31.10.2022).

Таблица 2. Охват молодежи в возрасте 18–25 лет высшим образованием в субъектах Российской Федерации, %

Наименование субъекта Российской Федерации	Охват высшим образованием	Наименование субъекта Российской Федерации	Охват высшим образованием
Москва	< 50	Камчатский край	20
Санкт-Петербург	< 50	Тува	20
Томская область	58	Хакасия	20
Забайкальский край	20	Ямало-Ненецкий АО	1
Еврейская автономная область	20	Чукотский АО	> 5
Кабардино-Балкария	20	В среднем по РФ:	27

Составлено по: Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. (2020). Региональная дифференциация доступности высшего образования в России / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. Москва: НИУ ВШЭ. 68 с.; Савицкая Н. (2021). Интеллект без добавочной стоимости: охват населения высшим образованием по стране очень неравномерен // Независимая газета. 17 февраля. URL: https://www.ng.ru/education/2021-02-17/8_8085_education2.html

Приведенные количественные показатели по возрастанию дотаций лишь части субъектов РФ наглядно демонстрируют, насколько разнородны объемы дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности – от минимальных значений на 2020 год для Мурманской области (14943,8 тыс. руб.) и Республики Коми (311093,4 тыс. руб.) до максимальных для Республики Дагестан (72892420,5 тыс. руб.) и Республики Саха (Якутия) (51597946,8 тыс. руб.).

Если взять, например, систему образования страны, то становится очевидным не-

равномерность социально-экономического развития регионов в показателях доступа к высшему образованию, где выделяются Москва, Санкт-Петербург и Томская область с высоким охватом и Ямало-Ненецкий автономный округ с крайне низким (табл. 2).

О необходимости регулирования в сфере образования в регионах на государственном уровне Президент РФ обратил особое внимание на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам в 2019 году, отметив, что «концентрация вузов и учреж-

дений культуры в крупнейших городах России не отвечает интересам территориального развития страны...», «...у нас должно быть равномерное распределение и учреждений высшей школы, и учреждений культуры по всей стране»⁵.

Вполне очевидно, что получение высшего образования в ряде регионов крайне затруднено ввиду их географической удаленности, суровых климатических условий, малой численности населения и т. д., но отсутствие учреждений образования сужает перспективы развития таких субъектов, провоцирует отъезд молодежи.

Диспропорции в социально-экономическом развитии регионов можно зафиксировать и с помощью других показателей, например числа больничных организаций на 10000 чел.

В табл. 3 приведены количественные значения больничных организаций лишь в некоторых субъектах Российской Федерации, с тем чтобы показать, например, в регионах Крайнего Севера неравномерность обеспечения населения медицинской помощью от максимальных показателей на 10000 человек для Тюменской области и Ханты-Мансийского АО – Югра до минимальных в Чукотском АО и Приморском крае. Специально взяты данные по тем регионам страны, которые находятся в экстремальных климатических условиях.

Таблица 3. Число больничных организаций в субъектах Российской Федерации – районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (на 10000 чел. населения), ед.

Наименование субъекта Российской Федерации	2018 год	2019 год	2020 год
Тюменская область	79	77	77
Ханты-Мансийский авт. округ - Югра	56	55	55
Республика Коми	50	48	47
Мурманская область	41	38	38
Хабаровский край	33	32	33
Приморский край	6	6	6
Чукотский АО	3	1	1

Источник: Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2020 гг. (2021) / Федеральная служба государственной статистики. М., 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Pokaz_KS_2000-2020.pdf (дата обращения 09.11.2022).

Нелишне напомнить, что, несмотря на многочисленные попытки снизить социально-экономические диспропорции регионов, продолжают существовать субъекты-доноры и субъекты-реципиенты. Причем субъектов-доноров в РФ 15–17%, остальные субъекты являются дотационными (Зотов, 2017, с. 230). Рассуждая о дифференциации территории, согласимся с мнением Т.В. Усковой, что «сбалансированное территориальное развитие Российской Федерации предусматривает ориентированность на обеспечение условий, позволяющих каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни гражданам, комплексного развития и повышения конкурентоспособности экономики регионов» (Ускова, 2009, с. 59). При этом «искусство региональной политики состоит в том, чтобы, сочетая использование вышеназванных инструментов, дать региону минимум, но достаточный для его развития» (Ускова, 2009, с. 61).

Следует отметить, что существуют разные механизмы социально-экономического и социокультурного развития регионов. Ряд ученых делает вывод, что для минимизации региональных неравенств актуальное значение имеет социальное моделирование этих процессов на основе типологии российских регионов.

Теоретические подходы к социальному моделированию

Разработка социального моделирования региональных неравенств и путей их преодоления в контексте межрегиональных и федеративных отношений потребовала накопления с различными исследованиями для операционализации понятий и анализа существующих теоретико-методологических подходов. С точки зрения практики регионального управления назрел вопрос, когда разные административно-территориальные образования, расположенные в различных географических, природных, климатических условиях, имеют неравные возможности формирования и исполнения сво-

⁵ Путин недоволен тем, что вузы и культура не распределены по всей территории России (2019) // ТАСС. 25 декабря. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/7423721> (дата обращения 28.09.2022).

их бюджетов, а также привлечения средств для социально-экономического развития (Воронов, 2019, с. 30). Отдельные субъекты помимо формальных правовых процедур должны опираться на тесные межрегиональные связи и просчитанные перспективы развития, учитывать фактор региональной идентификации, ориентируясь на главные цели регионального развития – укрепление единого социально-экономического пространства, политического единства и безопасности страны при гармоничном развитии и кооперации в общенациональном и мировом разделении труда.

Выявить параметры региональной идентичности возможно посредством социального моделирования, где критериями для рассмотрения генезиса и основания регионообразования выступают исторические, политико-управленческие, социально-экономические, национально-этнические, физико-географические, а также такие особенности качества жизни, как ментальность регионального субсоциума или инновационный вектор развития (Маркин, 2011, с. 38).

Обращаясь к понятиям «модель» (от лат. *modulus* – мера, образец) и «моделирование», отметим, что в общественных науках моделирование – это метод исследования каких-либо явлений и процессов на основе оригиналов, иначе говоря, социальное моделирование – это рассмотрение социальной реальности, социальных процессов через построение определенных моделей. Ученые обуславливают использование математических методов в разных областях общественных наук необходимостью решения новых научных задач современности.

Академик В.Л. Макаров, говоря о социальном моделировании, отмечает, что «социальное моделирование» как направление в науке, с помощью которого изучают возможные сценарии развития общества, сформировалось в мире относительно недавно. С 2006 года прошло несколько мировых конгрессов по социальному моделированию. Хотя оно охватывает множество наук: экономику, политологию, социологию, психологию и т. д., но пока не заняло доминирующе-

го положения (Макаров, 2013, с. 5–6). Ученый обращается к агент-ориентированным моделям (АОМ) как к одному из инструментов социального моделирования и в качестве примера приводит шесть видов агентов – социальных кластеров (соцкластер):

- 1) предпринимателей или деловых людей;
- 2) военных (защитников отечества);
- 3) госслужащих (служителей отечеству);
- 4) ученых, учителей, врачей;
- 5) представителей культуры и искусства;
- 6) священнослужителей (Макаров, 2013, с. 8).

Отмечая, что каждый кластер производит собственный продукт, а другие его потребляют, В.Л. Макаров делает вывод о том, что вполне возможно моделировать процессы производства/потребления и, таким образом, управление обществом.

По поводу взаимодействующих субъектов – акторов социальных процессов и управляемой модели их поведения – дискутируют многие исследователи. Еще П. Бурдьё говорил, что не только мир и социальные структуры определяют деятельность агентов, но и они, в свою очередь, влияют на направление развития деятельности (Бурдьё, 1998). Исследуя перспективы современного развития России с точки зрения социального действия, О.В. Аксенова отмечает ключевую роль действующего субъекта в традиционной модели управления, когда субъект рассматривается как противоречивое единство актора (действующего субъекта) и агента (субъекта функции) современного российского развития (Аксенова, 2020, с. 38).

Деятельность человека способствует формированию различных социальных структур и институтов, с помощью которых он реализует свою целенаправленную деятельность, тем самым дает возможность возникновению разнообразных закономерностей. Среди них первичными, как правило, являются личные потребности, а вторичные определяются их групповыми мотивами либо применяемыми санкциями за исполнение/неисполнение предписанных функций (Щелоков, 2020, с. 6). Иными словами, позиция человека определяет архитектуру социальных структур, что, в свою очередь,

влияет на направление развития деятельности человека.

Управление действиями субъектов и создание для них побудительных мотивов того или иного поведения возможны с использованием различных методов, включая метод социального моделирования, позволяющего воспроизвести максимально приближенную к реальности конструкцию. В ее рамках социальное моделирование дает возможность учитывать наибольшее количество факторов в их взаимосвязи друг с другом и влиять на социальные действия субъекта с учетом целей и ожидаемых результатов. При этом социальное моделирование как метод познания предполагает реализацию в рамках конкретных управленческих процессов в определенной социальной системе с учетом ее внутренней специфики и внешнего окружения, основываясь на особенностях культуры конкретного социума, выражающихся в ценностях, нормах поведения и организации общественной жизни, что помогает предсказывать характер его развития (Щелоков, 2020, с. 4, 8). При этом важно понимать, что рассмотрение одного из регионов страны в качестве конкретного социума и моделирование к нему политико-управленческих практик не позволит слепо копировать эту модель на другой регион.

Сам процесс моделирования включает такие элементы, как субъект (исследователь), объект исследования, определенная модель, опосредствующая отношения познающего субъекта и познаваемого объекта (Носонов, 2014, с. 4). Следовательно, сущность социологического подхода заключается в том, что процессы социально-территориальной идентификации не возникают стихийно, а могут и должны управляться, моделироваться и стратегироваться (Цепелев, 2013, с. 308).

Проблематику социального моделирования с позиции управления, моделирования и проектирования разрабатывала целая плеяда зарубежных и отечественных ученых: Р. Аксельрод, И.В. Бестужев-Лада, П. Бергер, В.В. Воронов, Т.М. Дридзе, Т.И. Заславская, Н.В. Зубаревич, П. Лазарсфельд, Н.И. Лапин, А.М. Лола, Т. Лукман, В.В. Маркин, М. Нейман, А.А. Нелюбин, В.И. Патрушев, В.Н. Супиков, А.В. Тихонов, А.Г. Тюриков, Ж.Т. Тощенко,

В. Хеннинг, А.Ю. Цепелев, А.Н. Чумиков, А.Н. Шевцова, О.И. Шкаратан, А. Шюц и др. (напр., Axelrod, 1986; Бергер, Лукман, 1995; Маркин, Нелюбин, 2009; Neumann, 2010; Henning, 2008; Шюц, 2004). Поскольку формат статьи не позволяет кратко охарактеризовать даже часть работ авторов, остановимся лишь на некоторых, представляющих, как нам видится, особый интерес с точки зрения регионального управления в России. Отметим, в частности, исследование В.В. Маркина, акцентировавшего внимание на выявлении различных региональных неравенств, основных факторах их минимизации в плане пространственного развития страны и через теоретико-методологическую призму социального моделирования, определявшего эффективные практики и пути минимизации региональных неравенств. Он предложил новый подход к моделированию российских регионов (группировке) по критерию согласованности/рассогласованности экономического и социального развития и удовлетворенности населения жизнью в регионе; указал на настоятельную необходимость четкого разграничения «функционала и продуктов – моделей социально-пространственной и социально-территориальной идентификации» (Маркин, 2015, с. 12; Маркин, 2017, с. 82).

Исследуя проблемы малых городов, В.В. Маркин, В.В. Воронов и В.М. Пешкова указывали на необходимость применения методологии социального моделирования, позволяющей представить основные взаимосвязи и взаимозависимости условий и факторов развития малых городов в формализованном виде: моделях аналитико-диагностического и прогнозно-проектного характера. При этом особо выделяется агентно-ориентированное моделирование, с помощью которого на основе информационно-коммуникационных технологий может быть сформирована система сетевых коммуникаций между представителями главных стейкхолдеров развития малых городов (Маркин и др., 2019, с. 272).

Отметим, что стейкхолдеры не существуют обособленно, вне среды. При оптическом взгляде с точки зрения структуры общества становится очевидным, что социально-

экономическое неравенство регионов накладывается на этнокультурное разнообразие населения (укорененные и прибывшие жители, в том числе представители диаспор и этнических землячеств) и представляет собой определенный социетальный вызов и риски глубоких и острых проявлений с возможными негативными последствиями.

А.Ю. Цепелев сосредоточил внимание на объекте социального моделирования – воспроизведении явления через определенный образ-аналог, представляющий локализованную социально-пространственную реальность. При этом в социальном моделировании региона он предусматривает регулярную системную оценку качества жизни (на основе статистических данных и экспертных оценок) и уровня социальной удовлетворенности (на основе репрезентативных опросов населения)⁶. А.Ю. Цепелев предложил рассматривать бренд территории как инструмент моделирования социально-территориальной идентификации и возможности его использования в региональном управлении типовых моно- и полицентрических регионов.

Социально-экономическое положение субъекта во многом определяется его демографическим развитием, которое, обеспечивая воспроизводство человеческого потенциала, в свою очередь способствует подъему в экономике и социальной сфере. Приведем в качестве примера г. Спасск-Дальний на Дальнем Востоке (рис.).

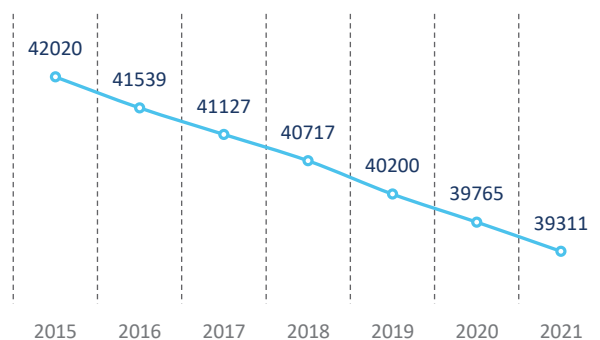

Рис. Динамика численности населения городского округа Спасск-Дальний (на 1 января текущего года), чел.

Источник: (Орлова, Панфилова, 2021).

Статистические данные показывают, что имеет место неуклонное снижение численности населения. Значительный размер самой территории Дальнего Востока осложняется пространственной разобщенностью его субъектов, слабостью инфраструктуры, которая продолжает ветшать на фоне непрерывающегося снижения численности жителей. Кроме того, на территории городского округа Спасск-Дальний сохраняется естественная убыль населения за счет, с одной стороны, низкого уровня рождаемости, а с другой – высокого уровня смертности, что свидетельствует о продолжающейся депопуляции локально-городского уровня (Орлова, Панфилова, 2021, с. 410–411). В этой ситуации периферийный статус влечет установление над городом внешнего управления, ликвидацию собственных органов власти, практически полное ограничение самостоятельности в решении важных вопросов.

Таким образом, социальное моделирование позволяет сгруппировать (смоделировать) российские регионы по измеряемым критериям. К примеру, оценивая уровни социально-экономического развития, условно регионы можно сгруппировать по следующим типам (Маркин, 2011, с. 39):

- высокоресурсный, освоенный;
- высокоресурсный, но слабообустроенный;
- среднересурсный, освоенный;
- среднересурсный, но слабоосвоенный;
- низкоресурсный и освоенный;
- низкоресурсный и слабоосвоенный.

В качестве еще одного направления социального моделирования регионов можно рассматривать типы (модели) местного самоуправления. В российской системе местного самоуправления сложилась устойчивая практика назначения «сверху» или выборов. В связи с этим исследователи обращают внимание на необходимость разделения понятий «местное управление» и «местное самоуправление», потому что местные органы для осуществления государственного управления могут как назначаться, так и

⁶ Цепелев А.Ю. (2014). Социальное моделирование региональной идентификации: социолого-управленческий аспект: автореф. дис. ... канд. соц. наук // Официальный сайт ИС РАН. С. 6. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3343>

выбираться. Независимо от особенностей региона под местным самоуправлением понимается организация и деятельность местных органов, избираемых непосредственно населением, т. е. субъектом местного самоуправления является население, проживающее на территории муниципального образования.

Анализу моделей местного самоуправления в малых городах особое внимание уделено в работе Е.В. Симоновой, где отмечено, что термин «модель» широко используется в различных сферах человеческой деятельности и характеризуется множеством смысловых значений, но вместе с тем социологический инструментарий позволяет выявлять потребности, интересы, цели членов местных сообществ, подбирать методы влияния на них (Симонова, 2019, с. 434–435). Автор выделяет три вида муниципальных образований – городские поселения, городские округа и муниципальные округа, подчеркивая, что местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления (МСУ). Исходя из типа управления возникают три основных способа избрания главы муниципального образования:

- населением в ходе прямых выборов;
- представительным органом МСУ из своего состава;
- представительным органом из числа кандидатов, которые определяются конкурсной комиссией («конкурсная модель»).

Каждая из трех моделей управления, по мнению Е.В. Симоновой, приводит к консолидации тех или иных управленческих структур, структур гражданского общества, других акторов и выполняет разные задачи по мобилизации ресурсов территорий для их экономического и социального развития, преодоления кризисных тенденций в экономике и выполнения социальных обязательств перед населением и т. д., демонстрирует усиление тенденций к централизации власти и встраиванию городских муници-

пальных систем во властно-управленческую вертикаль (Симонова, 2019, с. 434–435).

Некоторые научные выводы

В исследовании социального моделирования как инструмента в региональном управлении необходимо отметить следующее:

- для моделирования (создания аналога прототипа) в качестве базовой задачи ставится социально-территориальная идентификация;

- идентификация регионов осуществляется по различным критериям: видам (гомогенные и функциональные), отраслевой принадлежности (фабрично-заводские, сельскохозяйственные, железнодорожные, рыболовецкие, шахтерские, нефтяников и т. п.), политико-административной форме (микрорегионы, макрорегионы), уровню социально-экономического развития и освоенности территории («богатые и освоенные», «богатые и слабоосвоенные», «бедные и освоенные», «бедные и слабоосвоенные»), этническому составу (полиэтнические и моноэтнические) и т. д.; в настоящее время в плане изучения региональной идентификации выделяется более четырех десятков различных типологий регионов (Супиков, 2012);

- социальное моделирование региона предусматривает регулярную системную оценку качества жизни (на основе статистических данных и экспертных оценок) и уровня социальной удовлетворенности (на основе опросов населения)⁷; последние могут включать различные показатели, например удовлетворенность местом проживания (географическое расположение, климат и т. п.), удовлетворенность уровнем и качеством жизни с учетом социально-экономических и социокультурных показателей (доходы, доступ к медицине, образованию, досугу, качества городской среды и т. д.);

- для социального моделирования регионов могут применяться различные показатели, при этом одни легко фиксируются и учет по ним ведется разными государственными

⁷ Цепелев А.Ю. Социальное моделирование региональной идентификации: социолого-управленческий аспект (2014): автореф. дис. ... канд. соц. наук // Официальный сайт ИС РАН. С. 30. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3343>

структурами, например, Росстатом формируются показатели численности населения, ожидаемая продолжительность жизни, уровень бедности, объем жилищного строительства, темпы роста (индекс роста) реальной среднемесячной заработной платы, а также реального среднедушевого денежного дохода населения, и другие, такие как «доброжелательность», «репутация», «эмоции» (гнев, страх), «месть», «риск», «альтруизм», «самопожертвование», «предвидение», «доброта» и др., которые сложнее поддаются фиксации и подсчетам (Макаров, 2013, с. 17).

Моделирование в общественных науках имеет большой потенциал. Уже сейчас все активнее этот метод применяется в исследовании общественных процессов с целью установления способов трансформаций социума, направленности его альтернативного развития. В региональной социологии с позиции функциональных задач он позволяет реализовывать деятельность управления и проектирования, например, для выявления устойчивых связей между его элементами, определения их характера, направленности и влияния внутри системы. Метод социального моделирования применяется при исследовании политико-управленческих практик федерального и регионального уровней. В отношении системы местного самоуправления под моделью может пониматься конфигурация различных элементов системы органов местного самоуправления, методов их формирования, их функционала, характера их взаимоотношений с органами государственной власти (Симонова, 2019, с. 434–435).

Анализ практики местного самоуправления в различных субъектах Российской Федерации требует в нынешних условиях особого внимания к их деятельности, указывает на необходимость решения ряда проблем с учетом территориальных и экономических основ, а также социокультурных особенностей. В частности, учеными-исследователями отмечаются основные причины социальных проблем в малых городах и сельских поселениях: 1) недофинансирование отраслей социальной сферы; 2) сла-

бая структурная обеспеченность процесса оказания социальных услуг; 3) отсутствие целостного представления о единой системе организации жизнедеятельности территориального пространства. Органы МСУ в силу их места в системе государственного устройства России имеют преимущества, которые важно использовать в ходе реформирования социальной сферы и применения социального моделирования.

Заключение

Предварительные результаты исследования дают основание для научно-практических рекомендаций по разработке социального моделирования: необходим системный, комплексный подход к формированию и проведению дифференцированной на всех уровнях политики пространственного развития России с разработкой и внедрением плана выравнивания экономического и социального развития регионов, сохранения и развития в них малых городов и сельских поселений. Социальные модели можно менять в зависимости от интересующих исследователя параметров. Слепое создание модели управления и копирование ее на все регионы без учета их специфики не только неприемлемо, но и даже опасно.

В отношении регионов крайне необходим пересмотр моделей взаимодействия федеральных, региональных и местных властей по ряду вопросов, в первую очередь по вопросам социальной сферы – здравоохранения и образования, строительства профильных жизненно важных объектов (больниц, школ, детских садов, спортивных комплексов), которые нуждаются в финансировании, а также оснащении современным и высокотехнологическим оборудованием. что в целом связано с объемами дотаций по выравниванию бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации.

У социального моделирования как метода изучения социальной реальности и как способа для решения поставленных задач (с учетом специфики регионов) в управленческой практике есть большой потенциал во всех процессах, где имеет место

человеческий фактор. Научная разработка социальных моделей регионального развития позволяет совершенствовать процессы управления при реализации государственных программ и в свою очередь способству-

ет минимизации региональных неравенств, а значит, изменению и выработке соответствующих социокультурных условий для консолидированного пространственного развития России.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенова О.В. (2020). Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто // Вестник Института социологии. Т. 11. № 10. С. 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640
- Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва: Медиум. 323 с.
- Бурдые П. (1998). Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 44–59.
- Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю. (2022). Перспективы «бесперспективного» малого города: возможности развития социокультурного пространства (на мат-лах Спасска-Дальнего Приморского края) // Социокультурный потенциал малых городов России: сб. ст. / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 142–154. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7.2022.10
- Владиславлева Т.Б., Керов В.А. (2020). Государственное управление региональным развитием в условиях пандемии COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. № 83 (декабрь). С. 22–46.
- Воронов В.В. (2019). О разграничении полномочий между уровнями и органами власти в Российской Федерации // Государственная служба. № 4. С. 27–31.
- Воронов В.В. (2022). «Исправление имен» в понимании путей развития социокультурной среды малых городов России // Социокультурный потенциал малых городов России: сб. ст. / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 36–50.
- Зотов А.С. (2017). Понятие бюджетной обеспеченности регионов и методики ее оценки // Теоретико-методологические и практические проблемы интеграции, диверсификации и модернизации региональных промышленных комплексов: сб. мат-лов Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н.М. Тюкавкина. Самара: Издательство СНЦ. С. 227–232.
- Макаров В.Л. (2013). Социальное моделирование набирает обороты // Экономика и математические методы. Т. 49. № 4. С. 5–17.
- Маркин В.В. (2008). Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. Москва: Институт социологии РАН. С. 229–249.
- Маркин В.В. (2011). Региональная политика: инновационный вектор социального моделирования // Инновации. № 1 (147). С. 38–44.
- Маркин В.В. (2015). Теоретико-методологические проблемы социально-пространственной и социально-территориальной идентификации: региональный узел // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Москва: Новый Хронограф. С. 11–33.
- Маркин В.В. (2017). Социальное пространство России в региональном измерении: социологический анализ, моделирование, мониторинг // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации: мат-лы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / отв. ред. А.В. Тихонов. Москва: ФНИСЦ РАН. 760 с.
- Маркин В.В., Воронов В.В., Пешкова В.М. (2019). Малые города в государственной политике пространственного развития России: к методологии социального моделирования региональных стратегий

и практик // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 17. Москва: Новый Хронограф. С. 271–286. DOI: 10.19181/ezheg.2019.11

- Маркин В.В., Нелюбин А.А. (2009). Социальное моделирование пространственных трансформаций. Мониторинг региональных органов власти // Россия реформирующаяся. № 8. С. 75–90.
- Носонов А.М. (2014). Моделирование в социально-экономической географии // Псковский региональный журнал. № 19. С. 3–15.
- Орлова Н.А., Панфилова А.О. (2021). Проблемы и факторы социально-экономического развития малых городов Приморского края (на примере города Спасск-Дальний) // Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин, Г.Р. Баймурзина [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 402–417.
- Петухов Р.В. (2021). Государственная власть и местное самоуправление в малых городах: проблемы взаимодействия // Малые города России: новые вызовы, социальные проблемы и перспективы: монография / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин, Г.Р. Баймурзина [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшкова; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 452–474.
- Симонова Е.В. (2019). Модели местного самоуправления в малых городах: от автономии к интеграции в управленческую вертикаль // Малые города в социальном пространстве России: монография / А.Ю. Ардалянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский [и др.]; отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. М.К. Горшкова. Москва: ФНИСЦ РАН. С. 430–441. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751
- Супиков В.Н. (2012). Моделирование социально-экономического развития // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 1 (21). С. 143–149.
- Ускова Т.В. (2009). Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН. 355 с.
- Ускова Т.В. (2022). К читателям. Новые подходы к решению проблем российских территорий // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.1
- Цепелев А.Ю. (2013). Городская и региональная идентификация в контексте социального управления // Социально-гуманитарные знания. № 6. С. 307–313.
- Шакирова Е.Ю. (2017). Особенности российского социокультурного пространства // Этнокультурная ситуация региона: варианты и перспективы развития: сб. ст. / под ред. Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой. Саратов: Саратовский источник. С. 129–140.
- Шюц А. (2004). Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева [и др.]; сост.: Н.М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н.М. Смирновой. Москва: РОССПЭН. 1054 с.
- Щёлоков Д.В. (2020). Государство цифровой эпохи: моделирование институциональных трансформаций // Цифровая социология. Т. 3. № 4. С. 4–11.
- Axelrod R. (1986). An evolutionary approach to norms. *The American Political Science Review*, 80 (4), 1095–1111.
- Henning P.A. (2008). Computational evolution. *Lecture Notes in Economics and Mathematical Systems*, 175–193.
- Neumann M. (2010). Norm internalization in human and artificial intelligence. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 13 (1).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ася Васильевна Воропаева – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5; e-mail: a.voropaeva2017@gmail.com)

Лариса Юрьевна Коростелева – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5; e-mail: larisa_55@rambler.ru)

Voropaeva A.V., Korosteleva L.Yu.

SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF SOCIAL MODELING OF REGIONAL INEQUALITIES IN RUSSIA (THEORETICAL APPROACHES)

The article considers social modeling as a method for studying Russian regions in order to identify inequalities in their socio-economic, socio-political, socio-cultural development processes and the possibilities of their reduction. The post-Soviet transformation has led the country to negative processes. The new period of Russia's development was marked by many differential processes related not only to the general contradictory aspects of the functioning of the world community, but also to the local overcoming of stagnant phenomena on the path of integration processes in the economic, socio-cultural and communication spheres of the country. The growing disproportions in the socio-economic and socio-cultural development of the regions, in the standard of living and quality of life, the devastation of large areas of the country due to the concentration of fixed capital in several large centers require a comprehensive consideration of the existing problems and contradictions from the standpoint of science. The purpose of the study is to analyze theoretical and methodological approaches to the social modeling of regional inequalities with access to the development of territorial strategies and political and managerial practices, to reduce interregional inequalities in socio-economic and socio-cultural spheres. The article presents some theoretical and methodological approaches of domestic and foreign scientists to the social modeling of regions. The criteria and parameters of regional identity through social modeling are considered. This method is also presented in the study of political and managerial practices at the federal and regional levels. As a direction of social modeling, the article considers the types (models) of local self-government, i.e. the social model in those structures where there is a great potential of the human factor. By virtue of their place in the system of the state structure of Russia, local self-government bodies have their own advantages, which are important to use in the course of reforming the social sphere and applying social modeling.

Social modeling, models, regions of Russia, regional inequalities, management, self-government.

REFERENCES

- Aksenova O.V. (2020). The subject of social action in Russia's current development: Actor, agent, nobody? *Vestnik Instituta sotsiologii*, 11(10), 37–53. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640 (in Russian).
- Axelrod R. (1986). An evolutionary approach to norms. *The American Political Science Review*, 80(4), 1095–1111.
- Berger P., Lukman T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium.
- Bourdieu P. (1998). Structures, habitus and practices. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii=The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1(2), 44–59 (in Russian).
- Henning P.A. (2008). Computational evolution. *Lecture Notes in Economics and Mathematical Systems*, 175–193.
- Makarov V.L. (2013). Social simulation gaining the rate. *Ekonomika i matematicheskie metody=Economics and Mathematical Methods*, 49(4), 5–17 (in Russian).
- Markin V.V. (2008). Regional sociology: Problems of social identification and modeling of Russian regions. In: Gorshkov M.K. (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Russia under Reforms: Yearbook]. Issue 7. Moscow: Institut sotsiologii RAN (in Russian).
- Markin V.V. (2011). Regional policy: Innovation vector of social modeling. *Innovatsii=Innovations*, 1(147), 38–44 (in Russian).
- Markin V.V. (2015). Theoretical and methodological problems of socio-spatial and socio-territorial identification: A regional node. In: Markin V.V. (Ed.). *Regional'naya sotsiologiya: problemy konsolidatsii*

- sotsial'nogo prostranstva Rossii* [Regional Sociology: Issues of Consolidation of Russia's Social Space]. Moscow: Novyi Khronograf (in Russian).
- Markin V.V. (2017). The social space of Russia in the regional dimension: Sociological analysis, modeling, monitoring. In: Tikhonov A.V. (Ed.). *Rossiya i mir: global'nye vyzovy i strategii sotsiokul'turnoi modernizatsii: mat-ly Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 12–13 oktyabrya 2017 g.)* [Russia and the World: Global Challenges and Strategies of Socio-Cultural Modernization: Proceedings of an International Research-to-Practice Conference (Moscow, October 12–13, 2017)]. Moscow: FNISTS RAN (in Russian).
- Markin V.V., Nelyubin A.A. (2009). Social modeling of spatial transformations. Monitoring of regional authorities. *Rossiya reformiruyushchayasya*, 8, 75–90 (in Russian).
- Markin V.V., Voronov V.V., Peshkova V.M. (2019). Small towns in the state policy of spatial development of Russia: On the methodology of social modeling of regional strategies and practices. In: Gorshkov M.K. (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Russia under Reforms: Yearbook]. Issue 17. Moscow: Novyi Khronograf. DOI: 10.19181/ezheg.2019.11 (in Russian).
- Neumann M. (2010). Norm internalization in human and artificial intelligence. *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 13(1).
- Nosonov A.M. (2014). Modeling in socio-economic geography. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal=Pskov Journal of Regional Studies*, 19, 3–15 (in Russian).
- Orlova N.A., Panfilova A.O. (2021). Problems and drivers of socio-economic development of small towns in Primorsky Krai (on the example of the town of Spassk-Dalny). In: Chernysh M.F., Markin V.V. (Eds.). *Malye goroda Rossii: novye vyzovy, sotsial'nye problemy i perspektivy: monografiya* [Small Towns of Russia: New Challenges, Social Problems and Prospects: Monograph]. Moscow: FNISTS RAN (in Russian).
- Petukhov R.V. (2021). State power and local self-government in small towns: Problems of interaction. In: Chernysh M.F., Markin V.V. (Eds.). *Malye goroda Rossii: novye vyzovy, sotsial'nye problemy i perspektivy: monografiya* [Small Towns of Russia: New Challenges, Social Problems and Prospects: Monograph]. Moscow: FNISTS RAN (in Russian).
- Schutz A. (2004). *Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom* [Selected Works: A World Glowing with Meaning]. Translated from German and English. Moscow: ROSSPEN.
- Shakirova E.Yu. (2017). Features of the Russian socio-cultural space. In: Listvina E.V., Lysikova N.P. *Etnokul'turnaya situatsiya regiona: varianty i perspektivy razvitiya: sb. st.* [The Ethnocultural Situation of the Region: Options and Prospects for Development: Collection of Articles]. Saratov: Saratovskii istochnik (in Russian).
- Shchelokov D.V. (2020). The state in the digital era: Modeling of institutional transformations. *Tsifrovaya sotsiologiya=Digital Sociology*, 3(4), 4–11 (in Russian).
- Simonova E.V. (2019). Models of local self-government in small towns: From autonomy to integration into the managerial vertical. In: Chernysh M.F., Markin V.V. (Eds.). *Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii: monografiya* [Small Towns in the Social Space of Russia: Monograph]. Moscow: FNISTS RAN. Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751 (in Russian).
- Supikov V.N. (2012). Modeling of socio-economic development. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 1(21), 143–149 (in Russian).
- Tsepelev A.Yu. (2013). Urban and regional identification in the context of social management. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 6, 307–313 (in Russian).
- Uskova T.V. (2009). *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Managing the Region's Sustainable Development: Monograph]. Vologda: ISERT RAN.
- Uskova T.V. (2022). To the readers. New approaches to solving the issues of Russian territories. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(5), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.1 (in Russian).

- Vinokurova A.V., Ardal'yanova A.Yu. (2022). Prospects of an “unpromising” small town: Opportunities for the development of socio-cultural space (case study of Spassk-Dalny in Primorsky Krai). In: Chernysh M.F., Markin V.V. (Eds.). *Sotsiokul'turnyi potentsial malykh gorodov Rossii: sb. st.* [Socio-Cultural Potential of Small Towns in Russia: Collection of Articles]. Moscow: FNISTS RAN. DOI: 10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7.2022.10 (in Russian).
- Vladislavleva T.B., Kerov V.A. (2020). Public administration of regional development amid COVID-19 pandemic. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik=Public Administration. E-Journal*, 83 (December), 22–46 (in Russian).
- Voronov V.V. (2019). On the delimitation of powers between levels of power and authorities in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba=Public Administration*, 4, 27–31 (in Russian).
- Voronov V.V. (2022). “Correction of names” in understanding the ways of development of the socio-cultural environment of small towns of Russia. In: Chernysh M.F., Markin V.V. (Eds.). *Sotsiokul'turnyi potentsial malykh gorodov Rossii: sb. st.* [Socio-Cultural Potential of Small Towns in Russia: Collection of Articles]. Moscow: FNISTS RAN (in Russian).
- Zotov A.S. (2017). The concept of budget security of regions and methods of its assessment. In: Tyukavkin N.M. (Ed.). *Teoretiko-metodologicheskie i prakticheskie problemy integratsii, diversifikatsii i modernizatsii regional'nykh promyshlennykh kompleksov: sb. mat-lov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Theoretical, Methodological and Practical Issues of Integration, Diversification and Modernization of Regional Industrial Complexes: Proceedings of an International Research-To-Practice Conference]. Samara: Izdatel'stvo SNTs (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Asya V. Voropaeva – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Senior Researcher, Center for the Study of Regions of Russia, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5, Bolshaya Andronyevskaya Street, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: a.voropaeva2017@gmail.com)

Larisa Yu. Korosteleva – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Researcher, Center for the Study of Regions of Russia, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (5, Bolshaya Andronyevskaya Street, Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: larisa_55@rambler.ru)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.10

УДК 33.011 | ББК 65.290

© Устинова К.А.

АНАЛИЗ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПОЗИЦИЙ СТИМУЛОВ И БАРЬЕРОВ

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА УСТИНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-6198-6462](https://orcid.org/0000-0002-6198-6462); ResearcherID: [I-8164-2016](https://orcid.org/1-8164-2016)

В статье предпринимательство рассматривается как фактор экономического развития, влияющий на преобразования. Выделены проблемы, обусловленные недостаточным уровнем развития отечественного предпринимательства по сравнению с европейским, региональными различиями в связи с социально-экономическими и институциональными аспектами. Исследование нацелено на определение стимулов и барьеров, которые оказывают влияние на успешное начало предпринимательской деятельности, ведение предпринимательства и его развитие. В работе структурированы факторы, воздействующие на предпринимательство, с учетом их сферы действия (особое внимание уделено институциональным, социокультурным и психологическим факторам) и характера влияния (положительные и отрицательные). С использованием положений социально-когнитивной теории, общенаучных методов исследования и данных федерального и регионального уровней проведен анализ предпринимательства с позиций стимулов и барьеров, влияющих на него. Показано, что в предпринимательской среде распространены удовлетворительные оценки текущего состояния бизнеса и сдержанные прогнозы в отношении его развития. Сделан вывод о зависимости оценок текущего состояния и перспектив развития от размера организации, продолжительности ее функционирования на рынке, а также от рисков ведения деятельности, обусловленных изменением рыночной ситуации, спроса, покупательной способности населения. Подчеркнута роль институциональных аспектов, обусловленных изменениями законодательства и судебной системы. На региональном уровне на склонность к предпринимательству оказывают влияние финансовые аспекты, налоговая система и налоговое бремя, на-

Для цитирования: Устинова К.А. (2022). Анализ предпринимательской деятельности с позиций стимулов и барьеров // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 165–184. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.10

For citation: Ustinova K.A. (2022). Analyzing business activity from the perspective of incentives and barriers. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 165–184. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.10

личие у человека перспективного плана развития своего дела, а также особого склада характера, специальных способностей по управлению предприятием. В качестве практической значимости исследования отметим необходимость системной интеграции мер поддержки предпринимательства, информационного, юридического сопровождения реализуемых предпринимателями проектов, синхронизации информационных потоков и достижения согласованности между приоритетами и стратегическими целями.

Регион, предпринимательство, стимулы, барьеры, меры государственной поддержки.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Введение

Предпринимательство рассматривается как важная составляющая современной экономической системы, влияющая на экономические развитие (Schumpeter, 1934; Banerjee, Newman, 1993; Audretsch et al., 2007), обеспечение занятости (Birch, 1987; Mayer et al., 2018), создание и распространение инноваций (Полбин, Шумилов, 2020). Предпринимательство оказывает воздействие на инновационные преобразования, в т. ч. через модернизацию производственной базы (Шлафман, 2012). Оно связано со знаниями, с формированием среды, позволяющей создавать и использовать конкурентные преимущества (Вольчик, 2012). Его роль в экономическом развитии подтверждается и тем обстоятельством, что разработан и реализуется национальный проект, направленный на поддержку малого и среднего предпринимательства и индивидуальной предпринимательской инициативы, а также утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства до 2030 года (Полбин, Шумилов, 2020).

Несмотря на обозначенные выше аспекты, обращение к которым позволяет подчеркнуть роль предпринимательства в экономическом развитии, продолжают сохраняться дискуссионные и проблемные моменты. Среди последних – недостаточная развитость отечественного предпринимательства по сравнению с предпринимательством в европейских странах (Вольчик, 2012), различие в уровне развития предпринимательства в региональном

разрезе вследствие разницы в социально-экономических и институциональных условиях ведения этой деятельности. Это приводит к необходимости разработки и реализации дифференцированной региональной политики, направленной на поддержку бизнес-структур (Земцов, Царева, 2018). При формировании такой политики должны учитываться внешние вызовы, состояние социально-экономического развития и текущее положение общества. Данный тезис приводится в работах как отечественных, так и зарубежных авторов (например, North et al., 2009). Помимо этого, принимаются во внимание высокие издержки бизнеса по преодолению бюрократических и административных барьеров; вопросы, связанные с формированием среды недоверия, что может сопровождаться принятием решений о переходе в неформальный сектор (Земцов и др., 2020).

С учетом обозначенного наше исследование нацелено на определение стимулов и барьеров, оказывающих влияние на успешное начало предпринимательской деятельности, ведение предпринимательства и его развитие. Среди задач работы – анализ теоретических аспектов, в рамках которых систематизированы факторы, влияющие на предпринимательство; исследование условий ведения и развития предпринимательства на федеральном уровне; анализ условий для предпринимательской деятельности на региональном уровне (в Вологодской области); предложения по совершенствованию мер поддержки предпринимательства.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации факторов, влияющих на предпринимательство, с акцентом на нематериальных факторах (институциональных, социокультурных, психологических), способствующих и препятствующих осуществлению этого вида деятельности. В работе показано, что действие факторов может быть усилено или ослаблено в зависимости от стадии экономического цикла и отразиться на деятельности не только «отстающих» организаций, но и более эффективных.

Научная новизна заключается в разработке инструментария социологического исследования, использование которого на региональном уровне позволяет выявить условия, оказывающие как положительное, так и отрицательное воздействие на предпринимательство и тем самым выступающие как стимулами, так и барьерами для осуществления этого типа деятельности. Универсальность инструментария заключается в том, что он может быть применен для исследования предпринимательства и его типов на региональном уровне. Тем не менее его использование позволяет выявлять и региональную специфику на основе проведения межрегиональных сопоставлений по условиям ведения предпринимательской деятельности.

Теоретические аспекты исследования

В научной литературе однозначное представление о стимулах, способствующих развитию предпринимательских структур, а также о барьерах, влияющих на выход компаний на рынок, отсутствует. Не существует полной определенности и в отношении факторов, детерминирующих вход на рынок новых предприятий и выход неэффективных фирм (Бессонова, Цветкова, 2020).

Одной из групп факторов выступают институциональные. Исследователями (см., в частности, Andrews et al., 2016; Gamberoni et al., 2016) отмечается, что они могут оказывать не только положительное, но и отрицательное воздействие на предпринимательство.

Последнее, например, связывается с поддержанием неэффективных компаний через незащищенность прав собственности, невысокую рыночную конкуренцию, барьеры входа/выхода на внешние рынки. Среди институциональных барьеров выделяют не только обусловленные сложностью входа на рынок, выхода из него, но и выхода из отрасли, а также административные, коррупционные барьеры, аспекты, связанные с лицензированием организаций, и другие, препятствующие созданию и функционированию предпринимательства. В общем виде среди институциональных барьеров рассматриваются те, которые имеют как формальную (например, административные), так и неформальную (коррупционные) природу (Вольчик, 2012). Наряду с их негативным воздействием на предпринимательство речь идет о положительном влиянии: они могут выступать как стимулы, среди которых защита прав собственности, обеспечение конкуренции, доступ к ресурсам. Эти стимулы могут сказываться на деятельности не только «отстающих» организаций, но и более эффективных. Их положительное влияние может быть усилено посредством проведения экономической политики, направленной на облегчение процедур регистрации/банкротства предприятий, выхода компаний на рынок (Бессонова, Цветкова, 2020).

Действие барьеров усиливается или ослабевает в зависимости от стадии экономического цикла. Во время подъема и экономического роста необходимость в стимулировании предпринимательства как в целом в стране, так и на региональном уровне может быть ниже, чем в период стагнации (Земцов, Царева, 2018). Помимо этого следует принимать во внимание сферу предпринимательства. Например, предприятия креативного сектора могут сталкиваться с недостаточно налаженным межведомственным взаимодействием по вопросам креативной экономики, с ограничениями по источникам финансирования, с недостаточно эффективной защитой прав собственности (Аузан и др., 2022).

Другой тип стимулов и барьеров связан с социокультурными аспектами. Влияние

социокультурных факторов на предпринимательство анализируется на страновом, организационном, индивидуальном уровнях (Hayton et al., 2002). Подобный анализ может быть затруднен из-за отсутствия однозначного и точного толкования социокультурных факторов (McGrath et al., 1992).

Социокультурные факторы подразделяют на несколько групп в зависимости от различных признаков, в частности по характеру влияния на предпринимательство – положительные и отрицательные. Среди последних – дискриминация по разным параметрам: полу, этническому происхождению и др. (Ronstadt, 1984; Kuratko, Hodgetts, 1989); среди первых, например, экономические колебания (спад/подъем и др.), которые могут приводить к безработице, ухудшать положение населения, сопровождаться переходом в предпринимательский сектор. Также существует деление факторов на обусловленные внешними и внутренними обстоятельствами: среди последних амбициозность, независимость, склонность к финансовой выгоде (Boer et al., 1997).

К социокультурным факторам относят доверие в предпринимательской среде (Larson, 1992; Lorenzoni, Lipparini, 1999), сплоченность между субъектами деятельности (Burt, 1992; Hansen, 1995), социальный капитал (Light, 1984; Zimmer, Aldrich, 1987; Bates, 1997). Также необходимо учитывать социальные нормы, права различных групп населения, ценность предпринимательства в обществе и другие аспекты, воздействующие на изменение карьерных планов.

Следует принимать во внимание, что социокультурные факторы оказывают влияние на принятие решений в отношении стратегий ведения деятельности, на ее развитие. Они сказываются на характеристиках населения, а те, в свою очередь, – на предпринимательстве. Например, индивидуализм (методика Хофстеде (Hofstede)), самовыражение (методика Шварца (Schwartz)), общественная активность в России развиты в меньшей степени по сравнению с европейскими странами, что может негативно отражаться на ведении предпринимательской

деятельности (Аузан и др., 2022). Напротив, склонность к индивидуализму, к действиям в условиях неопределенности, низкая дистанция власти будут приводить к развитию предпринимательства (Hofstede, 1980).

Еще одна группа факторов, воздействующих на предпринимательство, – психологические, среди них психологические последствия социальных изменений (изменение в силу разных обстоятельств социального статуса), положительное (удовлетворенность, радость, счастье и др.) и отрицательное (напряжение, страх, гнев, переживание неудачи и др.) эмоциональное состояние. В исследованиях (Cardon et al., 2012; Podoynitsyna et al., 2012) обосновывается связь эмоционального состояния с принятием решения о склонности к предпринимательству. Следовательно, эмоциональное состояние воздействует не только на создание, но и на развитие бизнеса.

Помимо эмоционального состояния среди психологических факторов выделяют мотивацию, самоэффективность. При этом чем в большей степени проявляются указанные аспекты, тем выше склонность населения к решению проблем (Bandura, 2000). Успешность предпринимательства связывается со способностью к эффективному взаимодействию, с использованием открывающихся возможностей для начала бизнеса (Chell et al., 1991). Усиливает влияние психологических аспектов на предпринимательство более высокий уровень предпринимательских способностей по сравнению с остальным населением, более высокий потенциал предпринимателей (Neck et al., 1999; Zhao et al., 2005).

Подводя промежуточный итог, отметим, что предпринимательство выступает важным сектором экономики, способствуя решению проблем занятости, фактором инновационного развития, воздействующим на создание и распространение инноваций. В работе показано, что существуют различия в уровне развития предпринимательства в России по сравнению с европейскими государствами, а также межрегиональные различия внутри страны. В обзоре источников внимание обращается на нематери-

альные факторы, воздействующие на предпринимательство, среди которых выделены три крупные группы: институциональные, социокультурные, психологические. В каждой из них факторы обозначены по характеру влияния на предпринимательство, в т. ч. положительные и отрицательные.

С методической точки зрения исследование будет основываться на положениях социально-когнитивной теории, предполагающей учет как внешних, так и внутренних факторов. К числу внешних факторов относят деловой климат, уровень коррупции, уровень налогов, количество проверок и процедур, доступность грантов и субсидий на развитие бизнеса, доступность кредитов, к числу внутренних – личные качества предпринимателей, способность к руководству, адаптации в новых условиях, склонность к новаторству (Устинова, Давыдова, 2021). Принцип, связанный с учетом внешних и внутренних факторов, используется нами применительно к данным регионального уровня. Так, например, в рамках регионального мониторинга общественного мнения населения сделан акцент как на внешних факторах, влияющих на осуществление предпринимательской деятельности (наличие финансовой помощи, упрощение налоговой системы, наличие организации, помогающей открыть свое дело, и др.), так и на внутренних (особый предпринимательский склад характера, наличие специальных знаний по управлению предприятием, наличие четкого плана развития).

Еще один принцип, который будет принят во внимание в рамках исследования,

заключается в осуществлении анализа в разрезе федерального и регионального уровней. На федеральном уровне акцент сделан на изменении делового климата, оценке влияния рисков на предпринимательскую деятельность, а также определении условий, оказывающих наибольшее/наименьшее, положительное/отрицательное воздействие на предпринимательство. Выделение факторов с позиций, например, их положительного или отрицательного воздействия, произведено и в части статьи, посвященной теоретическим аспектам. Тем самым подчеркивается взаимосвязанность теоретических и эмпирических аспектов.

Являясь необходимым элементом рыночной экономики, решая важные социально-экономические задачи, малое предпринимательство занимает прочные позиции в деятельности национальных хозяйств развитых стран. Так, малые и средние предприятия производят в США около 40% валового продукта, обеспечивая занятость около половины трудоспособного населения. Аналогичная картина наблюдается в Германии, Канаде, Великобритании, где доля малого бизнеса в производстве составляет 60–80%. В России развитие малого предпринимательства незначительно и неустойчиво, что не позволяет в полной мере реализовывать структурную перестройку экономики РФ.

Результаты социологических исследований НАФИ свидетельствуют, что 74% российских предпринимателей характеризуют роль МСП в развитии российской экономики как очень существенную и важную (рис. 1).

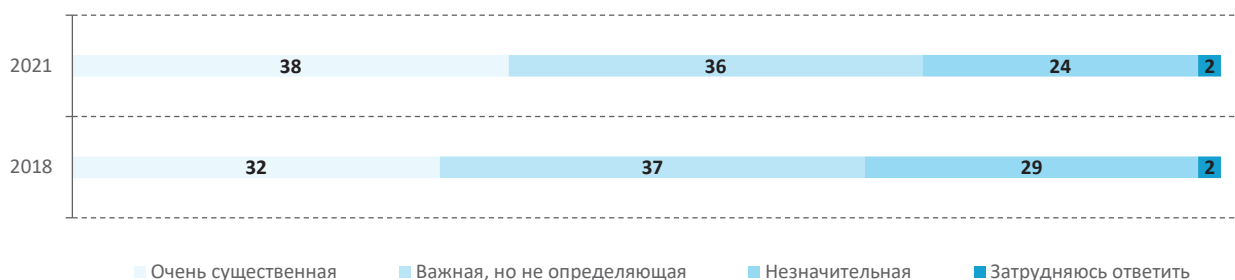

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете роль малого и среднего бизнеса в развитии российской экономики?», % от числа опрошенных

Источник: 1001 мнение российских бизнес-лидеров: 2-я волна исследования PWC и НАФИ.

URL: <https://nafi.ru/analytics/1001-mnenie-rossiyskikh-biznes-liderov-2-ya-volna-issledovaniya-pwc-i-nafi>

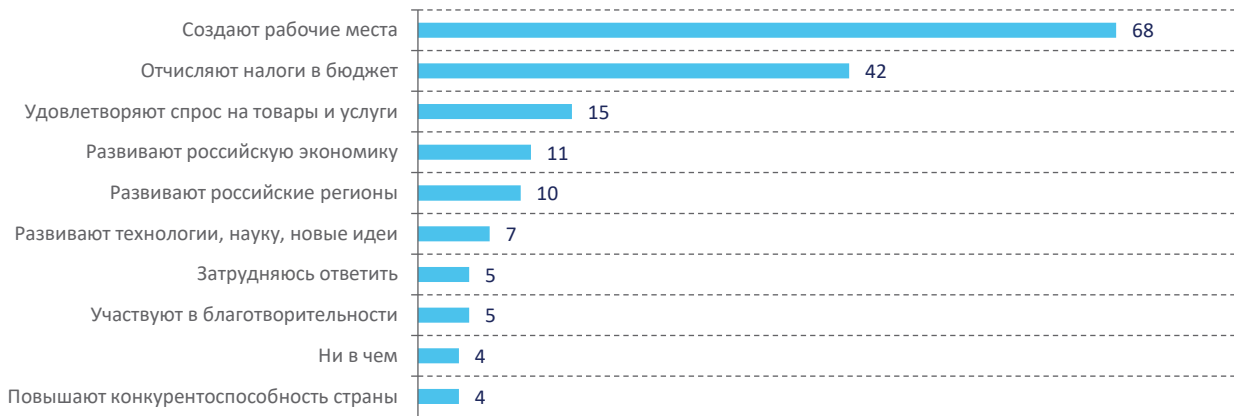

Рис. 2. Вклад бизнеса в развитие страны, % от числа опрошенных

Источник: Как заниматься бизнесом в России.

URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Otchet-Kak-Delat-Biznes-2020-1.pdf> (дата обращения 09.10.2021).

В соответствии с данными Левада-Центра¹, вклад бизнеса в развитие страны заключается в первую очередь в создании рабочих мест (68% опрошенных), отчислении налогов в бюджет (42%). Каждый десятый житель страны придерживается позиции о том, что бизнес способствует развитию национальной и региональной экономики (рис. 2).

В Вологодской области по результатам регионального мониторинга общественного мнения значимость малого и среднего предпринимательства более высоко оценивается населением в крупных городах (Вологда, Череповец) по сравнению с районами. Наибольший вклад, по мнению жителей, малый бизнес вносит в решение проблемы, касающейся создания рабочих мест. В то же время малое и среднее предпринимательство как ресурс для формирования среднего класса характеризуется достаточно сдержанно.

Значимость изучения вопроса, связанного с проблемами предпринимательства, с мерами его поддержки на региональном уровне, во многом обусловлена существующей дифференциацией по показателям его развития в регионах. Так, этому вопросу уделяется внимание в работе (Земцов, 2020), в которой подчеркивается, что за период 2008–2019 гг. более 30% всех новых фирм создавались в Москве (здесь зарегистрировано 13,7% субъ-

ектов МСП), около 10% – в Санкт-Петербурге (~5,9% общего числа). Наибольший прирост также наблюдался в Тюменской (72%), Свердловской (56%) областях, что отчасти объясняется наличием крупных рынков, в то время как в остальных регионах складывалась иная ситуация. В нашей более ранней работе (Теребова, Устинова, 2022) также затрагивался вопрос о существующих межрегиональных различиях (на примере субъектов СЗФО) по показателям развития предпринимательства. Было показано, что в 2021 году в северных регионах (Республике Карелии, Вологодской и Архангельской областях) число ликвидированных субъектов МСП превысило число созданных более чем в два раза, в Мурманской области и Республике Коми – в 3 раза. Также подчеркивалось и воздействие ухудшения внешней среды на ведение предпринимательской деятельности. Отмечалось, например, что в «допандемийный» период (2010–2019 гг.) доля занятых на малых и средних предприятиях возрастала как в целом по стране, так и в регионах СЗФО, за исключением Республики Коми (сокращение на 7%), Мурманской (на 11,3%) и Новгородской (на 14,3%) областей. При этом с апреля 2021 года наблюдается тренд на сокращение среднего количества работников, приходящегося на один субъект МСП. Тем самым отмечена необходимость не только исследования предпри-

¹ Внесен в реестр иностранных агентов.

нимательства как такового, но и условий, оказывающих влияние на эту деятельность, с позиций стимулов и барьеров.

Решение задач, связанных с улучшением условий ведения предпринимательской деятельности, увеличением численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, закреплено в нормативных документах Правительства Российской Федерации. В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства поставлена следующая цель: «развитие сферы малого и среднего предпринимательства как одного из факторов, с одной стороны, инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а с другой – социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости». В качестве ключевого целевого ориентира определено увеличение доли МСП в валовом внутреннем продукте с 20 до 40% к 2030 году. Для достижения данной цели поставлена задача реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство».

Стимулы и барьеры для осуществления предпринимательской деятельности

Как было показано выше, на предпринимательскую деятельность оказывают влияние разные факторы, среди которых внешние, например деловой климат². Также большую роль играет прогноз изменения финансового самочувствия. Эти вопросы исследуются различными аналитическими центрами, в частности НАФИ с 2015 года. Анализ данных позволяет сделать вывод о

распространенности у предпринимателей удовлетворительных оценок текущего состояния своей деятельности, а также о сдержанных прогнозах в отношении его изменения. Так, за 2016–2019 гг. наблюдалось улучшение значений индекса делового климата³ на 8,9 п. п., однако, если брать временной промежуток с 2017 года, то значения индекса практически не менялись, сохраняясь на уровне 18,0–23,3 п. п. (рис. 3).

Оценка текущего состояния и прогноз его изменения зависят от размера организаций, а также от продолжительности их пребывания на рынке. Представители среднего предпринимательства по сравнению с микробизнесом чаще характеризуют свое финансовое положение как хорошее (63% представителей среднего бизнеса оценили финансовое положение как хорошее, 44% представителей микробизнеса – как плохое). Более оптимистичные оценки дают предприниматели, находящиеся на рынке более десяти лет, по сравнению с теми, кто вышел на рынок меньше трех лет назад⁴.

Характеристика текущего и прогнозного состояния бизнеса в ряде случаев зависит от оценки рисков ведения деятельности. В рейтинге рисков первые позиции занимают вопросы снижения спроса и покупательной способности населения, а также налогообложения (39 и 34% предпринимателей соответственно характеризуют риски по данным направлениям как очень высокие). Важная роль отводится институциональным аспектам, связанным с изменениями законодательства и судебной системы (практически треть населения по каждому из приведенных направлений отмечает очень высокие риски; табл. 1). Наряду с этим почти

² Индекс делового климата представляет собой оценку предпринимателями текущего финансового положения их компании и оценку того, как может измениться ее финансовое положение в ближайшие три месяца.

³ Индекс делового климата NBCI (NAFI Business Climate Index) основывается на данных опроса 500 предпринимателей сегмента МСБ. Индекс рассчитывается как среднее геометрическое значение по балансовым оценкам текущей ситуации и будущих ожиданий и может принимать значения в диапазоне от -100 до 100 пунктов. Репрезентативный всероссийский опрос представителей российских предприятий проводится НАФИ ежегодно. Последняя волна опроса проводилась в апреле 2019 года. Опрошено 500 руководящих сотрудников предприятий в 8 федеральных округах России. Критерии разбивки предприятий по размеру установлены согласно Федеральному закону от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Статистическая погрешность не превышает 4,4%.

⁴ Индекс делового климата НАФИ: динамика за 3 месяца. URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-delovogo-klimata-nafi-dinamika-za-3-mesyatsa> (дата обращения 15.09.2022).

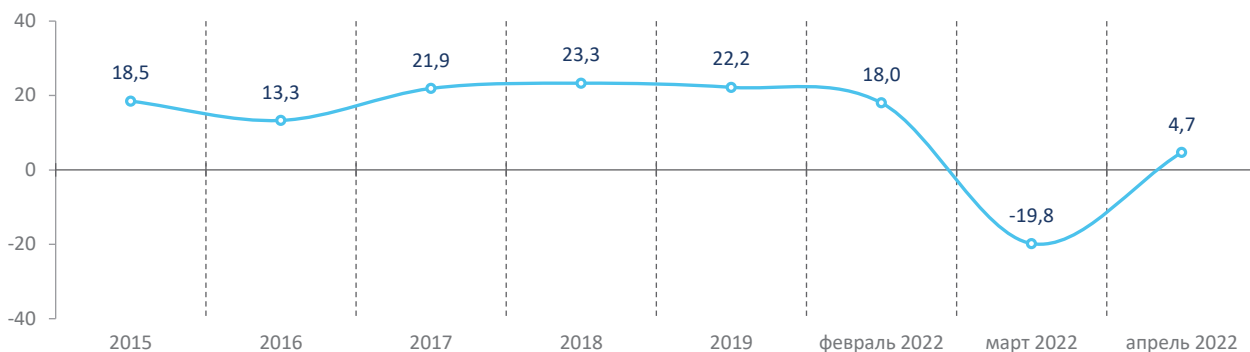

Рис. 3. Индекс делового климата

Источники: Индекс делового климата в 2019 году.

URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-delovogo-klimata-v-2019-godu> (дата обращения 15.09.2022);

Индекс делового климата НАФИ: динамика за 3 месяца. URL: <https://nafi.ru/analytics/indeks-delovogo-klimata-nafi-dinamika-za-3-mesyatsa> (дата обращения 15.09.2022).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Если говорить о российских предпринимателях, какие риски Вы оцениваете как высокие, какие – как незначительные?» (закрытый вопрос, один ответ по строке), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Очень высокие	Высокие	Средние	Низкие	Затрудняюсь ответить	Такого риска сейчас нет
Снижение покупательной способности населения, снижение спроса	39	33	17	7	3	1
Уровень налогообложения	34	36	22	5	2	1
Непредсказуемые изменения законодательства	32	32	21	9	4	2
Несовершенство судебной системы, низкий процент оправдательных приговоров, незащищенность предпринимателя	28	24	24	10	10	4
Коррупционные выплаты при решении административных вопросов	22	26	20	11	13	8
Рост издержек	21	42	25	5	5	2
Монополизация рынка	19	30	31	6	9	5
Возникновение проблем с правоохранительными органами	19	22	26	11	20	2
Высокая частота проверок, высокая активность контрольно-надзорных органов	17	22	36	14	9	2
Нестабильность экономики, возможность дефолта	15	26	24	20	10	5
Снижение объема инвестиций	14	25	26	11	14	10
Конкуренция со стороны теневого рынка	13	16	26	19	21	5
Риски рейдерского захвата	9	16	28	26	19	2
Изменение политической ситуации	7	19	24	22	22	6

Примечание: данные ранжированы по значениям в первом столбце.
 Источник: расширенная подборка данных ВЦИОМ. К тематическому выпуску «Бизнес и предпринимательство». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biznes-v-rossiivzglyad-iznutri>

каждый пятый российский предприниматель обращает внимание на возможные проблемы взаимодействия с правоохранительными органами, на рыночную ситуацию, увеличение издержек.

Схожие аспекты отмечались представителями бизнеса в отношении условий ведения деятельности. Например, более чем в 40% случаев негативное воздействие связывалось с монополизацией рынка, более

чем в 30% случаев – с уровнем цен (табл. 2). Фиксировалось негативное влияние на предпринимательство институциональных аспектов, которые касались нормативно-правового регулирования, защиты прав собственности и функционирования судебной системы. Каждым пятым поднимался вопрос о политической ситуации, положении на рынке труда, в области образования и переподготовки кадров.

Схожие выводы получены на основе анализа экспертных данных в рамках глобального мониторинга предпринимательства в отношении условий развития этого вида деятельности. Среда, в которой функционирует и развивается предпринимательство, может оказывать как благоприятное, так и препятствующее воздействие. Доступность ресурсов, услуг инфраструктурных объектов положительно сказывается на предприни-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что из нижеперечисленного оказывает наибольшее влияние на условия для ведения бизнеса в России? Это влияние положительное или отрицательное?» (закрытый вопрос, один ответ по строке), июль 2019 года, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Однозначно негативное	Скорее негативное	Скорее позитивное	Однозначно позитивное	Не оказывают никакого влияния	Затрудняюсь ответить
Уровень благосостояния населения	50	31	9	4	4	2
Распространенность коррупции	48	24	4	3	17	4
Монополизация рынка	41	29	7	2	16	5
Уровень цен на энергоносители	36	35	6	2	19	2
Уровень защищенности собственника, работа судебной системы	32	30	13	2	16	7
Нормативно-правовое регулирование	29	33	14	2	16	6
Работа контрольно-надзорных органов	27	36	17	2	14	4
Финансовая ситуация, доступность кредитов	25	24	23	5	15	8
Система образования, уровень подготовки кадров	22	36	19	6	13	4
Политическая ситуация, санкции	21	30	12	5	30	2
Внутриполитическая ситуация, стабильность государственной власти	20	23	23	12	16	6
Ситуация на рынке труда, обеспеченность рынка кадрами	19	36	20	6	17	2
Уровень конкуренции на внутреннем рынке	12	20	39	8	17	4
Уровень корпоративного управления	5	16	21	5	30	23
Уровень межстрановой конкуренции	5	13	22	4	41	15

Источник: расширенная подборка данных ВЦИОМ. К тематическому выпуску «Бизнес и предпринимательство». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biznes-v-rossiivzglyad-iznutri>

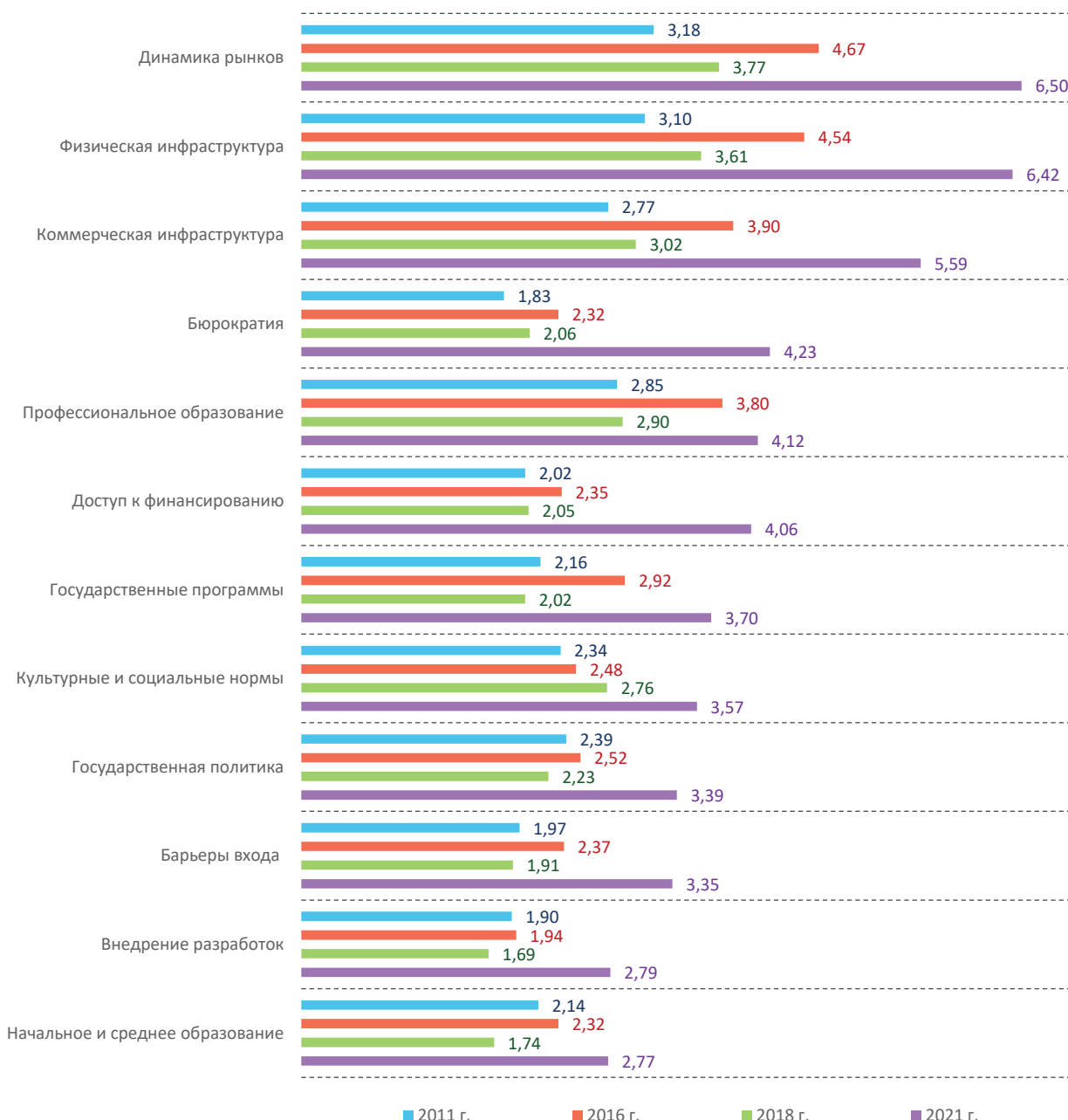

Рис. 4. Средние значения экспертных оценок в отношении факторов развития предпринимательства в России

Примечание: ранжировано по убыванию по данным за 2021 год.

Источники: Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия – 2011: национальный отчет. С. 52; Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия – 2016/2017: национальный отчет. С. 56; Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия – 2021/2022: национальный отчет. С. 89.

мательстве, в то время как чрезмерная зарегулированность и высокие затраты могут иметь противоположные последствия⁵. Судя по экспертным данным, наибольшее воздействие на предпринимательство оказывают ситуация на рынках, инфраструктурные

и бюрократические аспекты. Наряду с этим учитываются вопросы профессионального образования и финансирования (рис. 4).

Вопросы, связанные с условиями ведения предпринимательства, анализируются не только на страновом, но и на реги-

⁵ Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2021/2022: национальный отчет. URL: https://gsom.spbu.ru/images/1/1/otchet_2022_final_1.pdf

Таблица 3. Условия, необходимые для успешного начала предпринимательской деятельности (100% по столбцу), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда		Череповец		Районы		Вологодская область	
	2016 год	2021 год	2016 год	2021 год	2016 год	2021 год	2016 год	2021 год
Наличие финансовой помощи	47,7	48,5	57,6	50,5	38,1	43,0	45,7	46,5
Упрощение налоговой системы	29,2	31,4	28,3	27,2	21,8	28,5	25,5	28,9
Снижение налогового бремени	30,5	27,4	26,0	34,7	19,3	27,4	24,0	29,3
Уменьшение и устранение криминального нажима в сфере малого бизнеса	10,3	16,1	12,4	14,4	8,5	9,5	10,0	12,5
Наличие организации, помогающей открыть свое дело	18,2	23,9	20,5	10,9	10,6	10,9	15,2	14,3
Наличие необходимой справочной информации	11,5	19,1	17,2	14,1	7,1	10,2	10,9	13,6
Наличие помещений, оборудования	22,6	17,8	26,3	23,8	15,5	10,6	20,2	16,1
Другое	1,3	0,3	2,5	1,0	1,0	0,0	1,5	0,3
Затрудняюсь ответить	31,0	35,7	22,7	38,9	47,8	43,6	36,8	40,2

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016, 2021 гг.

ональном уровне, с учетом как внешних, так и внутренних аспектов. Среди условий для открытия бизнеса в Вологодской области практически в половине случаев называлось наличие финансовой помощи. За упрощение налоговой системы и снижение налогового бремени высказывался каждый третий респондент. Остальные аспекты, по оценкам населения, в меньшей степени способны повлиять на открытие бизнеса и успешное ведение предпринимательской деятельности (табл. 3).

Успешное начало предпринимательской деятельности почти в половине случаев связывается с наличием стартового капитала, более чем в трети случаев – с наличием перспективного плана развития своего дела, а также особого склада характера, в четверти случаев – с наличием специальных способностей по управлению предприятием (табл. 4).

Обращаясь к данным на уровне страны в целом, отметим, что среди внутренних факторов одна из важнейших позиций от-

водится образованию и повышению квалификации. Практически в 90% случаев российские предприниматели настроены на совершенствование личностных, деловых и профессиональных качеств⁶. Среди направлений развития более чем в трети случаев заявляется о необходимости цифровых компетенций (38% опрошенных), совершенствовании в области знания законодательства (31%), маркетинга и рекламы (31%) и др. Тем не менее каждый десятый опрошенный предприниматель отмечал отсутствие склонности к обучению, неготовность к получению новых знаний и навыков. Последнее в особенности характерно для: по сферам деятельности – представителей торговли и обрабатывающей промышленности; по размеру предприятий – владельцев микропредприятий; по продолжительности деятельности – опытных предпринимателей, которые осуществляют деятельность в течение более десяти лет (12%)⁷.

⁶ Всероссийский опрос предпринимателей проведен Аналитическим центром НАФИ в июле 2022 года. Опрошены 500 представителей малого и среднего бизнеса всех основных отраслей экономики во всех федеральных округах РФ. В качестве респондентов выступали собственники бизнеса, первые лица компаний и индивидуальные предприниматели.

⁷ Предпринимателям не хватает цифровых компетенций и знаний законодательства. URL: <https://naf1.ru/analytics/predprinimatelyam-ne-khvataet-tsifrovyykh-kompetentsiy-i-znaniy-zakonodatelstva> (дата обращения 15.09.2022).

Таблица 4. Условия, необходимые для успешного начала предпринимательской деятельности (100% по столбцу), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологда		Череповец		Районы		Вологодская область	
	2016 год	2021 год	2016 год	2021 год	2016 год	2021 год	2016 год	2021 год
Стартовый капитал	69,2	53,5	79,8	43,8	61,9	53,3	68,5	50,8
Особый предпринимательский склад характера	50,3	40,2	46,0	33,4	30,4	32,5	39,7	34,8
Наличие четкого плана развития собственного бизнеса на перспективу	39,0	36,2	39,9	27,2	25,8	24,2	32,9	28,2
Личные связи в органах власти или ведомственных структурах	27,2	18,1	25,8	19,3	23,2	17,5	24,9	18,1
Наличие специальных знаний по управлению предприятием, маркетингу, финансовому планированию, управлению персоналом	29,7	27,4	30,3	26,7	24,6	23,8	27,5	25,5
Наличие команды специалистов и работников нужной квалификации	31,3	26,4	36,1	26,2	16,8	11,6	25,7	19,5
Личные связи и поддержка со стороны действующих предпринимателей	23,6	20,1	23,0	10,6	11,3	11,3	17,6	13,5
Предварительная договоренность с будущими поставщиками и покупателями о совместных действиях	23,8	16,6	23,0	9,4	8,5	10,6	16,3	11,9
Возможность взять необходимое оборудование в аренду, лизинг	27,4	16,1	25,8	17,8	16,2	9,9	21,7	13,7
Доступ к производственным и офисным помещениям	19,2	11,6	20,5	11,4	10,9	4,6	15,6	8,3
Затрудняюсь ответить	16,2	29,1	10,9	34,9	27,2	40,0	20,0	35,7

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2016, 2021 гг.

Склонность к предпринимательству обуславливается действием не только внешних факторов, но и внутренних, среди которых рассматривается отношение населения к предпринимательству. Данные регионального исследования позволяют заключить, что последнее сказывается на вовлеченности в этот вид деятельности, а также на оценке возможностей решать возникающие проблемы. В группе респондентов, поддерживающих позицию по поводу влияния вовлеченности в предпринимательскую деятельность на решение проблем (например, создания новых рабочих мест, насыщения региона товарами и услугами), практически в половине случаев были распространены положительные оценки. Среди выражающих скорее положительное отношение к мало-

му предпринимательству в 56–65% случаев (в зависимости от заявленной позиции) встречалась точка зрения о том, что деятельность предпринимателей может способствовать частичному решению проблем (табл. 5).

Положительное отношение к малому предпринимательству, а также понимание того, что вовлеченность в данный вид деятельности способствует решению проблемных вопросов, сказывается на склонности к открытию своего дела. В такой ситуации население в половине случаев рассматривает возможность организации бизнеса. В то же время отрицательное и скорее отрицательное отношение в 80% случаев, напротив, не приводит к распространенности малого предпринимательства (табл. 6).

Таблица 5. Степень решения проблем в зависимости от отношения к малому предпринимательству (100% по строке), % от числа опрошенных

Отношение к малому предпринимательству	Степень, в которой предприятия могут решать проблемы			
	в полной мере	частично	не решают	затрудняюсь ответить
Создание новых рабочих мест				
Положительно	50,0	39,8	5,3	5,0
Скорее положительно	16,0	65,1	9,3	9,5
Скорее отрицательно	3,0	24,2	46,5	26,3
Отрицательно	6,2	11,5	54,0	28,3
Формирование среднего класса				
Положительно	33,9	43,9	8,5	13,7
Скорее положительно	12,0	56,4	15,1	16,4
Скорее отрицательно	2,0	21,2	39,4	37,4
Отрицательно	3,5	12,4	54,9	29,2
Насыщение области товарами				
Положительно	49,1	37,4	7,0	6,4
Скорее положительно	15,8	61,2	10,2	12,9
Скорее отрицательно	3,0	34,3	27,3	35,4
Отрицательно	3,5	8,8	55,8	31,9
Насыщение области услугами				
Положительно	50,3	36,5	6,1	7,0
Скорее положительно	15,8	60,4	9,3	14,5
Скорее отрицательно	3,0	31,3	30,3	35,4
Отрицательно	3,5	8,8	56,6	31,0
Увеличение бюджетных поступлений				
Положительно	36,5	40,1	11,7	11,7
Скорее положительно	8,9	50,6	21,8	18,7
Скорее отрицательно	6,1	14,1	45,5	34,3
Отрицательно	0,0	7,1	47,8	45,1
Эти проблемы могут решить только крупные предприятия				
Положительно	32,7	35,4	10,2	21,6
Скорее положительно	33,2	27,2	10,6	29,0
Скорее отрицательно	21,2	13,1	29,3	36,4
Отрицательно	7,1	7,1	38,1	47,8

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2021 год.

Таблица 6. Склонность к открытию своего дела в зависимости от отношения к малому предпринимательству (100% по строке), % от числа опрошенных

Отношение к малому предпринимательству	Считаете ли Вы для себя возможным и реальным при благоприятных обстоятельствах открыть свое дело, заняться бизнесом?					
	да	скорее да, чем нет	скорее нет, чем да	нет	затрудняюсь ответить	я уже веду свой бизнес
Положительно	20,8	28,4	9,9	26,3	9,6	5,0
Скорее положительно	3,7	20,1	14,1	49,0	12,2	0,8
Скорее отрицательно	3,0	16,2	15,2	52,5	12,1	1,0
Отрицательно	0,9	0,9	16,8	63,7	17,7	0,0

Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области, ВолНЦ РАН, 2021 год.

Наряду с выявленными проблемными аспектами существует потенциал для распространения и развития предпринимательства. Большую роль в этом играют меры поддержки, которые разрабатываются и реализуются на федеральном и региональном уровнях. Следует подчеркнуть, что в России определены нормативно-правовые и организационные основы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Разработанные меры носят как материальный, так и нематериальный характер. Среди последних обращает на себя внимание формирование сети инфраструктурных организаций, деятельность которых направлена на предоставление информационно-консультационной и имущественной поддержки предпринимательства, создание государственного института развития малого и среднего предпринимательства («Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства»), формирование единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, содержащего данные о типах предпринимательства, видах деятельности, производимой продукции и др.⁸

⁸ О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации: Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202>

Помимо мер нематериального характера значимая роль отводится материальным мерам. Так, например, выше нами было показано, что среди условий для успешного начала предпринимательской деятельности первые позиции занимали те, которые связаны с предоставлением финансовой помощи, упрощением налоговой системы и снижением налогового бремени. На региональном уровне можно говорить о реализации программ финансовой поддержки, предполагающих возможность получения субсидий для возмещения затрат на ведение бизнеса, гарантий по кредитам или предоставления кредитов на льготных условиях и др. В региональном разрезе распространяется поручительство по кредитным и лизинговым договорам посредством деятельности гарантийных фондов при оформлении предпринимателем кредита или заключении договора с лизинговой компанией. Среди предпринимателей спросом пользуется компенсация части процентов по кредитам за счет государства, которая определяется как размером кредита, так и действующей ставкой рефинансирования. Весьма популярным видом помощи субъектам малого предпринимательства со стороны государства является компенсация части платежей по лизинговым договорам и др. (Головецкий и др., 2018, с. 74–75).

Наряду с обозначенными положительными аспектами существуют и отрицательные, среди которых называют отмену льготы по налогу на имущество организаций для плательщиков специальных налоговых режимов, введение торговых сборов, произвольные изменения схем размещения нестационарных торговых объектов в отдельных субъектах Российской Федерации. В этих и ряде других случаев не в полной мере принимаются во внимание интересы малых и средних предприятий. Кроме того, речь все чаще заходит о «налоговом маневре», передаче на местный уровень существенной доли налоговых поступлений от предпринимательской деятельности. Это создаст потенциал и предпосылки для распространения и развития предпринимательства на региональном уровне.

Заключение

В работе проведено структурирование факторов, оказывающих воздействие на осуществление предпринимательской деятельности. Наряду с материальными факторами выделено три группы нематериальных факторов (институциональные, социокультурные, психологические), в каждой из групп факторы охарактеризованы с позиций положительного и отрицательного воздействия на предпринимательство и, тем самым, стимулов и барьеров для осуществления этого типа деятельности. Показана роль институциональных аспектов в успешном осуществлении предпринимательства, которая связывается с нормативно-правовым регулированием, функционированием судебной системы, защитой прав собственности.

В исследовании отмечено, что склонность к предпринимательству обусловлена как внешними, так и внутренними факторами, что соотносится с положениями социально-когнитивной теории. В числе и первых, и вторых могут быть выделены стимулы и барьеры к осуществлению предпринимательской деятельности. Сам принцип, связанный с учетом внешних и внутренних факторов, реализован на данных регионального мониторинга общественного мнения населения, в рамках которого выделена как первая (наличие финансовой помощи, упрощение налоговой системы, наличие организации, помогающей открыть свое дело, и др.), так и вторая группа факторов.

На материалах регионального мониторинга общественного мнения по Вологодской области показано, что важная роль при открытии бизнеса и ведении предпринимательской деятельности отводится материальным факторам, причем относительно и внешних, и внутренних. В первом случае внимание акцентировалось на наличии финансовой помощи (половина опрошенных уделяла внимание этому аспекту), упрощении налоговой системы и снижении налогового бремени (треть опрошенных); во втором случае речь шла про наличие стартового капитала.

С учетом обозначенных выше аспектов отметим необходимость совершенствования мер поддержки предпринимательства, обеспечения их системной интеграции (Виленский, 2021). Это должно находить проявление в координации политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в ее согласованности с общестрановыми целями, закрепленными в стратегии социально-экономического развития. На региональном уровне следует соблюдать схожий принцип: меры поддержки должны соотноситься с региональной стратегией. Реализация стратегических целей и задач на региональном уровне предполагает наличие ресурсов, на уровень регионов необходимо передавать больший, чем в настоящее время, объем финансовых ресурсов (Виленский, 2021). Подобные мероприятия должны согласовываться с формированием центра финансово-кредитной поддержки предпринимательства, деятельность которого была бы направлена на обслуживание как предпринимательства как такового, так и высокотехнологичного сектора.

Учитывая обозначенные выше аспекты, влияющие на деятельность предпринимательства, отметим важную роль общесистемных и отраслевых мероприятий, которые были бы связаны со снижением административных барьеров и развитием конкуренции на разных типах рынков. Уменьшение негативного влияния барьеров смогло бы оказать положительное воздействие на включенность предпринимательства в те или иные ниши как на региональных, так и на муниципальных рынках. Тем самым проектируемые и реализуемые меры поддержки предпринимательского сообщества должны быть ориентированы на рыночную конъюнктуру, учитывать динамику рыночных

процессов и процессов регионального развития. Обеспечение системной интеграции мер поддержки предпринимательства связывают с информационным, юридическим сопровождением реализуемых предпринимателями проектов. Синхронизация информационных потоков и достижение согласованности между приоритетами и стратегическими целями связывается с налаживанием взаимодействия между органами власти на разных уровнях⁹.

Несмотря на обозначенные выше положительные аспекты, существуют риски в отношении предоставления мер поддержки. Подобное может приводить к снижению эффективности предпринимательства, к занятию рыночных ниш предпринимателями, получившими государственную поддержку. В ряде случаев могут не учитываться территориальные и отраслевые особенности функционирования предпринимательства, а осуществление поддержки «сверху» за счет предоставления льгот и субсидий может не всегда сопровождаться экономическим ростом, т. к. экономическому росту способствует деятельность далеко не всех предпринимателей, а преимущественно тех, которые функционируют на территориях, отличающихся благоприятной внешней средой для осуществления деятельности. Еще одна группа рисков связана с тем, что распространенность льгот, направленных на поддержку малых и микропредприятий, может создавать стимулы к дроблению бизнеса (Земцов и др., 2020). Тем самым необходимо учитывать не только текущее и прогнозируемое состояние предпринимательства в стране и регионе, но и условия для осуществления этого типа деятельности, а также возможные риски для реализации предпринимательства.

⁹ О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 года и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации: Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202>

ЛИТЕРАТУРА

- Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А. (2022). Развитие креативной экономики России в контексте современных вызовов // Журнал НЭА. № 2 (54). С. 213–220.
- Бессонова Е.В., Цветкова А.Н. (2020). Рост производительности и выход неэффективных предприятий с рынков // Журнал НЭА. № 4 (48). С. 185–196.
- Виленский А.В. (2021). К вопросу о влиянии малого и среднего предпринимательства на развитие российских регионов: реалии и возможности // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 24–38.
- Вольчик В.В. (2012). Государственное регулирование предпринимательской деятельности: проблемы институциональных барьеров // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). Т. 3. № 3. С. 52–62.
- Головецкий Н.Я., Гребеник В.В., Кохановская И.И. (2018). Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России на федеральном и региональном уровнях // Вестник университета. № 12. С. 71–76.
- Земцов С.П. (2020). Институты, предпринимательство и региональное развитие в России // Журнал НЭА. № 2 (46). С. 168–180.
- Земцов С.П., Царева Ю.В. (2018). Предпринимательская активность в регионах России: насколько пространственные и временные эффекты детерминируют развитие малого бизнеса // Журнал НЭА. № 1 (37). С. 145–165.
- Земцов С.П., Чепуренко А.Ю., Баринаева В.А., Красносельских А.Н. (2020). Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года // Вопросы экономики. № 10. С. 44–67.
- Полбин А.В., Шумилов А.В. (2020). Предпринимательство, накопление богатства и ограничения заимствования: обзор зарубежных исследований // Российский журнал менеджмента. № 18 (3). С. 313–334.
- Теребова С.В., Устинова К.А. (2022). Малый и средний бизнес в новых экономических условиях // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 107–123. DOI:10.37614/2220-802X.2.2022.76.009
- Устинова К.А., Давыдова А.А. (2021). Предпринимательские намерения населения: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. № 1. Т. 9. С. 1–15.
- Шлафман А.И. (2012). Развитие предпринимательских структур // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. № 1. С. 247–250.
- Andrews D., Criscuolo C., Gal P. (2016). *The Global Productivity Slowdown, Technology Divergence and Public Policy: A Firm Level Perspective*. OECD Productivity Working Papers, 5.
- Audretsch D.B., Grilo I., Thurik A.R. (2007). *Handbook of Research on Entrepreneurship Policy*. Edward Elgar: Cheltenham, UK.
- Bandura A. (2000). Cultivate self-efficacy for personal and organizational effectiveness. In: E.A. Locke (ed.). *Handbook of Principles of Organization Behaviour*. Oxford: Blackwell, 120–136.
- Banerjee A.V., Newman A.F. (1993). Occupational choice and the process of development. *Journal of Political Economy*, 101 (2), 274–298.
- Bates T. (1997). *Race, Self-Employment, and Upward Mobility*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
- Birch D. (1987). *Job Creation in America: How our Smallest Companies Put the Most People to Work*. New York: The Free Press.
- Boer A., Thomas R., Webster M. (1997). *Small Business Management: A Resource Based Approach for the Hospitality and Tourism Industries*. London: Cassell Wellington House.
- Burt R.S. (1992). *Structural Holes*. Cambridge: Harvard University Press, 1992.

- Cardon M.S., Foo M.-D., Shepherd D., Wiklund J. (2012). Exploring the heart: Entrepreneurial emotion is a hot topic. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 36 (1), 1–10.
- Chell E., Hawort J.M., Brearley S. (1991). *The Entrepreneurial Personality*. London: Routledge.
- Gamberoni E., Giordano C., Lopez-Garcia P. (2016). *Capital and Labour (Mis)Allocation in the Euro-Area: Stylised Facts and Possible Determinants*. ECB Working Paper Series, 349.
- Hansen E.L. (1995). Entrepreneurial networks and new organization growth. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 19 (4), 7–19.
- Hayton J.C., George G., Zahra S.A. (2002). National culture and entrepreneurship: A review of behavioural research. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 26 (4), 33–52.
- Hofstede G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: SAGE.
- Kuratko D.F., Hodgetts R.N. (1998). *Entrepreneurship: A Contemporary Approach*. Orlando, U.S.A.: The Dryden Press, Harcourt Brace College Publisher.
- Larson A. (1992). Network dyads in entrepreneurial settings: A study of the governance of exchange relations. *Administrative Science Quarterly*, 37, 76–104.
- Light I. (1984) Immigrant and ethnic enterprise in North America. *Ethnic and Racial Studies*, 7, 195–216.
- Lorenzoni G., Lipparini A. (1999). The leveraging of inter-firm relationships as a distinctive organizational capability: A longitudinal study. *Strategic Management Journal*, 20 (4), 317–338.
- Mayer C., Siegel D.S., Wright M. (2018). Entrepreneurship: An assessment. *Oxford Review of Economic Policy*, 34 (4), 517–539.
- McGrath R.G., Macmillan I.C., Ai-Yuan Yang E., Tsai W. (1992) Does culture endure or is it malleable? *Journal of Business Venturing*, 7, 441–458.
- Neck C.P., Neck H.M., Manz C.C., Godwin J. (1999). «I think I can; I think I can»: A self-leadership perspective toward enhancing entrepreneur through patterns, self-efficacy, and performance. *Journal of Managerial Psychology*, 14 (6), 477–501.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Podoyntsyna K., Van der Bij H., Song M. (2012). The role of mixed emotions in the risk perception of novice and serial entrepreneurs. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 36 (1), 115–140.
- Ronstadt R. (1984). *Entrepreneurship: Text, Cases, and Notes*. Dover, MA: Lord Publishing.
- Schumpeter J. (1934). *The Theory of Economic Development*. Harvard University Press: Cambridge.
- Zhao H., Seibert S., Hills G. (2005). The mediating role of self-efficacy in the development of entrepreneurial intentions. *Journal of Applied Psychology*, 90 (6), 1265–1272.
- Zimmer C., Aldrich H.E. (1987). Resource mobilization through ethnic networks: Kinship and friendship ties of shopkeepers in England. *Sociological Perspectives*, 30, 422–445.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Ustinova K.A.

ANALYZING BUSINESS ACTIVITY FROM THE PERSPECTIVE OF INCENTIVES AND BARRIERS

The article considers entrepreneurship as a driver of economic development that influences transformations. We highlight problems arising due to the insufficient level of development of entrepreneurship in Russia as compared to that in Europe, and also due to regional differences caused by socio-economic and institutional aspects. The research is aimed at identifying the incentives and barriers that influence the successful start of entrepreneurial activity, its progress and development. The paper structures the factors affecting entrepreneurship, taking into account their scope (special attention is paid to institutional, socio-cultural and psychological factors) and the nature of the influence (positive and negative). We use socio-cognitive theory, general scientific research methods and data from the federal and regional levels to analyze entrepreneurship from the standpoint of incentives and barriers affecting it. We show that representatives of the business environment tend to give satisfactory assessments of the current state of business and cautious forecasts regarding its development. We conclude that the assessments of the current state and prospects of development depend on the size of the organization, duration of its functioning in the market, and on the risks of doing business due to changes in the market situation, demand, and people's purchasing power. We emphasize the role of institutional aspects caused by changes in legislation and the judicial system. At the regional level, the propensity to entrepreneurship is influenced by financial aspects, the tax system and the tax burden, the fact whether an individual has a long-term plan for the development of their business, as well as special type of character and abilities to manage an enterprise. As a practical significance of the study, we note the need for system-wide integration of measures to support entrepreneurship, information, legal support of projects implemented by entrepreneurs, synchronization of information flows and achieving consistency between priorities and strategic goals.

Region, entrepreneurship, incentives, barriers, state support measures.

REFERENCES

- Andrews D., Criscuolo C., Gal P. (2016). *The Global Productivity Slowdown, Technology Divergence and Public Policy: A Firm Level Perspective*. OECD Productivity Working Papers, 5.
- Audretsch D.B., Grilo I., Thurik A.R. (2007). *Handbook of Research on Entrepreneurship Policy*. Edward Elgar: Cheltenham, UK.
- Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A. (2022). Development of the creative economy of Russia in the context of modern challenges. *Zhurnal NEA=Journal of the New Economic Association*, 2(54), 213–220 (in Russian).
- Bandura A. (2000). Cultivate self-efficacy for personal and organizational effectiveness. In: E.A. Locke (ed.). *Handbook of Principles of Organization Behaviour*. Oxford: Blackwell, 120–136.
- Banerjee A.V., Newman A.F. (1993). Occupational choice and the process of development. *Journal of Political Economy*, 101 (2), 274–298.
- Bates T. (1997). *Race, Self-Employment, and Upward Mobility*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
- Bessonova E.V., Tsvetkova A.N. (2020). Productivity growth and withdrawal of inefficient enterprises from the markets. *Zhurnal NEA=Journal of the New Economic Association*, 4(48), 185–196 (in Russian).
- Birch D. (1987). *Job Creation in America: How our Smallest Companies Put the Most People to Work*. New York: The Free Press.

- Boer A., Thomas R., Webster M. (1997). *Small Business Management: A Resource Based Approach for the Hospitality and Tourism Industries*. London: Cassell Wellington House.
- Burt R.S. (1992). *Structural Holes*. Cambridge: Harvard University Press.
- Cardon M.S., Foo M.-D., Shepherd D., Wiklund J. (2012). Exploring the heart: Entrepreneurial emotion is a hot topic. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 36(1), 1–10.
- Chell E., Hawort J.M., Brearley S. (1991). *The Entrepreneurial Personality*. London: Routledge.
- Gamberoni E., Giordano C., Lopez-Garcia P. (2016). *Capital and Labour (Mis)Allocation in the Euro-Area: Stylised Facts and Possible Determinants*. ECB Working Paper Series, 349.
- Golovetskii N.Ya., Grebenik V.V., Kokhanovskaya I.I. (2018). State support of small and medium entrepreneurship in Russia at federal and regional levels. *Vestnik universiteta*, 12, 71–76 (in Russian).
- Hansen E.L. (1995). Entrepreneurial networks and new organization growth. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 19(4), 7–19.
- Hayton J.C., George G., Zahra S.A. (2002). National culture and entrepreneurship: A review of behavioural research. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 26(4), 33–52.
- Hofstede G. (1980). *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills, CA: SAGE.
- Kuratko D.F., Hodgetts R.N. (1998). *Entrepreneurship: A Contemporary Approach*. Orlando, U.S.A.: The Dryden Press, Harcourt Brace College Publisher.
- Larson A. (1992). Network dyads in entrepreneurial settings: A study of the governance of exchange relations. *Administrative Science Quarterly*, 37, 76–104.
- Polbin A.V., Shumilov A.V. (2020). Entrepreneurship, wealth accumulation and borrowing constraints: Foreign research experience. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta=Russian Management Journal*, 18(3), 313–334 (in Russian).
- Shlafman A.I. (2012). Development of entrepreneurial structures. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki=St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 1, 247–250 (in Russian).
- Terebova S.V., Ustinova K.A. (2022). Small and medium-sized businesses in the new economic environment. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka=The North and the Market: Forming an Economic Order*, 2, 107–123. DOI:10.37614/2220-802X.2.2022.76.009 (in Russian).
- Ustinova K.A., Davydova A.A. (2021). Population's entrepreneurial intentions: A theoretical aspect). *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 9(1), 1–15 (in Russian).
- Vilenskii A.V. (2021). On the question of the impact of small and medium-sized entrepreneurship on the development of Russian regions: Realities and opportunities. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 4, 24–38 (in Russian).
- Volchik V.V. (2012). State regulation of entrepreneurial activity: Problems of institutional barriers. *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki)*, 3(3), 52–62 (in Russian).
- Zemtsov S.P. (2020). Institutes, entrepreneurship and regional development in Russia. *Zhurnal NEA=Journal of the New Economic Association*, 2(46), 168–180 (in Russian).
- Zemtsov S.P., Chepurenko A.Yu., Barinova V.A., Krasnosel'skikh A.N. (2020). New entrepreneurship policy in Russia after the 2020 crisis. *Voprosy ekonomiki*, 10, 44–67 (in Russian).
- Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. (2018). Entrepreneurial activity in the regions of Russia: How spatial and temporal effects determine the development of small business. *Zhurnal NEA=Journal of the New Economic Association*, 1(37), 145–165 (in Russian).
- Light I. (1984) Immigrant and ethnic enterprise in North America. *Ethnic and Racial Studies*, 7, 195–216.
- Lorenzoni G., Lipparini A. (1999). The leveraging of inter-firm relationships as a distinctive organizational capability: A longitudinal study. *Strategic Management Journal*, 20(4), 317–338.

- Mayer C., Siegel D.S., Wright M. (2018). Entrepreneurship: An assessment. *Oxford Review of Economic Policy*, 34(4), 517–539.
- McGrath R.G., Macmillan I.C., Ai-Yuan Yang E., Tsai W. (1992) Does culture endure or is it malleable? *Journal of Business Venturing*, 7, 441–458.
- Neck C.P., Neck H.M., Manz C.C., Godwin J. (1999). «I think I can; I think I can»: A self-leadership perspective toward enhancing entrepreneur through patterns, self-efficacy, and performance. *Journal of Managerial Psychology*, 14(6), 477–501.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Podoyntsina K., Van der Bij H., Song M. (2012). The role of mixed emotions in the risk perception of novice and serial entrepreneurs. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 36(1), 115–140.
- Ronstadt R. (1984). *Entrepreneurship: Text, Cases, and Notes*. Dover, MA: Lord Publishing.
- Schumpeter J. (1934). *The Theory of Economic Development*. Harvard University Press: Cambridge.
- Zhao H., Seibert S., Hills G. (2005). The mediating role of self-efficacy in the development of entrepreneurial intentions. *Journal of Applied Psychology*, 90(6), 1265–1272.
- Zimmer C., Aldrich H.E. (1987). Resource mobilization through ethnic networks: Kinship and friendship ties of shopkeepers in England. *Sociological Perspectives*, 30, 422–445.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: СЕНТЯБРЬ 2022 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.11 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

По данным Росстата, как во II, так и в III квартале 2022 года фиксируется спад ВВП в объеме 4% (рис. 1). Согласно предварительной оценке Минэкономразвития снижение показателя в январе – сентябре составило 2%.

❗ В октябре 2022 года ухудшился индекс предпринимательской уверенности в сфере

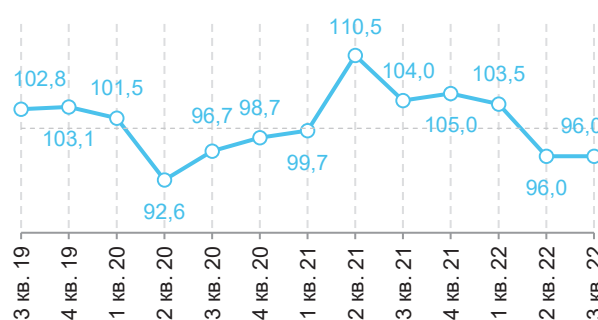

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

добычи полезных ископаемых (рис. 2). Негативные ожидания сохраняются также в обрабатывающей промышленности, сфере услуг и строительстве.

1. Производство валового продукта

➡ Выпуск **промышленности** в РФ в январе – сентябре¹ вырос на 0,4% (табл. 1).

Для цитирования: Сидоров М.А. (2022). Мониторинг экономики: сентябрь 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 185–194. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.11

For citation: Sidorov M.A. (2022). Monitoring of the economy in September 2022. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 185–194. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.11

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – сентябрь 2022 года сопоставляется с январем – сентябрем 2021 года.

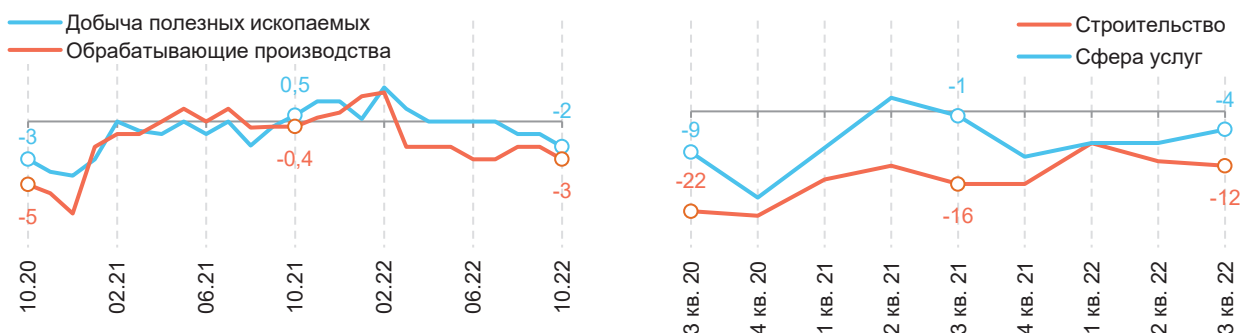

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	Р**
Промышленное производство						
РФ	105,8	106,4	105,1	101,3	100,4	-
ВО	100,8	101,7	99,5	95,8	95,6	63
АО	100,3	102,4	112,3	108,3	108,0	13
РКО	98,9	101,4	108,1	105,6	104,7	19
МО	103,8	105,9	110,2	108,2	99,0	47
РКА	101,3	102,7	98,2	95,0	93,0	72
Добыча полезных ископаемых						
РФ	102,7	104,2	107,3	102,9	101,9	-
ВО	88,9	100,3	113,1	95,7	98,9	45
АО	103,2	104,4	121,7	115,0	113,3	8
РКО	95,6	99,2	111,9	108,4	107,6	15
РКА	103,4	104,1	100,5	95,2	94,5	55
МО	94,2	95,6	96,6	93,6	92,5	63
Обрабатывающие производства						
РФ	107,2	107,3	104,7	100,3	99,5	-
ВО	101,8	102,3	98,3	94,2	94,4	66
МО	108,5	111,2	121,6	117,5	101,5	32
АО	93,4	97,9	99,1	97,6	99,6	46
РКО	109,4	108,3	99,6	98,4	96,8	63
РКА	99,6	101,7	96,8	94,1	91,1	71
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)						
РФ	123,6	128,5	110,2	104,6	100,4	-
ВО	155,6	148,6	103,4	90,0	76,6	4
РКО	130,2	143,0	108,1	93,0	90,7	8
РКА	135,8	131,6	110,9	99,3	92,8	11
АО	123,9	130,1	113,9	107,0	100,6	26
МО	125,3	106,4	124,9	103,4	106,5	48

* Здесь и далее курсивом выделены показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.
 ** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – сентябре 2022 года (если не оговорено иное).

Стабилизирующим фактором стало увеличение производства в сфере добычи полезных ископаемых (на 1,9%), тогда как выпуск обрабатывающей промышленности сократился на 0,5%.

❗ В Вологодской области отмечен спад промышленного производства на 4,4%, обрабатывающей индустрии – на 5,6%. В других регионах-металлургах динамика промышленного производства также была негативной: в Кемеровской области зафиксировано снижение показателя на 5,5%, в Челябинской – на 1,5%, в Липецкой – на 1,1%.

📈 В целом по России **цены производителей промышленных товаров** увеличились лишь на 0,4% к декабрю предыдущего года в сравнении с 23,6% годом ранее, при этом снижение показателя в III квартале компенсировало всплеск промышленной инфляции II квартала. В Вологодской области цены на промышленные товары снизились на 23,4%, что во многом связано с обрушением цен на металлопрокат (см. табл. 10–11).

Отрасли обрабатывающей промышленности продемонстрировали нарастание различий в динамике производства. В частности, в **секторе промышленности конечного спроса** отмечено замедление роста выпуска.

📈 Пищевая промышленность в целом по России увеличила производство на 0,6% (табл. 2). Существенный прирост отмечен в сфере производства мясных консервов (на 25,4%), растительного и сливочного масла (на 18,6 и 11,6% соответственно), круп (на 10,6%). Тормозят позитивную динамику от-

расли, производящие продукцию рыбной промышленности: спад выпуска соленой рыбы составил 11,1%, мороженой рыбы – 9,4%, рыбных пресервов – 8,8%.

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.
Пищевое производство					
РФ	103,9	104,8	104,0	101,6	100,6
ВО	101,1	100,3	96,3	90,4	98,1
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	109,2	109,8	108,2	104,1	102,8
ВО	111,8	109,0	101,5	87,0	94,6
Химическое производство					
РФ	108,3	108,2	106,7	103,1	102,0
ВО	97,9	101,1	102,2	103,1	105,1
Металлургическое производство					
РФ	104,6	104,6	104,2	99,6	101,4
ВО	101,9	100,2	96,0	89,8	88,7
Деревообработка					
РФ	113,0	111,6	102,8	95,5	89,6
ВО	104,9	103,5	100,5	96,5	90,7
Машиностроение					
РФ	114,7	111,0	102,1	95,9	93,3
ВО	85,1	83,4	93,8	104,5	103,8
Производство строительных материалов					
РФ	109,2	109,2	111,0	105,6	102,6
ВО	103,0	114,7	164,9	105,4	107,7

- ❖ В Вологодской области выпуск пищевой промышленности снизился на 1,9%, в том числе мороженой рыбы было произведено меньше в 2,5 раза, свинины – на 17,2%, молочной продукции – на 8,7%. При этом сливочного масла было произведено больше на 21,5%, шоколада – на 14,8%, напитков – на 6%.
- ⬆️ Выпуск целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности РФ вырос на 2,8%, что отчасти объясняется увеличением производства полиграфических услуг (на 10,6%), бумажных полотенец (на 27,9%) и коробок из гофрированного картона (на 9,9%). При этом существенно снизилось производство обоев (на 19,4%) и тарного картона (на 6,3%).
- ❖ В Вологодской области отрасль продемонстрировала существенное ухудшение

показателей: выпуск снизился на 5,4%, в частности бумаги и картона было произведено меньше на 9,4%.

Отрасли **сектора промышленности промежуточного спроса** продемонстрировали разнонаправленную динамику.

- ⬆️ Химическая индустрия в целом по стране увеличила производство на 2%. Значимый прирост выпуска отмечен в сфере фармацевтической продукции (на 21,5%), при этом зафиксирован спад в производстве искусственных волокон на 29,8%. В Вологодской области индекс производства продукции химической промышленности составил 105,1%, на что оказало влияние расширение выпуска кислорода (на 9%) и азотных удобрений (на 8,6%).
 - ⬆️ Металлургическое производство страны выросло на 1,4%. Локомотивом позитивной динамики стали отрасли, выпускающие нержавеющую сталь (продемонстрировав прирост выпуска на 18,3%), обсадные бесшовные стальные трубы (на 20,8%), а также конструкции из алюминия (на 25,5%).
 - ❖ В Вологодской области металлургия сократила производство на 11,3% под влиянием спада выпуска готовой металлопродукции на 13%, стальных труб и профилей – на 21,9%, металлопроката – на 17,4%.
 - ❖ Деревообрабатывающая промышленность страны показала наибольший спад производства среди отраслей обрабатывающей промышленности (на 10,4%). Основное снижение пришлось на строительные материалы, к примеру, выпуск фанеры и паркета сократился на 25,4 и 23,4% соответственно. В Вологодской области выпуск деревообрабатывающей индустрии сократился на 9,3%, что объясняется спадом производства фанеры (на 20,6%), деревянных окон и домов заводского изготовления (на 53,2 и 11,9% соответственно), при этом отмечен прирост производства деревянных дверей на 16,8%.
- Сектор промышленности инвестиционного спроса** во многом был подвержен влиянию структурных трансформаций, происходящих в экономике.
- ❖ Выпуск российского машиностроения снизился на 6,7%, в частности волоконно-оптических кабелей – на 34%, легковых автомобилей – на 65,9%, грузовых – на 20,4%. В то

же время компьютеров, их частей и принадлежностей было произведено больше на 45,5%.

Машиностроительная индустрия Вологодской области увеличила выпуск на 3,8%. Зафиксированы успехи в сфере производства автотранспортных средств специального назначения (прирост на 44,1%), тракторов для сельского хозяйства (в 2,5 раза).

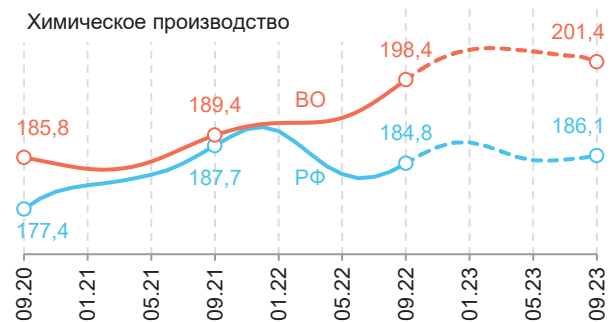
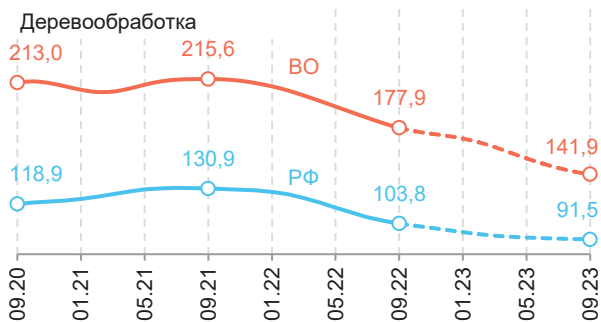
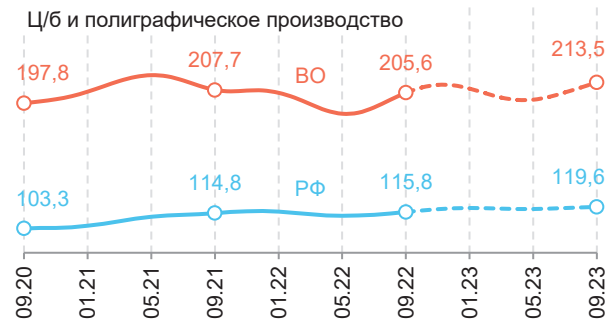
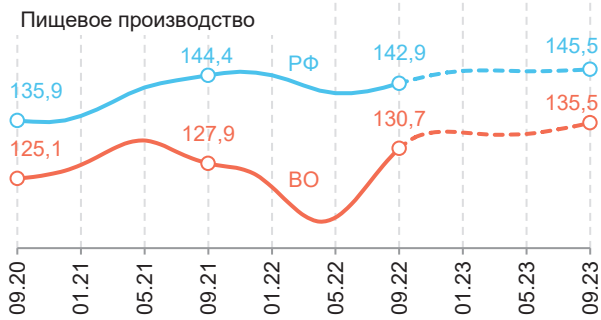
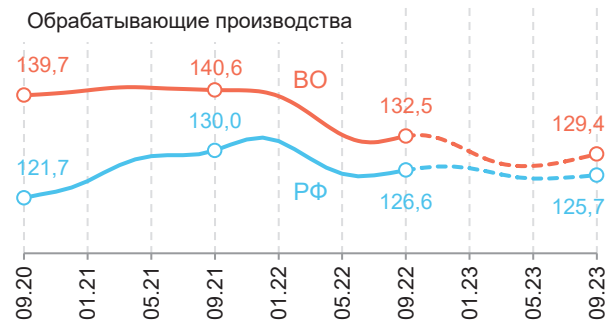
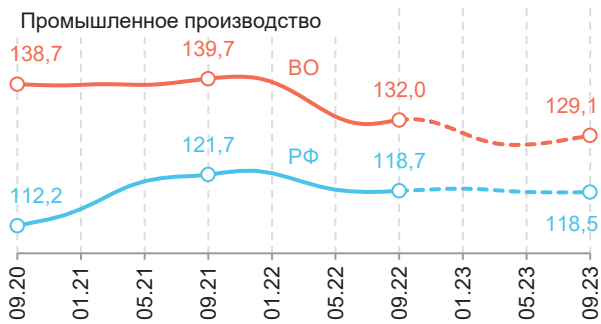
Выпуск неметаллических минеральных продуктов в целом по стране вырос на 2,6%. Предположительно, замедление позитивной динамики связано с общим торможением экономики, а не с обрушением спроса на ипотечное кредитование (см. табл. 7). Заметно увеличился выпуск товарного бетона (на 10,6%), цемента (на 8,3%) и кирпичей (на 7,9%). В Вологодской области отмечено увеличение производства отрасли на 7,7%, во многом обусловленное приростом выпуска товарного бетона на 13,9%.

Сельское хозяйство в РФ произвело продукции больше на 2,2% (табл. 3). Выпуск скота и птицы на убой увеличился на 4,1%, куриных яиц – на 2,1%, молока – на 0,9%. В Вологодской области производство сельскохозяйственной продукции уменьшилось на 0,7%, в том числе куриных яиц – на 0,7%, скота и птицы на убой – на 3,3%. Прирост производства молока составил 1,7%.

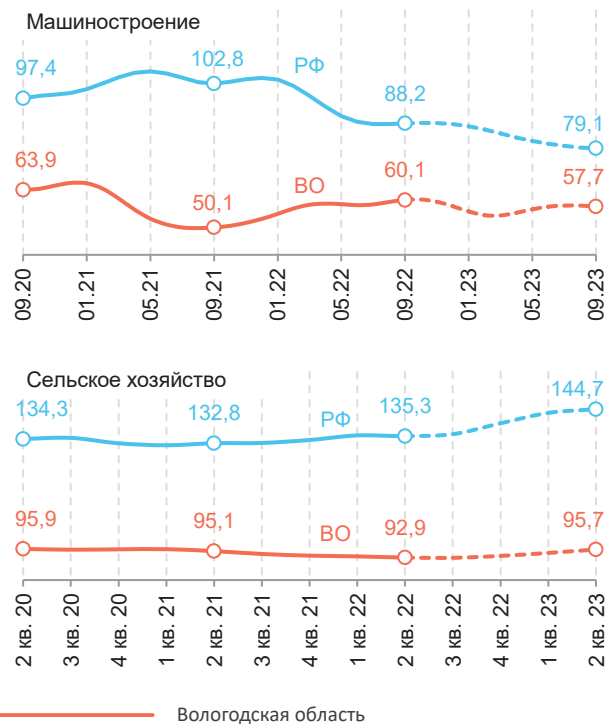
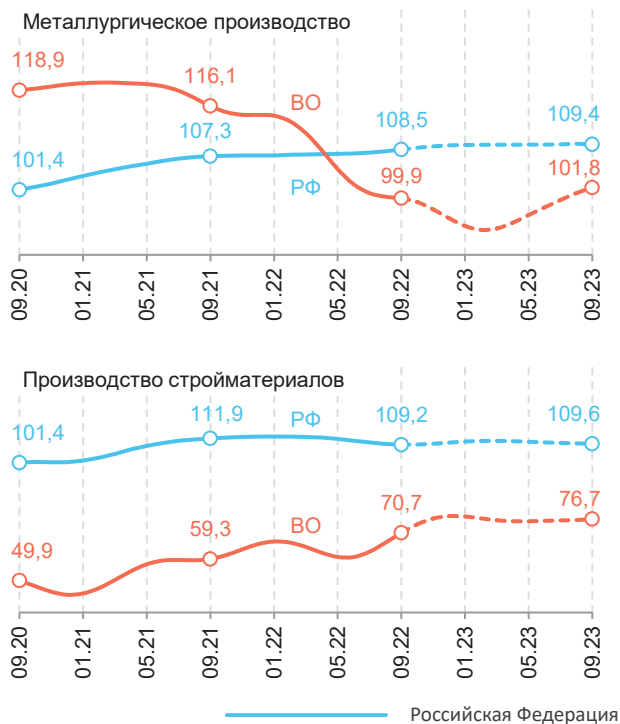
Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	р
РФ	99,8	96,2	99,6	101,9	102,2	-
ВО	99,3	99,1	100,7	100,9	99,3	56
АО	97,3	99,3	101,1	98,9	99,1	57
РКа	92,5	94,1	94,5	100,1	98,7	59
РКо	101,7	100,6	98,4	96,8	97,9	65
МО	92,5	107,1	106,5	92,1	90,8	78

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

На **рынке труда** отмечены положительные тенденции.

Уровень безработицы в России в III квартале опустился на 1,1 п. п. до 3,8%, достигнув минимального значения за последние 30 лет (табл. 4). В Вологодской области индикатор снизился до 3,7%, что соответствует уровню аналогичного периода в 2019 году.

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	III кв. 2021 г.	2021 г.	I кв. 2022 г.	II кв. 2022 г.	III кв. 2022 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	4,9	6,4	4,2	4,0	3,8	-
ВО	4,8	6,1	3,0	3,6	3,7	44
МО	6,8	9,2	4,9	5,2	4,5	61
РКА	6,1	7,7	6,3	5,8	5,5	65
АО	6,7	8,9	5,6	5,7	5,5	66
РКО	6,6	8,6	7,5	7,1	5,9	67
	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	Р
Потребность работодателей в работниках						
РФ	127,5	128,8	128,6	126,4	121,3	-
ВО	112,7	111,5	117,1	131,5	119,3	45
РКА	133,4	136,4	131,0	140,3	127,6	16
МО	95,3	98,3	100,2	129,7	122,1	31
АО	121,4	118,4	111,3	102,0	101,2	80
РКО	103,0	99,3	99,2	89,3	90,3	82

«Сложные времена мы проходим не первый раз. Работодатели для себя уже выработали определенную модель антикризисного поведения. И заключается она в том, что людей стараются не сокращать, а сохраняют занятость за счет сокращения рабочего времени. <...> Во-вторых, помимо традиционных мер поддержки рынка труда – профобучение и повышение квалификации для безработных, также были введены дополнительные меры именно для поддержки занятости. Например, это временные работы, субсидирование найма, прежде всего, молодежи, в рамках которого работодатели получают поддержку в размере трех минимальных размеров оплаты труда. Еще одна новая популярная мера – переобучение сотрудников на самом предприятии. Если предприятие переходит на новую технологию, закупает новые производственные линии и оборудование, сырье и материалы, государство берет на себя обязанность по переподготовке работников»².

² Генеральный директор ВНИИ труда Минтруда России Дмитрий Платыгин в интервью «РГ» рассказал, почему в России такая низкая безработица. URL: <https://rg.ru/2022/10/18/legche-ne-teriat.html> (дата обращения 21.11.2022).

▲ Прирост объема заявленной в службы занятости потребности работодателей в работниках составил 21,3%, что ниже, чем годом ранее (27,5%). В Вологодской области, напротив, отмечено ускорение роста числа заявленных вакансий (на 19,3 после 12,7% годом ранее).

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике зафиксированы негативные изменения.

▼ **Реальные денежные доходы** россиян в январе – июне 2022 года снизились на 1,4% (табл. 5). При этом отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму увеличилось на 4,3%, что преимущественно свидетельствует об отставании роста установленной величины прожиточного минимума от темпов инфляции. Реальные денежные доходы вологжан за то же время сократились на 4,2%, при этом в регионе на 3,8% снизилось отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму. Добавим, что в регионах-металлургах – Кемеровской и Липецкой областях – также происходил спад доходов населения (на 0,2 и 1,4% соответственно). Исключение составила Челябинская область, продемонстрировавшая прирост доходов населения на 1,2%.

▼ **Реальная начисленная заработная плата** в среднем по стране в январе – августе сократилась на 1,5%. **Реальный размер назначенных пенсий** россиян снизился на 16,3%³.

▲ В Вологодской области заработная плата увеличилась на 1,6%.

▲ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ с учетом инфляции в январе – августе продолжил расти, увеличившись на 18,3%. Отметим, что причина этого предположительно не в банкротстве убыточных предприятий, поскольку средний за 9 месяцев коэффициент ликвидации на 1000 организаций в 2022 году был ниже, чем двумя годами ранее (в 2022 – 8,5, в 2021 – 10,5, в 2020 – 11,8%). В Вологодской области доходы бизнеса увеличились на 96,1%, что отчасти обусловлено высокими ценами на минеральные удобрения (см. табл. 9).

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	Р
Реальные денежные доходы населения						
РФ	102,3	102,4	104,4	103,1	98,6	-
ВО	100,9	96,8	98,5	98,5	95,8	-
МО	101,0	102,6	102,6	101,3	98,6	-
РКа	97,3	99,0	98,5	95,9	95,2	-
АО	94,9	98,5	99,0	93,5	93,6	-
РКо	95,6	96,9	97,6	93,9	93,3	-
Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму						
РФ	104,0	107,9	107,3	102,1	104,3	-
ВО	99,3	103,0	103,7	96,6	96,2	-
РКа	101,5	104,8	104,9	104,8	107,0	-
МО	100,9	103,9	104,4	104,3	104,8	-
АО	96,5	102,4	103,6	92,2	94,8	-
РКо	98,7	101,2	103,1	91,0	92,7	-
	8 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	8 мес. 2022 г.	Р
Реальная начисленная заработная плата						
РФ	103,0	104,5	103,1	98,7	98,5	-
ВО	98,3	99,4	109,7	102,6	101,6	-
МО	102,7	104,8	104,3	100,3	99,7	-
РКо	98,5	100,2	100,0	96,6	97,4	-
РКа	99,6	99,1	99,4	96,1	96,4	-
АО	98,1	101,8	95,2	93,7	94,3	-
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций						
РФ	266,0	256,2	131,8	132,0	118,3	-
ВО	259,3	225,3	131,8	253,4	196,1	7
РКо	1384,5	902,1	386,6	94,5	120,0	29
МО	292,2	180,5	139,5	98,0	85,2	59
РКа	379,2	267,0	79,4	64,3	45,4	72
АО	-	1511,4	-	-	-	-
	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	Р
Реальный размер назначенных пенсий						
РФ	106,4	104,1	96,1	95,2	83,7	-
ВО	99,8	99,0	98,8	95,7	-	-

³ С учетом единовременной выплаты 10 тыс. руб. от 16 августа 2021 года.

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** также отмечено ухудшение динамики большинства показателей.

▼ **Оборот розничной торговли** в стране уменьшился на 5,5%, в Вологодской области – на 3,5% (табл. 6). Отметим, что на уровне страны снижение данного показателя опережает спад доходов населения, тогда как в регионе ситуация обратная. Объясняется это может большей долей потребительских товаров в расходах вологжан. При этом заметна трансформация структуры спроса из непродовольственных товаров в продовольственные. Так, оборот торговли непродовольственными товарами в стране снизился на 9,7%, в регионе – на 11,8%. Оборот торговли продовольственными товарами увеличился на 0,5 и 3,4% соответственно.

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	109,0	107,8	103,5	96,6	94,5	-
ВО	105,8	104,3	109,0	100,7	96,5	38
МО	99,9	100,5	99,1	99,4	99,4	20
АО	103,0	102,5	100,1	94,2	92,6	69
РКа	103,6	101,8	99,2	92,4	91,7	74
РКо	101,6	101,6	95,1	90,7	91,1	75
Индекс потребительских цен						
РФ	105,3	108,4	110,0	111,4	110,5	-
ВО	105,6	109,3	110,5	111,3	110,9	53
РКо	104,1	107,5	110,5	111,2	110,0	28
РКа	106,2	109,4	111,4	112,6	110,1	31
АО	106,4	109,3	112,8	112,7	110,9	53
МО	104,5	107,2	110,6	113,3	112,5	78
Объем платных услуг населению						
РФ	118,4	116,7	107,8	104,7	103,7	-
ВО	110,7	109,9	101,8	101,3	101,3	52
РКа	118,1	117,5	106,4	105,8	104,9	14
МО	112,8	112,8	105,4	103,1	101,6	48
РКо	111,6	109,0	97,4	97,1	96,9	74
АО	116,6	114,2	99,2	93,2	94,3	79

▼ **Потребительская инфляция** в России ускорилась почти вдвое (с 5,3 до 10,5% к декабрю предыдущего года). Наиболее подорожавшей категорией стали непродо-

вольственные товары (на 12,5%); цены на продовольственную продукцию выросли на 8,9%, цены на услуги ЖКХ увеличились на 5%. В Вологодской области инфляция составила 10,9%, при этом непродовольственные товары дорожали быстрее, чем продовольственные (на 14,2 и 10,6% соответственно). Цены на услуги ЖКХ в регионе выросли на 2,3%.

▲ Объем оказанных населению **платных услуг** увеличился на 3,7%, в Вологодской области – на 1,3% после прироста годом ранее на 18,4 и 10,7% соответственно. Произошедшее торможение динамики объясняется преимущественно восстановлением в 2021 году активности в сфере услуг после пандемических ограничений в 2020 году, когда объем оказанных услуг сократился на 16,4%, а годом позже вырос на 18,4%.

▲ В **строительстве** России объем выполненных работ увеличился на 5,2%, ввод жилья – на 26,5% (табл. 7). Позитивное влияние на него оказывает завершающаяся программа льготного ипотечного кредитования⁴. В Вологодской области индекс ввода жилья составил 127,9%.

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

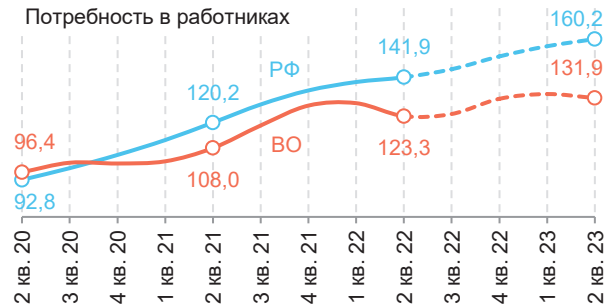
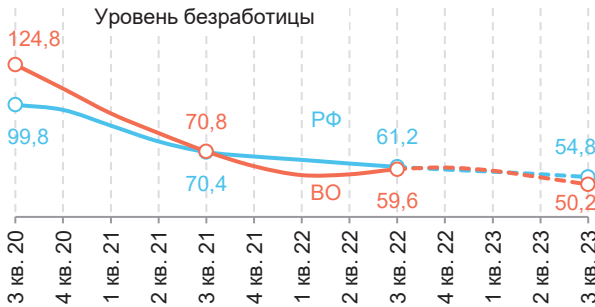
	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	Р**
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	105,8	106,0	104,5	104,0	105,2	-
ВО	102,9	105,1	54,8	69,0	82,1	72
РКа	98,4	93,3	201,4	175,2	165,4	2
МО	120,3	117,1	119,0	109,2	95,8	53
АО	130,5	139,4	83,3	82,8	79,2	74
РКо	117,8	95,3	63,1	69,9	66,3	82
Ввод жилых домов						
РФ	129,4	112,7	164,6	144,2	126,5	-
ВО	128,8	127,8	346,6	167,7	127,9	37
МО	214,7	142,8	429,8	454,9	423,2	1
РКо	102,8	87,8	354,8	161,5	146,9	21
РКа	97,3	110,3	220,5	174,0	142,7	23
АО	167,3	117,8	145,9	120,5	106,4	68
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	142,0	128,1	113,8	69,8	79,1	-
ВО	127,4	118,3	119,3	67,9	74,6	57
МО	131,8	123,2	123,5	71,1	83,4	23
АО	126,1	116,1	112,2	64,9	73,9	61
РКо	126,4	112,6	101,3	61,5	71,4	72
РКа	122,6	109,6	107,6	60,5	68,1	78

⁴ Минфин не увидел смысла продлевать льготную ипотеку на новостройки. URL: <https://realty.rbc.ru/news/6374a8d19a79473ed8991af8> (дата обращения 21.11.2022).

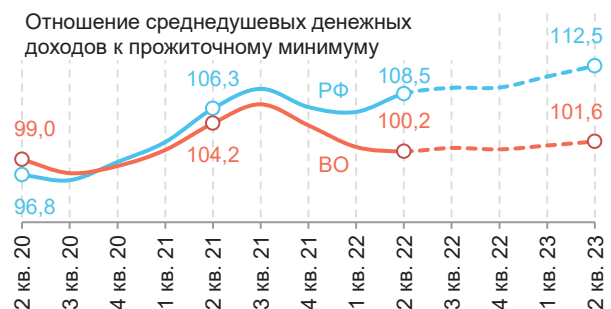
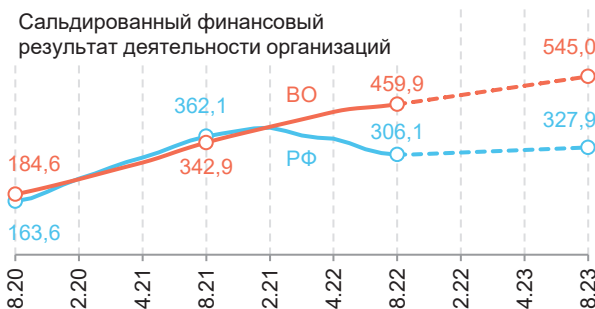
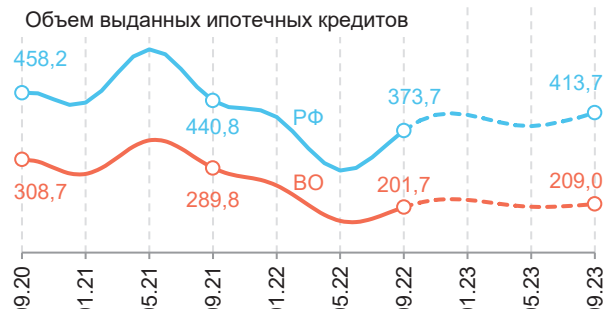
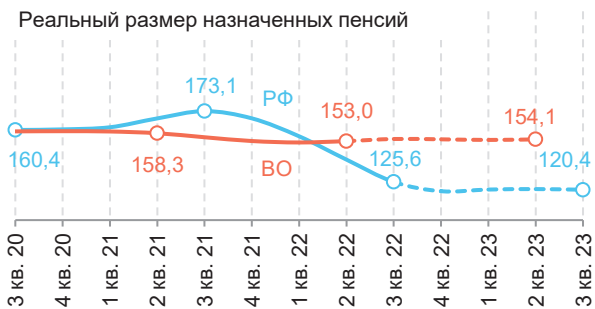
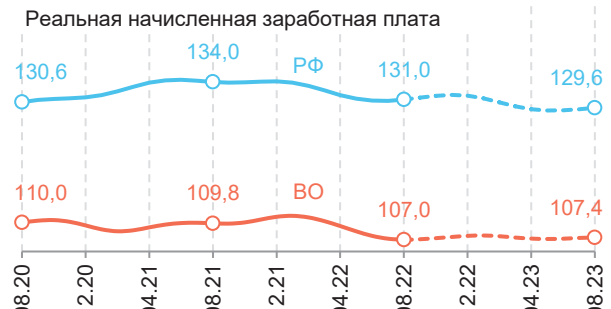
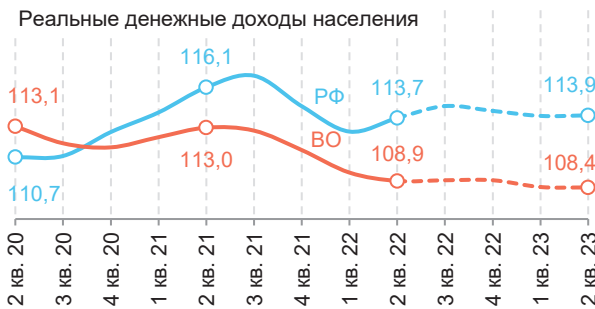
- ❖ При этом объем выполненных строительных работ в регионе снизился на 17,9%.
- ❖ **Объем выданных ипотечных кредитов** в стране сократился на 20,1%. В Вологодской области спад индикатора был еще более за-

метным и составил 25,4%. При этом в IV квартале возможен кратковременный всплеск выдачи ипотечных кредитов, связанный с близким завершением соответствующей государственной программы поддержки.

Тренды развития рынка труда в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2019–2023 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

Объем **инвестиций** в основной капитал в РФ в январе – июне увеличился на 7,8% (табл. 8).

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	Р
РФ	107,8	107,8	107,7	112,8	107,8	-
ВО	100,2	97,6	95,0	77,1	76,6	79
РКа	120,7	122,0	121,0	157,9	114,1	21
МО	107,2	116,9	114,5	121,2	104,2	40
АО	94,6	91,7	86,3	79,5	94,1	64
РКо	87,5	88,4	84,0	95,7	79,6	76

В Вологодской области динамика инвестиций была одной из худших в стране, спад составил 23,4%. Причины этого явления могут заключаться в ориентированности экономики региона на экспорт на европейские рынки, доступ к которым в последние месяцы существенно осложнился.

Цены на мировых рынках на наиболее значимые для экспорта страны товары продемон-

стрировали бурный рост: природный газ подорожал почти в 3,86 раза, нефть – на 53,1% (табл. 9).

Таблица 9. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.
Нефть	163,1	167,4	162,9	163,6	153,1
Газ	414,9	497,2	500,4	419,9	385,8
Мет.	186,2	182,4	131,7	126,2	105,5
ФУ	191,7	192,4	160,7	154,8	143,1

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

Основные товары, экспортируемые Вологодской областью, также подорожали: фосфорсодержащие удобрения – на 43,1%, металлопрокат – на 5,5%. При этом на начало ноября цены на металлопродукцию испытали резкое снижение не только на мировом рынке, но и на отечественном (табл. 10, 11).

Таким образом, в январе – сентябре 2022 года российская экономика переживала трансформации под влиянием комплекса

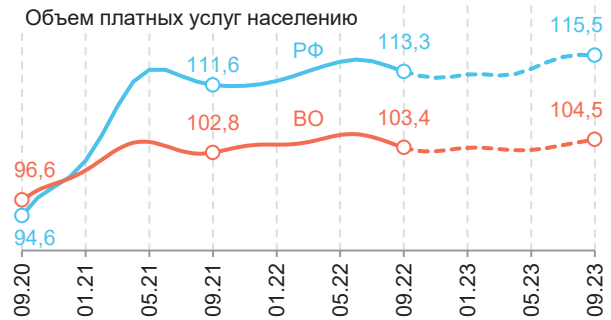
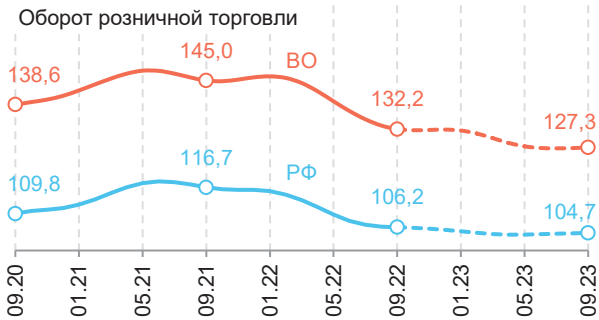
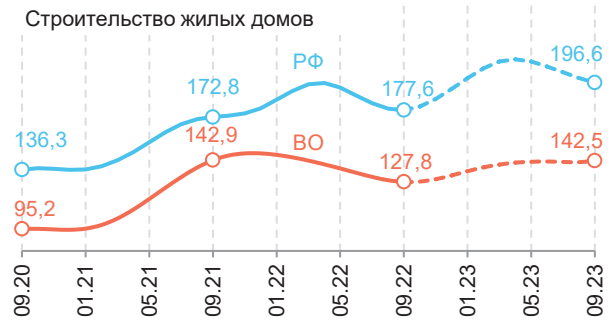
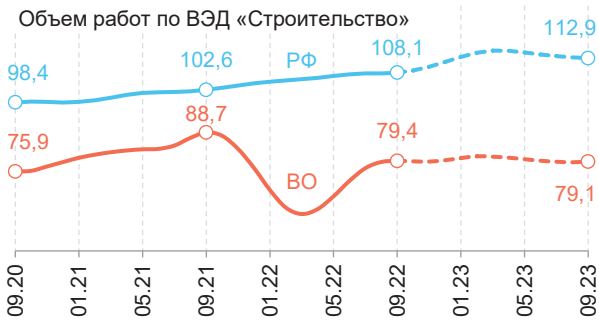
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало ноября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2022 г., %	
					к 2021 г.	к 2020 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	753	1228	678	61,3	111,0
Лист оцинкованный	долл. США	813	1273	710	63,9	114,4
Лист горячекатаный	долл. США	643	1058	573	60,8	112,1
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	840	853	528	98,5	159,1
Конструкционные профили	долл. США	930	1178	645	79,0	144,2
Сортовой прокат	долл. США	918	1050	625	87,4	146,8

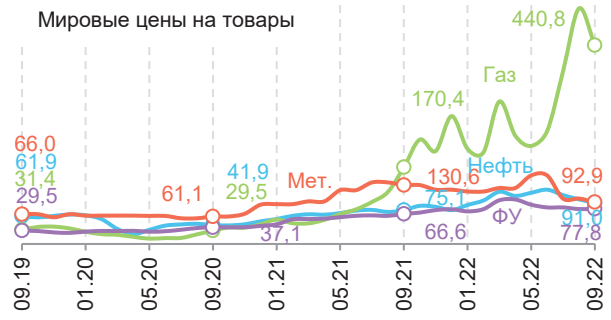
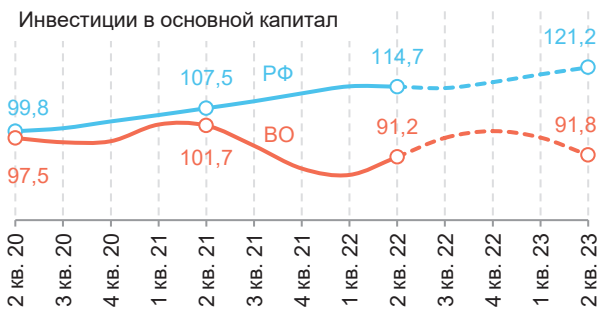
Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало сентября соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2022 г., %	
					к 2021 г.	к 2020 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	60617	89741	58604	67,5	103,4
Лист оцинкованный	руб.	80474	102000	75845	78,9	106,1
Лист горячекатаный	руб.	56000	80588	42698	69,5	131,2
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	45583	83983	41185	54,3	110,7
Балка и швеллер	руб.	67957	88852	49414	76,5	137,5
Круг	руб.	44040	84843	42034	51,9	104,8
Уголок	руб.	57714	83222	42966	69,3	134,3

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2019–2023 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

внешних и внутренних проблем. Снижился произведенный ВВП, отмечена определенная примитивизация обрабатывающей промышленности. Сократились доходы населения, а вместе с ними потребительский спрос. При этом стабилизировалась инфляция, выросли доходы бизнеса и инвестиции, улучшилась ситуация на рынке труда. В процессе принятия управленческих решений по стабилизации и устойчивому развитию важно обратить внимание на развитие потребительского спроса и ключевых отраслей обрабатывающей промышленности. Отчасти государством уже принимаются соответствующие шаги, также в качестве системных приоритетов заявлены

развитие транспортно-логистической инфраструктуры, стимулирование инвестиционной активности, обеспечение технологического суверенитета и ускоренной цифровизации⁵.

Источники: Росстат, Вологдастат, Карелиястат, Комистат, Архангельскстат, Мурманскстат, Федеральная налоговая служба, metaltorg.ru, metalinfo.ru, indexmundi.com

*Материал подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

⁵ Максим Решетников о прогнозе социально-экономического развития страны до 2025 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_o_prognoze_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_strany_do_2025_goda.html (дата обращения 22.11.2022).

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОКТЯБРЕ 2022 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.12 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В сентябре – октябре 2022 года ФГБУН ВолНИЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНИЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

📌 В октябре 2022 года по сравнению с августом 2022 года социальное настроение жителей области ухудшилось: доля положительных оценок сократилась с 70 до 64%, отрицательных – возросла с 25 до 31%. Соответствующий индекс снизился со 145 до 133 п. (табл. 1). В разрезе социально-демографических групп наиболее заметное ухудшение показателей социального настроения произошло в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 15 п., со 149 до 134 п.), среди лиц со средним образованием (на 16 п., со 144 до 128 п.), в 60%-й

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. (2022). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 195–203. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.12

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. (2022). Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in October 2022. *Problems of Territory's Development*, 26 (6), 195–203. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.12

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Изменение (+/-), окт. 2022 к	
															авг. 2022	окт. 2021
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	70,6	72,2	69,3	66,4	68,6	70,0	64,1	-6	-7
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	25,5	23,1	26,6	29,0	27,0	24,8	31,1	+6	+6
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,4	139,4	145,1	149,1	142,7	137,5	141,6	145,2	133,0	-12	-12
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	77,2	80,1	76,4	75,7	78,9	79,3	75,4	-4	-2
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	17,1	15,3	17,7	17,7	16,3	14,1	16,0	+2	-1
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,1	164,8	158,9	158,0	162,6	165,2	159,4	-6	-1

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

группе среднеобеспеченных (на 15 п., со 150 до 135 п.).

❖ Оценки запаса терпения в среднем по региону стали менее благоприятными: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», уменьшилась с 79 до 75%. Соответствующий индекс снизился со 165 до 159 п. В разрезе социально-демографических групп населения за период с августа по октябрь 2022 года оценки запаса терпения наиболее существенно ухудшились в возрастной группе старше 55 лет (на 9 п., со 165 до 156 п.), среди лиц со средним образованием (на 7 п., со 165 до 158 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 7 п., со 173 до 166 п.).

❖ В октябре 2022 года по сравнению с октябрём 2021 года индекс социального настроения снизился на 12 п. (со 145 до 133 п.), индекс запаса терпения существенно не изменился (159 п.).

⬆ В динамике самооценок материального положения в среднем по области в октябре 2022 года произошли позитивные измене-

ния, в основном благодаря существенному росту размера фактических доходов среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в 20%-ю группу наиболее обеспеченных жителей (на 4256 руб.; табл. 2).

⬆ В октябре 2022 года по сравнению с октябрём 2021 года уровень доходов возрос во всех группах населения. Соотношение фактического дохода и прожиточного минимума не претерпело существенных изменений.

❖ В период с августа по октябрь 2022 года характер суждений об экономическом положении России и региона несколько ухудшился: соответствующие индексы снизились на 8 и 6 п. (с 83 до 75 п. и с 79 до 73 п. соответственно; табл. 3). Во всех социально-демографических группах населения наблюдалось понижение индекса, наиболее существенное – в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 8 и 7 п., с 82 до 74 п. и с 78 до 71 п.), среди лиц со средним образованием (на 12 и 7 п., с 81 до 69 п. и с 72 до 65 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 9 и 6 п., с 87 до 78 п. и с 82 до 76 п.).

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Изменение (+/-), окт. 2022 к	
														авг. 2022	окт. 2021
Доход на одного члена семьи, руб.															
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	8646	9202	9073	9827	9792	10595	10414	-180	+1768
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	15910	16580	16514	16913	16925	17645	18187	+542	+2277
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	33604	32948	36246	36116	36559	36385	40641	+4256	+7037
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	17997	18381	18972	19333	19423	19987	21123	+1136	+3126
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	11767	11767	12781	12781	14059	14059	14059	0	+2292
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз															
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	-0,1	0
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,4	1,4	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	0	-0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,9	2,8	2,8	2,8	2,6	2,6	2,9	+0,3	0
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,5	+0,1	0

*Источник: Постановления Правительства «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области». Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Изменение (+/-), окт. 2022 к	
														авг. 2022	окт. 2021
Экономическое положение России															
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	12,5	14,8	14,2	9,9	11,2	13,0	9,7	-3	-3
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	43,2	41,0	42,1	40,7	43,1	43,7	42,3	-1	-1
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	30,7	30,7	30,0	34,3	33,3	30,5	34,8	+4	+4
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	82,8	84,1	84,2	75,6	77,9	82,5	74,9	-8	-8
Экономическое положение области															
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,0	13,0	11,1	8,8	10,6	13,1	10,6	-3	0
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	39,9	39,7	39,9	38,3	40,2	41,3	39,1	-2	-1
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	38,1	36,6	36,4	38,7	37,3	34,6	37,6	+3	-1
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	73,9	76,4	74,5	70,1	73,3	78,5	73,0	-6	-1
Материальное положение семьи															
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	10,1	9,2	7,3	8,2	10,2	8,8	-1	0
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	49,9	49,7	47,9	47,5	47,9	46,7	48,6	+2	-1
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	30,9	33,4	34,4	32,3	31,2	30,3	-1	-2
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,6	79,2	75,8	72,9	75,9	79,0	78,5	-1	+2

Характеристики материального положения семьи в среднем по области за два последних месяца существенно не изменились. Соответствующий индекс сохранился на отметке 79 п. В разрезе социально-демографических групп населения заметных измене-

ний в оценках материального положения не произошло.

В период с октября 2021 года по октябрь 2022 года оценки экономической ситуации в стране ухудшились (индекс снизился на 8 п., с 83 до 75 п.). Оценки экономической ситуа-

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Изменение (+/-), окт. 2022 к	
														авг. 2022	окт. 2021
В России															
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	36,6	36,8	34,1	29,2	28,0	28,6	22,3	-6	-14
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	49,6	48,0	50,6	56,6	55,9	54,0	61,4	+7	+12
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>87,0</i>	<i>88,8</i>	<i>83,5</i>	<i>72,6</i>	<i>72,1</i>	<i>74,6</i>	<i>60,9</i>	<i>-14</i>	<i>-26</i>
В области															
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	52,0	52,3	50,2	46,4	48,1	50,2	44,1	-6	-8
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	36,0	36,1	36,4	40,2	39,2	38,5	45,2	+7	-9
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>116,0</i>	<i>116,2</i>	<i>113,8</i>	<i>106,2</i>	<i>108,9</i>	<i>111,7</i>	<i>98,9</i>	<i>-13</i>	<i>-17</i>

ции в области, а также оценки собственного материального благополучия не претерпели значительных изменений (73 и 79 п. соответственно).

☑ За последние два месяца оценки политической ситуации в России существенно ухудшились: доля положительных оценок сократилась с 29 до 22%, отрицательных – возросла с 54 до 61%. Соответствующий индекс снизился с 75 до 61 п. (табл. 4).

В распределении по социально-демографическим группам индекс оценки политической обстановки в стране наиболее заметно снизился в возрастной группе старше 55 лет (на 21 п., с 79 до 58 п.), среди лиц со средним образованием (на 20 п., с 77 до 57 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 17 п., с 83 до 66 п.).

☑ В октябре 2022 года по сравнению с августом 2022 года оценки политической ситуации в регионе стали менее благоприятными: доля тех, кто считает ситуацию «благополучной, спокойной», сократилась с 50 до 44%, удельный вес негативных оценок возрос с 39 до 45%. Соответствующий индекс снизился со 112 до 99 п.

В распределении по социально-демографическим группам индекс оценки политической обстановки в регионе наиболее существенно уменьшился в возрастной группе до 30 лет (на 20 п., со 112 до 92 п.), среди лиц

с высшим образованием (на 18 п., со 111 до 93 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 14 п., с 79 до 65 п.).

☑ В октябре 2022 года по сравнению с октябрём 2021 года индекс оценки политической ситуации в стране снизился на 26 п. (с 87 до 61 п.), в области – на 17 п. (со 116 до 99 п.).

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в августе – октябре 2022 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области произошли негативные изменения:

- ухудшились оценки социального настроения и запаса социального терпения: соответствующие индексы снизились на 12 и 6 п. (со 145 до 133 п. и со 165 до 159 п.);

- менее благоприятными стали оценки экономической ситуации в стране и области (на 8 и 6 п., с 83 до 75 п. и с 79 до 73 п.);

- ухудшились характеристики политической обстановки в России и регионе (на 14 и 13 п., с 75 до 61 п. и со 112 до 99 п.).

На уровне двухмесячной давности сохранились оценки материального положения семьи (79 п.).

В октябре 2022 года по сравнению с октябрём 2021 года по различным показателям

мониторинга наблюдались разнонаправленные изменения.

Негативную динамику демонстрировали индексы:

- социального настроения (на 12 п., со 145 до 133 п.);
- экономической ситуации в России (на 8 п., с 83 до 75 п.);
- политического положения в стране (на 26 п., с 87 до 61 п.);
- политической обстановки в области (на 17 п., со 116 до 99 п.).

Не претерпели изменений оценки:

- запаса социального терпения (159 п.);
- экономического положения региона (73 п.);
- материального положения семьи (79 п.).

В распределении по социально-демографическим группам за два последних месяца наиболее заметные негативные тенденции отмечались в следующих категориях:

- в зависимости от возраста – в группе от 30 до 55 лет (индекс социального настроения сократился на 15 п., индексы экономической ситуации в стране и области – на 8 и 7 п.); в группе старше 55 лет (индекс социального терпения уменьшился на 9 п., индекс экономической ситуации в стране – на 8 п., политической обстановки в России – на 21 п.);

- в зависимости от уровня образования – в группе лиц со средним и неполным средним образованием (индексы социального настроения и запаса терпения снизились на 16 и 7 п., индексы экономической ситуации в стране и регионе – на 12 и 7 п., индекс политической обстановки в России – на 20 п.);

- в зависимости от уровня доходов – в 60%-й группе среднеобеспеченных жителей региона (индексы социального настроения и запаса терпения снизились на 15 и 7 п., индексы экономической ситуации в стране и регионе – на 9 и 6 п., индекс политической обстановки в России – на 16 п.);

- в зависимости от территории проживания – в Вологде (индекс запаса терпения снизился на 7 п., индексы экономического положения в стране и области – на 8 и 6 п.,

индексы политической ситуации в России и регионе уменьшились на 12 и 13 п.).

Негативные тенденции в оценках различных аспектов личной и общественной жизни населения региона развиваются на фоне складывающейся в стране ситуации, связанной с проведением специальной военной операции на территории Украины.

21 сентября 2022 года Президент РФ В.В. Путин в специальном обращении к россиянам объявил о проведении в стране частичной мобилизации, назвав ее «неотложной мерой по защите суверенитета, безопасности и территориальной целостности России, поддержке стремления и воли наших соотечественников самим определять свое будущее»¹. Данное мероприятие, а также рост международной политической напряженности, расширяющиеся западные санкции, многочисленные террористические акты, направленные против России (подрывы газопроводов «Северный поток» и «Северный поток – 2», теракт на Крымском мосту, подрыв резервуаров нефтебазы в Белгородской области и др.), негативным образом отразились на социальном самочувствии и психологическом состоянии населения.

Дальнейшая динамика общественных настроений во многом будет зависеть от ситуации на мировой политической арене, от хода боевых действий на территории Украины, а также от эффективности деятельности властей по решению наиболее острых социально-экономических и политических проблем.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в декабре 2022 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Указ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69391>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

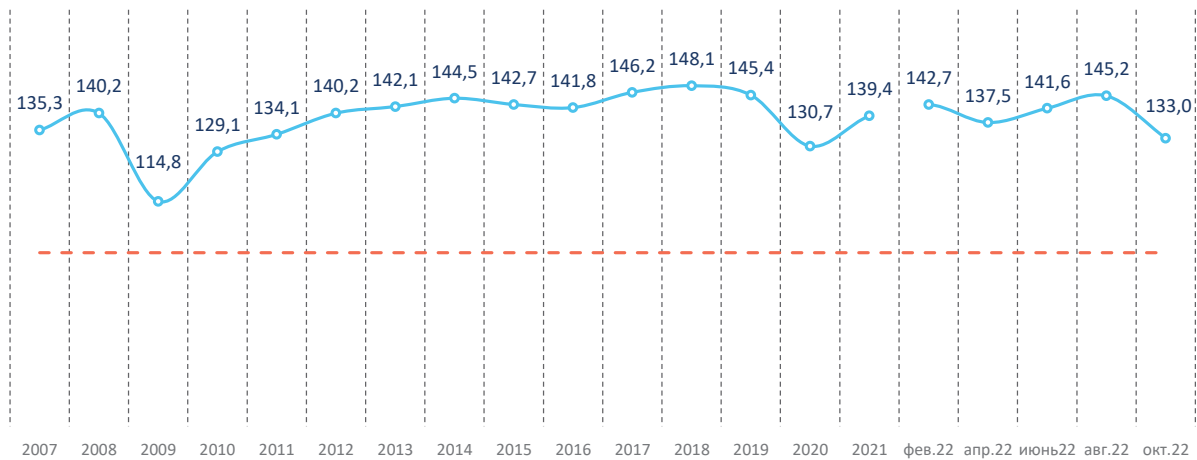

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В октябре 2022 года по сравнению с августом т. г. произошло значительное ухудшение социального настроения жителей Вологодской области. Индекс снизился на 12 пунктов (со 145 до 133 п.).

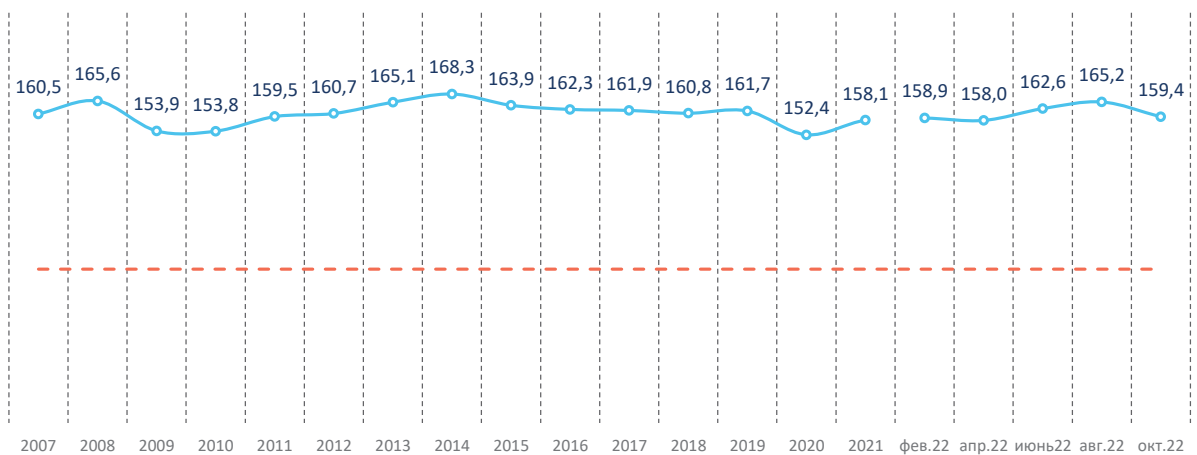

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

С августа по октябрь 2022 года индекс запаса терпения жителей Вологодской области снизился на 6 пунктов (со 165 до 159 п.) и находится на уровне февраля 2022 года.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- -).

Представлены среднегодовые данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

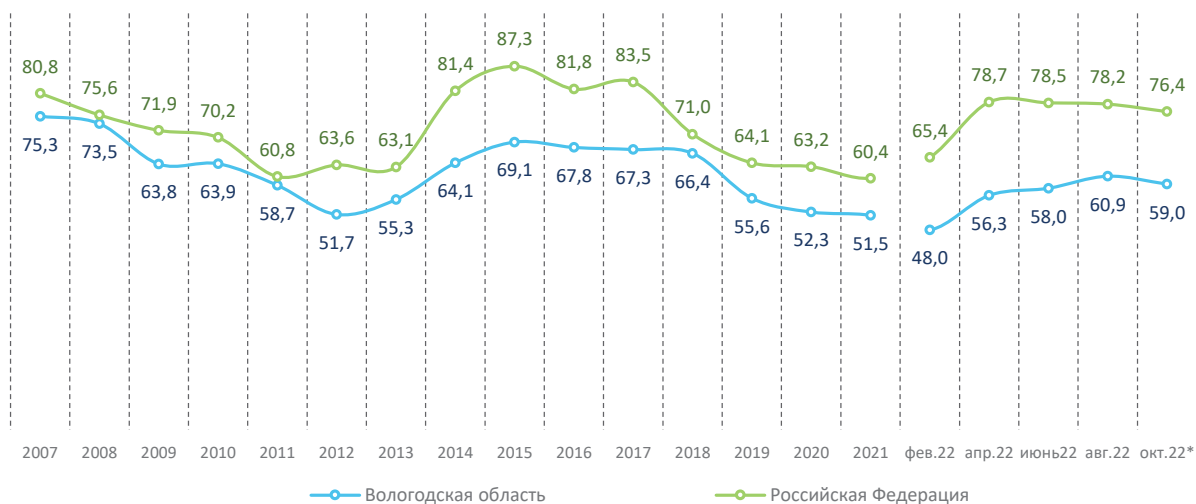

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В октябре 2022 года по сравнению с августом т. г. уровень одобрения деятельности Президента РФ как в Вологодской области, так и в целом по России не изменился. Доля жителей региона, положительно оценивающих работу главы государства, составила 59-61%, в целом по стране – 76-78%.

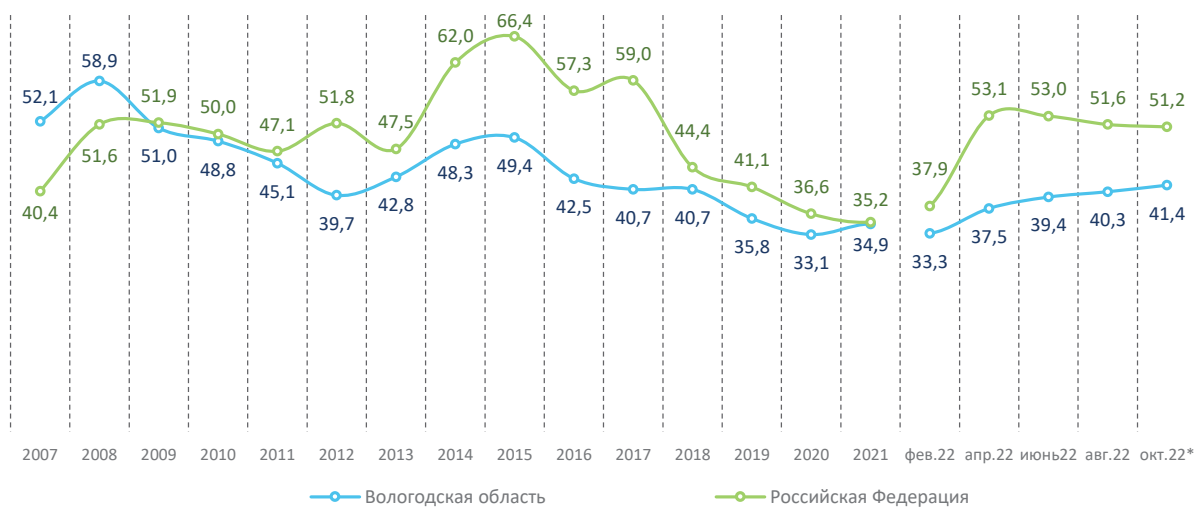

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В августе – октябре 2022 года показатель одобрения деятельности Правительства РФ остался стабильным. В Вологодской области уровень одобрения работы высшего федерального органа исполнительной власти составил 40–41%, по России в целом – 51–52%.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНИЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ. (<https://wciom.ru>).

* Данные ВЦИОМ: среднее за 3 опроса, проведенных 02.10.2022, 09.10.2022 и 16.10.2022.

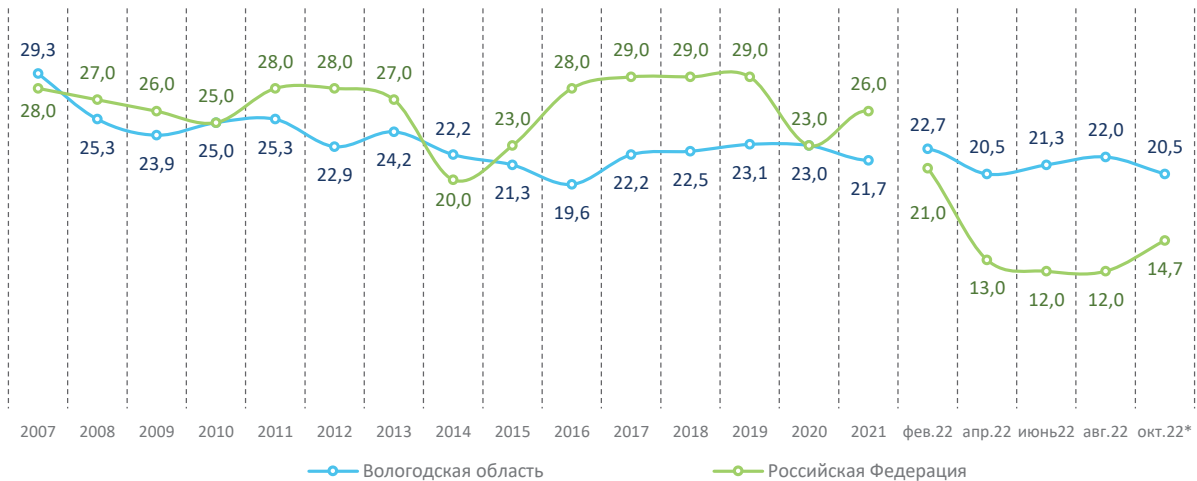

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

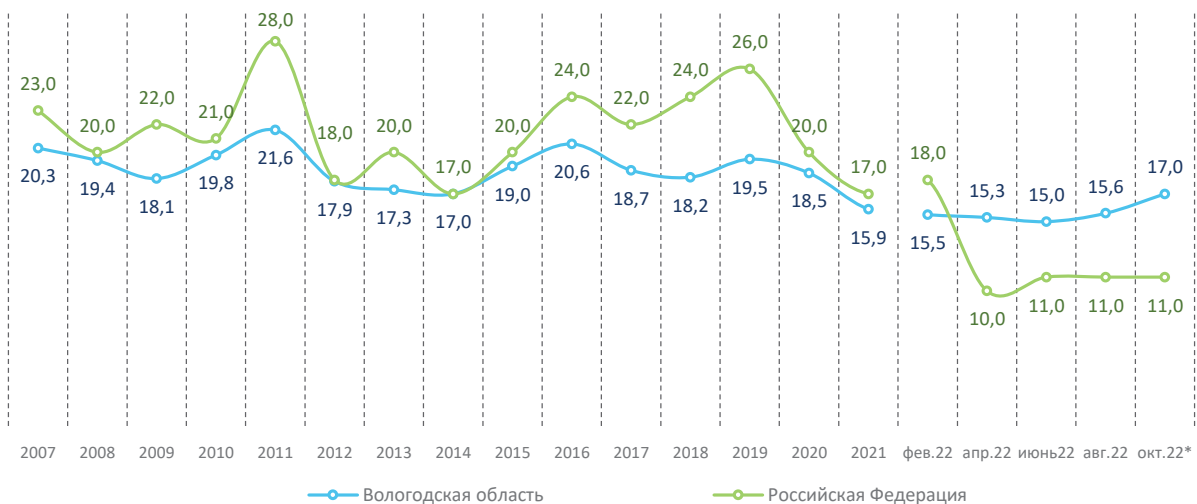

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

По сравнению с августом 2022 года в октябре уровень социальной напряженности населения Вологодской области не изменился. Доля жителей региона, которые допускают вероятность возникновения протестных выступлений, составляет 21–22%, а удельный вес готовых принять в них участие – 16–17%. В целом по России доля населения, указывающего на вероятность акций протеста, увеличилась на 3 п. п. (с 12 до 15%).

* Данные ВЦИОМ: вероятность протестных выступлений – среднее за 3 опроса, проведенных 02.10.2022, 09.10.2022 и 16.10.2022; возможность участия в выступлениях – данные за сентябрь 2022 года.

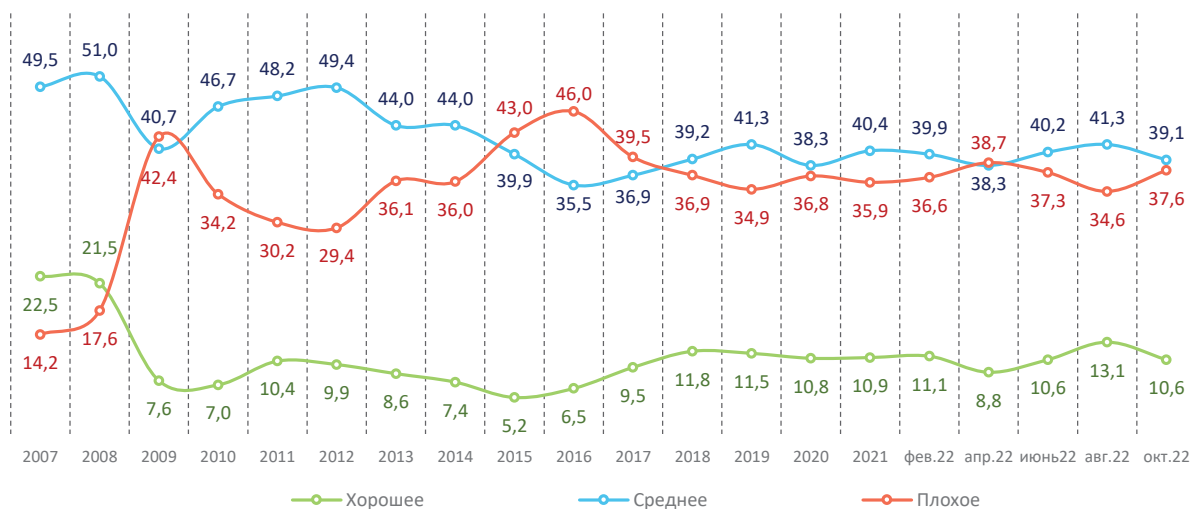

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В октябре 2022 года существенных изменений в отношении жителей Вологодской области к экономическому положению региона не наблюдается. Удельный вес положительных суждений находится на уровне 11–13%, отрицательных – 35–38%, нейтральных – 39–41%.

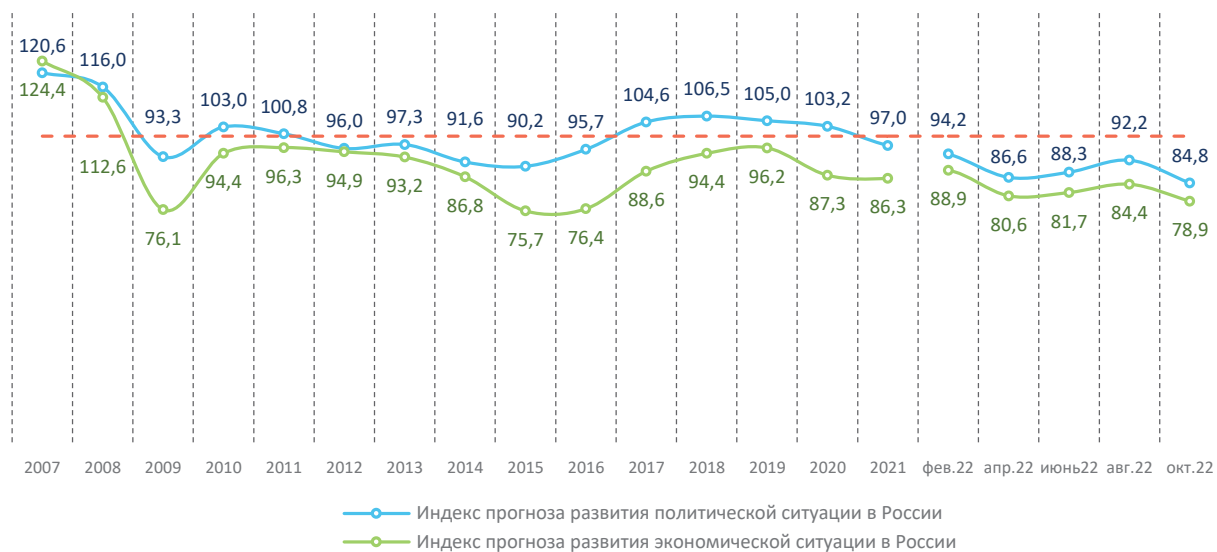

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В октябре 2022 года произошло существенное снижение индексов прогноза развития как политической, так и экономической ситуации в России. С августа по октябрь т. г. отмечается их падение: на 7 п. (с 98 до 85 п.) и 5 п. (с 84 до 79 п.) соответственно.

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ И ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ»

28 октября 2022 года в рамках многолетнего сотрудничества ВолНЦ РАН и Академии общественных наук провинции Цзянси, а также в преддверии празднования 300-летия Российской академии наук и в рамках мероприятий, приуроченных к Десятилетию науки и технологий, на базе ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» состоялась российско-китайская конференция «Цифровизация в развитии экономики и жизни общества: риски и возможности».

Участниками конференции стали исследователи из Академии общественных наук провинции Цзянси, Вологодского научного центра РАН, Пермского государственного национального исследовательского университета, Института социологии НАН Беларуси, представители органов власти. Ученые обсудили актуальные вопросы влияния цифровизации на развитие экономики двух стран и обменялись опытом в решении актуальных экономических и социальных проблем.

Заседание открыли секретарь Руководящей группы Коммунистической партии Китая, научный сотрудник Академии общественных наук провинции Цзянси Цзянь Цзиньфа, научный руководитель ВолНЦ РАН член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, профессор Владимир Александрович Ильин и директор ВолНЦ РАН д-р экон. наук, доцент Александра Анатольевна Шабунова. Руководители организаций подчеркнули важность международных дружеских связей для проведения дальнейших совместных исследований. Подробно аспекты российско-китайского взаимодействия в нефтегазовой, транзитной, научно-технической и промышленной сферах были раскрыты в

докладе В.А. Ильина «Развитие российско-китайских отношений в условиях геополитических вызовов 2022 года». А.А. Шабунова в докладе «Цифровизация в развитии экономики и жизни общества: риски и возможности» заострила внимание на общих проблемах цифровизации в развитии экономики и жизни общества России и Китая.

С приветственным словом к участникам конференции обратились мэр города Вологды Сергей Александрович Воропанов и глава Вологодского муниципального района Сергей Геннадиевич Жестянников. С.В. Воропанов отметил, что сотрудничество между Россией и Китаем происходит в сферах экономики, образования, туризма, поблагодарил руководство ВолНЦ РАН за активную позицию в развитии международного сотрудничества, высказал надежду на дальнейшее укрепление российско-китайских связей и участие в новых совместных проектах. С.Г. Жестянников подчеркнул значимость конференции в настоящее время и поделился наработками муниципалитета в области цифровизации.

Деловую часть конференции открыл старший научный сотрудник ВолНЦ РАН канд. экон. наук В.С. Усков. В рамках доклада «Цифровизация сферы услуг в России: тенденции и проблемы» он рассказал об особенностях развития цифровой экономики и тенденциях цифровизации на современном этапе. Проследив динамику развития сферы услуг и тенденции развития цифровых услуг, докладчик представил сравнительную характеристику уровня развития цифровых услуг в России, Китае и странах ЕС. В результате им выделено несколько ключевых

направлений, за счет которых может быть обеспечена реализация потенциала использования и продаж цифровых услуг: увеличение числа интернет-пользователей, государственное регулирование сферы электронных услуг и защиты прав потребителей, активное проникновение фиксированного и мобильного интернета, сглаживание дисбаланса информационного развития регионов, рост общей технической грамотности населения.

Младший научный сотрудник Института исследований сельского хозяйства и развития сельских районов Академии общественных наук провинции Цзянси Цзян Сяоюй в докладе «Различные типы цифровых рисков: способы их предотвращения» поставил вопрос, может ли искусственный интеллект превзойти человеческий. Докладчик рассказал о потенциальных рисках, связанных с искусственным интеллектом, а именно риске системного сбоя, риске хакерской атаки, риске потери приватности. Исследователь рассмотрел цифровую интеллектуальную промышленную цепочку как возможное решение проблемы.

Научный сотрудник ВолНЦ РАН канд. экон. наук И.А. Секушина в ходе выступления с докладом «Цифровизация как инструмент модернизации экономики малых и средних городов России» выделила возможности цифровизации для развития малых и средних городов, среди которых возможность использования удаленного труда и сервисов онлайн-образования, распространение онлайн-торговли и предоставление услуг через сеть Интернет. Также докладчиком рассмотрены процессы реализации проекта «Умный город», определены барьеры и направления развития цифровизации в малых и средних городах России.

В докладе «Цифровое неравенство: тенденции и практики снижения» старший научный сотрудник ВолНЦ РАН канд. экон. наук М.А. Груздева отметила наличие в российских регионах цифровых разрывов первого, второго и третьего уровней в территориальном и возрастном разрезах. Она указала,

что практики снижения цифровых неравенств уже используются. В рамках одной из таких практик к 2021 году к сети Интернет подключено 14 тыс. населенных пунктов с численностью населения от 250 до 500 человек. Докладчиком сделан вывод о том, что для снижения цифрового неравенства необходимо повышать цифровую грамотность и стимулировать жителей к получению онлайн-услуг и использованию цифровых сервисов.

Завершила научную часть конференции младший научный сотрудник Института социологии Академии общественных наук провинции Цзянси Фан Фан. В ходе выступления с докладом «Преодоление цифрового разрыва: возможности пожилых людей в цифровом обществе» она рассказала о возможных путях адаптации пожилых людей к цифровому обществу и отметила необходимость акцента на различных видах государственной поддержки, таких как программы электронной интеграции, счастливого старения, повышения ИТ-потенциала правительства и др., а также обратной связи между разными поколениями.

Итоги конференции подвели вице-президент Академии общественных наук провинции Цзянси Чжан Цзяньфэн и директор ВолНЦ РАН д-р экон. наук Александра Анатольевна Шабунова. Чжан Цзяньфэн поблагодарил участников российской стороны и подчеркнул, что результаты конференции станут хорошей основой для дальнейших исследований. А.А. Шабунова отметила, что доклады сторон дополняют друг друга и выразила надежду на дальнейшее сотрудничество.

Материал подготовили:

Т.И. Соколова

*кандидат филологических наук
ученый секретарь
ФГБУН ВолНЦ РАН*

М.А. Таничева

*специалист по связям с общественностью
ФГБУН ВолНЦ РАН*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Ильин В.А., Ускова Т.В., Лукин Е.В. [и др.] (2021). Трансформация межрегиональных цепочек создания стоимости: проблемы и перспективы: монография / под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 244 с.

В работе обоснована необходимость развития межрегиональных цепочек создания стоимости в национальной экономике. Обобщены теоретико-методологические основы их трансформации. На основе анализа эмпирических данных оценена современная конфигурация, тенденции и проблемы развития российских цепочек создания стоимости, дана характеристика территориальной и отраслевой фрагментации производства в экономике страны и макрорегионов. Обоснованы перспективы трансформации межрегиональных цепочек создания стоимости в национальной экономике, предложены направления и механизмы их трансформации, оценены экономические эффекты от данных процессов для регионов.

Монография адресована работникам органов государственного управления, научным сотрудникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам, аспирантам, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы государственного регулирования экономики.

Экология и общество: баланс интересов (2022): сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 20–22 апреля 2022 г. / отв. ред. А.А. Шабунова. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 218 с.

В сборнике представлены материалы докладов участников Международной научно-практической конференции «Экология и общество: баланс интересов», ставшей ключевым мероприятием Международного экологического форума. Конференция была организована Вологодским научным центром РАН при поддержке Администрации города, Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России» и Вологодской региональной общественной организации ВЭО России, Ассоциации по улучшению состояния здоровья и качества жизни населения «Здоровые города, районы и поселки».

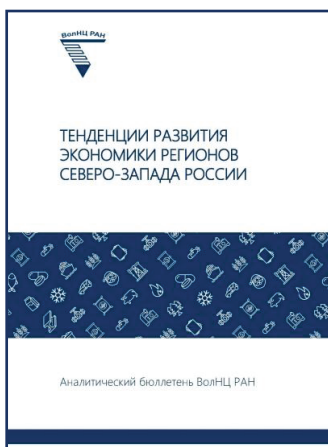
Сборник адресован научным работникам, экологам, экономистам, социологам, специалистам в области государственного управления, представителям бизнеса, а также преподавателям вузов, студентам, магистрантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами экологизации экономики и общества.

Аграрная наука на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы (2022): мат-лы V науч.-практ. конф. с междунар. участием (Вологда, Молочное, 21–25 февраля 2022 г.) / Вологодский научный центр Российской академии наук, Северо-Западный научно-исследовательский институт молочного и лугопастбищного хозяйства; ред. кол.: Е.А. Мазиллов (отв. ред.) [и др.]. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 429 с.

Сборник составлен по материалам V научно-практической конференции с международным участием «Аграрная наука на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы», проходившей в городе Вологде 21–25 февраля 2022 года. Издание содержит 79 статей, подготовленных научными сотрудниками и преподавателями НИИ и университетов России, Беларуси, Азербайджана и Узбекистана. В публикуемых материалах представлены результаты исследований в области разведения, генетики, селекции, воспроизводства, технологии содержания, кормления сельскохозяйственных животных, кормопроизводства и механизации сельского хозяйства, а также касающиеся управления и экономики АПК, кадрового обеспечения аграрного сектора экономики.

Книга предназначена для ученых, преподавателей сельскохозяйственных учебных заведений, аспирантов, студентов и специалистов-практиков сельского хозяйства.

Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России (2022): аналит. бюл.: в 2 ч./ кол. авт.; под общ. ред. Т.В. Усковой, Е.В. Лукина. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 138 с.

В аналитическом бюллетене систематизированы закономерности развития экономики Северо-Западного федерального округа и входящих в его состав регионов в 2020 году. Приведены статистические данные и сделаны аналитические выводы о динамике промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта, рынка труда, формирования доходов населения, бизнеса и бюджета, а также параметров потребительского, инвестиционного и внешнеторгового спроса в рассматриваемом макрорегионе.

Материалы бюллетеня могут быть использованы федеральными и региональными органами исполнительной власти, исследователями, специалистами, преподавателями и широким кругом читателей, которых интересуют вопросы экономического развития Северо-Западного федерального округа.

Уханова Ю.В. (2022). Гражданское участие территориально-сообщества: теоретические основы и практическое развитие: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 255 с.

Монография посвящена комплексному изучению гражданского участия территориального сообщества в современной России с учетом специфики формальных/неформальных практик участия в вертикальном и горизонтальном взаимодействии, в решении социально значимых проблем, в том числе связанных с пандемией COVID-19.

На основе изученных теоретико-методологических подходов в классической и современной социологической науке автором предложены концептуальные основы изучения гражданского участия территориального сообщества в социальном пространстве региона. Рассмотрен исторический опыт и современное развитие уровня и потенциала участия территориального сообщества. Особое внимание уделяется выявлению и оценке барьеров реализации гражданского участия и инструментов их преодоления на региональном уровне.

Исследование адресовано научным сотрудникам и специалистам в социологии и регионоведении, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений социологической направленности, работникам органов управления муниципального и регионального уровня, представителям некоммерческого сектора, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы вовлеченности населения в развитие своих территорий.

Социально-экономическое развитие муниципальных районов (2022). Вып. 9. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 108 с.

В бюллетене отражены результаты проводимых ФГБУН ВолНЦ РАН исследований по оценке уровня социально-экономического развития муниципальных районов и городских округов Вологодской области, тенденций реформирования института местного самоуправления в регионе. В данном выпуске бюллетеня сохранена преемственность состава показателей и применяемого для анализа методического аппарата с первым выпуском бюллетеня, опубликованным в 2014 году, но в то же время добавлены новые разделы, касающиеся оценки социально-экономической ситуации в муниципалитетах в 2021 году, бюджетного потенциала районов и округов области. Предыдущий (восьмой) выпуск данного бюллетеня в начале сентября 2021 года был разослан по 160 адресатам (высшие должностные лица субъектов РФ, Государственная Дума и Совет Федерации Федерального Собрания РФ, органы государственной власти и местного самоуправления Вологодской области, ведущие институты РАН экономического профиля); было получено 17 ответов, в которых отмечено высокое качество, актуальность данного бюллетеня, его значимость и полезность для органов местного самоуправления и органов государственной власти РФ.

Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. Финансы предприятий: теория и практика (2022): учеб. пособ. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 63 с.

В пособии отражены теоретические вопросы функционирования финансов предприятий. Пристальное внимание уделено российским и международным стандартам финансовой отчетности, расчетам ключевых финансовых показателей, способам оптимизации себестоимости продукции, структуре расходов и налоговой нагрузке предприятий. Разделы включают в себя теорию, практическую часть, задачи и вопросы для самоконтроля. Практическая часть сформирована на основе реальных кейсов на примере действующих в России предприятий отрасли черной металлургии. Изучение финансов корпораций черной металлургии вызывает особый интерес, так как при этом поднимается ряд важных вопросов, связанных с формированием ключевых финансовых показателей и налогообложением финансовых результатов.

Учебное пособие может быть рекомендовано студентам бакалавриата, магистратуры, аспирантам экономических специальностей, научным работникам, а также всем интересующимся вопросами финансов предприятий.

Косыгина К.Е. Некоммерческий сектор в экономике региона (2022): монография / под науч. рук. А.А. Шабуновой. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 207 с.

Монография посвящена теоретико-методическим вопросам развития некоммерческого сектора в региональной социально-экономической системе. Исследованы социально-экономические предпосылки и систематизированы концептуальные подходы к формированию некоммерческих организаций, выделены этапы развития сектора. Определены место и роль некоммерческого сектора в структуре региона как самостоятельной подсистемы. Уточнены и обобщены методологические подходы к оценке эффективности работы некоммерческих организаций. Выполнен анализ тенденций социально-экономического развития федеральных округов и регионов Северо-Западного федерального округа и изучено текущее состояние некоммерческого сектора в регионах с точки зрения методологии демографии организаций. Представлен и апробирован методологический инструментарий, отражающий экономическую значимость социально ориентированных некоммерческих организаций в развитии региона, при этом учитывающий особенности их деятельности. Выявлены факторы, оказывающие воздействие на развитие регионального некоммерческого сектора. Разработаны и предложены инструменты совершенствования государственного управления некоммерческим сектором в российских регионах на основе межсекторного социального партнерства.

Книга адресована специалистам органов управления, научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений экономической направленности, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы развития некоммерческого сектора.

Печенская-Полищук М.А. Бюджетный потенциал региона (2022): учеб. пособие. Вологда: ВолНЦ РАН. 94 с.

Учебное пособие ориентировано на комплексное исследование основ формирования бюджетного потенциала региона. В пособии емко и доступно изложены теоретико-методологические аспекты изучения бюджетного потенциала в контексте стимулирования экономического роста региона; общие проблемы теории и практики формирования налогового и неналогового потенциалов; особенности предоставления межбюджетных трансфертов и привлечения заемных ресурсов в бюджетную систему в России и зарубежных странах; исследованы социально-экономические факторы формирования бюджетного потенциала региона.

Книга может быть рекомендована обучающимся магистратуры, аспирантам экономических специальностей, научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, слушателям курсов дополнительного образования, специалистам финансовых органов управления, а также всем интересующимся вопросами формирования бюджетного потенциала региона и его элементов.

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений (2022): мат-лы VII междунар. науч.-практ. интернет-конф. (г. Вологда, 28 марта – 1 апреля 2022 г.) / Вологда: ВолНЦ РАН. 730 с.

В сборнике представлены статьи VII международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей на площадке Вологодского научного центра РАН с 28 марта по 1 апреля 2022 года. В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы, юристы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. Диалог исследователей был нацелен на поиск эффективных форм адаптации общества и государства к новой социальной реальности в контексте современных глобальных вызовов, в том числе сформированных в период пандемии коронавирусной инфекции. Обсуждение вопросов конференции проходило в пяти тематических секциях: «Современные демографические вызовы в условиях пандемии», «Гуманитарная политика государства в новой социальной реальности: опыт пандемии COVID-19», «Экономика регионов и глобальные вызовы: уроки пандемии», «Проблемы и перспективы развития рынка труда и занятости населения в эпоху глобальной нестабильности», «Гражданская самоорганизация в условиях пандемии COVID-19: новые вызовы и возможности».

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социально-экономического развития России.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2022 ГОДУ

	№	Стр.
ОТ РЕДАКЦИИ		
Ускова Т.В. К читателям. В фокусе внимания проблемы территории	1	7–9
Ускова Т.В. К читателям. В поисках источников развития территорий	2	5–6
Ускова Т.В. К читателям. Стратегически важные задачи территорий на новом этапе развития России	3	5–7
Ускова Т.В. Разработки отечественных ученых в практику регионального управления	4	7–9
Ускова Т.В. К читателям. Новые подходы к решению проблем российских территорий	5	7–9
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ		
Белехова Г.В. Тенденции монетарного неравенства в регионах Северо-Западного федерального округа в 2015–2020 годах	3	24–41
Бухвальд Е.М. Муниципальное пространственное стратегирование: особенности и основные задачи	3	8–23
Дружинин П.В., Курило А.Е., Морошкина М.В. Развитие муниципалитетов побережья Белого моря	2	7–22
Изотов Д.А. Взаимосвязь Дальнего Востока России с отечественным и зарубежным рынками (на примере торговых взаимодействий)	6	44–60
Колечков Д.В., Тимушев Е.Н. Отрасль строительства в регионах России: состояние, факторы и следствия	1	43–61
Кузнецова Е.П., Устинова К.А. Производственная кооперация как фактор развития экономики старопромышленных регионов	2	40–56
Леонидова Е.Г., Кудревич А.Ю. Оценка временной доступности придорожного сервиса в регионе в контексте роста потребления туристских услуг	5	39–56
Мальшев М.К. Значение цветной металлургии для социально-экономического развития России и ее регионов	6	29–43
Палкина Д.С. Ключевые показатели оценки потенциала крупных предприятий цветной металлургии в России	4	27–46
Патракова С.С. Оценка внутрирегиональной асимметрии сельскохозяйственного производства Вологодской области	1	27–42
Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В. Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций	6	7–28
Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. «Большой Саров»: о не самых очевидных стратегиях развития моногородов	1	10–26
Юревич М.А. Кооперация университетов и бизнеса как фактор формирования технологического суверенитета	4	47–60
Якушев Н.О. Оценка высокотехнологичного экспорта в субъектах РФ и предложения по его развитию	2	23–39
ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ		
Кириллова С.А., Атаева А.Г. Проблемы организации особых экономических зон туристско-рекреационного типа в регионах России	1	62–79
Сидоров М.А. Об ускорении роста экономики российских регионов на основе развития межрегиональных цепочек создания стоимости	5	10–23
Шалимов В.О., Янков К.В. Использование результатов государственной кадастровой оценки для экономического анализа	4	10–26
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ		
Воробьева И.Н. Социальное участие: новые ракурсы измерения	2	73–92
Воропаева А.В., Коростелева Л.Ю. Социологическая интерпретация социального моделирования региональных неравенств России (теоретические подходы)	6	149–164
Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., Мигранова Л.И. Поведенческие факторы образовательной траектории в обеспечении кадровых потребностей региона	5	88–109
Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. Типологизация и социально-экономические аспекты формирования демографического старения населения регионов России	4	98–110
Захаров Н.Г. Уровень жизни населения региона в кризисные периоды	6	134–148
Короленко А.В. Влияние смертности от коронавирусной инфекции на продолжительность жизни населения регионов России	3	56–74
Леонидова Г.В., Басова Е.А., Рассадина М.Н. Кластерный анализ доходного неравенства населения российских регионов	6	94–114

Нацун Л.Н. Особенности инвалидности населения Вологодской области в 2017–2021 гг.	1	93–109
Недосека Е.В. Экологическая повестка в сознании жителей промышленных субъектов Арктической зоны РФ	1	80–92
Пиньковецкая Ю.С. Региональные особенности гендерной структуры профессорско-преподавательского персонала российских вузов	3	75–87
Попова Л.А. Уровень и структура рождаемости населения Республики Коми: факторы, тенденции, перспективы	6	77–93
Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарева О.А. К вопросу построения рейтинга регионов по целевым индикаторам результативности семейно-демографической политики	4	80–97
Секушина И.А. Качество городской среды крупных городов Вологодской области	4	111–135
Туракаев М. С., Баймурзина Г. Р. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана	6	
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ		
Артамонова А.С. Социальное предпринимательство как инновационный фактор развития территории	5	73–87
Грачев С.А., Быкова М.Л. Энтропийный подход к оценке уровня цифровизации в Российской Федерации	1	42–55
Иванов С.Л., Кузнецова Е.П. Региональная дифференциация развития инновационного предпринимательства в России	4	61–79
Усков В.С. Стимулирование инновационной деятельности – задача государственной важности	6	61–76
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ		
Файберг Т.В., Гордеев В.В. Тенденции долговой устойчивости регионов Сибирского федерального округа	5	57–72
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ		
Леонов С.Н. Перспективы реформирования местного самоуправления в свете законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»	5	24–38
ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ		
Лебедева М.А. Барьеры перехода к «Zero Waste» в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в регионах СЗФО	5	110–123
Лебедева М.А. Проблемы декарбонизации экономики России	2	57–72
ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ		
Устинова К.А. Анализ предпринимательской деятельности с позиций стимулов и барьеров	6	164–184
МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ		
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2021 году	1	121–129
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2022 года	2	104–112
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2022 года	3	99–108
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2022 года	4	147–156
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2022 года	5	135–144
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2022 года	6	195–203
Мониторинг экономики: ноябрь 2021 года	1	110–120
Мониторинг экономики: итоги 2021 года	2	93–103
Мониторинг экономики: март 2022 года	3	88–98
Мониторинг экономики: май 2022 года	4	136–146
Мониторинг экономики: июль 2022 года	5	124–134
Мониторинг экономики: сентябрь 2022 года	6	185–194

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.11.2022.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24.99. Тираж 500 экз. Заказ № 59
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru